СОФЬЯ ПАЛЕОЛОГ

Татьяна Матасова

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

СОФЬЯ ПАЛЕОЛОГ Т. Матасова

ЖЗЛ

Жизнь ® замечательных людей

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1791

(1591)

Татьяна Матасова

СОФЬЯ ПАЛЕОЛОГ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2016

УДК 94(47)(092)“14”
ББК 63.3(2)43
М 33

знак информационной продукции 16+

ISBN 978-5-235-03892-9

© Матасова Т. А., 2016
© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

Историк, стремящийся воссоздать образы выдающихся женщин эпохи Средневековья, оказывается в непростом положении. История этого времени – в большой степени история мужчин. И дело вовсе не в том, что жены, сестры и матери в ту пору были полностью в тени своих мужей, братьев и сыновей. Известно, что женщины Древней Руси испокон веков обладали значительными имущественными правами и юридически не были полностью зависимы от своих близких[1]. Проблема в том, что долгое время женщины едва ли играли существенную роль в жизни государства *сами по себе*. Подчас кажется, что они поэтому и не действовали. По представлениям той поры, зазорным почиталось «всякое обстоятельство, где женская личность приобретала какой-либо общественный смысл»[2].

Впрочем, к гендерной истории вообще стоит относиться с осторожностью. По мнению известного французского медиевиста Жоржа Дюби и его коллеги Мишеля Перро, сама «идея о том, что женщины как таковые являются объектом истории, должна быть отвергнута с твердостью»[3]. Другое дело – попробовать рассмотреть условия, в которых находились женщины, изучить их «действия, слова и молчание»[4], попытаться воссоздать картину эпохи через женские образы.

Одной из самых ярких женщин в истории средневековой Руси была Софья Палеолог – вторая жена великого князя Московского Ивана III (1462–1505). Ее имя окутано легендами и домыслами. Чего только не приписывали влиянию Софьи при московском дворе! Будто бы она посове-

товала Ивану III покончить с унизительной зависимостью от Орды, ввести утонченные греческие и европейские обычаи при дворе, пригласить лучших мастеров для перестройки Московского Кремля! И будто бы это она отравила наследника престола – князя Ивана Молодого, сына Ивана III от его первой жены Марии Тверской!..

Но историку при работе с легендами стоит быть начеку. Сомнения в значительной и даже определяющей роли Софьи в жизни нашей страны высказал еще на рубеже XIX–XX веков знаток российских древностей В. И. Савва. Он подчеркивал, что Иван III «был выдающимся политиком, что его крупные политические дела не представляются следствием только влияния на него Софьи; поэтому следует осторожно относиться к показаниям некоторых современников и близких к ним по времени свидетельствам, широко, но не всегда определенно рисующим сферу влияния Софьи на ее супруга. В противном случае силуэт Софьи затемнит облик наиболее выдающегося политика из племени Калиты»[5].

Но оставим пока дискуссии о роли Софьи в истории России. Ее биография интересна и по другим причинам. Образ Софьи Палеолог принадлежит истории трех миров – русского, греческого и итальянского. Софья была племянницей последнего византийского императора Константина XI Палеолога, героя обороны Константинополя 29 мая 1453 года. В тот день город был взят турецким султаном Мехмедом II Фатихом («Завоевателем»). Младший брат Константина XI и отец Софьи – Фома Палеолог – управлял землями Северо-Западного Пелопоннеса (Мореи). После захвата турками этой византийской провинции в 1460 году Фома бежал с семьей на остров Корфу, принадлежавший тогда венецианцам. Затем он, а позже и выжившие члены его семьи отправились в Рим. В Вечном городе родилась идея выдать Софью замуж за великого князя Московского.

Брак Ивана III с Софьей Палеолог сыграл свою роль в упрочении связей Русского государства с Европой и особенно с государствами Апеннинского полуострова. «Итальянская жена» Ивана III твердо занимает свое место в ряду «итальянских жен» других европейских правителей той эпохи. Так, супругой польского короля Сигизмунда I (1467–1548) была миланская герцогиня Бона Сфорца, будущий император Священной Римской империи Максимилиан (1459–1519) был женат на Бьянке Марии Сфорца, а

французский король Генрих II Валуа (1519–1559) – на знаменитой Екатерине Медичи.

При перемещении из греко-итальянского мира в мир русский героиня этой книги невольно сменила имя. По-гречески ее звали, по-видимому, *Зоя* – Ζωή, что в переводе с греческого означает «жизнь». Этим именем называли ее и в Италии[6]. *Софией* (от греч. Σοφία – мудрость) ее именуют только русские источники. И лишь однажды на страницах одной из летописей она названа экзотичным для Московского государства именем Зинаида[7].

О тайне имени А. Ф. Лосев заметил: «...имя есть жизнь... только в слове мы общаемся с людьми и природой... только в имени обоснована вся глубочайшая природа социальности во всех бесконечных формах ее проявления»[8]. Чуть раньше об именах писал отец Павел Флоренский. Широко известно его высказывание о том, что «имя – это тончайшая плоть, посредством которой объявляется духовная сущность»[9].

По наблюдениям П. Флоренского, «этимологически σοφία отнюдь не есть *мудрость* в современном смысле слова, как преисполненность чистым созерцанием и теоретическим ве́дением. Если бы задаться передачей слова σοφία на наш современный язык, то наиболее правильно было бы сказать "художество" в смысле зиждительной способности, воплощение идеального замысла в конкретном мире...». Мыслитель отмечал, что «София сознает себя несущей миссию... София *властна* и полагает, что власть по природе, по складу ее личности должна принадлежать ей. София берет власть как свое и делает это с незапятнанной совестью, потому что рука ее никогда не дрогнет от сомнения, правильно ли это... Это самоощущение Софией себя как власти настолько живо и ярко в ней, что всякое непризнание ее власти окружающими вызывает внутренний протест... София распорядительна, устроительна, обладает умением жить и организовывать жизнь, в это упорядочение жизни она вносит и искусство, и науку, которыми занята и к которым способна... Софии присуща твердость в смысле "ангельская крепость"... она "Царь-Девица"...»[10].

Удивительное дело: П. Флоренский в этом рассуждении словно наметил главные вехи классических представлений о Софье Палеолог. Между тем ученый писал вовсе не о ней, размышляя лишь об имени как таковом, об имени как «словесном организме», в котором весьма сложным образом сконцентрирован «опыт веков»[11].

В России XV–XVII столетий имя *София* обычно писалось и звучало как *Софья*. Такая тенденция заметна и в более позднее время: вспомним Софью из «Горя от ума» или супругу Л. Н. Толстого Софью Андреевну. На страницах этой книги во избежание путаницы мы будем всегда называть главную героиню *Софьей*, поскольку именно такое произношение и написание более всего характерны для современного русского языка.

* * *

Загадочный силуэт Софьи Палеолог издавна притягивал ценителей старины. Ее образу уделяли внимание Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, Ф. И. Успенский и другие выдающиеся историки. Но круг русских источников, содержащих сведения о ее жизни, все же довольно ограничен. Итальянские архивы XV столетия сохранились лучше российских. В конце XIX века католический священник из Петербурга Павел Пирлинг в поисках документов, свидетельствующих о судьбе Софьи и о сношениях Москвы с римскими папами, провел немало времени в хранилищах рукописей многих городов и монастырей Италии. Под сумрачными сводами готических соборов, среди строгой роскоши ренессансных библиотек и мрачноватой помпезности барочных дворцов он нашел множество источников, проливших свет на сюжеты, связанные с судьбой Софьи. Его перу принадлежит обстоятельная работа, повествующая о браке «византийской принцессы» с московским правителем[12]. Это было первое и долгое время единственное крупное исследование о Софье Палеолог.

С той поры, когда П. Пирлинг путешествовал по Италии, прошло много лет. Сегодня в распоряжении ученых куда больше сведений о России и итальянских государствах XV века. Тысячи страниц написаны и о Московской Руси, и об итальянских гуманистах, и о греках, бежавших от турок в Европу. Ряд письменных источников и памятников материальной культуры, не известных ни П. Пирлингу, ни его русским современникам, дал возможность по-новому взглянуть на различные сюжеты, связанные с Софьей.

В последние десятилетия образ великой княгини вновь оказался в центре внимания. С одной стороны, им заинтересовались маститые историки, скрупулезно проработавшие археологический материал[13], с другой – дилетанты, в трудах которых немало погрешностей. Последнее обсто-

ятельство и подтолкнуло к созданию развернутой научной биографии великой княгини.

В отличие от некоторых просвещенных женщин Запада XV–XVI веков Софья не оставила мемуаров. Единственная группа текстов, к созданию которых она могла иметь отношение, – это ее письма в Литву дочери Елене. Но они – за редким исключением! – носят официальный, а не личный характер. Почти полное отсутствие письменных источников личного происхождения, связанных с Софьей, не дает возможности постичь ее душевные переживания и разгадать мотивы многих ее поступков. Но все же можно попытаться воссоздать ее образ, обратившись к той исторической обстановке, в которой ей довелось жить.

Чтобы хоть немного понять Софью, стоит пристально вглядеться как в настроения ее близких, так и в масштабные перемены, происходившие во второй половине XV века в Старом Свете. Особого внимания в связи с этим заслуживают сюжеты из истории России и итальянских государств. В обоих регионах в той или иной степени чувствовалось влияние греческих эмигрантов, потерявших свою землю, но сохранивших воспоминания о ней. Охарактеризовать Софью и оценить степень участия великой княгини в истории Московской Руси невозможно без изучения ее окружения и тех явлений, к которым она была – или *не была* – причастна.

Людей XV века отличало стремление к персонификации окружающего мира: конкретные события нередко виделись им следствием воли определенных лиц, а не результатом длительных процессов. Отдельные герои прошлого могли восприниматься обществом как воплощения добродетелей или пороков. Подобные воззрения обусловили «символизм» образа Софьи, как он запечатлен в источниках, а также его неразрывную – и нередко мнимую – связь со многими явлениями эпохи. Где же грань между ее реальными действиями и всем тем, символом чего она стала? Как именно были связаны с ней главные проблемы и противоречия эпохи? Книга, которую читатель держит в руках, представляет собой попытку ответа на эти вопросы.

* * *

Считаю своим приятным долгом выразить сердечную благодарность всем, кто способствовал моему исследованию. В первую очередь речь идет о моем учителе –

Н. С. Борисове, который сподвиг меня на написание книги о Софье и оказал неоценимую помощь в работе над рукописью. Многими рекомендациями я обязана А. В. Лаушкину, А. А. Горскому, Б. Л. Фонкичу, О. Ф. Кудрявцеву, М. Б. Плюхановой, А. С. Усачеву, Л. В. Мошковой, С. В. Полехову, Ю. С. Белянкину, М. В. Грацианскому, Г. М. Воробьеву, Н. А. Зяблицыной, А. Е. Тарасову, Л. П. Горюшкиной, Т. А. Опариной, Е. А. Наумовой, Д. А. Петрову.

Эта книга не была бы написана и без постоянной поддержки со стороны моей большой семьи и особенно мужа. Свою работу посвящаю родителям.

Глава 1

ГИБЕЛЬ ИМПЕРИИ

Хощу глаголати повесть, еже не точию человекы, но и нечювьственое камение и самыа стихиа творит плакати и глаголати и рыдати... еже о разорении и запустении царствующаго града от безбожных турок[1].

Хронограф редакции 1512 года

Когда родилась Софья?

Софья Палеолог родилась в Морее – провинции Византийской империи, расположенной на полуострове Пелопоннес. Пожалуй, это то немногое, что можно утверждать о ее рождении с определенностью. Остальное – в области предположений.

По всей видимости, местом ее рождения были Патры или Леонтарион (Леондари) – последние резиденции ее отца, Фомы Палеолога[2]. Упоминания о Софье в источниках появляются с середины 1460-х годов. О времени же ее появления на свет у исследователей нет единого мнения. Обыкновенно речь идет или о временном промежутке между 1443 и 1448 годами[3], или о 1456 годе[4].

Расхождение между этими датами довольно существенное. Если принять первую версию, то это будет означать, что Софья родилась *до* 1453 года, когда султан Мехмед II Фатих взял Константинополь, а если вторую, то – *после*. Состояние источников таково, что однозначно установить истину едва ли удастся. Некоторую ясность могут внести лишь косвенные свидетельства.

При исследовании останков великой княгини в 1994 году антрополог С. А. Никитин пришел к выводу, что ее возраст колеблется в пределах от пятидесяти до шестидесяти лет. Эти наблюдения были сделаны на основании степени изношенности зубов ее скелета. Исходя из этого можно принять как позднюю, так и ранние даты ее рождения.

Если предположить, что она родилась в промежутке между 1443 и 1448 годами, то получится, что она выходила замуж за Ивана III, будучи в возрасте от двадцати четырех

до двадцати девяти лет. По меркам XV века даже возраст двадцать четыре года считался далеко не юным, а для рождения здоровых детей – одной из главных задач правительницы – даже опасным. (В России и сегодня можно услышать странный термин «старородящая» по отношению к женщинам старше двадцати пяти лет.) Едва ли великий князь согласился бы взять в жены столь «пожилую даму», пусть и благородных кровей.

Другим аргументом в пользу того, что Софья родилась не ранее 1456 года, является то, что она не упоминается в источниках *до* известий о своих братьях – Андрее и Мануиле. Последний из византийских хронистов, секретарь и друг последнего византийского императора Константина XI, а позже приближенный отца Софьи Георгиос Франдзис – или более привычно на латинский манер Георгий Сфрандзи – сообщил в своей Хронике точные даты появления на свет братьев Софьи. Андрей родился 17 января 1453 года[5], а Мануил – 2 января 1455 года[6]. Первое упоминание о Софье у Сфрандзи относится к весне 1465 года[7]. Известиям Сфрандзи можно доверять. Он писал свое сочинение в конце жизни, будучи монахом ныне не существующей обители Святого Николая на Корфу[8]. Его труд обнаруживает стремление к точности: нередко в рукописи оставлены пустые места для того, чтобы вписать какие-то определенные даты, которые автор хотел предварительно проверить.

Несмотря на эти соображения, есть серьезные аргументы и в пользу того, что Софья родилась всё же *до* падения Константинополя, на рубеже 1440–1450-х годов. Отсутствие ранних упоминаний о Софье у Георгия Сфрандзи можно объяснить тем, что в Византии конца 1440-х годов, с минуты на минуту ожидавшей своей гибели, были новости более значимые, чем рождение второй дочери в семье Фомы Палеолога. (У него была еще старшая дочь Елена, которая родилась около 1431 года. В 1446 году она была выдана замуж за сербского правителя Лазаря III Бранковича. С этого момента Елена фактически не имела отношения к судьбе семьи Фомы.)

Аргументом в пользу более ранней датировки – конца 1440-х годов – служат и свидетельства итальянских источников. В них присутствуют описания Софьи в 1472 году, когда она уезжала из Италии в Москву. Болонские очевидцы со всей определенностью говорили, что на вид ей около двадцати четырех лет. Те же сведения встречаются и в заметках о проезде Софьи через Модену, Виченцу и другие города[9].

Но эти данные носят весьма условный характер: биологический возраст далеко не всегда соответствует внешнему облику. К тому же жители Италии видели невесту Ивана III облаченной в парадные одежды, что вполне могло добавить ей два-три лишних года.

Известно также, что в Риме на протяжении второй половины 1460-х годов ее неоднократно пытались выдать замуж. В ту пору западные аристократки обыкновенно выходили замуж в пятнадцать-шестнадцать лет. Примерно столько и было Софье, если принять раннюю датировку ее рождения. Итак, можно предположить, что Софья родилась на рубеже 1440–1450-х годов.

«Деспот Аморейский»

К родителям Софьи и к обстановке в Византии накануне ее рождения стоит присмотреться внимательнее. Отец Софьи, Фома Палеолог, родился около 1409 года и был младшим из шести сыновей византийского императора Мануила II (1391–1425). По словам выдающегося византиниста Г. А. Острогорского, Мануил II был одной из самых симпатичных фигур этого сложного для Византии времени. Надо сказать, что последние столетия существования империи отличались трагизмом.

В 1204 году в ходе Четвертого крестового похода католическое войско захватило и разграбило Константинополь. После этих событий империя фактически лишилась государственности, превратившись в конгломерат земель под властью представителей европейских династий. Это были так называемые государства Латинской Романии (европейцы нередко именовали Византию *Романией*, то есть Римской империей). Латинскую Романию составляли Латинская империя, Ахейское княжество, Афинская сеньория, Кипрское королевство и владения рыцарского ордена Иоаннитов на Родосе и Додеканесских островах, а также небольшие семейные держания европейских феодалов и разбросанные по территории Восточного Средиземноморья небольшие владения, захваченные венецианцами[10].

Вопреки воле латинян в Малой Азии образовались и греческие государства – Трапезундская и Никейская империи. Силами никейского правителя Михаила VIII Палеолога удалось частично восстановить Византию: в 1261 году латинские власти были изгнаны из Константинополя. Однако, несмотря на этот успех, Византия из великой державы пре-

вратилась во второстепенное государство Восточного Средиземноморья.

К началу XV столетия Константинополь был наполовину разрушен. Строения старого императорского дворца оставались заброшены, отдельные районы города заросли дикими розами, в которых пели соловьи[11]. Путешественников поражала бедность, в которой жили горожане. Территория империи сократилась в несколько раз. «Императорский город был теперь тождественен империи, ибо за исключением Мореи византийцы более ничем не владели на континенте, кроме собственной древней столицы, которая лишь крепости своих стен была обязана тому, что, окруженная турецкими владениями, еще могла влачить свое существование. Однако она обнищала и запустела: число жителей сократилось до 40–50 тысяч...»[12] Для сравнения заметим, что до захвата Константинополя крестоносцами численность населения этого самого большого города Европы вместе с окрестными жителями составляла около миллиона человек[13].

В эпоху Мануила II и его сыновей вторым по значению городом империи стала расположенная в центре Пелопоннеса Мистрá. Еще в 1249 году латинский правитель Гийом Виллардуэн построил здесь замок на высокой скале. Эта крепость находилась в нескольких километрах от древней Спарты[14]. После 1460 года, когда турки захватили Пелопоннес, Мистра пришла в упадок, но продолжала жить. Город был окончательно разрушен в 1825 году в ходе греческой борьбы за независимость*.

Древняя Мистра – уникальный памятник Греции. В начале XX века французский искусствовед Габриэль Милле совершил поездку в Мистру и изучил ее сохранившиеся памятники поздневизантийского периода. Итогом этой работы стал огромный атлас с видами величественных руин греческих храмов и дворцов XIV–XV столетий[15]. Сохранившиеся настенные росписи изображают славящих Господа ангелов, преображенных Божией благодатью святых и суровых ветхозаветных праотцев. На каменных руинах вырезаны изображения райских птиц и цветов. В Мистре всё напоминает о далекой и таинственной жизни, которая прошла, но которая была...

Именно погибшая Мистра и стала центром Мореи – византийских владений на Пелопоннесе. Долгое время отец

* Современный городок Мистра находится в нескольких километрах от старинных развалин.

Софьи Фома Палеолог был одним из правителей этой области. В первой половине XV века власть над различными частями Мореи делили между собой младшие дети императора Мануила II – Феодор, Константин, Димитрий и Фома. Все они носили титул деспотов. «Деспотом Аморейским» в конце XV века назовут отца Софьи Палеолог русские летописцы. Восточная часть Пелопоннеса (с Мистрой) принадлежала до 1443 года Феодору, затем, до 1448 года, – Константину (в этот год Константин стал императором) и позже, в 1449–1460 годах, – Димитрию. Северо-западные же области Мореи после 1430 года находились под управлением Фомы. Морея формально не имела автономии по отношению к Византии, однако современники отмечали относительную независимость этой области с политической точки зрения[16].

Византийская Морея граничила на Пелопоннесе с Ахейским княжеством, которое представляло собой одно из «франкских» государств Латинской Романии. После восстановления Византии Михаилом VIII Ахайя осталась единственным сильным государством крестоносцев на ее бывшей территории. Морейские правители стремились завоевать эту землю, чтобы восстановить прежнюю территорию Византии, насколько это было возможно. Один из братьев Фомы, будущий император Иоанн VIII, часто посещал Мистру. Он участвовал в военных действиях против Ахайи, которой в то время управлял выходец из генуэзского купеческого рода Чентурионе Цаккариа (Заккариа). Это почти удалось в 1417 году, когда Чентурионе был осажден в важнейшем порту Пелопоннеса – Халандрице (Кларенце), куда он бежал из столицы Ахайи Андравиды. Однако враждебная позиция Венеции по отношению к грекам помешала Иоанну полностью разгромить «франков».

Окончательное покорение Ахайи совершилось благодаря Фоме. В 1430 году ему удалось пленить Чентурионе, который через два года умер. Фома женился на его дочери Екатерине, которая и стала матерью Софьи и других детей деспота.

В русском документе середины XVI столетия, содержащем отрывок следственного дела знаменитого переводчика и богослова Максима Грека, есть упоминание о том, что Софья Палеолог была по матери из рода «дуксуса Ферарийскаго (герцога Феррары. – *Т. М.*) Италейские страны»[17]. Эти поздние данные не имеют ничего общего с действительностью. Возможно, в таком искаженном виде здесь от-

разились слухи о том, что родственники Софьи Палеолог принимали участие в Ферраро-Флорентийском соборе, о котором речь пойдет ниже. А возможно, здесь слышны и отголоски сведений о том, что у Софьи в Ферраре были дальние родственники. В 1416 году феррарский герцог Никколо III д'Эсте женился на Лауре Малатеста; родственницей Лауры была Клеопа Малатеста, выданная в 1421 году замуж за брата Фомы Палеолога – Феодора[18].

Брак между Фомой и Екатериной стал возможен не только благодаря победам Фомы, но и потому, что еще в 1418 году папа Мартин V официально разрешил латинским принцессам выходить замуж за Палеологов при условии сохранения ими католической веры[19]. Наверное, именно то, что у Фомы была жена-католичка, способствовало в дальнейшем его всё большей ориентации на Запад, и в первую очередь на Рим, где он и закончил свои дни.

Покорение Ахайи стало важной вехой в поздней истории Византии, одним из ее последних успехов. С той поры, «за исключением венецианских колоний Корона и Модона на юго-западе Пелопоннеса, а также и Навплия и Аргоса на востоке, весь полуостров находился под греческой властью. Борьба между греками и франками, которая началась здесь во времена Михаила VIII и велась с тех пор без перерыва, окончилась накануне турецкого завоевания победой греков»[20].

Итак, Ахайя стала ядром морейских владений Фомы Палеолога, которые граничили с венецианскими землями на Пелопоннесе. Фома предъявил претензии на семь замков, защищавших венецианские порты Корон и Модон с суши и по побережью[21]. Это был серьезный вызов, поскольку Корон и Модон были важнейшими опорными пунктами по пути в причерноморские фактории Светлейшей республики. «Венецианцы называли Корон и Модон *oculi capitalis* – главными очами республики на Леванте (в Восточном Средиземноморье. – *Т. М.*)»[22]. Здесь перераспределялись товары, перевозимые венецианскими кораблями; моряки обменивались сведениями о пиратах и другой необходимой информацией, связанной с безопасностью путешествия. О большом значении Корона и Модона говорит и то, что здесь устанавливались нормы взимания фрахта – платы за использование судна, в том числе за перевозку грузов на нем[23].

Особых успехов в овладении территориями вокруг Корона и Модона Фома не достиг, однако своей настойчивостью он сильно испортил отношения с Венецией. Позже это сыграет с ним и его семьей злую шутку.

Турецкая угроза

И все же к началу XV века главным врагом Византии – а значит, и Мореи – были не франкские правители Ахейского княжества и не венецианцы, а турки. Они окружили остатки могущественной империи и с запада, и с востока. К концу XIV века турки уже захватили многие балканские государства и стремились покорить Ромейскую державу.

История турецких завоеваний уходит в глубину веков. В конце XI столетия в центре Анатолии турки-сельджуки образовали Конийский султанат, сразу же ставший угрожать Византии. В 1176 году турки нанесли сокрушительное поражение византийской армии в битве при Мириокефале. Эта победа дала возможность туркам почти беспрепятственно продвигаться по Анатолии. В середине XIII столетия на турок обрушились монголы, и турки признали вассальную зависимость от них. Это способствовало дроблению их страны и появлению мелких государственных образований, так называемых бейликов (эмиратов). Один из них, Османский бейлик, стал колыбелью будущей империи.

На протяжении XIV века византийские императоры, как кажется, не имели однозначного мнения о том, какую тактику избрать в отношении турок. Наряду с военными столкновениями имели место династические браки между османскими правителями и членами византийского императорского дома. Так, Иоанн V Палеолог в середине XIV века выдал свою дочь Ирину за предполагаемого наследника Османского бейлика Халила в надежде, что позже османские и византийские земли объединятся. Этим планам не суждено было сбыться: Халил не стал правителем османов.

Между тем в 1362 году турки под предводительством Мурада I, принявшего титул султана, захватили Адрианополь – город, ставший плацдармом для их дальнейшего наступления в Европу. Мурад I перенес туда свою столицу. В 1389 году произошла трагическая для сербского народа битва на Косовом поле. Победа турок означала покорение Сербии. В 1393 году турки захватили Тырново – столицу Болгарского царства.

Европейские правители были всерьез обеспокоены появлением вблизи их владений столь агрессивного соседа. Однако совместный крестовый поход против турок не имел успеха. Объединенные силы венгерских, чешских, немецких и французских рыцарей были разбиты в битве при Никополе в 1396 году. Османы укрепились на Балканах и поставили

одной из своих главных целей окончательный захват Византии. Разгром турецкой армии войсками Тимура (Тамерлана) при Анкаре в 1402 году лишь ненадолго охладил их воинственный пыл. Однако это поражение способствовало продлению жизни Византийской империи.

В 1422 году султан Мурад II осадил Константинополь. Город не был завоеван только из-за мятежа его брата Мустафы. Эта неудача, однако, не помешала Мураду II в 1423 году опустошить Морею и едва не захватить Мистру. Возведенные на Пелопоннесе императором Мануилом II стены – Гексамилион (Эксамилий) – были разрушены. Согласно договору 1424 года между султаном и императором Византия была обязана выплачивать султану ежегодную дань. Это был первый по-настоящему серьезный набег турок на Морею. Следующий случился в 1446 году, и восстановленные с большим трудом стены опять не смогли спасти страну. Вновь султан обязал греков платить дань, мирные поселения были опустошены, тысячи людей угнаны в рабство.

Мануил II, отец Фомы и дед Софьи, просил денежной и военной помощи против турок у правителей Европы, вчерашних врагов своего отечества. Он обращался и к папе римскому, и к венецианскому дожу, и к королям Англии, Франции и Арагона. Ради спасения своей империи Мануил II пошел на заключение брака между своим сыном Феодором и западной аристократкой Клеопой Малатеста[24]. Именно Феодора папа Мартин V мечтал видеть императором греков.

Мануил II был не первым императором ромеев, просившим помощи у Запада. Один из его предшественников, Иоанн V Палеолог, в 1360-е годы совершил утомительное путешествие по Европе длиной в несколько лет, умоляя многих королей оказать поддержку Византии. «Впервые византийский император отправился за границу не в качестве полководца во главе армии, а в качестве ищущего помощи просителя», – писал об этом Г. А. Острогорский[25]. Облаченный в пурпурные одежды и не терявший собственного достоинства, поражавший европейцев утонченными манерами, Иоанн V везде находил пышный прием. Когда он прибыл в Париж, французский король Карл VI заново отделал для его резиденции крыло Луврского дворца, а профессора Сорбонны мечтали об аудиенции[26]. Тем не менее никакой реальной поддержки Иоанн V не получил. Ему не помогло даже то, что он в угоду Европе принял католическую веру. Этот шаг не только не сблизил Византию и Ев-

ропу, но и был осужден жителями империи, истово хранившими верность православию.

В 1398 году жители Константинополя, которые «в нужде и несчастье томятся в осаде турецкой»[27], обращались через ставленника Константинопольской патриархии митрополита Киевского Киприана даже к московскому князю Василию I. В отличие от западных христиан русские не остались равнодушны к беде греков. Несмотря на то что сами они уже полтора столетия находились в тяжелой зависимости от Орды, не только московский князь, но и князья некоторых других русских земель пожертвовали средства для жителей Царьграда. Эти деньги вместе с теми, что были собраны самим Киприаном в церквях и «на манастырехъ», были посланы в Константинополь. В знак благодарности «царь (византийский император. – *Т. М.*) и патриарх и вси людие... много хваление и благословение всылаху Руси, и послаша поминокъ (подарков. – *Т. М.*) великому князю и благословение, икону чюдну, на нейже бе написанъ Спасъ въ белоризцехъ»[28]. Этот образ был помещен в Благовещенском соборе Московского кремля.

Надо полагать, Мануил II всерьез рассчитывал на поддержку Василия I в борьбе с османами. В 1415 году одиннадцатилетняя дочь Василия I Анна была отдана замуж за старшего сына Мануила – Иоанна (будущего императора Иоанна VIII)[29]. Этот брак, однако, был недолгим: в 1418 году русская княжна умерла от эпидемии чумы, опустошившей Константинополь[30], и Мануилу II вновь пришлось искать супругу для сына. Ею стала итальянская аристократка София Монферратская.

Несмотря на то что в конце XIV столетия Запад не оказал помощи Византии, императоры продолжали надеяться на поддержку европейских государей, и в первую очередь папы римского. Однако позиция папы была однозначной: чтобы получить помощь, византийцы должны перейти под его духовную власть, то есть исповедовать христианство не по восточному («греческому»), а по западному («латинскому») образцу. Для понимания трагизма этой ситуации необходимо совершить краткий экскурс в историю Церкви.

* * *

Католицизм и православие представляют собой два течения христианства, оформлявшихся на протяжении нескольких веков. Противоречия между двумя конфессиями

носят как богословский и бытовой, так и вероучительный характер[31]. В огромной степени раскол был предопределен притязаниями римских пап на абсолютное и единоличное господство над всем христианским миром. Папы считали это возможным, поскольку являлись прямыми наследниками апостола Петра, который, как известно, проповедовал в Риме.

Главным отличием католического Символа веры от православного является присутствие в нем тезиса о том, что Святой Дух исходит не только от Бога-Отца, но *и от Сына* (*filioque*), то есть от Иисуса Христа. Не менее серьезным расхождением является так называемый спор «об опресноках», как его именует русская традиция. Суть его в том, что просфоры – хлеб, используемый для приготовления Причастия, – в православной церкви готовят из дрожжевого теста, поскольку оно живое, а значит, более походит на плоть Спасителя, Который, преломив хлеб во время Тайной вечери, сказал Своим ученикам: «Приимите, ядите: сие есть Тело Мое» (Мф. 26:26). Католики же используют бездрожжевое («пресное») тесто, поскольку хлеб из такого теста был на Тайной вечере. Кроме того, существенно различаются и многие таинства (обряды) двух конфессий.

Разделение между церквями произошло после событий 1054 года. Тогда в Константинополь к патриарху Михаилу Керуларию прибыли представители папы римского Льва IX. Переговоры затянулись, Лев IX не дожил до их окончания. После его смерти глава уже не совсем правомочного римского посольства кардинал Гумберт Сильвакандидский составил документ, который предавал анафеме (проклятию) Михаила Керулария, и в грубой форме представил его в соборе Святой Софии. В ответ на это Михаил Керуларий предал анафеме римских представителей[32]. Это взаимное проклятие было практически не замечено современниками, однако его последствия проявились через несколько десятилетий. Они стали очевидны после жестокого разграбления Константинополя католиками в 1204 году.

С XI века православная и католическая церкви окончательно отделяются друг от друга. Слово «католическая» означает «всеобщая», «всемирная», тогда как «православная» – «истинная». Исходя из самоназваний конфессий можно понять, что они обе претендуют на полноту веры. Уже в Новейшее время, в 1965 году, взаимные проклятия

были сняты*, но единство христианской церкви не восстановлено до сих пор.

«Великая схизма» (раскол) 1054 года всегда остро переживалась обеими сторонами конфликта. И в католическом, и в православном богослужении есть соответствующие молитвы «о спасении мира и соединении всех», что подразумевает объединение церквей, возвращение к благословенному периоду первых веков христианства, когда церковь не была разделена. Но церковные иерархи с обеих сторон считали, что объединение должно произойти на основе именно их учения, через признание противником всех своих заблуждений. Эта позиция делала конфликт практически неразрешимым.

«Великая неправда»

К 1430-м годам византийские правители и церковные деятели были готовы пойти на серьезные компромиссы в вопросах веры. Возникла идея созвать Вселенский (всеобщий) церковный собор, чтобы обсудить возможность объединения церквей. Некоторые приближенные императора не оставляли надежд на то, что объединение откроет доступ к папским богатствам, столь необходимым в этот критический для Византии период. Собор должен был стать восьмым по счету Вселенским собором. Пикантность ситуации состояла в том, что среди решений предыдущего, Седьмого Вселенского собора 787 года было постановление, согласно которому запрещалось в дальнейшем созывать такие соборы, поскольку истина Христовой веры уже полностью определена. Таким образом, сама идея созыва собора противоречила уставам обеих церквей. Вероятно, это чувствовали русские представители на все-таки состоявшемся соборе, которые позже называли его «суемысленным» и «окаянным». Идею созыва собора одобряли далеко не все деятели и Византийской церкви. Но интересы гибнущего государства, казалось, требовали решительных шагов.

---

* Это случилось в Иерусалиме, на первой после Флорентийского собора 1439 года встрече глав католической и православной церквей. Римскую церковь представлял папа Павел VI, а православную – вселенский патриарх Афинагор I. Последний был одним из лидеров экуменического движения и не скрывал своих симпатий в отношении «латинян», а потому эти важные решения не изменили реального положения дел.

Постановления этого собора оказали решающее влияние на политическую позицию отца Софьи Палеолог и в конечном счете на судьбу будущей великой княгини Московской, а потому следует сказать о нем подробнее.

Собор предполагалось провести в Италии, в Ферраре. Выбор этого города можно объяснить несколькими причинами. Со стороны папы римского Евгения IV выбор был обусловлен тем, что он стремился перенести решение всеобщих вопросов жизни церкви как можно ближе к своей резиденции. В ту пору в Западной церкви было неспокойно: церковные соборы католических иерархов в Констанце и Базеле в первые десятилетия XV века утвердили примат соборных решений над мнением пап, а также отменили ряд сборов в пользу римских первосвященников. Это существенно снижало авторитет папской власти и, естественно, не могло нравиться Евгению IV.

Греки мечтали о соборе в Константинополе. Но из-за бедственного положения, в котором находилась Византия, они не могли проявлять настойчивость. До Феррары же им было сравнительно удобно добираться. Путь от Константинополя до Венеции был давно и хорошо известен, а далее по материку оставалось проехать не так уж много – около ста километров. Созвать собор в самой Венеции не представлялось возможным, поскольку эта морская республика издавна имела серьезные претензии к Византии.

На собор в Феррару прибыли многие выдающиеся деятели христианского мира. Греческую делегацию возглавляли константинопольский патриарх Иосиф II, император Иоанн VIII Палеолог – старший сын Мануила II – и один из братьев Иоанна – Димитрий. По некоторым сведениям, на собор ездил также отец Софьи – Фома. Косвенные свидетельства об этом есть в Хронике Георгия Сфрандзи, а также в сообщениях Перо Тафура – андалузского аристократа и путешественника, оказавшегося в 1438 году в Константинополе[33]. Последний упоминает о *двух* младших братьях Иоанна VIII, отправлявшихся в Италию. Сфрандзи же сообщает, что в Морее Фому готовили к тому, чтобы в 1438 году отправить к императору. Важно, однако, подчеркнуть, что Фома был самым младшим из Палеологов и тогда еще не носил титула *порфирородный* (этим титулом подчеркивалась возможность его будущего воцарения в качестве императора), а потому к руководству миссией не относился.

Среди значимых иерархов Восточной церкви, ездивших на собор, были митрополит Никейский Виссарион, митро-

полит Эфесский Марк Евгеник и митрополит Киевский Исидор. Последний ехал в Феррару не из Константинополя, а из Москвы. Так на соборе выделилась немалая по численности – около ста человек – русская делегация. В нее входили видные церковные деятели из разных русских земель, в том числе епископ Суздальский Авраамий, суздальский иеромонах Симеон, «тверской посол» Фома[34] и др. Долгое время было принято считать, что московский князь Василий II не хотел отпускать русских на собор, но сравнительно недавно было доказано обратное[35]. Русские ехали в Феррару со светлым чувством, они искренне хотели показать латинянам их заблуждения, надеясь убедить их перейти в истинную, православную веру.

В рядах византийской делегации не наблюдалось единства по вопросу объединения церквей (унии). Так, патриарх Иосиф II, император Иоанн VIII и Виссарион Никейский были сторонниками унии. Ярым противником унии показал себя Марк Эфесский. Деспот Димитрий также был настроен против унии. Известно, что он покинул Италию уже в 1438 году, не дождавшись решений собора[36]. Кажется, перед лицом турецкой угрозы Димитрий чувствовал себя увереннее остальных: у него были связи при дворе султана. Забегая вперед скажем, что в 1442 году он предпринял попытку напасть на Константинополь с помощью турецких войск. Императору Иоанну удалось спастись только потому, что ему помог один из братьев – деспот Константин[37].

Феррара не стала местом принятия исторических решений. Вскоре после начала работы собора в город пришла чума – настоящее проклятие Средневековья, и участники срочно перебрались во Флоренцию. Это было на руку папе Евгению IV. Дело в том, что в Италии в ту пору продолжалась многовековая борьба за преобладание в регионе между сторонниками папы римского (гвельфами) и приверженцами германского императора (гибеллинами). Герцог Феррары Никколо III д'Эсте разделял гибеллинские взгляды, тогда как Флоренция была оплотом гвельфов.

Интересно, что участники собора переезжали из города в город не все вместе, а небольшими группами. Во Флоренцию они прибывали постепенно. Сначала в город въехал патриарх Иосиф, через несколько дней – император Иоанн, затем Димитрий, а позже всех Исидор Киевский.

Во Флоренции 1430-х годов уже вовсю цвела ренессансная культура. Узкие и кривые средневековые улочки решили выровнять, чтобы город обрел более гармоничный и упо-

рядоченный облик. Но этот процесс только начинался, а потому русским участникам собора, вероятно, не сразу открылось очарование города. Русские люди, привыкшие к городским деревянным усадьбам с обилием зелени, вероятно, почувствовали себя на улицах «столицы Ренессанса» будто в каменном мешке.

Флоренция встретила церковных иерархов не только с почтением, но и с любопытством. К иностранцам здесь привыкли. Но греки и особенно славяне выглядели для флорентийцев весьма экзотично. О их облике гуманист Веспасиано да Бистиччи написал следующее: «Люди с длинной бородой, опускающейся на грудь, с густыми, косматыми, растрепанными волосами, другие с короткой бородой, с головой, выбритой наполовину, с выкрашенными бровями; многие выглядели так необычно, что даже самый грустный человек при их виде не мог удержаться от смеха»[38].

Длинные бороды греков не только веселили жителей республики, но и напоминали им библейских героев. Искусствоведы не единожды отмечали, что на знаменитой фреске Беноццо Гоццоли «Шествие волхвов» (1459) из капеллы палаццо Медичи-Риккарди во Флоренции в качестве прототипов волхвов были взяты руководители греческой делегации на соборе. Так, Иосиф II стал олицетворением первого волхва, Мельхиора, Иоанн VIII – второго, Бальтазара, а Димитрий – третьего, Гаспара[39]. Выбор этих персонажей свидетельствовал о том, что, по мысли богословов той поры, мудрость христианского Востока пришла на Запад в лице его главных представителей. Яркие, шитые золотом одежды членов восточной делегации выделяются среди запечатленной на фресках Гоццоли густой зелени тосканских садов. Сумрак капеллы будто подчеркивает торжественность приезда византийцев в Италию не меньше, чем тайну изображенной новозаветной сцены.

Устроившись на новом месте, участники собора принялись за работу. Споры о Символе веры и других расхождениях, мешавших унии, велись очень ожесточенно и порой на повышенных тонах. Русская традиция вложила в уста одного из наиболее последовательных противников унии Марка Эфесского даже слова о том, что «латыни не суть христиане»[40]. Едва ли Марк произнес эту фразу, однако его непримиримая позиция была осуждена императором и он, вернувшись из Италии, несколько лет (до рубежа 1442/43 года) провел в темнице.

Глава русской делегации митрополит Исидор традиционно (и справедливо) воспринимается как решительный сторонник унии. Однако в соборных прениях по догматическим вопросам он не всегда принимал сторону католиков. Так, он был противником латинского учения о *filioque* и в этом вопросе поддерживал Марка Эфесского[41]. Но Исидор был убежден, что уния спасет Константинополь. Однажды он произнес: «Подобает нам духовно и телесно соединиться (с латинянами. – *Т. М.*), чем, ничего не добившись, возвратиться. Возвратиться, конечно, можно; но как мы собираемся возвратиться, куда, когда – я не знаю»[42].

Несмотря на серьезное противодействие со стороны православного духовенства (как греков, так и русских), уния была заключена. Многие были вынуждены ее подписать под серьезным давлением со стороны сторонников объединения. Лишь некоторым противникам унии удалось уклониться от ее одобрения[43]. Позже один из участников собора, грек Сильвестр Сиропул, подробно рассказал о многих интригах, существенно влиявших на ход обсуждений различных вопросов, и о том, с каким трудом шло принятие соборных постановлений.

Акт о заключении унии был торжественно оглашен 6 июля 1439 года под недавно возведенным Филиппо Брунеллески куполом собора Санта-Мария дель Фьоре. Документ о соединении церквей был зачитан на двух языках – латинском и греческом – кардиналом Джулиано Чезарини и Виссарионом Никейским.

Любопытно, что все величие нового купола Брунеллески участникам собора явлено не было. Несмотря на то что торжественное освящение собора произошло в 1436 году и тогда же его интерьер был впервые открыт для посещения, купол с внешней стороны еще долго закрывали строительные леса. «В роли главного архитектурного памятника Флоренции собор предстает лишь спустя... два десятилетия, в 1465 году... По-видимому, купол собора не входил в панораму города до тех пор, пока... не открылся взгляду его силуэт»[44].

В итоговых документах собора чувствовалось латинское влияние: «пункт о папском примате получил довольно размытую формулировку, грекам было позволено сохранять свой церковный обряд, однако все спорные вопросы были решены в римском смысле»[45].

Члены русской делегации на соборе по-разному восприняли принятые решения. Некоторые русские предста-

вители лояльно отнеслись к достигнутому единству. Так, тверской посол Фома не только присутствовал на торжественном провозглашении акта унии, но и участвовал в обряде целования рук папы. В Твери в 1440 году был составлен текст, обнаруживающий благожелательное отношение к сторонникам унии. Речь идет о «Слове похвальном инока Фомы», в котором тверской князь Борис Александрович восхвалялся императором Иоанном VIII, Иосифом II и Виссарионом Никейским[46].

Совсем иной была позиция суздальского священника Симеона. Опираясь, по-видимому, на поддержку греческого духовенства[47], он принял мужественное решение противостоять унии. Его перу принадлежит описание деяний собора (так называемая вторая редакция Повести Симеона Суздальца), в котором католики представлены в самом черном цвете.

События лета 1439 года на деле не только не способствовали объединению церквей, но лишь усугубили раскол. Воистину, «византийская культура старательно хранила ценности прошлого и осторожно относилась к настоящему»[48]. Примечательна в этом отношении история о том, как восприняли решения собора английские послы к папе, которые не принимали участия в заседаниях. Они встретили византийцев, ехавших из Флоренции на родину. Греки рассказали им о главных постановлениях собора, и англичане пришли к выводу, что подписанную унию нельзя назвать единством[49].

* * *

Заключенная из политических интересов уния встретила ожесточенное сопротивление в широких слоях византийского общества. Опираясь на свою паству, священники нередко отказывались выполнять решения собора. Византиец Сильвестр Сиропул отметил, что православное духовенство не желало совместно служить не только с теми, кто отстаивал унию, но и порой даже с теми, кто просто ездил в Италию и принимал участие в соборе.

Известны многие случаи, когда население империи стремилось не участвовать в совместных религиозных действах греков и латинян. На Эвбее, когда был устроен совместный крестный ход, православные священники сокрушались о том, что теперь в руках католиков окажутся все их церкви и они не смогут этому противодействовать[50]. Еще более

показательна ситуация в столице, где народ не захотел принимать благословения от нового патриарха Митрофана (бывшего до этого митрополитом Кизическим). Дело в том, что в день хиротонии (поставления) его сопровождал Христофор – латинский епископ Корона. Он ни на шаг не отставал от патриарха и шел справа от него[51]. Символически это означало признание Митрофаном единства двух церквей.

Особая ситуация сложилась в Морее. В северо-западных областях, где правил отец Софьи деспот Фома, заметно лояльное отношение населения к унии[52]. Это было обусловлено не только уже отмеченным нами сочувствием самого Фомы католицизму, но и тем, что земли, которыми он правил с 1430 года, долгое время находились во власти католиков-франков. Этот факт дает право говорить о конфессиональной принадлежности Софьи: она родилась в семье униатов и, соответственно, была по рождению униаткой.

В восточной части Мореи отношение к унии было в целом довольно равнодушным. Одним из немногих последовательных противников унии был Иоанн Евгеник, брат Марка Эфесского. Как и деспот Димитрий, он уже в 1438 году бежал из Италии, чтобы не быть причастным к «великой неправде». Перу Иоанна Евгеника принадлежит «Антирретик» – «единственное в поздне- и поствизантийском мире построчное опровержение *Ороса* (вероучительного определения) Флорентийского собора»[53]. Иоанн Евгеник возлагал надежды на Димитрия, ставшего с 1449 года правителем Восточной Мореи. Известны послания Иоанна Евгеника, обращенные к Димитрию, в которых он стремился побудить деспота изгнать из своих владений епископов-униатов и бороться с самой идеей унии[54]. Сходные надежды на Димитрия возлагал и Сильвестр Сиропул, отмечавший «убежденность... которую деспот всегда имел в отношении православного и отеческого учения»[55].

Поначалу Димитрий действительно боролся против униатов, чем сильно обеспокоил Рим. Но после смерти Иоанна Евгеника (во второй половине 1450-х годов) он уже не проявлял себя сторонником чистоты православия[56]. По всей видимости, позиция Димитрия была обусловлена не столько осознанием истинности православной веры, сколько тщеславием. Димитрий стремился противопоставить себя как императору, так и Фоме, в котором видел конкурента. Их отношения особенно обострились, после того как

в 1448 году Фома был награжден титулом порфирородного[57]. У Фомы с Димитрием была очень небольшая разница в возрасте – всего год. В некоторых источниках они и вовсе названы близнецами. Именно так они часто и воспринимались современниками[58]. Димитрий был честолюбив и жаден до власти, он стремился изгнать Фому с Пелопоннеса и подчинить себе все морейские земли. Заветной мечтой Димитрия было закрепиться в Константинополе. Кроме того, Димитрий относился к той части византийских политиков, которые считали, что лучше покориться туркам, чем пойти на компромисс с католиками.

Подобную позицию разделяли даже некоторые приближенные императора. Так, мегадука (главнокомандующий византийским флотом) Лука Нотарас однажды произнес: «Я предпочел бы увидеть посреди города турецкий тюрбан, чем латинскую митру»[59].

Наиболее решительное сопротивление уния встретила в русских землях. Когда митрополит Исидор вернулся из Флоренции и на богослужении в Москве помянул папу римского, это вызвало взрыв возмущения. Его заточили в кремлевском Чудовом монастыре, позже дав ему возможность бежать в Рим с учеником Григорием[60]. В Риме Исидор стал епископом Сабинским и кардиналом и сегодня почитается католической церковью как святой. В свои римские титулы он всегда добавлял формулу «кардинал русский»[61].

В 1448 году русские епископы самостоятельно избрали главу своей церкви. Им стал митрополит Иона. Так Русская церковь стала автокефальной, то есть независимой от Византии. Этот процесс завершится в 1589 году, когда при Борисе Годунове Русская церковь обретет своего патриарха.

Что приобрела или упустила Россия этим выбором? На этот вопрос сложно ответить однозначно. «Западники» и по сей день полагают, что наша страна упустила возможность стать в стройный ряд европейских государств и примкнуть к их передовой культуре. Бесспорен и тот факт, что Исидор был выдающимся мыслителем своего времени. Специалисты отмечают его широкую эрудицию и духовный потенциал и сокрушаются, что в Москве эти его качества оказались невостребованными. «Гуманистический склад личности митрополита не привлекал, а раздражал и отталкивал русскую церковную и светскую элиту. И здесь уже приходится говорить... об “упущенной выгоде” тех, кому надлежало стать его паствой»[62]. Эти рассуждения

современного историка заслуживают внимания. Тем более что русские церковные иерархи, отмежевавшись от византийских первосвященников, невольно создали условия для постепенного ограничения прав церкви со стороны русских правителей.

Но не стоит торопиться с выводами. Русская церковь изначально ориентировалась на восточный обряд и во многом формировалась как антилатинская. И еще большой вопрос, не привело бы насаждение унии в стране, ослабленной в ту пору и зависимостью от Орды, и распрями внутри московского княжеского дома, к жестоким «религиозным войнам»... Еще важнее другое. В истории России до XV века есть примеры, иллюстрирующие негативные последствия, к которым приводило сотрудничество с латинянами. Так, в середине XIII столетия галицкий князь Даниил понадеялся на помощь папы Иннокентия IV в борьбе с монголо-татарами, разорившими его землю. В 1253 году он принял из рук папы корону и признал его главенство. Однако Рим не помог тщеславному князю, а Галиция в скором времени попала в полную зависимость от Польского государства.

Новгородский князь Александр Ярославич, напротив, вел с латинянами непримиримую борьбу. Будучи добрым православным христианином, Александр Невский осмысливал монголо-татарское нашествие и последовавшее за ним иго в провиденциальном духе: он верил, что Господь деятельно участвует в жизни людей. Князь полагал, что восточные захватчики посланы Богом за грехи русских правителей, враждовавших между собой. Он осознавал, что нужно принять это заслуженное наказание со смирением, чтобы в будущем надеяться на прощение. Ордынцы порабощали тела, но не души людей: ханы поначалу не притесняли церковь. Прибалтийские же рыцари, по мнению князя, напротив, вели борьбу с чистотой веры, а ее потеря означала прямую дорогу в преисподнюю для целого народа. Для людей той поры вопрос о посмертной судьбе имел первостепенное значение. В широкой исторической перспективе выбор Александра Невского оказался верным[63].

Учитывая подобный исторический опыт, говорить об «ошибке» русских, не принявших унию, следует с большой осторожностью.

Возвращаясь к ситуации в Византии, отметим, что ожидаемых результатов уния не принесла. Евгению IV удалось собрать крестоносцев для борьбы с турками, но в 1444 году они потерпели поражение под Варной. Византия не толь-

ко не получила реальной помощи от Запада, но и столкнулась с необходимостью как-то успокоить султана Мурада II. Иоанн VIII Палеолог потратил немало сил на то, чтобы уверить султана, что «переговоры об унии преследовали исключительно религиозные цели»[64]. Между тем Фома Палеолог примкнул к немногочисленным сторонникам унии, что способствовало упрочению его прозападных позиций.

Морейские интеллектуалы

Упадок византийской государственности и неурядицы в церковной жизни не помешали культурному подъему в стране. Крупнейшим культурным центром Византии XV века наряду с Константинополем стала столица Морейского деспотата. Величественные руины Мистры XIV–XV веков свидетельствуют о ее былом значении. Многие обстоятельства способствовали тому, что именно здесь собрались лучшие греческие умы эпохи.

Самым важным из этих обстоятельств были, пожалуй, богословские и политические споры в Византии XIV века, порожденные осмыслением природы Фаворского света. Византийские богословы не могли прийти к однозначному мнению о природе и значении ослепительного сияния, озарившего Иисуса Христа и его учеников на горе Фавор (это событие именуется Преображением Господним). Согласно Евангелию, апостолы Петр, Иаков и Иоанн, которых Иисус позвал взойти с Ним на гору, не смогли видеть величие Божие. Фаворский свет был для них слишком ярок, и они вынуждены были сокрыть от него свои лица.

Вопрос о Фаворском свете неразрывно связан с возможностями богопознания. Какую дорогу следует избрать, чтобы скорее приблизиться к Господу: путь отшельничества и келейной молитвы, через которую Господь по Своей милости может частично открыться человеку, или путь богопознания посредством разума и активных контактов с миром? Сторонники первого, иррационального, мистического подхода – исихасты (от греч. ἡσυχία – спокойствие, тишина, уединение) – группировались вокруг архиепископа Фессалоникийского Григория Паламы (1296–1359). Второй подход отстаивали последователи переселившегося в Византию из Италии калабрийского монаха Варлаама. Варлаам проповедовал идею западного богослова XII века

Пьера Абеляра о том, что «истина только тогда истинна, когда она доказывается исключительно из начала разума»[65]. Эта мысль применялась в первую очередь к непостижимой сущности Всевышнего, поскольку «Господь Бог есть истина» (Иер. 10: 10).

Не будем вдаваться в историю ожесточенных исихастских споров. К середине XIV века они окончились полной победой исихастов. Сторонники рационалистской концепции богопознания не смогли добиться успеха в византийской столице и были вынуждены уехать. Многие из них были знатоками античных рукописей, в том числе трудов Платона и Аристотеля. Так с рубежа XIV–XV веков – задолго до османского завоевания Византии! – начинается миграция ученых греков на Запад[66]. Многие черты мировоззрения греческих интеллектуалов-рационалистов с их стремлением к возрождению античной культуры роднят их с европейскими гуманистами. «Признаками, которые показывают их (греческих рационалистов. – *Т. М.*) духовное родство с (европейскими) гуманистами XV–XVI веков, являются прежде всего страсть к научным знаниям, энциклопедизм, возрождение уже утраченного духовного достояния из античного эллинистического наследия, любовь к книге, стремление выразить свой духовный мир в слове и письме»[67].

Понятие «византийский гуманизм» в науке является предметом дискуссий, однако называть греческих интеллектуалов-рационалистов гуманистами оснований достаточно. Большинство из них нашли приют и были востребованы во многих странах Европы как проповедники греческой античной культуры. Они преподавали греческий язык итальянским гуманистам и знакомили их с наследием древних. Первым учителем греческого языка в Италии раннего Возрождения стал знаменитый Мануил Хрисолор (около 1355–1415), преподававший во Флоренции, Павии и Милане. Среди его учеников были выдающиеся деятели Ренессанса – Колюччо Салютати, Леонардо Бруни и Франческо Филельфо. Позже огромную роль в развитии ренессансного мира сыграет кардинал Виссарион Никейский. К числу греков, не чуждых ренессансных штудий и книжной культуры, относились и представители семьи Траханиотов, приехавшие в 1472 году в свите Софьи Палеолог на Русь, но об этом будет сказано позже и гораздо подробнее.

С начала XV века Мистра становится важным центром «греческого гуманизма». В архитектуре Мистры XV сто-

летия заметно западное влияние. Гуляя по разрушенному городу, сегодня превращенному в огромный музей под открытым небом, дивясь древним оливам, выросшим между домами, можно обнаружить, что за классическими византийскими фасадами крестово-купольных храмов подчас находятся внутренние дворики, оформленные в традициях раннего Возрождения...

В Мистре жили выдающиеся мыслители. Более других известен гуманист Георгий Гемист Плифон – один из главных проповедников эллинизма в Византии. Он представил императору Иоанну VIII проект государственных реформ, основанный на идеях Платона. Конкретные предложения Плифона не были претворены в жизнь, но значение его деятельности для развития европейского гуманизма весьма велико. Например, один из его трактатов вдохновил Медичи на создание знаменитой Флорентийской Платоновской академии, с которой связаны имена видных мыслителей Возрождения: Марсилио Фичино, Кристофоро Ландино, Джованни Пико делла Мирандола, Анджело Полициано и многих других. Среди учеников Плифона был и Виссарион, будущий кардинал, который в 1460-е годы в Риме будет покровительствовать Фоме Палеологу, а после его смерти – его детям.

Накануне катастрофы 1453 года Морея представляла собой чуть ли не самую развитую в культурном отношении часть погибающей империи. Не случайно в конце 1450-х годов у Виссариона возникнет идея возрождения византийской государственности именно на Пелопоннесе. Можно сказать, родители Софьи Палеолог находились в центре духовных исканий греков той поры. Самым сильным впечатлением их жизни, впрочем, были не идеи гуманистов, а события весьма печальные.

29 мая 1453 года

Научите дщери ваша рыданию,
и каяждо искреннюю свою плачу,
понеже взыде смерть сквозе окна ваша...
Иер. 9: 20–21

Последний византийский император, брат Фомы Палеолога Константин XI, вступил на престол в 1448 году при удручающих обстоятельствах. Церемония венчания на цар-

ство предполагала наличие у императора военного щита. Такой щит был отлит для него из серебра, взятого с двери Большого дворца Константинополя. Это была последняя серебряная дверь в здании[68]. Впрочем, с серебром в тогдашней Византии все равно было лучше, чем с золотом: при Константине XI прекратился чекан золотой монеты[69].

Константинополь неуклонно шел навстречу своей судьбе – последней битве с османами. События 29 мая 1453 года, когда произошел штурм древнего города войском Мехмеда II, описаны столько раз и столь подробно, что повторять всё известное об этом страшном для греков и победоносном для османов дне нет смысла. Осветим лишь некоторые моменты.

Падение Константинополя было давно ожидаемым событием: впервые турки появились под стенами византийской столицы в середине XIV века. Иные даже замечают, что «если хорошо подумать, то не является ли самым удивительным в истории (Византийской. – *Т. М.*) империи ее длительность?»[70].

Сопротивление греков было героическим. Константин XI мужественно сражался и сложил голову как доблестный предводитель своего народа. Позже он был канонизирован Греческой церковью. Помощь с Запада так и не пришла, за исключением нанятых на папские деньги двухсот неаполитанских лучников, приведенных в 1452 году в византийскую столицу кардиналом Исидором, бывшим русским митрополитом. Помимо этих наемников на стороне греков сражался отряд из семисот добровольцев под командованием генуэзца Джованни Джустиниани Лонго.

Братья императора Константина, Димитрий и Фома, проявили себя не с лучшей стороны. Они не только не принимали участия в обороне столицы, но и не прислали никакой помощи. За год до трагедии 1453 года предполагалось, что они вместе отправятся на Запад за помощью для империи, но эта миссия не состоялась по причине вражды между братьями за господство над всем Пелопоннесом («...и братия его не успеша, понеже распря велия бе межу ими...»[71] – позже сообщит об этом русский хронист).

Взятие Константинополя повлекло за собой разграбление города и бесчинства турецких воинов. Со времен халифа Омара в мусульманском мире закрепилась определенная традиция отношения к побежденным. Она состояла в том, что если город сдавался на милость победителя, то го-

рожанам-иноверцам разрешалось оставить в пользовании их храмы. Если же город был взят штурмом, то ни о какой милости не могло быть и речи. Ходили слухи о том, что султан «послал по четыре сотни греческих детей в дар наиболее могущественным мусульманским правителям того времени – султану Египта, бею Туниса и эмиру Гранады»[72].

Тысячи греков были уведены в рабство. Немногие богатые и сановитые греческие пленники имели возможность выкупить себя из неволи. Так, уже не раз упомянутый хронист Георгий Сфрандзи смог выкупить себя и жену, но не успел сделать то же для сына и дочери. Сын был убит в турецкой тюрьме, а дочь в скором времени скончалась в гареме султана.

29 мая 1453 года стал самым черным днем греческой истории. Горе византийцев нашло свое выражение во многочисленных *монодиях* (плачах) о пленении турками их родины. Кардинал Исидор стоит в ряду тех, кто открыл традицию оплакивания города.

Исидор тяжело переживал захват Константинополя. В своих произведениях он писал о безбожных турках, которым помогали чуть ли не все темные силы Востока. По его словам, турецкий султан обращался за духовной поддержкой даже к персидским астрологам. Самого султана Исидор не колеблясь назвал Антихристом, «чье имя Магомет и который является наследником хорошо известного другого Магомета, который был основателем ереси, или же, выражаясь более точно, неверия»[73]. (Здесь надо иметь в виду, что ислам долгое время воспринимался в Европе как христианская ересь, как форма арианства[74].) В другом месте Исидор «перечисляет для западного читателя основные красоты города, которые разрушили завоеватели, отмечает бесчисленные людские потери и жестокость врагов»[75]. Турецкий правитель запретил колокольный звон, а со зданий были сняты все кресты. Кардинал с болью сообщал, что «Константинополь мертв и не подает более признаков жизни», спастись удалось очень немногим. Сам Исидор, «по мановению руки Божией, был спасен, словно Иов из чрева китова»[76].

Это сравнение примечательно. Согласно библейскому повествованию, пророк Иов, выйдя из пасти «рыбы-кита» в Палестине (в районе Яффы), стал проповедовать и вразумлять иудеев. Исидор, таким образом, считал своим долгом рассказывать о горе, постигшем его страну, и всеми силами пытался склонить западный мир сплотиться и

бороться с турками. Кардинал решал эту задачу вплоть до своей кончины в 1463 году.

Плач о Константинополе написал и другой выдающийся церковный и политический деятель – Иоанн Евгеник. Уже в 1450-е годы этот текст был переведен в Новгороде на древнерусский язык. Полагают, что «Рыдание» Иоанна Евгеника попало на Русь через Афон и было первым по времени откликом на события 1453 года в русских землях[77]. Сохранилось не менее девяти рукописей, содержащих этот печальный текст, который, к сожалению, до сих пор остается неопубликованным.

Средневековые рукописные книги обладают удивительной способностью затягивать любителей древностей в прошлое. Именно в часы архивной работы ученый в полной мере встречается с Историей: он не просто держит в руках старинный манускрипт, а в числе первых узнает его содержание. Одно из самых больших удовольствий в профессии историка – волнующее ощущение личной причастности к минувшему. Тому, кто не пожалеет времени, чтобы разобрать ломкие очертания старинных букв, многое может открыться. Возьмем же в руки древнерусский фолиант...

И русские, и византийские богословы всегда помнили об участии Бога во всех делах земных. Голосом древнерусского книжника Иоанн Евгеник уподоблял захват Константинополя преждевременно совершившемуся апокалипсису: «Како не низпаде небо, како не стрясеся вся земля, како не разседеся и ныне камение и гроби отверзошася и телеся святых восташа и преже времени то вся видевъ и пострадавъ и услышавъ азъ...»[78] Страшные события, очевидцем которых стал Иоанн Евгеник, переданы им весьма натуралистично: ужас от того, что творилось в городе, пробирал «даже до плоти и мозгов и костей»[79]. Для описания необычайного трагизма ситуации – «беды величества»[80] – автор прибегнул к традиционным для христианской литературы клише, таким как описание «кровавых рос» и «черных потов». Иоанн Евгеник не искал рационального объяснения произошедшему и осмысливал катастрофу 1453 года с традиционных для христианина провиденциальных позиций (подразумевающих деятельное и постоянное участие Бога в жизни людей). «О тристрастный род мы, что пострадахом от Божиаго промысла!»[81] – восклицал автор.

Позже, на рубеже XV–XVI столетий, в русской книжности появилось еще одно произведение о падении Константи-

нополя – «Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году», часто приписываемая загадочному человеку по имени Нестор-Искандер (Искандер – восточный вариант имени Александр). Автор был очевидцем событий 29 мая 1453 года[82]. Его текст тоже по-своему трагичен, но в нем уже нет надрыва и безысходности, которыми отмечено «Рыдание» Иоанна Евгеника.

В «Повести о взятии Царьграда турками» приведены страшные подробности осады. Султан задумал бросать тела своих погибших воинов в город, чтобы они там разлагались и распространяли смрад и заразу. Но люди, бывавшие в Царьграде, сказали ему, что крепость слишком велика, чтобы гниение трупов доставило существенное неудобство осажденным. Тогда султан приказал жечь мертвецов и направить дым на город, но ветер отнес дым в противоположную от цитадели сторону. Кровь же погибших загнила в реках и источала зловоние, но и это «граду не повреди, ветру относящу»[83].

Оплакивая город, автор «Повести...» восклицает: «О велика сила греховнаго жала! О, колико зла творит преступление! О, горе тобе, Седмохолмий, яко погании тобою обладают!..»[84]

Память о падении Константинополя сохранилась у греков и в форме песен, исполненных загадочных образов. В одной из них речь идет о том, как женщина готовила рыбу и услышала голос, который сказал, что рыбы оживут и улетят, а город достанется туркам. И действительно, рыбы ожили и улетели, а в город въехал турецкий наместник. Этот сюжет интересен тем, что в нем рассказаны невозможные, чудесные события, какие могут произойти только при участии высших сил, которым приписывается здесь взятие города[85].

Эти тексты созданы в разное время, но проникнуты одинаковой болью. Читая их, невольно вспоминаешь строки одного из античных поэтов I века н. э. Луция Аннея Сенеки (Сенеки Младшего), посвященные упадку греческих земель в составе Римской империи:

> Греция, скошена ты многолетней военной бедою,
> Ныне в упадок пришла, силы свои подорвав.
> Слава осталась, но счастье погибло, и пепел повсюду,
> Но и могилы твои также священны для нас.
> Мало осталось теперь от великой когда-то державы;
> Бедная, имя твое только и есть у тебя![86]

* * *

В 1453 году Софье Палеолог было около трех-четырех лет. Она жила на Пелопоннесе и не видела ужасов падения Константинополя. Однако на долю ее семьи выпали многие злоключения, порожденные этой трагедией. Софья с детства слышала красочные и печальные описания гибели Византии. Все это отразилось на ее характере и мироощущении. Ей не был близок мусульманский Восток, она стремилась держаться от него подальше. Не этим ли будут обусловлены впоследствии слухи о том, что именно она уговорила выгнать из Кремля ордынское подворье? И не этот ли страх перед безжалостными восточными ордами много позже – осенью 1480 года – заставит ее бежать с детьми из Москвы на Белоозеро?..

Кто спасет Византию?

Ситуацию в Морее после 1453 года можно охарактеризовать как политический хаос и самую настоящую анархию[87]. По некоторым сведениям, уже летом 1453 года Фома и Димитрий Палеологи хотели бежать в Италию, «и только обещание Мехмеда II сохранить им владения заставило их остаться»[88]. Тем не менее по договору с султаном 1454 года братья должны были ежегодно выплачивать ему дань в 12 тысяч золотых.

Димитрий все больше проявлял себя как союзник султана. В своей борьбе против Фомы он неоднократно использовал турецкие отряды. И если до падения Константинополя он предполагал выдать свою дочь Елену за одного из племянников неаполитанского короля Альфонса Арагонского, то после 1453 года отдал дочь в гарем султана. В 1459 году султан пожаловал Димитрию некоторые земли, в том числе острова Имврос, Лемнос и Самофракию.

С островом Имврос связано имя Михаила Критовула – знатного ученого грека, превозносившего султана и его победы. После падения столицы Критовул понял, что единственным способом сохранить жизни и владения островитян было сдаться на милость победителя. Он предложил отправить к султану посольство с богатыми дарами... Эта позиция была близка Димитрию.

Позиция Фомы была противоположной. Он искал пути противостояния туркам и стремился к союзу с латинским Западом. В надежде на помощь государей Европы в 1454 и

1459 годах Фома отправлял посольства в Рим[89]. Особенно примечательно второе посольство. Представители Фомы должны были присутствовать на соборе католических иерархов в Мантуе, где папой Пием II и кардиналом Виссарионом был оглашен призыв организовать масштабный крестовый поход против османов.

Виссарион живописал ужасы, творимые турками в Константинополе: «...град Константинов... был ими взят, разорен, разрушен, от всяческого украшения жестоко и подло разграблен, а жители его умерщвлены или порабощены, опозорены жены, пленены девы, монахини осквернены, юноши истреблены свирепо... храмы... все гнусно разорены турецкой сворой... образа, что украшали стены, опозорены где прахом, а где и грязью... Священными одеждами, коими покрываются святые тайны... покрывали коней и псов...»[90] «Что же мы медлим? Для чего откладываем восстать на этакого человека (султана. – *Т. М.*), а вернее сказать, затравить зверя этого?» – вопрошал кардинал. Он употребил все свое ораторское искусство для того, чтобы убедить слушателей в том, что надо «начать только ему (султану. – *Т. М.*) сопротивляться, и он побежден... А потому отложим небрежение и терпимость эту, воспрянем духом, взыдем с христианскою силою на супостатов и с Божьей помощью во брани сокрушим вражье племя...»[91].

Несмотря на длинные и проникновенные речи, призывы Пия II и Виссариона не были услышаны. О том, насколько мало они интересовали других христианских государей Италии, может свидетельствовать высказывание миланского герцога Франческо Сфорца, который, прибыв в Мантую, поразил всех присутствующих своими драгоценными одеждами. Он заявлял, что поход против турок несвоевременен и невозможен.

С течением времени всё больше людей склонялось к этой мысли. Так, о невозможности крестового похода писал греческий интеллектуал Георгий Трапезундский. Он воспринимал трагедию 1453 года эсхатологически: «для него падение Константинополя означало, что до конца света осталось несколько сотен лет и крестовый поход ничего бы не изменил, так как история мира приблизилась к своему концу»[92]. Идеи Георгия Трапезундского были во многом созвучны воззрениям византийского историка Дуки: «Мы достигли конца времен, видели страшную, чудовищную грозу, разразившуюся над нашими головами...»[93] Дука воспринимал события 1453 года провиденциально: он был убежден, что

трагедия 1453 года – Божья кара за грехи византийцев. Дука уподобил захват Константинополя покорению Иерусалима византийским царем Навуходоносором – этим именем Дука не раз называет Мехмеда II[94].

Пий II знал о подобных настроениях, но сам, кажется, не разделял их. В 1461 году он написал довольно оригинальное произведение, по форме представлявшее собой письмо султану Мехмеду II Фатиху. Папа «убеждал правителя турок принять христианскую веру, сложить оружие и стать христианским правителем». Этот текст был опубликован на Западе, «что породило появление множества поддельных писем, якобы написанных от имени Пия и Мехмеда, вступивших друг с другом в переписку»[95].

Несмотря на утопичность идеи крестового похода, декларация, оглашенная в Мантуе, стала ключевым звеном в римском «плане по спасению Византии», о котором сегодня нередко говорят ученые. Единственным же наследником византийского престола к 1459 году остался Фома Палеолог. Самый младший из братьев последнего императора, Фома постепенно становился для оставшихся в живых греков символом надежд на возрождение византийской государственности.

* * *

В то самое время, когда в Мантуе шли разговоры о крестовом походе, живописец Беноццо Гоццоли работал во Флоренции. По заказу Козимо Медичи Старшего он создавал в капелле при его дворце фреску «Шествие волхвов». По последним наблюдениям, на ней в образах волхвов можно видеть не только трех руководителей греческой миссии на Ферраро-Флорентийском соборе, но и Фому Палеолога, также ездившего на собор. Беноццо изобразил деспота на западной стене капеллы. Отец Софьи запечатлен в образе молодого аристократа на коне, ведущего двух гепардов. Гепарды были любимыми животными, которых использовали для охоты знатные византийцы. Однако в данном случае гепарды олицетворяли борьбу христиан против османов: гепарды «были аллегорией устойчивости Палеологов в отношении турок»[96]. Фома – единственный из всех ключевых персонажей на фреске – смотрит прямо на зрителя, будто призывая его идти следом за ним. Деспот Мореи у Беноццо предстает в почти ангельском образе, со светлыми волосами и голубыми глазами. Его миссия по спасению и

возрождению Византии светла и справедлива, поэтому он изображен совсем невоинственным. Этот образ восходит к архетипическому образу непорочного отрока, спасающего свой народ от захватчиков.

Изображение Фомы Палеолога на фреске Беноццо – не единственный образ деспота, встречающийся на шедеврах итальянского Возрождения. Еще одно изображение Фомы, созданное несколькими годами ранее, можно видеть на знаменитой картине Пьеро делла Франческа «Бичевание Христа», написанной на рубеже 1440–1450-х годов. По наблюдениям экспертов, Фома на ней представлен в образе одетого в пурпурные одежды светловолосого юноши, с тревогой и надеждой смотрящего вдаль, который помещен в правой части картины[97]. Любопытно, что Пьеро делла Франческа не видел Фому Палеолога, когда работал над своим шедевром, а потому изобразил его, наделяя теми чертами, которыми наделяли его современники. Фома был олицетворением надежды на победу в борьбе с турецкой угрозой. Поэтому мастер изобразил Фому с помощью тех же художественных средств, которыми он писал ангелов, святых и пророков. Справа от Фомы Палеолога, по всей видимости, в образе знатного итальянца представлен герцог Феррары Никколо III д'Эсте, а слева – в образе восточного путника – кардинал Виссарион. Левая часть картины представляет собой аллегорию гибели Византийской империи. Сам Спаситель олицетворяет погибающую от рук турок (мучителей Христа) Византию, а Понтий Пилат представлен в образе императора Иоанна VIII Палеолога[98].

В поисках средств противостоять туркам приближенные Фомы Палеолога могли добираться весьма далеко. Так, по данным рижской городской книги, в 1456 году в городе «попрошайничал» (sic!) некий «Эммануил Грек», и ему были выданы деньги «ради Бога и городской чести». В 1457 году в Риге «попрошайничал» и получил средства по тем же причинам и грек Петр Рали[99].

Греки просили деньги у Ливонского ордена и позднее. Известно о том, что рижский магистрат выделял средства «греческому аббату господину Антонию» в 1463 году, «Константину, рыцарю из Константинополя, который был взят в плен турками», в 1467 или 1468 году, «греку господину Фоме Филатилису» в 1470 или 1471 году[100]. Рига была основана в 1201 году как оплот крестоносного воинства, и надо полагать, что Фома Палеолог (а позже, по-видимому, его сын Андрей) надеялся на его силы, отправляя туда просителей.

После того как султан в 1457 году захватил Коринф – «голову тела Мореи»[101], Фома решил обратиться за помощью к своему вчерашнему противнику – Венеции. Жители подчиненных Фоме Патр в 1458 году скрывались от угрозы турецких набегов в Короне и Модоне[102]. Венецианцы, славившиеся своей беспринципностью в вопросах политики, «предложили Фоме... весьма непрочный приют, не более чем на одиннадцать дней, так как иначе это не могло согласоваться с мирным договором между Венецией и Турцией. Вместе с тем венецианцы не переставали требовать у своего предполагаемого гостя возмещения убытков, нанесенных жителям дистриктов Модона и Корона»[103]. Такая позиция Светлейшей республики означала, что деспот не мог всерьез рассчитывать на ее помощь.

Морея была покорена османами в 1460 году. Приближение турецкой конницы вынудило Фому бежать. Вместе со своей семьей и двором («со всем домом»[104]) он 28 июля 1460 года прибыл на остров Корфу, находившийся в руках венецианцев. Там располагалось некое «имение» его супруги. К этому решению Фому, видимо, подтолкнула и начавшаяся на Пелопоннесе чума.

Источники дают возможность представить маршрут Фомы Палеолога и его свиты. Через венецианский Модон они добрались на корабле до Порто-Лонго и оттуда вышли к Патрам. Из Патр они направились к албанским берегам и острову Санта-Маура, откуда было совсем близко до Корфу.

* * *

К 1460 году Софье Палеолог было около десяти лет. Она *никогда* не видела Константинополь. Ее раннее детство пришлось на тяжелейшее время, когда у ее родственников была единственная цель: не погибнуть от турецкого кинжала. Софья провела первые годы своей жизни в обстановке рыданий и лишений.

Ее собственные детские впечатления восстановить по источникам невозможно. Кто знает, быть может, она порой убегала от страшных разговоров взрослых в цветущие сады,

> ...где звенит в прохладе ветвей сребристых
> Гулкий ключ, где розы нависли сенью
> И с дрожащих листьев струится сонно
> Томная дрема.

Там на луговине цветущей – стадо.
Веет ароматами трав весенних,
Сладостным дыханьем аниса, льется
Вздох медуницы...[105]

Вероятно, настроение этой древнегреческой песни было созвучно чувствам, которое испытывала Софья в такие минуты. Но даже в детстве наслаждение чудесами мира Божьего не может длиться бесконечно. Возвращаясь из сада, окруженная толпой нянек, Софья вновь оказывалась в доме, где говорили только о проклятых турках и способах если не противостоять им, то хотя бы сохранить себе жизнь и свободу.

К 1460 году у семьи Софьи остался, по сути, только титул. Можно ли после этого думать, что она помнила блеск византийского двора и потому «принесла» его в Москву? Едва ли. Софья не могла не только его помнить, но даже и видеть в младенчестве. Она видела только его гибель. У ее отца осталась лишь память о былой мощи Византии. И это была не только его память. Это была память многих предыдущих поколений.

Другое дело, что в сознании Софьи вполне мог родиться миф о могущественной когда-то стране, захваченной турками. Если она и привезла в Москву какие-то византийские впечатления, то это был этот миф.

Миф о великой Византии, покоренной османами, оказался на редкость живуч. «Миф – это не выдумка, как легкомысленно может кто-то подумать. Миф (назовем для благозвучия легендой) – это форма восприятия явления, наше активное отношение к нему. Легенды возникают вокруг вещей масштабных. Они лишь подчеркивают их размер»[106].

Как затонувшая в океане легендарная Атлантида, исчезнувшая во времени Византия породила множество легенд. Для православных людей Византия является непревзойденным источником мудрости и святости. На другом полюсе – «рационалисты» и вольные или невольные последователи Вольтера. Фернейский философ считал Византию гнилым государством, в котором погрязшие в роскоши и интригах аристократы вечно враждовали между собой. Казалось бы, можно только удивиться тому, что, будучи столь «гнилой» конструкцией, Византия просуществовала более тысячи лет!

Какой же была настоящая Византия? Безусловно, Ромейская держава была выдающимся явлением в истории

Старого Света. Последнее печальное столетие в ее истории не должно заслонить грандиозное значение византийского мира в судьбах Европы. В середине XX века Г. А. Острогорский писал об этом: «Христианская религия в ее специфической греческой форме как воплощение византийского духа и одновременно альтернатива римскому католицизму осталась для греков, а также для южных и восточных славян наиболее заветной святыней... Византия культурно оплодотворила и Запад. Византийское государство стало сосудом, в котором культура греко-римской античности продолжала жить на протяжении столетий. Именно поэтому Византия была дающей, а Запад – берущей стороной. В эпоху Ренессанса... западный мир нашел в Византии источник, из которого текли культурные сокровища античности. Византия сохранила античное наследие и тем самым исполнила всемирно-историческую миссию. Она сохранила от гибели римское право, греческую поэзию, философию и науку, чтобы затем передать это великое наследство дозревшему до его принятия европейскому человечеству»[107].

Глава 2

ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ В РИМ

Только и хочется говорить
о небе да о Риме[1].

Н. В. Гоголь

Холмы Корфу

Мы оставили Фому Палеолога и его семью на острове Корфу, или по-гречески на Керкире. О их пребывании на этом острове, некогда принадлежавшем Византии, а с 1386 года – Венеции, известно не много.

Сначала семья, по-видимому, остановилась в городе близ главной крепости острова. Сфрандзи упоминает о некоем «имении жены деспота», Екатерины, где стали жить Палеологи. Вероятно, именно о нем идет речь в другом месте Хроники Сфрандзи, где сообщается, что в 1468 году старшая дочь Фомы Елена, вдова сербского правителя, «уехала в государство Венеции, возбудив дело против расхитителей ее имущества на Корфу»[2].

Из Керкиры Фома отправил два посольства: одно к султану для переговоров (турецкие представители сообщили Фоме, что если тот примет турецкие условия, то султан даст ему земли), а другое в Рим к папе Пию II. Сфрандзи сообщает, что, «посовещавшись со своими, деспот решил, что к султану поедет Георгий Рауль, а его зять Иоанн Ралис поедет к папе: один – чтобы объяснить папе... задержку деспота на Корфу, а другой – узнать, какова цель решения султана. И они уехали – один 9-го, а другой 11 августа»[3]. Запомним упомянутых здесь посланников Фомы – представителей семейства Раулей (Ралисов). В будущем дети Иоанна Ралиса – Дмитрий и Мануил Ралевы – будут верой и правдой служить московскому великому князю Ивану III.

Как видно из этого сообщения, Фома не собирался долго оставаться на Корфу, а с самого начала предполагал поехать в Рим. После Мантуанского собора он получил приглашение

от папы Пия II и кардинала Виссариона приехать в Италию «во временное убежище»[4]. Желание деспота лишь укрепилось после того, как от султана вернулся ни с чем Георгий Рауль, подвергшийся у турок унижениям и пыткам.

* * *

Сегодняшний Корфу – воплощение греческой идиллии. В горных деревушках стоят белые домики с синими дверями, рядом с которыми цветут ярко-розовые бугенвиллеи... Любителя древностей манят на Корфу впечатляющие развалины византийских и венецианских крепостей. Остров никогда не был захвачен турками и потому стал спасением для некоторых христианских святынь.

Главный храм Керкиры хранит мощи святого Спиридона Тримифунтского, жившего в IV веке. Согласно Житию, святой Спиридон вместе со святым Николаем, архиепископом Мир Ликийских, боролся на I Вселенском соборе в Никее (325) с арианской ересью. Мощи святого Спиридона в разное время находились в разных местах. Умер святой на Кипре, где его нетленное тело покоилось в течение трех веков. Когда во второй половине VII столетия в Средиземноморье появились арабы, мощи были перенесены в Константинополь. В день памяти святого Спиридона, 12 декабря, в городе проходили торжественные службы и шествия с участием императора и патриарха.

После взятия Константинополя турками священник Георгий Калохеретис вывез тело святого из города завернутым в сено и привязанным к спине осла: так святыня привлекала меньше внимания. Таким же образом он спас и мощи святой Феодоры. Георгий выдал себя за крестьянина, что помогло ему перейти турецкую границу во время бегства. После долгих скитаний Георгий обосновался в Эпире, где жил до 1456 года, когда ему удалось перебраться на Корфу и перевезти туда реликвии. До конца XVI столетия мощи святого Спиридона то и дело передавались из одного храма в другой. Лишь в 1592 году на деньги Стоматиса Вулгариса, зятя одной из внучек Георгия, был построен храм Святого Спиридона, под своды которого до сих пор притекают все «труждающиеся и обремененные», ищущие заступничества святого[5].

Древняя святыня и поныне дремлет в своем драгоценном ковчеге. По молитвам святого Спиридона уже более восемнадцати веков происходят многие чудеса. По греческой традиции люди, молившиеся о чем-то у мощей и по-

лучившие это, приносят к раке металлические таблички с символическим изображением чуда. Таких табличек у раки святого Спиридона очень много. На них изображены младенцы (святому часто молятся о чадородии), корабли (святой помогает спастись на море), дома (молитвами святого решаются проблемы с жильем). Согласно церковному преданию, святой Спиридон до сих пор лично посещает нуждающихся в его помощи людей: по сей день несколько раз в год духовенство храма вынуждено менять туфли на ногах у святого, поскольку они удивительным образом изнашиваются...

Доподлинно неизвестно, молилась ли Софья Палеолог с родителями и братьями у мощей святого Спиридона. Однако учитывая то, что этот святой был одним из самых почитаемых в Византии, а непростая история спасения его мощей напоминала трудный путь, проделанный семьей Палеологов, вполне можно представить себе юную Софью, с благоговением прикладывающуюся к мощам подвижника. В 1460-е годы мощи хранились, по всей видимости, в церкви Святого Афанасия, «что у ветряной мельницы» в Керкире[6] (название острова и название города звучат одинаково). Нет оснований сомневаться, что молебны о помощи христианским народам в борьбе с турками и о возрождении погибшей Византии часто служились на Корфу и, надо думать, Палеологи их посещали.

Когда эпидемия чумы добралась с оставленного Палеологами Пелопоннеса до крепости Корфу, находиться в городе стало опасно. Фома со своими приближенными и, по-видимому, с семьей уехал в Хломóс – одно из глухих корфиотских селений в горах[7]. В ту пору люди знали только один более или менее верный способ спасения от «черной смерти» – бегство и затворничество в труднодоступных местах.

* * *

...Одно из самых приятных чувств, которые испытывает любитель истории, – это чувство загадочной близости к героям прошлого. Подобно Фаворскому свету отшельников-исихастов, это чувство вспыхивает внезапно и словно растворяет толщу времени. Искатели таких встреч любят посещать места, где когда-то ступала нога их героя.

Итак, отправимся вслед за юной Софьей Палеолог в Хломос. Это довольно большое селение, раскинувшееся на южном склоне горы (выше на острове, кажется, только гора Пантократор, названная так по имени находящегося

там древнего монастыря[8]). Несмотря на то что в большинстве старинных домов Хломоса живут люди, в полуденный час на его узких улицах никого не встретишь: сиеста. На самом высоком месте находится церковь Архангела Михаила, предводителя Небесного воинства. Рядом с храмом – кладбище. Поодаль – небольшая смотровая площадка, откуда можно часами любоваться растущими вокруг соснами и бескрайними морскими просторами. Современный храм относится к XVII столетию, но на его месте была более ранняя церковь, восходящая к XIV веку[9]. Сидя рядом с ней, десятилетняя Софья восторженно вглядывалась в морскую даль. У нее кружилась голова от глубокой синевы моря и неба, она всматривалась в серебристую зелень оливковых рощ и вдыхала звенящий цикадами раскаленный воздух. Пройдут годы – и в русских снегах она будет с ностальгией вспоминать эти ощущения.

Что испытывал деспот Фома, пережидая чуму в высокогорном селении, можно только догадываться. Вероятно, он с волнением ждал вестей из Рима. Фома надеялся, что папа соберет воинство, которое сокрушит османов. Хломос действительно прекрасно продувался воздухом, и пребывание здесь существенно снижало риск заражения от чумы. Можно думать, что Фома вместе с подрастающей дочерью наблюдал порой за движением солнца и взирал на ослепительные закаты. Быть может, он вспоминал в те минуты древнее изречение, выгравированное на кольце царя Соломона о том, что «все пройдет».

Похожая мысль высказана и по-латыни: *sic transit gloria mundi* – «так проходит мирская слава». Эти слова представляют собой немного измененное высказывание немецкого гуманиста Фомы Кемпийского из его произведения 1420-х годов. Едва ли Фома Палеолог знал эти слова, однако он не мог не чувствовать, что время великой империи и ее правителей прошло.

Знамя антитурецкой борьбы 1460-х годов: Фома Палеолог в Риме

Чума пощадила семью Фомы Палеолога. Оставив супругу с детьми на Корфу, деспот «со многими своими архонтами», то есть знатными приближенными, в ноябре 1460 года отбыл на корабле в итальянский порт Анкону[10], чтобы оттуда добраться до Рима. Дорога до Вечного города

была для Фомы очень долгой. В начале 1460-х годов Центральная Италия была охвачена междоусобными войнами. В Лацио – регионе вокруг Рима, одном из наиболее важных регионов Папской области – борьба между влиятельными семействами была наиболее ожесточенной. Сторонники папы Алессандро Сфорца и Федерико да Монтефельтро боролись против Якопо Пиччинино и Якопо Савелли, которые угрожали владениям понтифика. В течение нескольких месяцев Фома, чтобы не стать жертвой этого противостояния, укрывался среди холмов Умбрии, в небольшой крепости Нарни[11]. Добраться до Рима деспоту удалось лишь к 1462 году.

Каким именно путем Фома добирался из Анконы до Нарни, точно неизвестно. Вероятно, его путь шел по Фламиниевой дороге, восходящей к античным временам. Она была проложена еще в III веке до н. э. Эта дорога вела из Рима на северо-восток, в Умбрию, и далее выходила к Адриатическому морю близ современного Римини. Недалеко оттуда находится Равенна, поэтому в Средние века эту дорогу называли также Равеннской.

Фламиниева дорога проходила недалеко от городка Ассизи – одного из самых прославленных мест Италии. В начале XIII века здесь молился и проповедовал святой Франциск. Для западной культуры этот подвижник – такой же духовный ориентир, как и преподобный Сергий для русской. Сложно себе представить, чтобы униат Фома проехал мимо монастыря Святого Франциска, не почтив его памяти.

Итальянские источники сохранили описание внешнего облика Фомы Палеолога в начале 1460-х годов. Оно содержится в донесении Бартоломео Бонатто мантуанской маркизе Барбаре Гонзага. Бартоломео сообщал о приезде в Рим морейского деспота, который был «очень красивым человеком, державшимся с достоинством и благородством и имевшим хорошие манеры... На нем был черный турецкий кафтан из шерсти и ворсистая светлая шляпа, подбитая черной шелковой тканью...»[12].

Встреча Фомы Палеолога в Риме в апреле 1462 года прошла очень торжественно. Процессия во главе с папой Пием II и кардиналами Исидором и Виссарионом перешла через Тибр по мосту Молле (Мульвио), чтобы приветствовать деспота вне стен города. Понте Молле – один из старейших мостов Рима. Именно у этого моста в 312 году произошла знаменитая битва императора Константина с восставшим против него Максенцием.

Причиной столь пышного приема Фомы был не столько сан гостя, сколько привезенные им дары Римской церкви – глава апостола Андрея и некий крест, о котором говорили, что именно на нем был распят первозванный апостол. Встреча этих святынь стала одним из самых значимых церковных торжеств в Риме за весь XV век[13]. Долгое время глава апостола Андрея хранилась в Патрах на Пелопоннесе – там апостол претерпел мученическую смерть. Позже Патры вошли в состав франкской Ахайи. Когда византийцам в ходе очередного столкновения с франками удалось отвоевать этот город, святыни Патр перешли в руки греков. Личное участие деспота Фомы в покорении Ахайи и обретении греками этой святыни сыграло свою роль при выборе имени старшего сына Фомы – Андрея. Судя по всему, глава и, возможно, крест апостола Андрея были единственными значимыми святынями, которые он вывез из Мореи на Корфу, а затем доставил в Италию. О торжественной встрече реликвий до сих пор напоминает статуя апостола Андрея работы скульптора Паоло Романо, установленная в 1460-е годы у моста Молле. Рядом с ней уже в XVI веке была построена и базилика в честь первого ученика Христа.

Папа Пий II (в миру Энеа Сильвио Пикколомини) был видным гуманистом. В одном из его сочинений, так называемых «Комментариях», подробно описаны торжества, связанные с передачей главы апостола Андрея. «Общий символический смысл торжества, разработанного во многих деталях... Виссарионом, состоял во встрече, братском соединении Рима, римских соборов, наконец, апостола Петра с апостолом Востока – Андреем»[14].

Приведем близкий к тексту источника рассказ об основных эпизодах торжественной встречи Фомы Палеолога и главы апостола Андрея, принадлежащий перу М. Б. Плюхановой:

«Было 11 апреля 1462 года, воскресенье Входа Господня в Иерусалим, когда глава была принесена к Риму. Папа отслужил праздничную мессу и затем отправился в церковь Санта Мария дель Пополо (древнюю, IX века, которая стояла на месте нынешней. – *Т. М.*), чтобы провести там ночь, и утром двинулся навстречу главе. Дождь, в те дни беспрестанно ливший, чудесным образом прекратился, так что папа ступал только по сухому. У моста на Тибре совершилась первая часть торжества с церковными песнопениями и речами. Кардинал Виссарион, в слезах от волнения, вынул реликвию из ковчега и поднес ее плачущему папе. Папа

произнес речь, приветствие, обращенное сначала к главе, а потом к самому апостолу Андрею: ты входишь в Рим, соединяешься с твоим братом апостолом Петром. Граждане Рима, дети Петра, становятся твоими племянниками. Мы помним о беде, изгнавшей тебя из твоей земли, но мы счастливы, потому что произошла эта встреча и это соединение. Здесь найдешь ты себе приют и помощь. А мы найдем в тебе заступника на небесах. И пусть Божье милосердие обратится на нас, а гнев Божий падет на турок и на варварские народы, которые оскорбляют Христа.

После речи исполнялся гимн, в котором говорилось о сборе папой войск для похода против турок.

Когда процессия, несущая реликвию, достигла города, глава была внесена в церковь Санта Мария дель Пополо и возложена папой на алтарь перед иконой Богоматери, которая, как говорят, была написана блаженным Лукой евангелистом. Там глава оставалась на ночь.

Праздник в городе был организован как церковная процессия, движущаяся от Санта Мария дель Пополо к собору Святого Петра. Священники всех церквей города несли перед собой мощи святых. Остальные держали свечи. Всё красивейшее было вынесено на улицы для приветствия святыни. Достигнув собора, папа поднялся на ступени и благословил главой апостола Андрея бесчисленную толпу, собравшуюся на площади. Кардинал Виссарион начинает свою речь. Он говорит от имени апостола Андрея, обращаясь к апостолу Петру. Тема этой пламенной речи — одна, призыв подняться против магометан. Андрей устами Виссариона называет Магомета Антихристом и сыном демона. Он говорит Петру: бежав к тебе, я с твоей помощью и поддержкой возвращу к изначальной свободе своих сынов, которых я зачал для себя, вернее, для тебя, и еще лучше — для Господа нашего Иисуса Христа. Не может быть, чтобы ты остался неподвижен перед лицом варваров, терзающих тело Христа. Римляне прежде, даже еще не будучи христианами, несли помощь и деньги своим союзникам. Насколько же пламеннее теперь ты двинешься на помощь своему брату! Воспламени свое рвение, заостри меч Павла, твоей поддержкой и твоей помощью, силами мощнейших властителей Запада защити веру, которую проповедовал. Папа отвечал на эту речь, заверяя, что нет ничего более дорогого его сердцу, чем защита христианской религии и истинной веры от турок. И выражал надежду, не очень, однако, уверенную, что христианские властители и народы услышат

его голос. Папа Пикколомини как бы остужает риторическую горячность Виссариона, напоминая, что апостолы Петр и Андрей – не земные силы, а заступники на небесах»[15].

Встреча главы апостола Андрея сопровождалась религиозной экзальтацией. Давно замечено, что европейцы той поры были очень эмоциональны, впечатлительны и «чрезвычайно душевно возбудимы»[16]. Внешние формы религиозности римлян всегда были весьма ярки. Сегодня – как и в эпоху Средневековья и Возрождения – в городе часто происходят торжественные шествия и другие театрализованные действа, приуроченные к различным церковным праздникам.

Главу апостола Андрея папа приказал поместить в старом соборе Святого Петра в Ватикане. Пока для нее готовилось место, она временно была перенесена в замок Святого Ангела. На месте нынешнего собора Святого Петра, восходящего к XVI веку, находилась древняя базилика, которая была построена во времена императора Константина. По преданию, Константин заложил храм над останками святого апостола Петра за Тибром, на холме Ватикан, после победы над Максенцием.

Известно, что с конца XVI века на протяжении нескольких веков глава апостола Андрея находилась в новом соборе, «в одном из четырех гигантских брамантовских устьев (работы архитектора Браманте. – *Т. М.*), поддерживающих купол современной базилики Святого Петра, а именно на левом, первом от входа, в особой малой келье внутри устья, на высоте балкона»[17], из которого в очень редких случаях ее выносили верующим. В 1964 году решением папы Павла VI глава апостола Андрея и частицы его креста были переданы Элладской Православной церкви и ныне снова находятся в Патрах.

Акт передачи Риму главы апостола Андрея деспотом покоренной турками Мореи и последующее пребывание святыни в Вечном городе имели для католической церкви большое значение. Апостол Андрей выделяется среди других учеников Спасителя тем, что он, согласно Евангелию, был *первым* человеком, уверовавшим во Христа и пошедшим за Ним. Вечный город принимал греческую святыню, «символизировавшую византийское христианство, утратившую свою страну, бежавшую и обретшую прибежище в Риме»[18]. Знаменательно и то, что, согласно Священному Писанию, апостол Андрей, просвещавший многие народы, шел из Палестины в Рим, но в своей земной жизни не смог

добраться до города. Символизм средневекового мышления подсказывал, что в 1462 году апостол как бы завершил свое путешествие.

Вероятно, о причастности семьи Палеологов к спасению от турок главы апостола Андрея вспоминали в Москве римские послы, готовившие брак Ивана III с Софьей. В русской политической традиции апостол Андрей выступал как фигура первого ряда. В Киеве довольно рано появляется легенда о том, что апостол на пути в Рим посетил и земли восточных славян. Согласно повествованию, позже вошедшему в «Повесть временных лет» – древнейшую из сохранившихся русских летописей, апостол поднимался из Черного моря вверх по Днепру, остановился в районе будущего Киева и, указав на высокий берег реки, обратился к шедшим с ним: «Видите ли горы сия? – яко на сих горах воссияет благодать Божья, иматъ градъ великъ быти и церкви многи Богъ въздвигнути имать»[19].

Появление и распространение этой легенды в восточнославянских землях существенно удревняло историю христианства в этих краях, а главное, связывало ее с ключевым моментом в истории человечества – Воскресением Христовым и ближайшими к этому времени событиями. Для людей той поры это было необычайно важно. Для них не существовало какой-то отдельной, «русской» истории: «история была одна, и она была всемирной»[20]. Включив легенду об апостоле Андрее в свой текст, летописец превращал историю своего государства из маргинального сюжета мировой истории в один из главных.

Легенда об апостоле Андрее была важна на Руси и в идеологическом отношении. На волне богословской полемики с «латинянами» после 1054 года византийским церковным иерархам важно было показать, что Константинопольская кафедра ведет свое начало от Андрея Первозванного, тогда как Римская – от его брата Петра, который услышал голос Божий и пошел за Христом вторым... Этот факт был призван разбить идею римского первенства и экуменизма. Отзвуки этой полемики были слышны и в православной Руси. Легенда о посещении апостолом Андреем восточнославянских («скифских») земель фактически утверждала, что Русская земля имеет – равно как и Рим – своего апостола. Легенда прочно укоренилась в русской религиозной традиции. Одна из самых живописных улиц Киева – Андреевский спуск – носит имя апостола, которому посвящен величественный храм XVIII столетия.

В Риме Фома Палеолог всячески демонстрировал свое уважение к латинской церкви. В надежде получить от папы милости и для себя, и для своего окружения, он стремился оказывать почтение его власти. По сообщению Бартоломео Бонатто, Фома первое время жил в Вечном городе при церкви Четырех мучеников (Санти-Куаттро-Коронати)[21]. Позже ему были выделены помещения для жилья в старинном странноприимном доме братства Святого Духа (Санто-Спирито-ин-Сассиа), где имелись специальные комнаты для размещения знатных особ, посещавших Рим. Вероятно, эти комнаты в середине XV века располагались на верхних этажах, а их окна выходили на набережную Тибра[22].

Братство Святого Духа существует до сих пор и находится недалеко от собора Святого Петра. Архитектурный ансамбль Санто-Спирито выделяется своим средневековым обликом. Темно-коричневые кирпичи XIII столетия, из которых сложена значительная часть зданий, смотрятся сегодня мрачновато. Однако любому путешественнику стоит взглянуть на них: это один из немногих остатков средневекового Рима – того времени, когда город был сравнительно мал и беден.

Содержание Фомы взял на себя папа, выплачивавший ему 300 дукатов ежемесячно. На нужды бывшего деспота по 200 дукатов в месяц перечисляли также кардиналы Исидор и Виссарион. Каждая такая монета имела вес около 3,5 грамма. Таким образом, ежемесячно Фома получал в Риме около двух с половиной килограммов золота, значительную часть которого он тратил на свое окружение и прибившихся к нему греков-эмигрантов. Папа также пожаловал деспота орденом Золотой розы. Этот орден давался обыкновенно европейским правителям за заслуги перед Римской церковью.

В Риме Фома стал «знаменем» готовящегося крестового похода против османов, решение снарядить который было принято в Мантуе. Его идеологи предполагали сначала освободить Морею, чтобы сделать Пелопоннес «плацдармом» для дальнейшей борьбы за Константинополь. В свете этого Фома превратился в воплощение надежд на возрождение византийской государственности.

В 1464 году Фома вместе с папой Пием II был в Анконе, откуда на восток отправлялись венецианские военные галеры, возглавляемые Сигисмондо Пандольфо Малатестой. Папа прибыл в Анкону, чтобы благословить этот отряд. Он был уже стар, и нервное напряжение окончательно по-

дорвало его силы: в Анконе понтифик скончался. Именно этот эпизод запечатлен на одной из фресок работы Пинтуриккьо из Сиенского собора, где после смерти Пия II хранилась его обширная библиотека. Фома Палеолог изображен на этой фреске с длинной раздваивающейся бородой, в широкополой шляпе, с грустным и задумчивым взглядом: он будто понимает, что его страна никогда не будет спасена.

Поход Сигисмондо действительно оказался неудачным: христианские войска были в очередной раз разбиты турками, а их предводитель вскоре умер в Римини[23]. Пожалуй, единственным положительным итогом похода стало то, что Малатесте удалось привезти из Мореи в Римини останки Георгия Гемиста Плифона – выдающегося «византийского гуманиста», которого Сигисмондо – большой любитель наук и искусств – очень чтил[24].

Примечательно, что Сигисмондо вовсе не был верным и преданным сыном апостольского престола. Напротив, это одна из самых омерзительных фигур того времени. За свое презрение к религии и церкви, открытое почитание языческих божеств, а главное, за развратное поведение он был отлучен от церкви и даже приговорен в Риме к смертной казни (было сожжено его изображение). Сигисмондо «был в такой степени невоздержан в разврате, что насиловал своих дочерей и своего зятя...»[25]. Быть может, Пий II благословлял идущего на верную смерть Сигисмондо, чтобы этот великий грешник оставил Италию и вообще этот свет как можно скорее...

* * *

Пока Фома устраивался в Риме, его супруга Екатерина 26 августа 1462 года скончалась от болезни. Византийский интеллектуал Гермоним Харитоним (Ермитиан), ученик Плифона, написал по случаю ее смерти скорбный плач[26]. «Василисса» (как называет ее Сфрандзи) была похоронена в Керкире, «в монастыре Святых апостолов Ясона и Сосипатра»[27]. Святые Ясон и Сосипатр во II веке принесли на Корфу веру Христову и широко почитались на острове. В Керкире сохранился греческий храм XII столетия в честь этих проповедников. В ходе археологических раскопок рубежа 1980–1990-х годов было обнаружено захоронение, которое предположительно является могилой Екатерины, однако в храме ее могила никак не обозначена[28].

С осени 1462 года дети Фомы Палеолога – Софья, которой тогда было около тринадцати лет, Андрей и Мануил – остались на Корфу практически одни. С кем они общались в ту пору, доподлинно неизвестно. Но очевидно, что вокруг них были не только латинофильствующие греки из окружения Фомы Палеолога, но и те, кто не принял решения Ферраро-Флорентийского собора. Среди византийцев, бежавших на Корфу, таких было немало. Дети морейского правителя встречали их и на молитвах у греческих святынь, и в домах знатных особ острова. Слова поддержки и тепло, которым дарили сирот носители православной традиции, их искренняя вера могли наложить определенный отпечаток на религиозные чувства Софьи, Андрея и Мануила. Кроме того, даже среди греков-латинофилов было распространено пренебрежительное, высокомерное отношение к «варварам»-европейцам. Латинофилы находились «под влиянием давнего идеологического и психологического стереотипа в отношении к Западу»[29]. Так у юных Палеологов могла развиться антипатия к «латинству» и европейским порядкам, с которой позже в Риме боролся кардинал Виссарион.

Занимаясь устройством своей жизни и вкладывая свою лепту в дело антитурецкой борьбы, Фома фактически бросил детей на произвол судьбы. В 1460-е годы на Корфу боялись прихода турок; остров пребывал в состоянии полной боевой готовности, и находиться там было неуютно и даже опасно. Вероятно, время, проведенное на Корфу, было для юных Палеологов не самым счастливым. И не в тяжелом ли детстве стоит искать истоки известной жесткости и стремления к самоутверждению, столь характерных для поведения Софьи Палеолог в Москве в 1490-е годы?

Софье и ее братьям так и не пришлось встретиться с отцом. По свидетельству Сфрандзи, «весной 73-го (1465-го. – *Т. М.*) года деспот кир Фома, послав людей, потребовал, чтобы его сыновья и дочь приехали туда, где был он. Так и было сделано. И когда они на корабле достигли Анконы, он только услышал, что они доехали, но увидеть их не успел, ибо 12 мая, находясь в Риме, умер 56-ти с небольшим лет»[30].

Фома умер фактически на руках кардинала Виссариона, с которым его связывали дружба и общая мечта о спасении Византии. Тело Фомы было погребено в склепе старой базилики Святого Петра[31]. При перестройке собора в XVI веке могила Фомы Палеолога, как и многие другие захоронения, была утрачена.

В мае 1465 года в Риме свирепствовала чума, и, возможно, Фома стал жертвой «черной смерти». Кардинал Виссарион, опасавшийся, что болезнь может не пощадить и детей деспота, советовал им отправиться из Анконы не в Рим, а на Сицилию, чтобы переждать поветрие, а может быть, и поселиться там[32]. По-видимому, к этому совету никто не прислушался. Известно, что летние месяцы 1465 года дети Фомы Палеолога провели в Чиньоли – древней крепости, расположенной на горах в 50 километрах от Анконы. Местный епископ, бывший секретарь Виссариона, предоставил им свой дворец[33]. Пребывание в этом почти изолированном месте свело к минимуму вероятность их смерти от эпидемии.

Итак, осенью 1465 года Софья с братьями прибыла в Рим круглой сиротой. С ее отцом Фомой Палеологом ушла целая эпоха. Для него Византийская империя была реальностью, а для его детей – лишь рассказом, превратившимся в легенду. С прибытием в Рим детство Софьи закончилось.

«Вечный город» деспины Софьи

По Риму ходишь, как по льду
над затопленной цивилизацией[34].
Михаил Айзенберг

Осенью 1465 года Софья со старшими братьями прибыла в Рим – город, в котором она провела следующие семь лет своей жизни.

Рим – особенное место, средоточие древней силы и мудрости. Повторяя звонкую метафору античного автора I века до н. э. Альбия Тибулла, его часто называют *Aeterna urbs* – Вечный город. Для русских писателей Рим часто становился источником вдохновения. Н. В. Гоголь заметил, что «влюбляешься в Рим очень медленно, понемногу – и уж на всю жизнь»[35]. П. П. Муратову Рим был дорог присущим ему тайным обаянием: «Нет никаких материальных свидетельств производимого Римом очарования. Но оно чувствуется... Дух счастливой, полной и прекрасной жизни навсегда остался здесь...»[36] Б. К. Зайцев утверждал: «В Риме нет ничего женственного; это воин, мужчина, делатель; мало в нем и художника. И потому любовь к нему – особенная... Блаженно-райское мало идет Риму. Слишком он грозен и трагичен, сложен и меланхоличен...»[37] Русские всегда пита-

ли к Риму особую любовь: если задаться целью собрать все яркие высказывания известных русских людей о Риме, то легко получится несколько увесистых томов[38].

Путешественники Нового времени в своих заметках о городе описывают в основном главные римские достопримечательности: Форум, Колизей, Капитолий, площадь Навона, Испанскую лестницу и, конечно, собор Святого Петра. Все эти символы Вечного города настолько известны, что даже тот, кто никогда их не видел, может себе представить их облик по рисункам и фотографиям.

В середине 1460-х годов, когда Софья Палеолог оказалась в Вечном городе, этих символов Рима или не было вовсе, или они имели совершенно другой облик. Купол Сан-Пьетро был сооружен в конце XVI столетия. Испанская лестница появилась в 1725 году. Знаменитый фонтан Четырех рек на пьяцца Навона сооружен Бернини в 1651 году. И хотя сама площадь, устроенная на месте древнего ипподрома Домициана, была в Средние века одной из оживленных торговых точек города, самые старые здания, выходящие на нее сегодня, не старше конца XVI века.

Капитолийский холм как таковой, конечно, существовал, однако тоже выглядел совсем не так, как сейчас. Дворцы Капитолия были построены Микеланджело в конце 1530-х годов, а конная статуя Марка Аврелия перенесена на Капитолийскую площадь только к середине XVI столетия.

Что касается Форума и Колизея, то и они выглядели иначе. Источники свидетельствуют, что на Римском форуме в 1430-е годы находился «торг свиней»[39]. Долгое время он был коровьим пастбищем – *Campo Vaccino*, что отражено на его изображениях XVI–XVII столетий. Даже путешественники XIX века упоминают «сенокосы на Форуме»[40]. Впрочем, уже в 1420-е годы гуманист Поджо Браччолини гулял по Форуму, разглядывая вросшие в землю и покрытые мхом останки величия Римской республики.

Колизей в XV веке вовсе не был ревностно оберегаем как самый большой амфитеатр Античности. Его камни порой использовали для строительства новых зданий. Так, гуманист папа Павел II (1464–1471), венецианец по происхождению, выстроил для себя из этих камней в 1455–1460 годах палаццо Венеция – один из первых ренессансных дворцов города. Колизей находится в нескольких минутах ходьбы от этого здания. Дворец, как и разрушающийся амфитеатр, стоит по сей день. С его балкона любил обращаться к народу Муссолини...

Перемещением частей античных зданий в 1451–1453 годах в Риме занимался в том числе Аристотель Фиораванти – архитектор, который будет возводить для Ивана III Успенский собор в Московском кремле. Он «перевозил и устанавливал монолитные колонны древнего храма Минервы и передвигал четыре древние монолитные колонны для нового парадного двора перед базиликой Святого Петра»[41].

Вообще, отношение к античным древностям в эпоху Средневековья и даже Раннего Возрождения у римлян было особым. Тогда их воспринимали гораздо более утилитарно. Внимательно изучивший путеводитель путешественник непременно обратит внимание на античные колонны, поддерживающие своды многих средневековых храмов. Например, в церкви Санта-Мария-ин-Трастевере можно видеть колонны из римского храма Исиды. Сегодняшний турист изумится и тому, что на верхних этажах театра Марцелла (I век до н. э.) с эпохи Средних веков и до сих пор (!) живут люди[42]. Жилой дом, восходящий к античным временам, есть и в Лукке.

Улицы Вечного города во времена Софьи Палеолог также были совсем другими. Вернее, Софья ходила по другим улицам. Известная каждому русскому туристу виа Систина (она же «страда Феличе»), где жил Н. В. Гоголь, была прорублена в массиве средневековой застройки лишь в конце XVI века. Другая любимая гостями города улица, ведущая от пьяцца дель Пополо к Испанской лестнице, – виа дель Бабуино – была прорублена меж старых домов по велению папы Климента VII только в 1520-е годы.

Собственно, о большинстве прямых и тем более широких улиц Рима можно сказать, что они появились не ранее XVI столетия. Многолюдные ныне районы, по которым протянулись улицы Кавура и Наполеона III, были отстроены только в 1870–1880-х годах. В начале XX века П. П. Муратов писал об этом: «Вся эта часть города, древний Виминал и склоны Эсквилина и Квиринала, занята новыми кварталами... ради желания сделать Рим похожим на другие европейские столицы. Еще сорок лет назад здесь тянулись только огороды и виноградники...»[43]

Лишь в начале XVI века была найдена античная скульптура Лаокоон, вдохновившая многих скульпторов Возрождения. Только в 1488 году был открыт знаменитый *Domus Aurea* – «Золотой дом» Нерона. По римскому преданию, один местный житель провалился на своем огороде под землю и очутился в прекрасной зале с удивительными

росписями. Эти росписи, как известно, оказали существенное влияние на итальянскую живопись Высокого Возрождения. Одними из первых живописные сокровища *Domus Aurea* увидели выдающиеся художники – Пинтуриккьо, Рафаэль и Гирландайо[44].

Рим середины XV века во многом был еще средневековым городом – беспорядочным, утопающим в грязи, пропитанным запахами гнили. Хроника Стефано Инфессуры, написанная в ту пору, сообщает: «Мясники, рыбаки, сапожники и скорняки, которые живут в самых красивых частях города и там занимаются своим ремеслом, выбрасывают или незаконно хранят кожи, тухлое мясо и рыбу, навоз, экскременты и зловонные туши на улицах, площадях и в других публичных и частных местах...»[45]

Запахи в городе были другими не только из-за обилия нечистот. Сегодня римские таверны предлагают разнообразные пиццы, спагетти, потроха в томатном соусе, блюда из баклажанов и артишоков. По вечерам центр города окутывают запахи этой стряпни. В середине XV века всё было иначе и на кухнях готовили совершенно другие блюда. Америка еще не была открыта, а потому томатным соусом, без которого сегодня представить себе итальянскую кухню решительно невозможно, блюда не заправляли. Пицца была придумана во второй половине XIX века. Спагетти существовали, однако обыкновенно их подавали не только с сыром и маслом, но и со сладкими заправками – сахаром и корицей. Их варили подолгу, понятие *al dente* было не в моде. Артишоки – один из символов римской кулинарии – начинают активно распространяться лишь с конца XV века. Что до блюд из баклажанов с чесноком, то их готовили только в еврейском квартале[46].

Чем же питались римляне во времена Софьи? С эпохи Средних веков и вплоть до сего дня в Риме широко использовали оливковое масло, сыры, апельсины, лимоны и душистые травы. В чести были зеленые салаты, капуста, каштаны, мелкая фасоль. Римляне любили и блюда из домашней птицы и яиц. Говяжьи потроха – рубец, почки, хвосты – обыкновенно готовили в лимонном, остром или зеленом соусе. На полях Лацио – области вокруг Рима – росли злаки: просо, сорго и ячмень[47]. Часто на столах римлян бывали *ньокки* – клецки из тертых сухарей, муки, сыра и яиц. (С XVIII века ньокки стали готовить не с сухарями, а с картофелем.) В Тибре водилось много рыбы, а также миноги, которые тоже употреблялись в пищу. По свидетель-

ству гуманиста Бартоломео Сакки, более известного под именем Платина, самые крупные миноги доставляли по всей Италии именно из Рима[48]. Тибрская рыба была хорошим подспорьем для многих небогатых горожан, как простых торговцев и ремесленников, так и искателей античных сокровищ. Когда молодой Помпонио Лето – в будущем выдающийся гуманист – приехал в 1463 году в Рим с юга Италии, он испытывал многие лишения. Современники вспоминали, что «иногда он позволял себе роскошь отведать рыбы, им самим пойманной в протекавшем у его тогдашнего жилища Тибре...»[49].

Блюда из говядины, свинины и дичи были только на столах у знати, к которой, впрочем, Софья, несомненно, относилась. Она не раз вкушала мясо оленей, косуль и куропаток, хорошо знала вкус пармской ветчины и болонской мортаделлы. Возможно, она пробовала и новый для европейцев рис, который только начинали выращивать в Ломбардии[50]. Аромат кофе Софье был не знаком, однако вкус хороших итальянских вин она знала наверняка. Надо полагать, что позже русская кухня с ее кислой капустой и квасом стала для нее большим открытием.

Несмотря на различия в питании, и простолюдины, и аристократы жили в одном и том же городе, составляя его немногочисленное население. Римские краеведы отмечают, что к началу XV века город был воистину «деградирующим» местом[51].

Печальное состояние Рима первой половины XV века имеет свое объяснение. В XIV столетии он испытал серьезное социально-политическое потрясение: с 1309 по 1378 год папы не жили в городе. Это был период так называемого Авиньонского пленения пап. Французский король Филипп IV Красивый находился в остром конфликте с папой Бонифацием VIII. Наследовавший папский престол Климент V, француз по происхождению, в 1309 году переехал со своим двором в Авиньон. Это негативным образом сказалось на жизни в Риме. «Длительное отсутствие пап, курии и вообще кипевшей там прежде жизни католической церкви довело город до состояния крайней нищеты. Главный источник его существования (оказание различных услуг паломникам. – *Т. М.*) внезапно иссяк – или во всяком случае резко обмелел... Уход папства фактически лишил население основного заработка – эффект можно сравнить с тем, что случилось бы с современным Лос-Анджелесом, если бы

вся индустрия развлечений... внезапно исчезла... В экономике начался застой, население резко сократилось. Улицы поросли бурьяном. Для паломников настали опасные времена. В городе царили вседозволенность и беспорядок... ни один мирный путешественник или торговец не мог чувствовать себя в безопасности на римских улицах»[52].

Перед папами, вернувшимися из Авиньона, стояла задача поновления города, однако они взялись за ее решение далеко не сразу. Члены русской делегации на Феррара-Флорентийском соборе 1438–1439 годов посетили Рим и в своих записях отметили, что великий город производит впечатление заброшенного места: «И все то порушилося запустения ради...»[53] Надо думать, что традиционная для русской книжности метафора «ветхий Рим», изначально означавшая в православном богословии Рим языческий, древний, наполнилась для наших соотечественников новым, вполне конкретным смыслом.

Обветшание Рима было особо отмечено флорентийцами первой половины XV века. В то время Флоренция уже стала столицей Ренессанса, а ее просвещенные жители – носителями новой системы ценностей. Флорентийские гуманисты порой противопоставляли «старый» и хаотичный средневековый Рим своему новому, уже более упорядоченному в архитектурном отношении городу.

В начале XV века эпоха Возрождения в Риме только начиналась. Протагонисты Возрождения Брунеллески и Донателло осматривали и обмеряли сохранившиеся памятники города, открывая затерянный Рим. В те времена «город представлял собой свалку упавших старых колонн и разрушенных древних стен, обвалившихся сводов, разбитых арок. Римские жители, наблюдавшие Брунеллески и Донателло за их работой... считали их просто сумасшедшими кладоискателями...»[54].

Первые серьезные работы по благоустройству города начались при папе Мартине V (1417–1431), который приказал отреставрировать Латеранский дворец, поновить старинную базилику Святого Петра в Ватикане, а также древний дворец сенаторов на Капитолии. Он же благоустроил и территорию вокруг церкви Двенадцати апостолов[55]. Однако это были лишь первые шаги к тому, чтобы вернуть Риму хотя бы частицу былого величия.

В начале 1430-х годов знаменитый зодчий и главный теоретик ренессансной архитектуры Леон-Баттиста Альберти составил «Описание города Рима». Этот труд представляет

собой собранные в таблицы сведения о памятниках города с их точными размерами. Составление такой сводки потребовало от архитектора немалых усилий. В итоге Альберти пришлось констатировать, что слава античного города канула в Лету. Он с печалью заключил, что даже «из дорог сохранились в целости очень немногие»[56].

Вплотную состоянием города решил заняться лишь папа Николай V (1447–1455) – видный гуманист и меценат своего времени. Он покровительствовал работе Альберти, который был его давним другом по Болонскому университету. Планы папы Николая по перестройке Рима отличались широким размахом. Он взялся за их реализацию с большим воодушевлением. Биограф Николая V, гуманист Джаноццо Манетти, писал об этом: «Папа сильно желал начать и довести до полного конца пять необыкновенных и замечательных строек в пределах Рима, достойных, вне всякого сомнения, упоминания и похвал, частью служивших обороне города, частью его украшению, частью оздоровлению климата, а частью... делу благочестия... Прежде всего он решил заново построить стены города, одновременно во многих местах обрушившиеся и давшие трещины. Во-вторых, обновить 40 (!) церквей... В-третьих, создать новый квартал, начинающийся от ворот Адрианова мавзолея и доходящий до базилики первоверховного Петра... В-четвертых, всячески укрепить и по-царски украсить папский дворец. В-пятых, до основания перестроить святую базилику блаженного Петра...»[57]

Градостроительную деятельность Николая V не без оснований называют «проектно-строительной горячкой»[58]. Она ознаменовала собой начало долгого периода в истории Рима, когда постепенно стали складываться новый облик города и новое отношение к памятникам древности и городскому пространству как таковому.

При папе Павле II «итальянское искусство времени Возрождения все быстрее продвигается к своему апогею. В Риме... появляются самые тонкие и изящные скульпторы: флорентиец Мино да Фьезоле, ломбардец Андреа Бреньо, работают флорентийские зодчие Пиатрасанта, Мео дель Каприна (оба строили палаццо Венеция), Джованни деи Дольчи (будущий строитель Сикстинской капеллы)»[59].

Таким образом, незадолго до приезда Софьи в Риме начала осуществляться идея структурной перестройки средневекового города с его кривыми улицами и хаотичной застройкой.

Какие памятники сегодняшнего Рима могут помнить Софью?

Во-первых, это монастырь и странноприимный дом Санто-Спирито-ин-Сассиа, комплекс которого в основном сложился к XIII веку. Именно здесь в 1462–1465 годах жил Фома Палеолог, и, видимо, там же первое время жила и Софья с братьями. Некоторые готические постройки Санто-Спирито не сильно изменились с той поры: простой взгляд на суровые стрельчатые окна, прорубленные в шершавых стенах, переносит в глухое Средневековье. Позже отпрыски византийского императорского дома переселились в один из дворцов в районе Марсова поля[60].

Марсово поле относится к старейшим частям города. Во времена римских царей оно лежало на северо-западной окраине Рима, сразу же за чертой города, и ограничивалось с одной стороны Тибром, а с другой – древним трактом, позднее перестроенным и названным Фламиниевой дорогой. На этом месте уже Ромул проводил военные смотры. Именно на Марсовом поле, на сходках воинов-общинников решались важнейшие проблемы политической жизни царского Рима[61]. К началу XV века это был один из немногих районов Рима, где сохранялась более или менее налаженная жизнь. Городская жизнь в первые десятилетия XV века была сосредоточена вдоль побережья Тибра, главным образом в районе Марсова поля, а также «за Тибром», в районе Трастевере[62]. Таким образом, Софья и ее братья поселились в одной из самых благоустроенных и обжитых частей Рима.

Среди памятников, которые видела Софья, стоит назвать и церковь Четырех мучеников (Санти-Куаттро-Коронати), при которой первое время жил деспот Фома. Эта церковь восходит к IV веку, но она была сильно перестроена в Средние века. Высокие, по-римски грубоватые стены даже в солнечный день выглядят сурово. Но за этой хмурой наружностью скрываются интересные вещи. В одной из капелл сохранились росписи 1246 года, изображающие историю крещения папой Сильвестром императора Константина Великого. Здесь запечатлен и знаменитый сюжет, связанный с «Константиновым даром» – подложным документом, согласно которому император Константин будто бы передал папам во владение Западную Римскую империю. Именно на этом поддельном тексте, составленном в папской канцелярии в Средние века, зиждилась идея светской власти римских первосвященников. Лишь в 1440 году,

за 25 лет до приезда Софьи в Рим, гуманист Лоренцо Валла доказал поддельность «Константинова дара». Любопытно, что через 26 лет после приезда Софьи Палеолог на Русь один из символов верховной власти папы римского, изображенный на этих фресках (зонтик-«солнечник»), будет изображен на одном из московских произведений декоративно-прикладного искусства, очерняющих великую княгиню... Но об этой истории – в свое время.

К церкви Четырех мучеников примыкает монастырь, в котором сохранился уютный клуатр (внутренний дворик) XII века с колоннами и садиком посередине. Вполне вероятно, что Софья могла гулять здесь и любоваться монастырскими розами. Средневековые римские клуатры – это особая тема. Заметим лишь, что один из лучших клуатров с изящными резными колоннами находится в монастыре Сан-Паоло Фуори-ле-мура («за городскими стенами»). Вероятно, Софья там бывала. Мощи апостола Павла – вторая после мощей апостола Петра римская святыня. С Павлом связано и одно из изображений Фомы Палеолога: скульптор Паоло Романо придал черты Фомы статуе апостола Павла, которая долгое время находилась в соборе Святого Петра, а ныне – на мосту Святого Ангела.

Особняком в ряду помнящих Софью римских достопримечательностей стоит круглая в плане церковь Сан-Стефано-Ротондо, восходящая к V веку. В ней дочь Фомы Палеолога могла любоваться небольшой византийской мозаикой VII века, изображающей Иисуса Христа со святыми Примо и Феличиано.

Вообще, за ренессансными и барочными фасадами многих римских церквей часто скрываются мозаики византийского стиля. Пожалуй, самая прекрасная из них находится в базилике Санта-Мария-ин-Домника, что на холме Целий. На мозаике изображен заказчик – папа Пасхалий I (817–824), преклонивший колени перед Богородицей. Богоматерь окружена ангелами, которые стоят на траве. Выше – сам Иисус Христос, а справа и слева от Него – апостолы, также стоящие на траве. Автор мозаики изобразил в траве множество ярких красных цветов. Это римские маки, которые до сих пор каждую весну покрывают все лужайки города, цветут на Форуме и Палатине, пробиваются сквозь асфальт в новых районах. Эти маки оживляют мертвые античные развалины, а на Аппиевой дороге, где сосредоточены многие раннехристианские захоронения, они напоминают о крови, пролитой мучениками за Христа.

Без сомнений, Софья Палеолог тоже по весне любовалась маками. Но еще более значимо, что, молясь в римских храмах, она вполне могла почувствовать близость римской и византийской традиций, обусловленную их общими истоками. Именно на этом основывалась мысль об общехристианском единстве, которое папы мечтали возглавить.

Рим времен Софьи Палеолог – это город святынь. Он был полон разнообразных реликвий, причем бóльшую их часть составляли святыни не сугубо католические, а общехристианские. Римские святыни – это не только мощи святых, но и различные места города, связанные с новозаветными событиями или с жизнью раннехристианских мучеников.

Греческое слово μάρτυς (и латинское *martyr*), которое в русской традиции принято переводить как «мученик», означает в действительности «свидетель». Подчеркивалось не то, что над первыми христианами издевались, что их мучили в тюрьмах и на аренах цирков, а то, что они – во время глумления над ними язычников – свидетельствовали о Христе, доказывали, что смерть не страшна, потому что Христос воскрес, победил смерть.

Среди памятников, помнящих Софью, отдельно стоит сказать о Латеранском комплексе, где долгое время находилась резиденция римских пап. В XV веке папы только начинали перебираться из Латерана в Ватикан.

Латеранская резиденция восходит к временам императора Константина. Там сохранился баптистерий V века – самый древний в Европе. По его образцу построены все остальные баптистерии средневекового Запада. Долгое время была распространена легенда, согласно которой император Константин был крещен в Риме. Но конечно, этого здания во времена Константина не существовало, а место крещения императора доподлинно не известно. Латеранская базилика огромна. Рядом с ней стоит здание, специально построенное над лестницей, которая, по преданию, находилась во дворце Понтия Пилата. Именно по ней поднимался Иисус Христос, когда шел на суд. Согласно традиции, подняться по ней можно только на коленях. Для того чтобы сегодня иметь возможность сделать это, нужно отстоять немалую очередь... Софья наверняка не раз посещала Латеранские святыни.

Русские участники Ферраро-Флорентийского собора, оказавшиеся в Риме за 30 лет до Софьи, были удивлены обилием общехристианских реликвий. В своем описании Рима они упомянули мощи апостолов Петра и Павла, свя-

того папы Римского Сильвестра[63]. Они побывали в Латеране, где крестился «святый царь Коньстянтин», а также «на месте, кде усекнули главу святому апостолу Павлу» (Сан-Паоло Фуори-ле-мура) и где открылся чудесный источник со святой водой. Среди значимых мест упомянут и некий «дом Еуфимианов» – дом отца святого Алексия человека Божьего[64], одного из самых почитаемых на Руси святых. Старинная церковь Сант'Алессио находится на холме Авентин. По целому ряду признаков можно утверждать, что в основании храма действительно лежит дом римского патриция. Внутри храма слева от входа заметно небольшое странное сооружение, выпирающее из пола базилики. Это остатки древнеримского колодца, какие часто бывали в домах знатных горожан.

Эти и другие римские святыни со временем стали дороги Софье и ее братьям. Они находились в неуютном положении сирот, и, несмотря на то что папа выделял средства на их содержание и обучение, им важно было иметь непрестанную духовную поддержку. Римские чудотворцы в ней никому не отказывают... Наверное, многие часы дети Фомы Палеолога проводили у главы апостола Андрея, которую привез в Рим их отец.

Впрочем, обилие реликвий в городе не обеспечивало обитателям Рима безгрешной жизни. Знаменитый проповедник из Сиены по имени Бернардино в середине 1420-х годов жестоко обличал римлян за увлечение азартными играми, париками, светской музыкой и развратом. В 1424 году на Капитолии в огромном костре были сожжены многие вещи, ассоциировавшиеся у святого с греховной жизнью горожан[65].

Итак, Софья и ее братья прибыли в Рим в эпоху, когда город начал постепенно менять свой облик. В Риме 1460-х годов царил дух «пылкий и грубый, твердый и одновременно слезообильный, постоянно колеблющийся между мрачным отвержением мира – и наслаждением его пестротой и красотами»[66]. В ту пору в Вечном городе встретились экзальтированная религиозность и прославление земной жизни, Средневековье и Возрождение.

Latinorum Graecissimus, Graecorum Latinissimus

В Риме юные Палеологи, разумеется, не были предоставлены сами себе. Их покровителем и опекуном стал кардинал Виссарион Никейский (1403–1472), выдающийся

деятель западного мира того времени. Со времен Феррара-Флорентийского собора Виссарион проявлял себя как последовательный сторонник унии между церквями, а после падения Константинополя – как главный организатор борьбы с турками. Виссарион всячески поддерживал Фому Палеолога, в котором видел воплощение византийской государственности.

Софья Палеолог с братьями, без сомнения, не раз бывала в доме кардинала Виссариона. Этот дом (вернее, небольшой домик – *casina*, как его называют римляне) сохранился. Он находится в самом начале исторической Аппиевой дороги, недалеко от развалин терм Каракаллы. Виссарион пригрел в нем немало греков, бежавших от османов. Среди них – Феодор Газа, Константин Ласкарис и другие выдающиеся умы эпохи, которым Виссарион помогал и советами, и деньгами. Виссарион выкупал своих соотечественников из турецкого плена, «слал во все концы множество частных писем и официальных посланий итальянским и вообще европейским суверенам, в которых выражал скорбь по поводу гибели греческой нации, горечь при виде безразличия и близорукости Запада в отношении событий на Босфоре, но в то же время развивал идею "крестового похода" против турок»[67].

Софья посещала церковь Двенадцати апостолов, с которой в последние годы жизни был связан ее покровитель. Эта базилика интересна и сама по себе. Ее фасад относится к XV веку, что для Рима редкость. В клуатре церкви позже будет похоронен Микеланджело. Виссарион же был ктитором этой церкви. В ней он обрел и вечный покой. До наших дней сохранилось его надгробие, вынесенное позже на одну из колонн внутри церкви, расположенную слева от входа. На большом мраморном медальоне можно видеть профиль знатного господина в широкополой шляпе.

Сохранилось множество других изображений Виссариона на фресках и в рукописях[68]. Изображение кардинала имеется, например, в Сикстинской капелле Ватикана. С левой стороны от входа можно видеть его портрет кисти Пьеро ди Козимо. Виссарион представлен здесь одним из персонажей ветхозаветной сцены, изображающей переход евреев через Красное море. Фреска эта написана в 1482 году, через десять лет после смерти кардинала. Художник, вероятно, использовал один из его прижизненных портретов[69].

Сравнивая многочисленные изображения Виссариона, легко заметить их общую черту. Везде кардинал запечатлен

в образе рафинированного интеллектуала с задумчивым взглядом и окладистой бородой. Именно наличие бороды – нехарактерное для итальянцев того времени – и дало возможность художнику представить кардинала в импозантном образе ветхозаветного героя.

«Виссарион не расставался с бородой и даже этим наружным отличием приобрел в Риме всеобщую известность. Борода эта ему даже помешала быть избранным в папы, так как некоторые кардиналы на конклаве заявили, что бородатого папу они не могут допустить»[70]. (Виссарион дважды – в 1455 и 1471 годах – рассматривался в качестве претендента на папский престол.) Интересно, что если в середине XV века бородатый папа был невозможен, то уже с эпохи папы Юлия II (1503–1513) многие папы носили бороду. Впрочем, для самого Юлия II ношение бороды было способом выразить свою печаль: он отпустил бороду в знак скорби о том, что против него восстала Болонья. Позже папа Климент VII (1523–1534), спасаясь в Орвието, также отпустил бороду в знак грусти о том, что войска Карла V в 1527 году вошли в Рим и разграбили его[71].

Любопытно, что в начале XVI века вопрос о бороде довольно широко обсуждался в среде гуманистов. Итальянец Пьерио Валериано (1477–1558) в 1529 году написал целый трактат, в котором обосновывал необходимость носить бороду католическим священникам[72]. Этот трактат был издан в Риме в 1531 году и не раз переиздавался в Париже, Льеже и других городах. Среди аргументов Валериано было то, что – судя по ранним изображениям – и сам Иисус, и апостолы носили бороду. Кроме того, гуманист замечал, что «для мужской природы борода естественна»[73]. Католический епископат очень быстро усвоил эти новые веяния. Известно, что менее чем через столетие после смерти Виссариона – во время споров на Тридентском соборе (1545) – иерархи в пылу споров таскали друг друга за бороды!

Мода причудлива и изменчива во все времена. Для России XIX век начался с гладко выбритого Павла I, а закончился окладистой бородой Александра III и бородкой Николая II. В чем причина каприза моды в отношении бороды в XVI веке, до конца неясно. Можно думать, что здесь сыграли роль наблюдения гуманистов над тем, что римляне эпохи Республики носили бороду. Гуманистам также казалось, что борода делает лицо «более почтенным» и способствует тому, что обладающего ею человека больше уважают. Эти идеи, впрочем, перестали быть популярными уже в XVII веке.

Другой причиной распространения на Западе моды на бороду могло быть то, что к середине XV века в Европе появились ученые греки. Мануил Хрисолор, Феодор Газа, Георгий Трапезундский, Иоанн Агиропул и другие греческие интеллектуалы носили бороды. Впрочем, почти никто из итальянских гуманистов, восхищавшихся их мудростью, кажется, бороды не отрастил.

Виссарион Никейский выделялся среди тогдашних итальянских иерархов не только бородой и широкополой шляпой. Он «считался самым ученым и выдающимся по уму и нравственным качествам из кардиналов той эпохи, был великим почитателем и знатоком Платона и вообще покровителем словесности – *literarum patronus*»[74]. Виссарион был искушенным библиофилом. Он собрал многие сотни книг и мечтал, чтобы эти манускрипты стали достоянием греков, бежавших из Константинополя и Мореи. В доме на Аппиевой дороге он устроил греческий скрипторий. Свою библиотеку он подарил Венеции, так как именно через этот город его соотечественники обыкновенно бежали в Италию с Востока. Собранные Виссарионом рукописи составили основу нынешней библиотеки *Marciana* (библиотеки Святого Марка).

Виссарион был искусным дипломатом и доверенным лицом папы Николая V. В 1450–1455 годах он был апостольским легатом в Болонье. В городе сложилась тогда непростая обстановка: не прекращалась борьба за власть между аристократическими фамилиями. Николаю V важно было упрочить в Болонье собственное влияние: он опасался, что этот свободолюбивый город, второй по величине в Папской области, может отложиться от власти пап или будет захвачен другими государствами – Венецией, Флоренцией или Миланом. В этой сложной ситуации Николай V доверял защиту своих интересов Виссариону – своему «ангелу мира».

Благодаря усилиям Виссариона Болонья не только осталась частью Папского государства, но и стала важным центром ренессансной культуры[75]. В частности, кардиналу удалось вдохнуть новую жизнь в Болонский университет, который в начале XV века находился не в лучшем положении[76]. Под началом Виссариона были поновлены некоторые старинные здания. В 1453 году его попечением был отлит новый городской колокол. Отметим, что власти Болоньи обратились для руководства подъемом этого весьма тяжелого колокола на башню к местному инженеру – Аристотелю Фиораванти[77]. Позже он станет главным городским инженером[78]. Есть основания полагать, что колокол был поднят

в присутствии Виссариона и кардинал мог познакомиться с мастером.

Благоустройство Болоньи не было, однако, главным делом жизни кардинала. Кипучая деятельность Виссариона была направлена в первую очередь на воплощение в жизнь идей Флорентийской унии – установление реального общехристианского единства, а главное – на борьбу с османами. В 1463 году Виссарион был назначен папой Пием II чрезвычайным послом в Венецию, где он всеми силами стремился побудить максимальное число людей жертвовать средства на подготовку нового крестового похода, который папа предполагал возглавить. Перу Виссариона принадлежит воззвание, в котором кардинал от лица Римской церкви обещал многие блага тем, кто не поскупится на дело антитурецкой борьбы. Он призывал каждого взрослого человека отдать тридцатую часть своего годового дохода на крестовый поход. Отдельно оговаривалось, что «всякому, кто целиком уплатит тридцатую долю, причем эта доля будет превышать сумму в 20 дукатов, обещана индульгенция с полным отпущением всех его грехов один раз при жизни... оговаривается двукратное отпущение грехов (один раз при жизни, другой – в момент смерти) для тех, тридцатая доля которых превысит 20 дукатов и которые сверх этого еще уплатят что-то в соответствии со своими возможностями... подчеркивается, что отец семейства за взнос своей доли не может рассчитывать на получение индульгенции и на детей; чтобы иметь таковую, они должны сами внести за себя тридцатую долю... не полагается индульгенции жене, если взнос делает муж...»[79].

Эти призывы и обещания были отчаянной попыткой склонить людей к участию в подготовке похода, который бы сокрушил османов. Однако идея «войны за веру» в таком формате уже исчерпала себя. Правители и интеллектуалы Запада считали ее бесплодной. Весьма показательно в этом отношении поведение бургундского герцога Филиппа Доброго – одного из богатейших правителей Европы. Уже в феврале 1454 года «Филипп устроил в Льеже пир, на котором к столу герцога был подан живой фазан в ожерелье из драгоценных камней, в то время как человек огромного роста в одежде сарацина грозил гостям игрушечным слоном, а юный Оливье де ла Марш, переодетый девицей, изображал горести Матери-Церкви. Вся компания торжественно поклялась пойти на священную войну. Однако эта премилая пантомима не имела никаких последствий. "Клятва фазана", как ее прозвали, так никогда и не была выполнена»[80].

С целью организовать противостояние туркам Виссарион ездил в 1460–1461 годах в качестве посланника папы в немецкие земли. Перед самой смертью, в 1472 году, он посетил Францию и вел переговоры о помощи делу сопротивления османам с правителями Англии и Франции, но они никакой помощи не оказали.

Неординарная фигура Виссариона стоит особняком как среди римских гуманистов, так и среди церковных иерархов. Будучи представителем византийской духовной традиции, Виссарион стал выдающимся деятелем западного гуманизма. Лоренцо Валла, который входил в круг близких Виссариону гуманистов, называл кардинала *Latinorum Graecissimus, Graecorum Latinissimus* – «самый греческий из латинян, самый латинский из греков».

Мечты и надежды Виссариона, равно как и его широкая и разносторонняя деятельность, произвели большое впечатление на современников и остались в памяти потомков. Уже в Новейшее время, с 1896 по 1923 год, в Риме издавался журнал, посвященный делу католической миссии на Востоке, в том числе в России. Это издание было главным рупором Папского Восточного института и носило имя кардинала – *Bessarione*. На обложке был помещен его профиль из церкви Двенадцати апостолов.

Именно кардинал Виссарион, провозглашенный в Риме в 1463 году патриархом Константинопольским, опекал в Вечном городе Софью Палеолог и ее братьев. В удачном устройстве их судьбы этот выдающийся грек видел возможность воскрешения Византии.

Воспитанница кардинала Виссариона

Виссарион не раз напоминал детям Фомы Палеолога о том, что они принадлежат великому народу. Он стремился вложить в их сознание мысль о необходимости сберечь память о погибшей империи, всеми силами храня и возрождая ее культуру и сопротивляясь турецкой угрозе. Виссарион мечтал воспитать юных Палеологов интеллектуалами и высоконравственными людьми.

Кардинал размышлял о них: «Пусть подумают об учении, чтобы в нем преуспеть. И пусть не думают, что они знатные: знатность без добродетели – ничто даже у тех владык, которые располагают большими владениями и вла-

стью, а тем более – у них, не имеющих ничего...»[81] Дети Фомы – и в первую очередь его сыновья – были и для Виссариона, и для скитавшихся по Италии греков олицетворением надежды на сохранение памяти о Ромейской державе. Ученый грек Гермоним Харитоним, прибывший с Палеологами в Рим с Корфу в 1465 году, даже написал панегирик «деспотам ромеев» Андрею и Мануилу[82].

Однако Виссарион подчеркивал, что юные Палеологи в долгу перед приютившей их Римской курией. «Пусть не заносятся, пусть будут скромны и тихи... у них нет ни чина, ни имени, ни славы... они изгнанники, сироты, чужестранцы, совершенно нищие...»[83] – не уставал повторять кардинал. Он был раздосадован тем, что еще по дороге с Корфу в Рим Палеологи вышли из церкви в тот момент, когда поминалось имя папы. В качестве наказания Виссарион заставил их выучить наизусть длинные извинения и произнести их, стоя перед папой на коленях[84].

Виссарион призывал наследников Фомы Палеолога почитать латинских священников и вообще римские порядки. В частности, он требовал от них оставить привычку носить восточные одежды и перейти на европейские платья. Виссарион был категоричен: если Палеологи не будут уважать «латинскую» веру, «им придется покинуть Запад».

Все эти идеи выражены в письме, адресованном наставнику детей Фомы. К сожалению, его имя до сих пор неизвестно. Но известно, что помощником наставника был доктор Критопул, ученый грек. Кроме того, у Палеологов стараниями Виссариона были собственные врач, учитель греческого языка (не исключено, что им был Гермоним Харитоним[85]), учитель латыни, а также переводчик, чтобы в Риме они не испытывали сложностей в бытовом общении. К ним были приставлены также два католических священника: «ведь нужно, чтобы дети жили на латинский лад, как этого хотел и блаженной памяти их отец»[86].

Виссарион советовал их наставнику обратить внимание на дисциплину, а также больше заниматься с ними грамматикой[87]. К сожалению, Софья и ее братья едва ли походили на образованных аристократов с утонченными манерами, которыми издавна отличались представители императорской семьи. Виссарион печалился из-за невежества детей Фомы и их неумения вести себя в обществе. Но не стоит винить их в этом: детство Софьи, Андрея и Мануила пришлось на тяжелейшее время. В изгнании родители не могли наладить достойное обучение своих детей. И всё же на об-

разованных римлян они производили впечатление скорее бедных провинциалов с дурными манерами, нежели полноправных наследников великой христианской державы...

Впрочем, дети Фомы в своей необразованности и «дикости» были не одиноки: таковыми являлось подавляющее большинство греческих эмигрантов. Утонченного интеллектуала Виссариона, всем сердцем любившего свой народ и свою погибшую родину, обуревал стыд за соотечественников. В одном из посланий к грекам кардинал с болью произнес: «Мы не только потеряли власть, но и вкусили рабства... У нас не осталось и следа ни премудрости, ни науки»[88]. Виссарион надеялся лишь на «добродетель, касающуюся нравов и делающую причастных ей людьми достойными и порядочными», которая издревле отличала греков.

Стараниями кардинала Софья и ее братья получили всё же некоторое образование. Дочь Фомы Палеолога умела читать и писать по-гречески и, надо думать, по-итальянски и по-латыни. Но не стоит торопиться приписывать Софью к кругу просвещенных аристократов с широким гуманистическим и политическим кругозором. О том, насколько образование юных Палеологов было успешным, судить сложно. Ни за Софьей, ни за ее братьями не замечено какой бы то ни было «книжной деятельности» или стремления окружать себя действительно высокообразованными людьми. До сих пор не обнаружено ни одного автографа Софьи, хотя причина этого, по-видимому, в плохой сохранности архивов.

Из письма Виссариона становятся ясны подробности, касающиеся положения молодых Палеологов в Риме. На содержание сыновей деспота (в том числе оплату труда учителей) денег выделялось меньше, чем на содержание одного Фомы. Папа по-прежнему ежемесячно выделял семейству 300 дукатов, но кардинала Исидора в живых уже не было, а потому те 200 дукатов, которые он давал Фоме, его детям уже не доставались. Виссарион сообщал о том, как следовало распределить папские деньги: «Святейший папа желает, чтобы двести дукатов ежемесячно были поровну разделяемы между принцами, дабы расходовались на питание их и прислугу их – по шести или семи человек у каждого, а также на покупку и прокорм по меньшей мере четырех коней, на жалованье прислуге и на одежду принцев, чтобы одежда была красивой и чтобы еще оставалось кое-что у каждого на случай помочь, если заболеют, и для другой надобности... А остальные сто дукатов каждый месяц, или тысячу двести в год, дабы расходовались на каких-нибудь знатных

лиц и достойных людей, которые бы с ними были, чтобы служить им, и сопровождать, и охранять...»[89] Последние слова особенно значимы: Виссарион осознавал, что если у юных Палеологов не будет перед глазами положительного примера – людей, которые ежедневно смогут своим поведением направлять развитие детей в нужное русло, – все усилия, направленные на их образование, будут тщетны.

Итак, при Палеологах в Риме сохранялся небольшой двор, хотя их жизнь была достаточно скромной. Ядро двора составляло окружение семьи Фомы Палеолога, прибывшее в Рим с Корфу вместе с наследниками деспота. Одним из спутников Палеологов аристократического происхождения был наследник крымского княжества Феодоро (Мангупа) Константин, грек по происхождению[90]. В число их приближенных едва ли входило большое число высокообразованных мужей, однако, разумеется, абсолютно безграмотных людей среди них было немного. Наиболее талантливые и харизматичные представители окружения юных Палеологов в Италии постепенно знакомились с ренессансной культурой. В Риме складывался круг тех, кто отправится с Софьей на Русь.

Двор юных Палеологов в Риме не стал гуманистическим центром, но был местом, куда стекались обездоленные греки-эмигранты в надежде на милости Римской курии. Папа был обеспокоен тем, что греков в Риме слишком много и если все они соберутся вокруг детей Фомы, как они когда-то собрались вокруг самого деспота, папа не сможет их содержать. Эта проблема особенно остро встала перед Андреем Палеологом в 1490-е годы, когда папы почти перестали выделять ему средства, а не нашедших себя греков вокруг него становилось все больше...[91]

Сначала главным наследником Фомы считался его старший сын Андрей. Однако поведение Андрея и Мануила мало соответствовало надеждам Виссариона. В конце 1460-х годов, когда братьям было примерно по четырнадцать-пятнадцать лет, они «часто предавались распутству», порой не посещали мессы и много пили[92]. Уже после того как Софья уедет в Москву, Андрея Палеолога навестит ученый грек Константин Ласкарис. Он будет поражен тем, что деньги, которые папа выделял на содержание «деспота ромеев», тратились на выпивку и проституток, а наследник тех, кто носил пурпур и шелк, «прикрывал свое тело лохмотьями за два сольдо...»[93]. Что ж, тяжелое детство и в особенности ранняя потеря родителей наложили на характер братьев негативный отпечаток.

Софья была более послушна и, хочется верить, не пошла по кривой дорожке, избранной ее братьями. Во всяком случае, источники не сохранили какого-либо осуждения ее поведения в 1460-е годы.

В первое время ее пребывания в Риме ни Виссарион, ни папа не видели ее роли в деле «спасения Византии». Более того, имеются некоторые данные, согласно которым в 1466 году (то есть в возрасте около пятнадцати лет) она была выдана замуж за человека из старинного аристократического рода Караччоло[94].

Присмотримся к этим известиям внимательнее. Согласно Сфрандзи, Софья была обвенчана папой Павлом II с этим Караччоло в мае 1466 года. Имя ее жениха источники не сохранили. В фамильных хрониках и документах обеих ветвей семьи Караччоло – римской и неаполитанской – никаких сведений об этом браке нет. Тем не менее в болонских хрониках, в которых речь идет о проезде Софьи через город в 1472 году, она названа «вдовой Караччоло».

Караччоло входили в тот же гуманистический кружок при арагонском дворе в Неаполе, что и некоторые близкие Виссариону и Софье Палеолог греки. Речь идет о Георгии (Юрии в русской традиции) и Дмитрии Траханиотах[95], которые оставят заметный след в истории России. Все это позволяет думать, что Софья действительно могла быть как минимум обручена с представителем клана Караччоло.

Но это полумифическое первое замужество Софьи если и имело место на самом деле, то сложилось неудачно. Ее жених (супруг?) умер вскоре после обручения (свадьбы?). И снова у ее покровителей возникла идея поскорее выдать ее замуж. Присутствие в Риме незамужней молодой женщины высокого социального статуса, но при этом совершенно нищей и беспомощной, создавало для курии лишние хлопоты. К 1468 году Софье было около восемнадцати лет – возраст, в котором аристократки того времени обыкновенно уже состояли в браке и имели детей...

Следующее предложение руки и сердца Софьи было сделано не без участия Венецианской республики. Именно в Венеции был разработан план женить на Софье короля Кипра Якова Лузиньяна, чтобы тот, помня о происхождении своей супруги, включился в борьбу с османами (Кипр в ту пору еще не был ими захвачен). Однако поначалу Яков отверг эту идею. Когда же в конце 1460-х годов он счел ее приемлемой, было уже поздно: вовсю шли переговоры о браке Софьи с московским великим князем Иваном III.

Глава 3

ЗАМУЖ ЗА СХИЗМАТИКА

Часто случается, что человек считает счастье далеким от себя, а оно неслышными шагами уже пришло к нему[1].

Дж. Боккаччо

Кто стоит за браком Ивана III и Софьи?

История подготовки свадьбы Софьи с московским великим князем сложна и запутанна. К ее организации – помимо Виссариона (и сочувствовавшего его идее папы Павла II и позже Сикста VI) – был причастен еще один человек. Речь идет об авантюристе из Виченцы Джан-Баттисте делла Вольпе – Иване Фрязине русских летописей. Он «принадлежал к хорошему роду, издавна известному, переселившемуся из Германии, обладавшему достатком и доставившему стране выдающихся юристов и храбрых полководцев. Официальные документы называют его *civis* и даже *civis nobilis* (то есть «гражданин» или «благородный гражданин». – *Т. М.*). Его герб красноречив: золотая или серебряная... лисица, стоящая на задних лапах среди лазоревого поля...»[2].

Иван Фрязин уже был в 1460-е годы московским «денежником», или *maestro della zecca* – откупщиком монетного дела в Московском княжестве[3]. Это была сколь высокая, столь и своеобразная должность. И здесь стоит ненадолго отвлечься от рассказа о подготовке брака Софьи, чтобы понять, кем был тот человек, который принимал в этом деле самое непосредственное участие.

В 1460-е годы Московское княжество едва оправилось от раздиравшей его около четверти века феодальной войны. В 1430–1450-е годы на Руси шла ожесточенная борьба между сыном великого князя Московского Василия I Василием II и братом Василия I Юрием Звенигородским (а после его смерти в 1434 году – сыновьями Юрия Василием Косым и Дмитрием Шемякой). Война за московский пре-

стол завершилась к 1453 году, когда умер Дмитрий Шемяка – главный соперник Василия II. Время феодальной войны было тяжелым для страны. К середине 1450-х годов страна была разорена, а правил ею слепой правитель (Василий II был ослеплен Дмитрием Шемякой в 1446 году, отсюда его прозвище – Темный). Разорен был и московский монетный двор. Русские умельцы не могли сами наладить производство монеты, так как не имели большого опыта в этом деле. Первые русские монеты относятся ко времени Дмитрия Донского. До той поры в качестве денег использовали шкуры пушных зверей, серебряные слитки или их части («рубли»), а также иноземные монеты, преимущественно арабские, скандинавские и немецкие.

Василию II пришлось принять непростое решение: он отдал монетное производство на откуп иностранным специалистам. Для великого князя было важно, чтобы московская монета с его именем отличалась высоким качеством и начала чеканиться как можно раньше. Это укрепляло его власть в княжестве и упрочивало его авторитет среди других правителей.

В ту пору в Москве находился некий Якопо, выходец из причерноморских колоний итальянских морских республик. Жителей тех мест в средневековой Руси называли «фрягами» («фрязями»), поэтому у Якопо появилось прозвище – Фрязин. Ему и был отдан на откуп московский монетный двор. Он чеканил серебряную и золотую монету для великого князя, а сам имел с этого производства процент. Русские золотые монеты в ту пору чеканились «штучно», они были тогда «"визитными карточками" московского князя и его государства...[4]» и использовались только как награды или подарки[5]. Отметим здесь, что на протяжении всей междоусобной войны чекан собственной монеты всеми претендентами на московский престол был важным фактором утверждения их власти в стране. В 1434 году денежную реформу провел в Москве Юрий Звенигородский[6]. В 1446 году занявший Москву Дмитрий Шемяка провел новую реформу, причем известно, что он привел своих мастеров из Галича[7]: он хотел быть уверен, что его, по сути, грабительская реформа будет осуществлена так, как он того желает.

Якопо Фрязин служил Василию II сравнительно недолго. Есть основания полагать, что между денежником и великим князем произошел серьезный конфликт. Причиной этого конфликта, по-видимому, послужило то, что

Василий стал подозревать Якопо в измене. Для Василия Темного, пережившего ужасы едва закончившейся междоусобной войны, подозрение такого рода было очень болезненным. Московский великий князь опасался, что ценные металлы из его страны могут идти в руки его возможных врагов.

Известно, что Якопо Фрязин вел частную переписку с миланским герцогом Франческо Сфорца. Письма Якопо до нас не дошли. Но в архиве Милана сохранилось ответное письмо герцога, датированное 12 января 1463 года. Из него следует, что Якопо не только не потерял связей с родиной, но и передал герцогу от своего имени три золотые монеты. Герцогине были переданы удивительной красоты жемчужины[8]. Если эти факты стали известны Василию II, то они, несомненно, глубоко оскорбили его, поскольку дали повод усомниться в верности Якопо русскому правителю: золотые монеты чеканились в Москве вовсе не для выражения признательности одного иноземца другому.

Именно поэтому, надо полагать, откуп московского монетного производства был изъят из ведения Якова Фрязина и доверен другому специалисту – Ивану Фрязину, который больше устраивал московского князя. Иван Фрязин принял православие и стал, таким образом, «своим» для московского правителя.

Итак, уроженец Виченцы Иван Фрязин занял около 1462 года видное положение в Москве. Он был в курсе придворных интриг, был знаком с проблемами Москвы и итальянских земель. Он знал, что в Риме стремятся использовать любые возможности, чтобы противостоять туркам. Ему было известно и то, что московский великий князь Иван III (сын умершего в 1462 году Василия II) в 1467 году овдовел. Покойная супруга Ивана Васильевича, Мария Борисовна, дочь тверского князя, родила великому князю лишь одного ребенка – сына Ивана. Согласно представлениям того времени, этого было недостаточно для того, чтобы обеспечить государству стабильное будущее: если с единственным наследником что-то случится, то московский престол вновь будет предметом спора между представителями боковых линий московского княжеского дома. Страна в этом случае могла вернуться к тяжелой поре феодальной войны. Опасаясь этого, Иван III считал необходимым вновь жениться. Тем более что великому князю в 1467 году было всего 27 лет. Все эти факты сложились в голове Ивана Фрязина в необычный план.

Несмотря на принятие православной веры, Иван Фрязин оставался человеком западной культуры. «Не вдохновился ли Иван Фрязин – склонный, как видно, к участию в политических комбинациях, – напрасными пока что стараниями кардинала Виссариона (выдать Софью замуж. – *Т. М.*) и вдруг представившейся перспективой устроить неслыханно выгодный политический брак? – задается вопросом Е. Ч. Скржинская. –Ведь в случае удачи московский великий князь, как супруг дéспины, мог бы претендовать... на самую столицу Византийской империи, на Константинополь! Пока война с турками не прекратилась, подобная претензия могла выразиться в форме реального завоевания. Не носились ли эти соображения в талантливом комбинаторском уме Ивана Фрязина? Едва ли он был в силах непосредственно направлять намерения папы и наиболее влиятельного из кардиналов, но он мог пытаться найти пути, чтобы навести их на подобные мысли»[9].

Итак, идея брака Софьи и московского князя родилась в голове интригана и авантюриста. Однако окончательное решение по этому вопросу должны были принять, разумеется, кардинал Виссарион и папа Павел II. Отметим особо, что организация брака Софьи не была делом одного лишь Виссариона. В конце XIX столетия среди записей папской счетной книги были обнаружены данные о том, что именно папа Павел II, а не лично Виссарион выделил деньги на посольство 1468 года, отправленное из Рима в Москву.

Идея Ивана Фрязина нашла живой отклик в Риме. Это говорит об изменении отношения Виссариона и папы к дочери Фомы Палеолога. Теперь на нее возлагались большие надежды. Кардинал связывал ее будущее не просто с тихим семейным очагом, а с антитурецкой борьбой и даже с восстановлением византийской государственности. К 1468 году он испробовал, казалось, все средства, чтобы склонить европейских государей к противостоянию султану, но его грандиозные усилия – увы! – не принесли плодов. Оставались дети Фомы Палеолога. Вероятно, к изменению отношения к Софье ее римских опекунов подтолкнуло то, что Андрей Палеолог совсем не оправдывал их ожиданий. В Софье, таким образом, увидели человека, способного стать символом в большой политической игре.

Что же было известно Виссариону, Павлу II и их окружению о русских землях, куда они вознамерились отправить Софью – племянницу последнего византийского императора?

Мрачный мир «рутенов»

Московская Русь в середине XV века была очень мало известна на Западе. По словам одного исследователя, «хорошо, если в Европе знали, что есть такая страна Русь»[10].

Долгое время отрывочные сведения о Руси соседствовали в представлениях гуманистов с известиями, восходившими к эпохе Средних веков. Эти последние нередко основывались на данных античных авторов.

Согласно средневековым воззрениям, Русь представлялась далекой и холодной северной страной. Итальянские интеллектуалы XIII–XIV веков – Брунетто Латини, Якопо Алигьери, Боно Джамбони – считали северные области территорией холода и мрака, где вечная тьма окутывает берега «вязкого ото льда» моря[11]. В начале XV века Фацио дельи Умберти считал главными характеристиками этого края мрачность и пустынность, порождающие страх[12]. В Библии – непререкаемом авторитете для европейских мыслителей той поры – нашлось подтверждение этим невеселым суждениям. Книга пророка Иеремии гласила, что именно «от севера откроется бедствие на обитателей сей земли» (Иер. 1: 14).

Представления о характере того или иного народа в Средневековье и отчасти даже в эпоху Возрождения были обусловлены тем, в какой части ойкумены (обитаемого мира) этот народ живет. «Указание на географическую среду обитания народа... у средневековых авторов являлось уже и характеристикой его моральных, духовных, политических и иных качеств. То есть простое упоминание (в описании народа. – *Т. М.*) севера, юга или "срединного места"... подразумевало соответствующий каждой из климатических зон комплекс свойств. Северяне, как и южане, от природы должны быть ущербнее во всех отношениях тех, кто населял срединные области земли, и являть собой варварское начало...»[13]

Европейские интеллектуалы до середины XV века единогласно считали русских варварами, поскольку у них нет «устойчивых норм гражданской жизни» и «нравственности». По их мнению, воинственность, «дикость, жестокость, бесчеловечность, вероломство и так далее обусловлены их (русских. – *Т. М.*) северным происхождением. В глазах латинского Запада русские представляли другую, северную расу, в силу неразвитости ума и прочих способностей чуждую цивилизации и культуре»[14]. Классические средневековые пред-

ставления о холодной и опасной России надолго останутся в головах жителей Апеннинского полуострова. Это замечательно выразил Н. В. Гоголь, вложивший в уста одного из своих героев «шаблонное» мнение о Московии, в которой якобы «бывают такие морозы, от которых может лопнуть мозг человеческий»[15].

Конечно, данные Павла II и Виссариона о русских землях не ограничивались этими сведениями. В середине XV века до Рима доходила информация о Руси от итальянских торговцев из причерноморских колоний Генуи и Венеции. Купцы наверняка сообщали на родину об изобилии диковин, сокрытых в русских лесах. Речь шла преимущественно о пушнине – мехах белок, лисиц, горностаев и соболей. Попытки проникновения на Русский Север «фряги» начали предпринимать не позднее второй половины XIV века[16]. Известна грамота Дмитрия Донского, в которой он «пожаловал Печорою» Андрея Фрязина, «как было за его дядею за Матфеем за Фрязином»[17]. Купцы из итальянских факторий Северного Причерноморья, колония которых известна в Москве с XIV века[18], не понаслышке знали о несметных богатствах Русского Севера[19]. Они не раз видели в Москве великолепных ловчих птиц, ценные меха, а также изделия из «рыбьего зуба», то есть моржового клыка, и даже из «заморной кости» – бивней мамонта (их до сих пор находят по побережью Северного Ледовитого океана).

Кроме того, в Риме, конечно, знали, что жители русских земель исповедуют христианство по греческому обряду. Эти таинственные края с X века находились под юрисдикцией константинопольского патриарха. Папа Пий II в своем трактате «О Европе» поместил русских – «рутенов» – далеко на северо-восток Европы и сообщил, что они – «северный народ, исповедующий греческий обряд»[20]. Упоминание о «северном характере» русских понималось современниками во вполне определенном ключе. В Риме было хорошо известно и о том, что русские «схизматики» отвергли унию 1439 года. Всё это формировало не самый светлый образ русских земель.

В другом сочинении Пия II есть сведения о Новгороде. Папа упомянул, что в этом городе много золота и особенно серебра[21]. Со ссылкой на некоего веронца, посетившего Русский Север, папа сообщал, что те края лесисты и болотисты и что там нет Рифейских гор, о которых писали античные авторы[22]. В немецкой «Хронике Констанцкого собора», составленной Ульрихом фон Рихенталем в 1418 году, упомянуты «греческие» священники, прибывшие на собор

вместе с Григорием Цамблаком, – из Смоленска, Луцка, Львова и других городов Западной Руси, а также, возможно, из Звенигорода (*Clingenburg*) и Ярославля (*Jerassla*)[23].

Любопытные данные о Руси и особенно о Новгороде содержались и в сочинении рыцаря Гильбера ле Ланноа, посетившего в 1420-е годы северо-запад Руси. Он привел разнообразные мифы о северной природе. В частности, о том, что зимой «во время езды лесом он слышал треск деревьев, раскалывавшихся сверху донизу», а «в глиняном горшке с водой и мясом, поставленном на огонь в сильный мороз, вода кипела на одной стороне и превращалась в лед – на другой»[24]. Сведения де Ланноа, впрочем, в Риме известны не были[25].

Новые впечатления от общения с русскими в Италии получили на рубеже 1430–1440-х годов. По свидетельству гуманиста Кристофоро Ландино, некоторые сведения о природе Русского Севера и о занятиях населения удалось выяснить во Флоренции некоему «доктору Паоло», которого можно отождествить с гуманистом Паоло Тосканелли[26]. Эти данные способствовали росту интереса флорентийского купечества к русским землям. Источники сохранили свидетельства о торговой деятельности флорентийских купцов в Москве в 1440-е годы. Можно только догадываться о том, какие противоречивые чувства испытывали купцы Пьеро и Франческо, находившиеся летом 1446 года в Москве. В городе в тот год случился сильный пожар, и значительная часть мехов, подготовленных на продажу, – «белки, горностаи и соболи» – сгорела. Это привело к резкому скачку цен на пушнину[27].

Несмотря на скудость данных о России и на их своеобразный характер, в Риме знали о русских землях несравненно больше, чем, например, в Милане. Герцог Франческо Сфорца около 1461 года дал специальное задание одному из придворных гуманистов, чтобы тот составил заметку о примерном географическом положении России. Заметка вышла краткой, буквально в несколько строк, и представляла собой перечисление стран, с которыми граничили русские земли[28].

Итак, Московская Русь представлялась на Западе страной богатой, но не слишком приветливой, а главное – неизведанной. Можно только догадываться, какое смятение чувств испытала Софья, когда ей сообщили о том, что она, возможно, будет выдана за московского князя – настоящего северного варвара и схизматика, хранящего в своих ледяных замках несметные сокровища.

Тем не менее идея Ивана Фрязина о браке Софьи с великим князем Московским пришлась в Вечном городе ко

двору. Устроение такого брака давало Папской курии надежду на то, что Иван III захочет вернуть «византийское наследство» и, следовательно, будет – вместе с европейскими правителями – бороться против турок[29]. Не исключено, что в Риме надеялись на «природную воинственность русских». Ну и далеко не в последнюю очередь подобный брак подавал новые надежды на вовлечение русских земель в церковную унию с Римом.

Как уговорить «варвара»?

Подготовка брака началась осенью 1468 года. Павел II приказал выдать 48 дукатов на дорожные расходы Антонио Джислярди, происходившему из Виченцы, и греку Георгию (скорее всего, это был Юрий Траханиот). Они были отправлены в Москву к Ивану Фрязину, который был земляком Антонио Джислярди. В итальянских документах эти люди названы послами – *legati*, что означало самый высокий ранг дипломатического представительства.

До Москвы папские послы добирались около трех месяцев. Великокняжеский книжник, причастный к составлению так называемого Московского летописного свода конца XV века, сообщал, что 11 февраля 1469 года посольство прибыло в Москву. Через короткое время римляне получили аудиенцию у великого князя. Его резиденция вполне могла изумить послов. Великий князь жил в обветшавшей белокаменной крепости времен Дмитрия Донского. Облик Москвы конца 1460-х годов контрастировал с обликом Рима: не только все дома города, но даже сам дворец великого князя были деревянными. Для итальянцев, выросших в городах, отстроенных в камне, это было на грани фантастики.

В летописном известии говорилось, что из Рима пришел «от гардинала Висариона Грек Юрьи именем к великому князю с листом», то есть с грамотой, где излагалась цель посольства и рассказывалось о Софье. Эту грамоту, надо думать, долго берегли в великокняжеском, а потом и в царском архиве. Однако московские хранилища документов неоднократно горели, а потому неудивительно, что грамота не дожила до сего дня.

В летописи пересказаны сведения из этой грамоты, которые показались важными при дворе. Сообщалось, что «есть в Риму деспота Аморейскаго Фомы Ветхословца от

царства Констянтина града дщи его, именем Софья, православнаа христианка»[30]. Любопытно, что книжник перевел на русский язык и фамилию Фомы – Палеолог. Сообщалось также, что если московский князь захочет взять Софью в жены, то Римская курия против не будет: «Аще восхощеши поняти ея, то аз (Виссарион. – *Т. М.*) учиню ея во твоемъ государстве»[31]. В летописи, заметим, говорилось еще, что руки Софьи просили и миланский герцог, и французский король, однако Софья им отказала, поскольку они были католиками, тогда как она хранила верность православию.

Последние сведения не соответствовали действительности, и в грамоте, на которой основано летописное известие, их быть не могло: ни миланский герцог Галеаццо Мария Сфорца, ни французский король Людовик XI (женатый к тому времени на Шарлотте Савойской) никогда не хотели взять в жены Софью. Тем более что не сама Софья, напомним, решала собственную судьбу. Все связанные с ее возможным замужеством вопросы находились в ведении Виссариона, который, разумеется, ничего против «латинства» иметь не мог. Видимо, эти подробности вошли в летопись в последние годы XV века, когда уже обозначилась довольно четкая антилатинская идеология молодого Русского государства.

Думается, что Иван III был несколько удивлен предложением, сделанным ему из Рима. По русской традиции он созвал совет из ближайших лиц, в круг которых входили митрополит Филипп I, княгиня-мать Мария Ярославна, а также некоторые бояре[32].

Идея заключения брака показалась Ивану III заманчивой. Он отправил Ивана Фрязина в Рим, чтобы тот разузнал обо всем более подробно и, в частности, рассмотрел внешность будущей невесты: «Тоя же весны марта 20 послал Ивана Фрязина к папе Павлу и к тому гардиналу Висариону и царевну видети»[33]. В этом летописном известии Софья названа исключительно высоким титулом – *царевна*, то есть наследницей византийского «царя» (императора). Строго говоря, она была всего лишь представительницей боковой ветви последней византийской династии, и только трагическое стечение обстоятельств сделало ее ближе к несуществующему византийскому престолу. Впрочем, титул *порфирородный*, который имел Фома Палеолог, давал некоторые основания для использования такого оборота.

Известия Московского свода конца XV века достаточно тенденциозны. Среди московской знати не было единомыс-

лия относительно женитьбы Ивана III на Софье. Митрополит Филипп был, очевидно, противником этого проекта. Он сразу вспомнил о беглом митрополите-униате Исидоре. История Исидора способствовала в 1440–1460-е годы росту в русском обществе – и в первую очередь в среде церковных иерархов – антилатинских настроений. Они нашли отражение в созданном около 1462 года «Слове на латыню», грозно обличающем и «римскую» веру как таковую, и решения собора 1439 года. Едва ли на Руси в подробностях знали о пролатинской позиции Фомы Палеолога, однако известно было, что он принял решения собора и тем самым оказался в стане врагов чистоты православия. Кроме этих отвлеченных суждений митрополита Филиппа настораживало то, что послы пришли из Рима – из самого сердца коварного «латинства».

Однако сам великий князь вопреки глухому сопротивлению части русской аристократии и духовенства упорно вел дело к брачному союзу с Софьей. У московского правителя были на это веские причины. Женитьба на русской боярской или княжеской дочери сразу поставила бы великого князя в определенную зависимость от ее семейства. Брак же с Софьей не содержал никаких семейных обязательств относительно родни невесты. Ни один источник не сообщает и о том, что женитьба на Софье предполагала какие-то официальные обещания Риму со стороны Ивана III. Этот брак, таким образом, не сулил великому князю особых проблем, но существенно поднимал его престиж. Только самые знаменитые из князей домонгольской Руси были женаты на иностранках. Следовательно, чтобы повысить свой статус среди удельных князей и правителей княжеств, еще не вошедших в состав Московского государства, невесту нужно было искать за границей[34].

Ивана III, по всей видимости, не смущало «греко-римское» происхождение Софьи. Далекая Италия воспринималась на Руси 1460-х годов как нечто весьма неоднозначное и загадочное. Уже впечатления русской делегации от поездки на Ферраро-Флорентийский собор не ограничивались негативным восприятием «латинян». Источники содержат много известий, подталкивающих к мысли о складывании в русском обществе 1440-х годов нового, более глубокого и сложного образа итальянских государств. В них видели не только «идейного врага». Анонимный автор «Хождения на Флорентийский собор» восхищался красотами и диковинами ренессансной Италии. Его внимание, в частности,

привлек удивительный часовой механизм, расположенный на высокой башне, стоящей во дворе папской резиденции в Ферраре[35]. Флоренцию – «столицу Возрождения» XV века – автор называет «славным и прекрасным градом». Он обратил внимание на многие архитектурные сооружения, которые поразили его величественными размерами и искусным оформлением: «И есть во граде том божница устроена велика, каменъ моръмор бел, да черн; и у божницы той устроен столп и колоколница, тако же белы каменъ моръмор, а хитрости ея недоуметь ум нашъ»[36]. Произвела впечатление на русского автора и мощная крепостная стена, окружавшая город. В целом в описаниях «латинских» стран в «Хождении» нет резких негативных характеристик. Это означает, что неправедность веры к середине XV столетия для русских вовсе не была тождественна нечистоте земли[37]. В этом проявлялись черты «психологической лояльности по отношению к "чужому" для Руси Западу»[38].

Другой участник поездки на Ферраро-Флорентийский собор, епископ Авраамий Суздальский, во всех подробностях описал флорентийские мистерии (религиозные представления) «Благовещение» и «Вознесение», которые ему удалось посмотреть[39]. Для него мистерия – «дело хитро и чюдно», «красно и чюдно видение», «чюдное видение и хитрое делание». Многие механизмы, использованные в постановке этих религиозных спектаклей, были разработаны знаменитым ренессансным зодчим Филиппо Брунеллески, автором купола собора Санта-Мария дель Фьоре. Авраамий не назвал имени Брунеллески, однако отдал должное умению – «хитрости» – мастера, многократно выразив восхищение его работой.

Еще одной гранью формировавшегося среди московской элиты образа Рима была его связь с раннехристианской историей. Русские люди, побывавшие в Вечном городе, видели многие святыни, чтимые и в православной традиции.

Все это говорит о том, что к концу 1460-х годов в Москве не было однозначно враждебного восприятия Италии как еретической и неправедной страны. Сама удаленность Москвы от Рима придавала их отношениям осторожно-вежливый характер.

Иван III не дал сразу же согласия на брак. Он поручил Ивану Фрязину лишь разузнать в Риме новые подробности. Однако Иван Фрязин, добравшись до Вечного города, нарушил наставления Ивана III.

Согласно летописному повествованию, он «дошед... до папы и царевну видевъ и с чемъ послал то и к папе, и к гардиналу Висариону изглагола»[40]. В Риме Иван Фрязин был принят Виссарионом и Павлом II и, вероятно, от лица великого князя сообщил о его готовности жениться на Софье. Это было вполне в стиле Ивана Фрязина, для которого важнее было дать ход своему проекту, чем быть верным слугой пославшего его правителя. Да и чувствовал ли себя Иван Фрязин *слугой* правителя страны, в которой он заправлял монетным производством?

К тому же Ивану Фрязину несложно было обмануть папу и кардинала. Дело в том, что в отличие от Рима, где уже давно сложился обычай письменно фиксировать главные идеи дипломатических миссий в грамотах, в русских землях почти полностью отсутствовала сама традиция миссий на Запад. Тем более не практиковалось подробное письменное изложение целей отправленного посольства. Грамота, которую Иван III дал Ивану Фрязину, не сохранилась. Но надо полагать, что она была предельно короткой. По крайней мере, известные верительные грамоты к иностранным правителям последних десятилетий XV века представляют собой краткие тексты, в которых говорится лишь о том, что великий князь Московский послал к правителю той или иной страны таких-то послов и что их речи и есть речи великого князя.

Порой современные западные ученые с легкостью называют подобные тексты «карикатурными»[41]. В данном случае не стоит следовать за западной наукой. Для русской культуры значение живого, звучащего слова было ничуть не меньшим, чем слова записанного. К тому же русские правители не без основания опасались того, что их грамоты могут попасть в руки разбойников, нередко подстерегавших на дорогах и одиноких путников, и большие караваны.

Московский летописный свод конца XV века сообщает, что «царевна же слышав, что князь великы и вся земля его в православнеи вере христианьскои, въсхоте за него»[42]. В реальности, однако, нам неизвестно, что именно Софья думала о своем предполагаемом замужестве. Летописец хотел лишь подчеркнуть, что намерение великого князя взять в жены Софью было встречено в Риме благожелательно.

По всей видимости, Иван Фрязин забыл в Риме о своем недавнем переходе в православную веру и беззастенчиво исполнил все нормы церемониала, принятые при папском дворе. В частности, он наверняка целовал папскую туфлю

(«а крещение наше потаил, и все творил тамо, яко же и они творятъ»[43], – сообщит об этом летопись), что впоследствии обыкновенно отказывались делать представители русских правителей в XV–XVI веках. (По некоторым сведениям, это сделал только Дмитрий Герасимов в 1525 году[44].) Словом, в Риме в Иване Фрязине увидели не только помощника в деле антитурецкой борьбы, но и своего единоверца.

После общения с Иваном Фрязиным Павел II и Виссарион укрепились в решении выдать Софью за московского князя. Ивану III осталось лишь послать своих людей за невестой. В летописи сказано, что «папа же князя великого посла Ивана Фрязина много чтивъ и отпустил его к великому князю с тем, что дати за него царевну, но да пришлеть по неа бояръ своих»[45]. Для того чтобы никакие европейские междоусобицы или конфессиональные разногласия не могли помешать проезду представителей московского князя со столь важной миссией, папа разослал по всем подчиненным ему землям грамоты, в которых просил заботливо принимать проезжих русских гонцов: «А листы своя папа дал Ивану Фрязину таковы, что посломъ великого князя ходити доброволно два года по всем землям, которыи под его папежство присягаютъ до Рима»[46].

Иван Фрязин вернулся на Русь, видимо, в начале 1470 года. Из Рима он привез настоящую диковину – портрет Софьи Палеолог. Летопись сообщает об этом: «Фрязинъ же... прииде к великому князю, и речи вси папины сказа... а царевну на иконе написану принесе...»[47] На Руси в ту пору не было традиции изображать живых людей, а потому русский книжник назвал портрет Софьи не «картиной», а «иконой»: в русском языке того времени просто не нашлось слова, точно обозначающего характер изображения. Так был сделан еще один шаг к историческому браку. Но дело шло медленно. Видимо, находясь под влиянием бояр и митрополита, Иван III не спешил отправлять послов за «римской» невестой.

Вторая попытка

Между тем в Вечном городе и кардинал Виссарион, и папа Павел II торопились с заключением брака. Так и не дождавшись московских «сватов», папа отправил на Русь летом 1471 года новое посольство. 10 сентября 1471 года в Москву вновь прибыл Антонио Джислярди (на Руси в ту

пору 1 сентября начинался новый год, а потому в летописях это событие датировано 6980 годом от Сотворения мира). Он сообщил, что папа «до скончания века» дарует русским посланникам свободный проезд по всем землям, «которые земли под его папежство присягаютъ», лишь бы только великий князь «по царевну бо Софью Амореиского царя по Фомину дщерь посылалъ»[48]. И снова Ивану III пришлось созывать совет. Снова были высказаны мнения о том, что великому князю не нужна невеста-«римлянка», однако Иван III уже принял решение – жениться именно на ней.

В Москве не любили спешить в серьезных делах. Иван III отправил в Рим «к папе и гардиналу Васариону» послов во главе с Иваном Фрязиным за Софьей только через несколько месяцев, 16 января 1472 года. В ходе подготовки посольства произошел конфуз. Русские знали, что 28 июня 1471 года умер папа Павел II. Однако в имени нового папы они допустили ошибку, назвав его в краткой верительной грамоте Калистом. Уже в дороге послам стало известно настоящее имя нового папы – не Калист, а Сикст. Они вышли из положения с наивной простотой, исправив в грамоте имя папы: «а тот прежнеи папа Павелъ умре, а сказали, что инъ папа Калистъ именем. Вшедшим же в землю ту и слышаша папино имя Систюсь, а не Калистъ, и о том мысливше меж себя преписаша, имя того Калистово выгладивъ, Систюша написаша»[49].

Можно предположить примерный маршрут движения московского посольства в Рим. Согласно летописным данным, «Иван III дал... Ивану Фрязину специального проводника пана Юргу с ним в провожатех, что знает путь тот идти на Новгород, и оттуду к Риму»[50]. Иван Фрязин «со товарищи» отправился по старинной торговой дороге через Новгород и Балтику до Любека, а затем по немецким землям на юг. Эта дорога в ту пору была не очень известна русским. Она начала активно использоваться только после покорения Новгорода, с рубежа 1470–1480-х годов. Именно поэтому русскому посольству и потребовался провожатый. Надо думать, что москвичам много пришлось претерпеть на этом пути. Помимо прочих опасностей, надо было не один день проходить через альпийские перевалы.

И все же этот северный путь был менее опасен, чем южный, которым несколько веков подряд пользовались итальянские купцы в своих сношениях с Русью. В XIII–XIV столетиях, в пору расцвета торговых факторий Генуи и Венеции в Северном Причерноморье, «фряжские» купцы традици-

онно ходили на Русь морским путем через Крым и Черное море. Этим маршрутом возвращались на родину и русские представители на Ферраро-Флорентийском соборе. Однако в начале 1470-х годов южная дорога стала весьма неприветливой: турки, захватившие Византию, стремились контролировать и Черное море. В 1475 году ими будет захвачена венецианская Каффа (современная Феодосия). К тому же Иван III имел весьма натянутые отношения с правителем Большой Орды ханом Ахматом.

Существовал и третий путь из Италии на Русь. Он проходил через Смоленск, Вильно, Варшаву, Познань. Этой дорогой ездил в Рим с первым посольством Иван Фрязин, о чем свидетельствует сохранившееся папское бреве польскому королю от 1470 года. Однако к 1472 году русско-литовские отношения осложнились, и этим путем русское посольство пользоваться также не могло.

В мае 1472 года московские послы прибыли в Вечный город. Какое впечатление произвел Рим на русских, приехавших за Софьей?

Рим тех лет уже существенно отличался от Рима 1430–1450-х годов. Запустение города, отмеченное участниками Флорентийского собора, чувствовалось в гораздо меньшей степени. Старания пап Николая V, Пия II и особенно Павла II по благоустройству города не пропали даром. Рим стал одним из важных центров ренессансной культуры. При папском дворе «московиты» погрузились в совершенно новую для них атмосферу. На Ватиканском холме и в Латеране не только возносили молитвы на латыни, но и широко обсуждали тексты древних философов, восхищались произведениями языческих мастеров, декламировали стихи античных поэтов... История и искусство предстали перед послами Ивана III на фоне пышной южной природы. Русским людям запала в душу «вечная зелень, венчающая холмы и руины Рима», которая «волнует и очаровывает сердца северных людей, точно слова античного мифа или явление древних божеств»[51]. Вернувшись на родину и рассказывая о своих римских впечатлениях, послы наверняка произносили слова, созвучные по настроению тем, что сказал много позже И. С. Аксаков: «Как разнообразны впечатления Рима!.. Какой воздух, какой свет и блеск в итальянском воздухе, что вы себе и представить не можете!»[52]

Главным, однако, было в этой миссии не наслаждение римской жизнью, а решение насущной задачи – доставки Софьи Палеолог в Москву.

Вскоре по прибытии в Рим, 25 мая 1472 года, русское посольство получило аудиенцию у папы Сикста IV (1471–1484). По свидетельству Якова Маффеи из Вольтерры, секретаря кардинала Амманати, на ней присутствовали представители Неаполя, Венеции, Милана, Флоренции и Феррары[53]. Русские представили папе краткую верительную грамоту, в которой говорилось лишь то, что Иван III просит верить их словам, после чего преподнесли ценные дары – меховую шубу и соболиные шкурки. Римляне были явно поражены количеством соболей: Яков Маффеи сообщает, что их было семьдесят[54]. Другие очевидцы говорят о том, что папе были преподнесены «две связки соболей числом сто или около того»[55]; иные сообщают, что шкурок было ровно шестьдесят...[56] Вероятнее всего, русские преподнесли папе два сорока́ соболей, то есть 80 шкурок. Папа, видимо, остался доволен подарками и благословил брак византийской принцессы и московского великого князя.

Окончательному решению сопутствовала дискуссия о том, можно ли все-таки отдавать Софью, считавшуюся в Риме верной учению католической церкви, замуж за правителя, отец которого отверг Флорентийскую унию 1439 года. Решили, что можно, поскольку такой брак даст шанс Ивану III и его народу «вернуться в лоно своей матери католической церкви»[57]. В Риме вовремя вспомнили и о том, что в 1418 году папа Мартин V благословил браки итальянских католичек с византийскими православными правителями. Это благословение было дано в связи с готовившимся браком брата Фомы Палеолога деспота Мореи Феодора с Клеопой Малатеста. Брак Ивана III и Софьи в какой-то степени рассматривался в Риме как аналог того брака[58]: в нем будто соединялась католическая и православная вера.

Софья выехала из Рима не сразу. Перед отъездом ей предстояло пройти волнующую процедуру заочного обручения с пока что не знакомым ей женихом. Можно только гадать, какие чувства она испытывала в момент подготовки к этой церемонии...

Под сенью Святого Петра

Обручение состоялось 1 июня 1472 года. В то время как Софья готовилась к необычной церемонии, к ней в дом на Марсовом поле пришла итальянская аристократка Кларис-

са Орсини, супруга Лоренцо Медичи. Ее сопровождал флорентийский поэт Луиджи Пульчи. Его перу принадлежит известное описание Софьи Палеолог.

Пульчи представил невесту Ивана III в самом невыигрышном свете. По его мнению, она была на редкость некрасивой и толстой: «Мы вошли в комнату, где торжественно восседала эта жирная масленица, и, уверяю тебя, ей было на чем восседать... Два турецких литавра на груди, отвратительный подбородок, лицо вспухшее, пара свиных щек, шея, ушедшая в эти литавры. Два глаза, стоящие четырех, с такими бровями и с таким количеством жира и сала кругом, что никогда еще реку По не запруживала лучшая плотина. И не думай, что ноги ее походили на ноги Юлия Постника... Я не знаю, видел ли ты когда-нибудь вещь, столь жирную и маслянистую, столь обрюзглую и мясистую и наконец столь смешную, как эта странная *befania* (уродливая ведьма, героиня итальянских народных преданий. – *Т. М.*)...»[59]

Эта характеристика Софьи давно уже признана карикатурной. Флорентийцу Пульчи, видимо, просто хотелось «отработать» вполне определенный литературный образ. Вероятно, Софья была более полной, чем окружавшие ее итальянки, а просторные одежды еще больше добавляли ей солидности. Но справедливости ради заметим, что далеко не у всех итальянских аристократок того времени фигуры были идеальными.

Так, на полотне неизвестного ломбардского мастера начала 1470-х годов, изображающем Бону Савойскую, супругу миланского герцога Галеаццо-Марии Сфорца, хранимую святой мученицей (ныне этот портрет находится в экспозиции Кастелло Сфорческо в Милане), герцогиня предстает барышней с весьма пышными формами и отчетливым «вторым подбородком». Однако современники характеризовали ее как девицу удивительной красоты. Например, брат герцога описывал Бону так: «У нее, на мой взгляд, прекрасная фигура, отлично подходящая для материнства. Лицо не длинное и не широкое, красивые глаза, хотя они могли бы быть и потемнее. Нос и рот хорошей формы, прелестная шея, отличные зубы и изящные руки, но самое главное, у нее приятные манеры»[60]. Судя по портретам, пышностью форм отличались и супруга Франческо Сфорца Бьянка Мария, и многие другие жительницы Северной и Центральной Италии. Словом, Софья едва ли заслужила злобные насмешки Пульчи. Примечательно, что Кларисса Орсини не колеблясь называла ее «весьма красивой»[61].

Позже, когда Софья уже отправится в Москву и будет проезжать через Болонью, в хрониках города будет записано, что она была очень хороша собой, невысокого роста и что у нее была светлая кожа[62]. Эти сведения вошли и в более поздние болонские хроники, составленные уже в XVI веке. Керубино Гирардаччи в своей «Истории Болоньи» отмечал, что у Софьи было «изумительное лицо с прекрасными глазами»[63]. В памяти римлян Софья также осталась как девушка «необычайной красоты»[64], хотя вероятно, что источник XVII столетия, содержащий эту характеристику, отразил процесс постепенной романтизации образа дочери Фомы Палеолога.

Думается, что размышления о том, насколько *на самом деле* красива была Софья, всегда будут носить субъективный характер, ибо, как заметил классик, «красоту трудно судить... красота – загадка»[65].

* * *

День обручения – один из самых волнующих дней в жизни любой женщины. 1 июня в старой базилике Святого Петра собрались итальянские аристократы, а также многие греки, нашедшие приют на Апеннинском полуострове. «Епископ, имя которого не сохранилось, совершал эту блестящую церемонию. Многочисленное изысканное общество окружало принцессу. На первом месте выделялась королева Боснии Катерина, нашедшая в Риме убежище для своих несчастий, с тех пор как турки завладели ее государством...»[66] С королевой были ее спутницы: Павла, Елена, Мария и Праксина. Эти дамы были, вероятно, единственными славянками, присутствовавшими на церемонии. Самые знатные жительницы Рима, Флоренции и Сиены присутствовали лично, кардиналы прислали представителей.

Среди незаурядных личностей, присутствовавших на торжестве, вероятно, была и гречанка Анна Нотара, дочь знаменитого византийского военачальника – мегадуки Луки Нотараса. Она мечтала о создании в Италии маленького независимого греческого государства. «С этой целью были куплены развалины замка Монтакуто у сиенцев, и договор, заключенный с Сиеной 22 июля 1472 года, обеспечивал вольности будущей республики»[67]. Этот причудливый проект, однако, не имел никакого продолжения.

Можно думать, что на церемонии заочного обручения Софьи присутствовали и миланские послы при папском дворе – епископ Новары и впоследствии кардинал Джованни Арчимбольди, а также Никодим Транкедини де Понтремоли[68]. В мае–июне 1472 года они находились в Риме. Есть достоверные известия о том, что они присутствовали на аудиенции, которую русские послы получили у папы: миланские представители отправили герцогу депешу с известием об этой аудиенции. Не очень близкая, но давняя связь младшей ветви династии Палеологов с двором герцогов Сфорца* позволяет предположить, что герцогу было любопытно, как проходило столь важное мероприятие.

Церемония заочного обручения была подробно описана присутствовавшим на торжестве ученым греком Феодором Газой в письме своему другу, гуманисту Франческо Филельфо, однако это письмо до сих пор не найдено. Сохранился только ответ Филельфо, где тот благодарил Феодора за занимательные подробности.

Известно, что во время церемонии внезапно обнаружилось, что у Ивана Фрязина – главного представителя московского князя – нет обручального кольца для Софьи. Иван Фрязин сообщил, что в русских землях нет обычая обмениваться кольцами при обручении, что соответствовало действительности. Примечательно, что в XVI столетии в России эта традиция уже получила распространение: «все женатые князья и их супруги носили обручальные кольца»[69]. Можно предположить, что такое изменение обычая было связано с казусом в Риме, хотя прямых доказательств этому нет.

В Риме обошлись без колец. Однако оправдания Ивана Фрязина показались подозрительными и вызвали сомнения в том, действительно ли он является представителем московского князя. Вероятно, в Риме было известно о древней практике Греческой церкви использовать кольца во время обручения: золотое для жениха и серебряное или железное для невесты[70]. Впрочем, выгоды от заключения брачного союза Софьи с московским государем казались папе довольно большими, а потому эти подозрения никак не повлияли на судьбу брака.

---

* Речь идет о Гильельмо (Вильгельме) VIII Палеологе, происходившем из рода Феодора I Палеолога, сына императора Андроника II и Виоланты Монферратской. Он имел с 1464 года титул маркиза Монферратского. Гильельмо был кондотьером у Франческо Сфорца, а потом стал гувернером его младшего сына Галеаццо-Марии. После смерти Галеаццо-Марии стал судьей в Миланском герцогстве.

Но и во всем остальном обручение Софьи с неведомым ей женихом проходило не совсем так, как обыкновенно проходили обручение и венчание греческих принцесс. Все было гораздо более скромно. Традиционно в Византии императрица «приобщалась всемогуществу вовсе не потому, что она жена императора, и вовсе не от супруга получала она как бы отображение власти...»[71]. Она была самостоятельной носительницей политической воли. Показательно, что в Византии бракосочетание следовало за коронованием, а не предшествовало ему. В этом смысле византийские традиции в римском сценарии были соблюдены: папа и кардинал Виссарион обставили дело так, что Иван III заочно был обручен не просто со знатной гречанкой-беженкой, а именно с представительницей императорского дома Палеологов. Вместе с тем обручение в Ватикане должно было стать гарантией сохранения Софьей католической веры. (Как дочь Фомы Палеолога, Софья считалась в Риме католичкой, хотя неизвестно, проводился ли – да и существовал ли? – какой-то обряд обращения ее из униатской церкви в римскую.)

В эпоху Средневековья и Возрождения заочное обручение было не таким уж необычным явлением, особенно если речь шла о представителях высшей аристократии или правящих европейских династий. Например, уже упомянутый миланский герцог Галеаццо-Мария Сфорца был заочно обручен с Боной Савойской. Тогда, чтобы устроить брак по доверенности, во Францию был отправлен брат Галеаццо-Марии Сфорца – Тристан. Занятная подробность: согласно обычаям той поры после церемонии представитель жениха должен был «прикоснуться к бедру невесты, лежащей в кровати, своей ногой»[72]. По крайней мере, Тристан подчеркнул в письме своему брату исполнение этого обычая. Остается только гадать, следовал ли этой традиции Иван Фрязин в случае с Софьей.

После обручения невесту Ивана III стали готовить к долгому путешествию в Москву. Приближенным Софьи надо было собрать вещи в дорогу, а папским чиновникам – разослать во все города, лежавшие на пути принцессы, грамоты о том, чтобы ее принимали с честью. Некоторые из этих грамот сохранились. Сравнение их показало, что различия между ними минимальны[73]. Все сохранившиеся письма датированы 21 июня 1472 года и, по-видимому, составлялись единовременно. Русские летописцы отмечают заботу, проявленную папой, который «по всем градом послал листы

своя, такъ же и по местом, ими же имъ ити бяше, дажь и до отчины великого князя до Пскова, а пиша им, что бы все князи земель тех и панове честнии и бискупи и вся земля, где ни приидет царевна, стречали бы ее, и чтили, и кормъ давали и подводы и проводники, и всем темъ, которые с нею идутъ, и до великого князя отчины. И по тем листом папежским елику честь вси земли ты въздаша царевне Софье и всем, иже бяху с нею»[74]. Это летописное известие представляет собой довольно подробный пересказ грамот Сикста IV.

Сохранившееся письмо Феодора Газы от конца июня – начала июля 1472 года, адресованное кардиналу Виссариону, проливает свет на некоторые детали подготовки поездки. Кардинала в то время не было в Риме: по поручению папы он вынужден был еще до обручения Софьи уехать во Францию, чтобы сподвигнуть «короля галлов» Людовика XI на войну против турок. Между тем организация брака была главным делом последних лет жизни Виссариона. Он тщательно продумывал многие детали этого союза, в том числе и то, кому из греков надлежало сопровождать Софью в дороге.

Феодор Газа докладывал своему покровителю, что «всё, что касается этого брака, он (Сикст IV. – *Т. М.*) совершил великолепно, как ты и желал»[75]. Но ученый грек сообщал и некоторые подробности, заставившие Виссариона беспокоиться. В письме говорилось, что ученый грек Афанасий Халкеопул, епископ Иеракский, не смог поехать на Русь вместе с Софьей, как предполагалось, поскольку в июне был сильно болен и слаб. Между тем его присутствие в кортеже Софьи было бы весьма кстати, поскольку «он был приветлив и легок в обращении с народами, через земли которых проходит путешествие». Феодор Газа подчеркивает, что «всё же до этого, пока был здоров, он заботливо и разумно всё устроил. И, полагаю, он принудил бы себя также и к выходу и попытался бы сопровождать (Софью. – *Т. М.*)... если бы не получал от царицы совершенно скудное и менее всего подобающее содержание. В самом деле: и средств на дорогу она дала намного меньше, чем достаточно, и, кажется, не очень-то обращала внимание на его советы...»[76].

Последние слова многое могут прояснить в портрете Софьи тех дней. В преддверии дальней дороги она, по-видимому, была необычайно взволнована, а потому могла вести себя неоправданно грубо и дерзко. Нельзя исключать, что она действительно настояла на том, чтобы выде-

Аллегорическое изображение Фомы Палеолога (в центре), кардинала Виссариона (слева) и герцога Феррары Никколо III д'Эсте (справа). *Пьеро делла Франческа. Бичевание Христа. Вторая половина 1450-х гг. Фрагмент*

Константинополь.
Миниатюра из «Книги островов» Христофоро Буондельмонте. Первая половина XV в.

Папа римский Сильвестр и император Константин.
Фреска из церкви Четырех мучеников. Рим. 1246 г.
Аллегорическое изображение так называемого «Константинова дара»

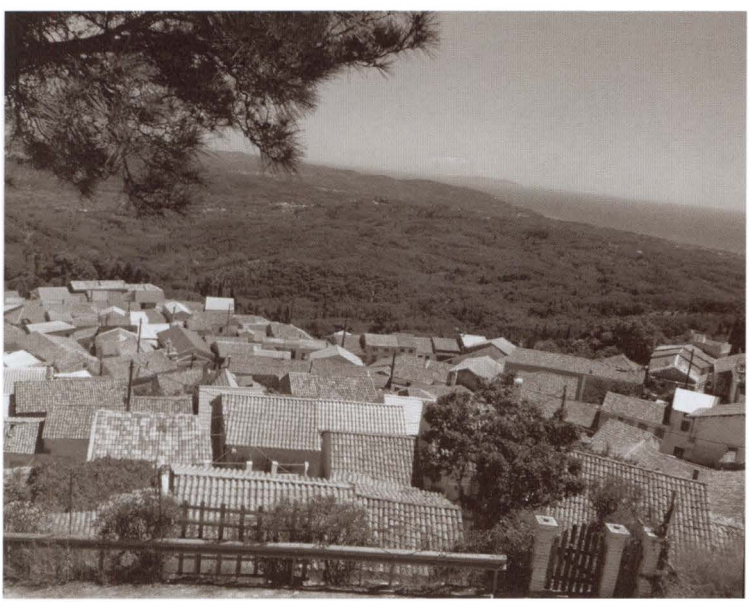
Мистра, Пелопоннес. Западный фасад храма Димитрия Солунского.
Фото Г. Милле. Начало XX в.

Внутренний дворик одного из монастырей Мистры.
Фото Г. Милле. Начало XX в.

Шествие волхвов. *Беноццо Гоццоли. 1459—1460 гг.*
Фрагмент. Палаццо Медичи-Риккарди.
Аллегорическое изображение юного Фомы Палеолога

Храм Святых Ясона и Сосипатра в Керкире, Корфу.
Здесь была похоронена мать Софьи Палеолог Екатерина. *Фото автора*

Вид на селение Хломос, Корфу. *Фото автора*



Кардинал Виссарион. *Надгробный барельеф из церкви Двенадцати апостолов в Риме*

Дом кардинала Виссариона в Риме. *Фото автора*

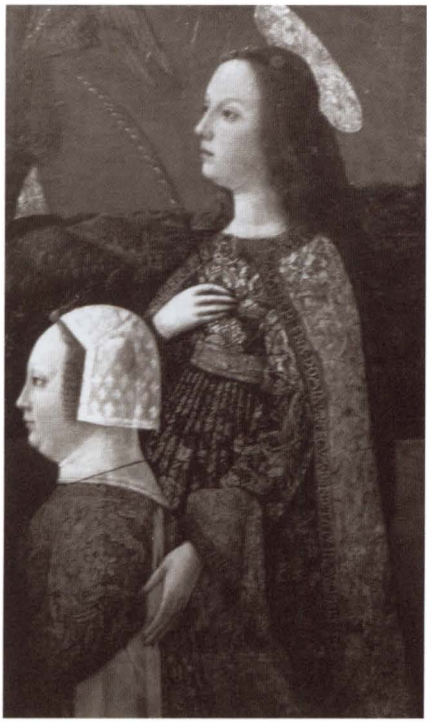
Андрей Палеолог, брат Софьи.
С фрески Пинтуриккьо
во Дворце Борджиа в Ватикане

Церковь Четырех мучеников в Риме. Здесь Фома Палеолог жил в первые месяцы своего пребывания в Вечном городе

Астролог Рафаэлло да Вимеркате преподносит гороскоп юному герцогу Галеаццо-Мария Сфорца. *Книжная миниатюра. 1461 г.*

Римский Форум. *Фото автора*

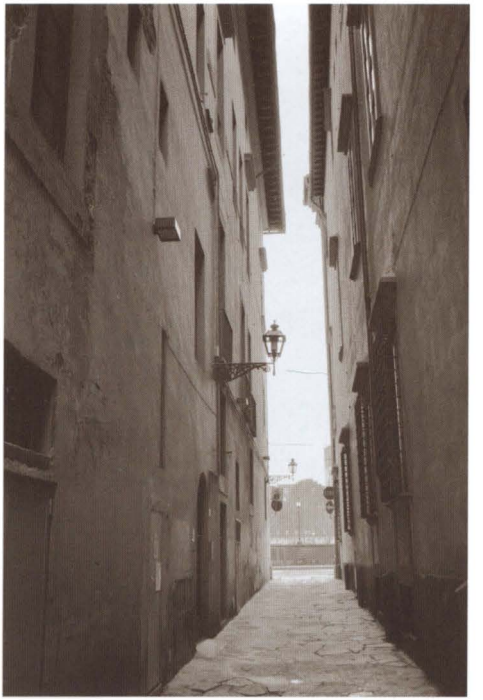
Бона Савойская, хранимая святой мученицей.
Неизвестный художник.
Начало 1470-х гг.
Невеста миланского герцога Галеаццо-Марии Сфорца, так же как и Софья, отличалась пышными формами



Папа Сикст IV благословляет Ивана III и Софью Палеолог. Вымышленная сцена.
Фреска из госпиталя Санто-Спирито ин Сассиа.
Рим. Около 1599 г.

Послы Ивана III по пути в Рим за Софьей
исправляют имя папы в великокняжеской грамоте.
Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

Узкая средневековая улочка Флоренции. *Фото автора*



Общий вид Флоренции. Вдали виден купол собора Санта-Мария дель Фьоре, сооруженный Филиппо Брунеллески. *1436 г. Фото автора*

Собор
Сан-Петронио
в Болонье —
свидетель
пребывания Софьи
в этом городе
летом 1472 года.
Фото автора

Комплекс палаццо
дель подеста
и палаццо
дель Ре Энцо
в Болонье.
На заднем плане —
Торре дель Арренго,
на которую
Аристотель
Фиораванти
в 1453 году
поднимал
городской колокол.
Фото автора

Корабль с Софьей и ее свитой едва не гибнет в сильный шторм в Балтийском море. *Миниатюра Лицевого летописного свода*

Папский легат Антонио Бонумбре несет латинский крест перед каретой Софьи. *Миниатюра Лицевого летописного свода*

Великий князь Московский Иван III. *Рисунок тушью второй половины XIX в. Государственный исторический музей*

Папский легат Антонио Бонумбре преподносит Ивану III дары от папы римского. Возможно, на миниатюре изображены шесть тысяч золотых дукатов, которые папа выдал Софье перед отъездом на Русь.
Миниатюра Лицевого летописного свода

лить меньше денег на дорогу сопровождавшим ее лицам. Но, вероятно, такое решение не было свидетельством ее природной скупости. Она беспокоилась о том, не станут ли выделенные ей на путешествие деньги последним ее имуществом... Дочь Фомы Палеолога, уже немало потерявшая в своей жизни, имела основания для таких страхов.

К тому же бюджет поездки действительно стал узким местом в ее организации. Феодор Газа сообщал Виссариону: «Не всё, что сделано тобою для невесты, сложилось успешно, однако я не хочу ни называть, ни винить никого из людей»[77]. По всей видимости, имелась в виду волокита, связанная с выделением средств.

Папские казначеи, ведавшие средствами на все еще готовившийся большой крестовый поход против турок, задумались над тем, какую сумму выдать воспитаннице кардинала Виссариона на дорожные расходы. Было решено просить деньги для Софьи у флорентийских герцогов Лоренцо и Джулиано Медичи. Герцогам было дано распоряжение выплатить в счет их прежних финансовых обязательств перед Римом 6400 дукатов. 4000 дукатов предполагалось отдать на расходы самой Софьи, 600 – на ее свиту, а 1800 дукатов «рачительная комиссия присоединила к своей кассе». Через неделю, впрочем, решением папы сумма была увеличена. Невесте Ивана III «предоставили 5400 дукатов и всё те же 600 на ее свиту»[78], то есть всего Софья получила 6 тысяч золотых монет.

Эпизод, когда папа Сикст IV вручает кошелек с монетами невесте Ивана III, запечатлен на одной из фресок в госпитале Санто-Спирито-ин-Сассиа в Риме. Сикст IV к 1475 году осуществил перестройку этого госпиталя и церкви, а потому именно там был создан цикл изображений всех добрых дел этого папы. Начатый в конце XV века, этот цикл был завершен только через столетие. Среди благодеяний Сикста IV числится и устройство брака Софьи с Иваном III. «Фрески эти в виде довольно узкого фриза распространяются полосой почти под самым потолком зала, аршин примерно 28 от пола; так как вдобавок они очень почернели, то снизу трудно что-либо в них рассмотреть»[79].

В 1900 году Н. В. Чарыкову – русскому представителю при папском дворе – удалось с большим трудом договориться об организации фотосъемки этого изображения Софьи Палеолог. На сегодняшний день черно-белая фотография является лучшим воспроизведением фрески. Ее исследование, по существу, не продвинулось далее неболь-

шой статьи Н. В. Чарыкова. Удивительно, но ни в одном из каталогов последних лет качественного цветного воспроизведения фрески обнаружить не удалось, хотя изображение было недавно отреставрировано[80].

Фреска, на которой запечатлена Софья, была написана позже большинства остальных – в 1599 году. На это указывают и ее стиль, и некоторые детали. Например, на ней изображен «головной убор часового папской гвардии, украшенный плюмажем»[81]. Сюжет фрески реалистичен и фантастичен одновременно. Сикст IV передает кошелек с деньгами коленопреклоненной Софье, рядом с которой художник изобразил... самого Ивана III! Рядом стоят Андрей Палеолог, деспот Эпира Леонардо Токко, а также другие вельможи и слуги. Думается, что за отсутствием цветного изображения этой фрески нелишне привести описание некоторых ее деталей, принадлежащее перу Н. В. Чарыкова:

«Короны на Софии и Андрее Палеологах, на Иоанне Васильевиче и на Леонардо Токко тождественны, с тем лишь отличием, что корона великого князя украшена по концам жемчужинами. Мантия Софии – синего цвета, а у великого князя – синяя с золотом; папа и кардиналы носят пурпуровые одежды; скамьи обиты голубой материей. Андрей Палеолог и Леонардо Токко одеты в светлое платье восточного покроя. На шее у них золотые цепи с медалями. Оба старца – на одно лицо и оба склонены в сторону папы в одинаковой иератической позе, изображающей благоговение и благодарность. Скипетры великого князя, Андрея Палеолога и Токко одинаковы. Склад лица и характер прически и бороды Иоанна III на рассматриваемой фреске сходны с теми же чертами изображения византийского императора Иоанна Палеолога на фреске Бенноццо Гоццоли во Флоренции (фреска «Поклонение волхвов» из палаццо Медичи-Риккарди. – *Т. М.*)... Покрой же платья Андрея Палеолога и Леонардо Токко (длинная мантия с короткими рукавами) сходен с покроем одежды императора на той же флорентийской фреске, но мантия эта менее богата и без вышивок. Можно думать, что художник, которому пришлось в начале XVII в. изобразить рассматриваемую историческую сцену, заимствовал тип Иоанна Васильевича у Бенноццо Гоццоли, причем, в представлении римлян того времени, образ московского великого князя сливался... с образом императора Византии. Латинская надпись, помещенная под фреской, означает в переводе следующее: "Андрея Палеолога, владетеля Пелопоннеса, и Леонардо Токко, вла-

детеля Эпира, изгнанных тираном турок, он (Сикст IV) одарил царским содержанием; Софии, дочери Фомы Палеолога, обрученной с князем русских, сверх иных даров, помог шестью тысячами золотых"»[82].

К этому описанию остается добавить лишь то, что римляне и вообще итальянцы – и той поры, и более позднего и даже Новейшего времени – будут склонны видеть в Иване III наследника византийских императоров, их союзника и защитника от турок[83]. В действительности же московские правители во второй половине XV – первой трети XVI века не собирались воевать с турками и, более того, не воспринимали себя однозначно преемниками византийских василевсов. Однако устойчивость исторического стереотипа необычайно сильна. Сохранилось примечательное свидетельство на этот счет. Максим Грек, ученый афонский монах, в прошлом гуманист, в одном из своих посланий Василию III, старшему сыну Ивана III и Софьи Палеолог, обращается к нему «Василие Иоаннович Палеологе»[84], указывая таким образом на его прямую связь с византийским императорским домом. Мечты и надежды Виссариона, выраженные и в его пламенных речах, и в его деятельности, равно как и острое переживание трагедии 1453 года, не могли не оказывать влияния на настроения греческих эмигрантов Рима и вообще Италии второй половины XV века. Их вера в помощь Москвы в деле освобождения их родины была велика. И Софья Палеолог со временем стала для них настоящим символом возрождения Византии.

Предсвадебное путешествие

После прощальной аудиенции в садах Ватикана у римского понтифика 24 июня 1472 года Софья и сопровождавшие ее греки (которых было не менее пятидесяти человек) отправились в дальний путь. Поездка Софьи в Москву стала событием чуть ли не общеевропейского масштаба. Итальянские и немецкие хроники оставили небольшие по объему, но красочные описания торжественных въездов византийской принцессы в различные города. В ходе своего «предсвадебного путешествия» Софья проехала через Витербо, Сиену, Флоренцию, Болонью, Виченцу, Нюрнберг, Любек и Таллин.

Проезд Софьи через Сиену стал большим событием для местного общества. Коммуна Сиены благоволила бе-

жавшим из Византии грекам. По некоторым сведениям, Фома Палеолог передал Сиене ценную реликвию – руку святого Иоанна Предтечи[85] – покровителя императорского дома Палеологов. Известно письмо кардинала Виссариона, отправленное властям Сиены из Болоньи, в котором он просил принять с честью его воспитанницу[86]. Появление в городе невесты Ивана III вызвало настоящий фурор. Горожане «решили большинством 184 голосов против 42 ассигновать сумму в 50 флоринов на покрытие расходов по ее приему и оказанию гостеприимства. Принцесса была помещена в доме, соседнем с великолепным кафедральным собором. Перед ней расточались самые высокие почести»[87].

К сожалению, какие бы то ни было описания присутствия Софьи во Флоренции пока не найдены. И это при том, что Медичи, как с иронией отметил П. Пирлинг, наверняка интересовались девушкой, на приданое которой пошли их деньги.

Софья со всей торжественностью въезжала в Болонью. Местный синьор Вирджилио Мальвецци, в доме которого прошел пышный прием в ее честь, отмечал сказочную дороговизну и экзотичность наряда принцессы. На ней было пурпурное платье, поверх которого была надета мантия из парчи, подбитая горностаем. Не исключено, что мех горностая для этого одеяния был привезен посланниками Ивана III. На голове Софьи красовался тюрбан, закрывающий волосы и расшитый золотом и жемчугом. Однако более всего привлекла взгляды прекрасная гемма с драгоценным камнем, которую принцесса держала в левой руке[88]. Софья проехала по главным улицам этого уютного города, известного самым старым в Европе университетом и запоминающегося галереями-аркадами, которые сами болонцы называют «портиками».

Один из этих «портиков» – самый длинный (около четырех с половиной километров) – представляет собой удивительное явление. Он ведет прямо от крепостных ворот (современного исторического центра), минуя окраины, по живописным холмам за пределы Болоньи, к большому храмовому комплексу, возведенному в XVIII столетии над чудотворной византийской иконой Богородицы. Средневековое предание гласит, что этот образ был одним из тех, что написал евангелист Лука. Святыня была передана в XII веке благочестивому паломнику Феоклу в константинопольском храме Святой Софии, чтобы тот принес ее на

некий «Охранный холм» (*colle della Guardia*). В поисках загадочного холма Феокл дошел до Рима, где ему сообщили, что холм с таким названием есть в окрестностях Болоньи. В 1160 году богомолец принес икону в этот город. Первое чудо «Мадонны святого Луки» произошло летом 1433 года, когда шедшие непрерывно дожди предвещали жителям города и окрестных селений неизбежный голод. Один из членов болонского Совета старейшин предложил пройти крестным ходом с этим образом вокруг города, что и было сделано. К концу крестного хода над городом и окрестностями уже светило солнце. Современные исследователи относят икону к IX–XI векам, однако в XV столетии болонцы были убеждены в ее древности и прямой связи со временем земной жизни Богородицы[89]. Вполне вероятно, что Софья также поклонилась греческой святыне, хранившейся тогда в одном из храмов внутри городских стен.

Внимание сиенцев и болонцев к кортежу Софьи объяснимо. Торжественные появления государей и государынь на улицах европейских городов «были важной составной частью духовной жизни народа»[90]. В больших городах, в которых останавливалась Софья, служились молебны с прошениями у Господа благополучной дороги для невесты русского князя. Можно представить себе пышную мессу во флорентийском соборе Санта-Мария дель Фьоре, а также богослужения в огромных кафедральных соборах других городов, на которых присутствовала Софья со своей свитой. В Болонье она молилась на торжественной мессе в храме Святого Доминика, где до сих пор покоятся мощи отца-основателя одного из самых известных европейских монашеских орденов. По сведениям болонского хрониста Джованни Франческо Негри, Софья хотела приложиться к этим мощам[91].

Любопытно, что широко известный собор Святого Петрония, горделиво стоящий на главной площади Болоньи и непременно посещаемый всеми гостями города, не является кафедральным. Эту функцию выполняет собор Святого Петра, подвластный папскому ставленнику – болонскому архиепископу. Почему же болонские власти решили провести торжественную мессу в честь приезда римской воспитанницы в храме Святого Доминика? Ведь Софья могла приложиться к его мощам и вне службы. Дело было не только в желании великокняжеской невесты. Коммуна Болоньи издавна славилась любовью к независимости от какой бы то ни было власти, в том числе папской, а по-

тому еще в 1390 году начала возведение *своего* большого храма[92], находящегося рядом с Палаццо Коммунале (дворцом городского самоуправления). Собор же Святого Петра стоял на одной из близлежащих улиц. Болонский Сан-Пьетро, нынешнее здание которого восходит лишь к XVII столетию, и сегодня не воспринимается как главный храм города. Таким образом, решение служить мессу в честь приезда Софьи у мощей святого Доминика не только было знаком почтения принцессы к этому святому, но и носило характер политического компромисса между болонской коммуной и папством.

Еще один своеобразный компромисс по пути следования кортежа Софьи случился, когда Иван Фрязин принял решение ехать из Болоньи не в Венецию, как это предполагалось исходя из традиционного маршрута, а в Виченцу и далее на север. У этого решения были свои основания. Виченца была родиной Ивана Фрязина, и ему, разумеется, хотелось похвастаться перед земляками тем, сколь важные поручения он выполняет и сколь знатных особ сопровождает. Родственники Ивана Фрязина также воспользовались ситуацией. Первая остановка произошла в окрестностях Виченцы, на вилле Нанто, принадлежавшей Тривизану Вольпе, двоюродному брату Ивана Фрязина. «В воспоминание этого путешествия владелец замка получил привилегию украсить свой герб византийским (точнее, палеологовским. – *Т. М.*) орлом с короной»[93]. Эта подробность ярко иллюстрирует тот факт, что знак, который стал ассоциироваться с семьей Палеологов, к 1470-м годам мог легко оказаться составной частью гербов гораздо менее сановитых родов.

В Виченце местные власти старались не утомлять Софью торжественными службами, но получше развлечь ее. П. Пирлинг приводит описание этих увеселений: «19 июля, за два часа до заката солнца, Зоя (Софья. – *Т. М.*) совершила свой въезд в город. Местный аристократ Леонардо Ногарола предложил ей гостеприимство в своем дворце. Она провела там два дня... среди празднеств и пиршеств. В ее честь на улицах была устроена процессия знаменитой *Ruota de' Notai*. Это была подвижная башня, вышиною в 23 метра, наполненная аллегорическими фигурами. Множество силачей несло ее на своих мощных плечах, а с обоих боков поддерживали ее три длинные жерди. Посередине, на почетном месте, сидел молодой человек в белом женском костюме, изображающий Справедливость, с венком на голове, с ве-

сами и мечом в руках. Два герольда стояли неподвижно на страже по сторонам его. Сверху парил двуглавый византийский орел, державший в своих когтях державу и меч. Другое изображение в больших размерах, но поставленное ниже, представляло герб Виченцы: серебряный крест на красном поле. На вершине башни молодой человек стоял под тенью разноцветного зонтика и махал красным знаменем. Внизу платформа была занята конными и пешими герольдами. Несколько ступеней вело к другой эстраде, где турки важно качали три колыбели, в которых лежало по два больших ребенка...»[94]

Сегодня непросто понять, что́ символизировали эти странные постановки. Очевидно, двуглавый орел, воспринимавшийся на Западе как герб рода Палеологов (хотя не был им[95]), олицетворял почтение к гостье Виченцы. Знатоки предполагают, что образ Справедливости в данном случае имел яркую политическую окраску: он символизировал контроль Венецианской республики над Виченцей. Что же касается турок, то можно предположить, что в их образе были изображены... жители России![96] То, что сегодня кажется удивительным и почти невозможным, в восприятии итальянцев той поры вполне могло иметь место. Так, венецианский сенатор Марино Санудо в конце XV века при описании русских посланников отметил, что своей речью и одеждой они «напоминали турок»[97].

Вот так в суматохе приемов и торжеств, припадая к святыням и скучая на нелепых представлениях, Софья оставляла Италию – страну, давшую ей приют, но не принесшую ей большого счастья. Между тем до Москвы было еще далеко. Предстояло пересечь Альпы, а также проехать довольно большое расстояние по немецким землям.

Альпийские перевалы всегда были опасны, однако летом горы гостеприимнее, чем зимой. Это обстоятельство не могло не радовать всех сопровождавших принцессу. Да и горные красоты никого не оставляют равнодушным. Н. В. Гоголь писал об Альпах: «Дорога наша кружилась по горе, в виду целых цепей других гор. Стремнины страшные становились глубже и глубже... Все опустилось внизу. Те горы, на которые взглянуть было трудно, как говорится, не уронивши с головы шапки, казались теперь малютками. Скалы, утесы, водопады – всё было под нашими ногами...»[98] Можно думать, и у самой Софьи, и у ее спутников тоже захватывало дух от невообразимых панорам...

Известно, что Софья и ее спутники прошли через перевал Пьяно делле Фугацце[99] (на границе современных итальянских областей Венето и Трентино-Альто-Адидже), чтобы потом спуститься к городам Роверето и Тренто. Затем дорога шла через Больцано к Инсбруку и далее к Аугсбургу или Мюнхену.

Со времен П. Пирлинга в немецких архивах обнаружились новые находки, проливающие свет на путь Софьи по немецким землям.

10 августа 1472 года кортеж с «юной константинопольской императрицей»[100] прибыл в Нюрнберг, где путники пробыли четыре дня. Знатные нюрнбержцы ждали приезда Софьи. О сановитой гостье им сообщили папская грамота, а также письмо кардинала Виссариона, которое тот отправил в Нюрнберг из Лиона. Виссарион, не имея возможности лично благословить Софью перед своим отъездом во Францию, стремился проявить максимальную заботу о ней на расстоянии. Это говорит о его искреннем неравнодушии к судьбе дочери Фомы Палеолога, воплощавшей и «византийскую идею», и надежды на унию Москвы и Рима. Кардинал подробно описал нюрнбержцам судьбу семьи Фомы, их скитания и основные этапы устройства брака Софьи с московским князем. Жениха своей воспитанницы кардинал назвал «благороднейшим государем Сарматии, или Великой Руси»[101]. Сами нюрнбержцы знали об Иване III не много. Он «слыл могущественным государем, "жившим за Новгородом", а папский легат, писали их летописцы, отправляется в эти отдаленные страны, чтобы возложить на него королевскую корону и проповедовать христианскую веру»[102]. Эти «подробности» неудивительны, поскольку в отличие от Новгорода, с которым давно и активно торговали немецкие купцы, о Москве им было почти ничего не известно. Виссарион же просил нюрнбержцев «принять приходящих с теми почестями, с которыми они могут их принять, и проводить уходящих милостью как ввиду их душевного величия, так и ради почтения апостольского престола, воспитанницей которого является эта невеста...»[103].

Жители Нюрнберга постарались на славу. Софья и ее свита были приняты со всей торжественностью. Сохранились тексты приветственных речей к ней и к папскому послу Антонио Бонумбре, находившемуся в ее свите, от знати города[104]. Софье был преподнесен богато украшенный серебряный позолоченный кубок ценой 68 гульденов, со-

рок бочонков вина и сладости[105]. В ее честь был устроен бал, на котором Софья, однако, не танцевала. Она также присутствовала на организованном в ее честь рыцарском турнире. «Победителем в рыцарских играх стали Николас Имхов, которому Зоя (Софья. – *Т. М.*) надела на руку золотое кольцо, и Ульрих Штомер, которому она кольцо послала, так как из-за недомогания была вынуждена покинуть турнир»[106].

Вероятно, Софья виделась с Регионтаном (Иоганном Мюллером фон Кенигсбергом), переселившимся в Нюрнберг годом ранее. «Наверняка принцесса знала этого ученого по Риму, так как он был подопечным кардинала Виссариона и его ближайшим помощником»[107].

Из Нюрнберга до Любека Софья доехала к началу сентября. Ее путь проходил через Бамберг, Кобург, Ильменау, Арнштадт, Эрфурт, Нордхаузен, Вернигероде, Вольфенбюттель, Брауншвейг, Люнберг и Мелльн[108]. В Любеке она взошла на корабль, идущий до Ревеля. Немцы называли так город, который русские той поры именовали Колыванью и который сегодня известен как Таллин. Тогда этот город находился в составе Ливонского ордена, рыцари которого с почетом приняли невесту московского государя[109]. Давняя вражда между крестоносцами и русскими была на время забыта, поскольку Софья ехала с благословением из самого Рима.

Балтийская часть маршрута описана и в русских летописях: «Месяца сентября 1 фрязы и греци из Рима пришли съ царевною Софьею в Немецкыи город в Любик, и рядилися туто 8 днеи, а въ 9 того месяца пошли оттоля суды к кораблю, а въ 10 на корабль взошли... Того же месяца въ 21 пришла царевна кораблем в Колыванъ, а носило их море 11 день»[110]. За последней ремаркой летописца стоит видеть известие о сильном шторме, который пришлось пережить Софье по пути. Пожалуй, со времени выезда из Рима это было первое серьезное препятствие на ее пути. Наверное, Софья вместе со всеми находящимися на судне людьми молилась покровителю мореходов Николаю Чудотворцу, прося святого сохранить им жизнь.

Из Ревеля кортеж принцессы направился вглубь страны, в Дерпт (исторический Юрьев, современный Тарту). «Ис Колываня пошли октября 1, а въ Юрьевъ пришли того же месяца 6», – сообщил московский летописец. Эту крепость основал в далеком 1030 году киевский князь Ярослав

Мудрый, когда ходил походом на здешних язычников. Он назвал город в честь своего небесного покровителя – святого воина Георгия Победоносца (Юрий – славянский вариант греческого имени Георгий). Именно в этом городе, право владения которым было предметом вечных споров между русскими и немцами, Софью встретили представители Ивана III. Они должны были сопроводить невесту во Псков.

Так открывалась новая страница в жизни Софьи. Это связано не только с ее замужеством. 18 ноября 1472 года в Равенне умер кардинал Виссарион – последний самоотверженный борец за восстановление Византии и последний, кого на Западе всерьез беспокоила судьба Софьи. С кончиной Виссариона для греческого мира наступила новая историческая эпоха.

Глава 4

ОБЪЯТИЯ МОСКВЫ

Matrigna mia,
Fredda e distante,
Impermiabile
A un amore caldo
Di una figlia adottiva
Giunta da lontano.
Tu non mi vuoi,
ma io ti amo.*

Marina Bakhmatova Caprara[1]

Московская свадьба

Софья Палеолог ступила на русскую землю в начале октября 1472 года. Суровый Русский Север раскрыл ей свои объятия. Можно только догадываться, в какое волнение привела невесту Ивана III дорога от Юрьева до Пскова по беспокойным в октябре водам Чудского и Псковского озер. Даже если погода была хорошей – что в это время года в тех краях бывает не часто, – виды незнакомой природы наверняка наводили тоску на девушку, привыкшую к лавровым и оливковым рощам. Легенды о холодной, сумрачной и бесприютной Северо-Восточной Европе, казалось, оживали. Один итальянец в XVI веке заметит: «Вообще, это неприветливая страна... Для путешественников она особенно неприветлива»[2].

Хочется верить, впрочем, что Софья находила, чем любоваться в дороге. Прозрачные озера, янтарные закаты и сонные туманы над водной гладью – всё это пленяет сердце не меньше, чем томная и страстная природа навсегда покинутого Софьей юга. Наверное, на нее произвели впечатление и воспетые классиком «в багрец и золото одетые леса».

1 октября во Псков из Таллина прибыл гонец от Ивана Фрязина Николай Лях (поляк) и возвестил скорое прибытие в город невесты Ивана III. Он подчеркнул не только ее знатное происхождение, но и давнюю традицию русских правителей брать в жены «греческих» невест: «Царевьна переехавъ море да едеть на Москву, дщи Фомина князя

* О, мачеха, / Надменно отвергаешь / Ты близость падчерицы, / Шедшей из далёка. / Я не нужна тебе. / Но я тебя люблю. *Перевод А. Петрожицкого.*

Амореиского, а цароградского царя Костянтинова и Калуянова братана а внука Иоана Палиологова, а князя великого Василья Дмитреевичя жятя (зятя. – *Т. М.*)*, наричаемаа Софья...»[3] Сообщая эти подробности, Николай Лях и пославшие его стремились не дать распространиться в городе слухам о возможных симпатиях Софьи к католикам: Иван Фрязин помнил о том, с каким трудом шло принятие решения о браке с Софьей в Москве. Гонец передал также распоряжение с честью принять великокняжескую невесту, после чего направился дальше – в Новгород и Москву: оповещать о скором прибытии именитой гостьи.

Во Пскове же поднялся настоящий переполох. Жители города не только спешно начали собирать сановитых граждан для того, чтобы достойно встретить «царевну», но и задумались о праздничном столе. Согласно летописному известию, «псковичи начаша мед сытити (готовить хмельной медовый напиток. – *Т. М.*) и кормъ сбирати»[4]. Изготовление качественного и вкусного меда было непростым делом и требовало сноровки. Чтобы его приготовить, требовалось собрать патоку, а потом «убит (взбить. – *Т. М.*) патока мутовью (мутовкой, то есть палкой со спиралью на конце, специально служащей для взбалтывания. – *Т. М.*) гораздо, чтоб не было кусья медового мелково, а взяти мед вчетверо розсыти водою лет тепло, а вару положыти на всякои пуд по четверть меры хмелю, да дрожжыма наквасити, а как мед киснет, ино дрожжы снимати с меду ситом до чиста, а как поспеет, так и сливати в бочку»[5]. Было известно несколько сортов меда, и надо думать, для Софьи заготовили самый лучший мед – княжеский, сделанный по оригинальному рецепту. Был ли это «классический» мед или особый ягодный или фруктовый (то есть с добавлением малины, вишни или яблок), неизвестно.

Торжественная процессия встречала Софью далеко от города. Уже на берегу Псковского озера ей преподнесли «кубци и роги злащеныя с медом и вином»[6]. По пути во Псков Софья со своей свитой («со своими приатели», как говорит летописец[7]), окруженная русским духовенством и мирянами, заезжала в монастыри и храмы, и везде ее тепло принимали и благословляли.

Невеста Ивана III прибыла в город 11 октября. Летописи сообщают о том, что «псковичи же въздали честь велику царевне и всем иже с нею, и дары царевне»[8]. «Великая

* Дочь Василия I Анна была отдана замуж за старшего сына Мануила – Иоанна, будущего императора Иоанна VIII.

честь» состояла в том, что встречать «царевну» вышла большая процессия во главе с посадником и священниками[9]. В дар ей была преподнесена немалая сумма – 50 рублей. Желая показать красоту своего города, горожане катали Софью на лодках («оскуях», то есть ушкуях) по реке Великой.

Псков существенно отличался от европейских городов, а потому, наверное, произвел на Софью большое впечатление. Над рекой возвышалась внушительных размеров каменная крепость, отдаленно напоминавшая замки Северной Европы. Еще в XIII веке ее построил псковский князь Довмонт, происходивший из Литвы. За крепостными стенами находились дома, в которых жили не только аристократы, но и простолюдины. Улицы и главная площадь были не вымощены камнем, а покрыты деревянными настилами. Вокруг крепости располагался посад. Русские избы окружали сады, в которых с деревьев облетала последняя желтая листва. Голые ветви уныло качались на ветру, ожидая снега... Большего контраста с городской культурой Южной Европы, казалось, трудно себе представить! Впрочем, Софье понравилось внимание, которое псковичи проявили к ней. По свидетельству псковского летописца, она даже обратилась к горожанам с речью, в которой обещала «печаловаться о делехъ» (то есть рассказать о их проблемах и просить помощи в их решении) перед Иваном III[10].

Софья провела в городе то ли «пять дней ровно» (по подсчетам псковского летописца), то ли семь (как сообщает Московская летопись)[11]. Далее ее путь лежал в Новгород. По свидетельству московского летописца, Софья добралась туда лишь к 25 октября. Дорога от Пскова до Новгорода шла вдоль реки Черехи, а затем глухим лесом. За ту неделю, что принцесса провела в пути, она, наверное, успела устрашиться страны, которой правил ее будущий супруг. Всё это напоминало старинный сюжет народных сказок о том, как красавица попадает в дальнюю страну – пугающую и прекрасную одновременно, но не может найти ее хозяина, укрывшегося в дремучей чаще...

Софья прогостила в Новгороде пять дней, отдыхая после утомительной тряски по русским ухабам. В Новгороде ей были преподнесены дары от архиепископа Феофила и «от всего Новагорода». Для новгородцев достойная встреча невесты великого князя была вопросом политическим: прошло совсем немного времени с тех пор, как войско Ивана III разгромило новгородцев на реке Шелони. По условиям Коростынского мира Новгороду запрещалось вести

самостоятельную внешнюю политику. Этот договор стал важной вехой в процессе постепенного подчинения Москве вольнолюбивой республики. Софья, наверное, не догадывалась об этих тонкостях и приняла дары как должное: ведь ее встречали с почестями в каждом городе уже несколько месяцев подряд.

Из Новгорода Софья и ее приближенные отправились в Москву. И вновь за окошком возка «царевны» потянулись бескрайние леса, припорошенные первым снегом. Русские дебри очаровывали и завораживали людей Запада. К середине XVI столетия, когда Россию уже посетили некоторые европейцы и наша страна стала чуть более известна на их родине, появилось довольно много европейских карт Московии. Одну из них, изготовленную в Базеле в 1556 году, принято называть картой «Лесной Московии»: на ней практически все пространство между реками, озерами и морями занимают зеленые чащи[12]. Можно только гадать, какие мысли и образы – пугающие, романтические или авантюрные – рождались в сознании Софьи и ее спутников во время этого бесконечного путешествия...

Когда путники были всего в 15 верстах от Москвы, в великокняжеском дворце началась суматоха. Дело было не только в любопытстве, с которым все ждали иноземную невесту великого князя. В Москву пришло известие о том, что в свите Софьи находится католический священник – Антонио Бонумбре («лягатос Антоний» русских источников[13]). Он ехал не как частное лицо, а как посол (*legatus*) папы римского и миссионер. На скользких осенних дорогах Антонио, наверное, выглядел экзотично: он был облачен в красную мантию и носил перчатки. Псковские летописи сохранили описание его облика: «И бе бо с неи свои владыка с нею не по чину нашему оболчен. Бе бо вся черьвленым (красным. – *Т. М.*) платьем, имея на собе куколь червлен же, на главе обвить глухо, яко же каптурь литовскои, толко лице его знати и перстатици на руках его имеяи непременно, чко рук его никому же видети, и в тои благословляет...»[14] Перед прелатом несли четырехконечный католический крест.

В коллекции Музеев Московского Кремля хранится старинный «латинский» равноконечный крест, изготовленный из прозрачного хрусталя. Это довольно большое изделие весьма лаконичного дизайна. По мнению экспертов, этот крест происходит из Западной Европы и изготовлен в XV столетии[15]. Едва ли можно с уверенностью сказать, что

Антонио Бонумбре нес перед собой именно его, однако в руках «лягатоса» вполне могло быть нечто подобное.

Мысль о том, что вместе с Софьей Ивану III придется принять и папского посла, обеспокоила многих приближенных великого князя. Ему напомнили, что не так давно в Москве пытался насадить «латинскую веру» (а точнее, унию 1439 года) «нечестивый» митрополит Исидор. Но более всего известие о католическом прелате в свите Софьи задело и даже оскорбило митрополита Филиппа. Он пригрозил уйти из Москвы, если «лягатос Антоний» не только войдет в город, но даже приблизится к нему, держа в руках католический крест. Автор Московского летописного свода конца XV века передает слова разгневанного пастыря, обращенные к Ивану III: «Не мощно тому быти, кое въ град сыи ему внити, но ни приближатися ему; аще ли же тако учинишь, почтити его хотя, но он въ врата граду, а яз, богомолецъ твои, другими враты из града; не достоитъ бо нам того ни слышати, не токмо видети, поне же бо възлюбив похваливыи чюжую веру, то своеи поругался есть»[16].

Иван III оказался в непростой ситуации. Он не желал ссориться ни с заморскими гостями, ни с ревнителями православного благочестия. И все-таки выбор был сделан в пользу своих. Навстречу кортежу был послан с отрядом герой недавней Шелонской битвы великокняжеский боярин Федор Давыдович Хромой. От имени великого князя он приказал миссионеру убрать крест в сани. О сопротивлении не могло быть и речи. «Тогда же убояся легатос...»[17]

После этого инцидента Софья, наверное, должна была с ужасом подумать о том, что у ее жениха суровый характер и с ним лучше не спорить. «С бешеным нравом, с тяжелой рукой...» – позже создаст похожий образ жестокого русского мужа Н. А. Некрасов. Надо сказать, что современники замечали за Иваном III подобные черты. Одно из прозвищ, которым наделила народная молва этого правителя, – Грозный[18]. Австрийский дипломат Сигизмунд Герберштейн упомянул о грозном взгляде Ивана III, от которого случайно попавшаяся ему на глаза женщина «при виде его только что не лишалась жизни»[19]. Правда, даже самые страшные поступки Ивана III не шли ни в какое сравнение с теми зверствами, которые будет творить его внук – Иван IV, за которым прозвище Грозный закрепится гораздо прочнее. Изобретатель опричнины высоко чтил своего деда, в честь которого и был наречен.

Итак, в Москве приезда Софьи ждали не только с любопытством, но и с тревогой. После событий 1439 года, когда первые лица Византии приняли решение подписать церковную унию с Римом, в русских землях постепенно распространилось мнение об осквернении веры греками и о их отпадении от истинного православия. Московские книжники с 1460-х годов объясняли этим падение Константинополя. Тень ненависти к «латинству» и униатам не могла не падать и на «римлянку» Софью. Выдающийся богослов Г. П. Федотов однажды заметил: «Древняя Русь была сильна простой и крепкой верой, до конца утоляемой в ограде церкви»[20]. К новым веяниям в области веры на Руси относились критически.

Эти воззрения переплетались с традиционными представлениями о том, что лучше брать невесту из родных мест, а не искать ее на чужбине. Подобные идеи нашли отражение даже в итальянских новеллах эпохи Ренессанса. «Никогда не ошибешься, породнившись с соседом»[21], – наставлял гуманист Франко Саккетти. Остается только пожалеть великокняжескую невесту: в чужой для нее стране она оказалась сразу нелюбима довольно многими.

Учитывая подобные настроения, московское будущее «римлянки» выглядело не самым радужным. Но встреча кортежа Софьи, наверное, прошла торжественно. Увы, мы знаем не много подробностей этого важного момента. Можно только гадать о том, пробежала ли «искра» взаимной симпатии между женихом и невестой, когда они впервые увидели друг друга, каким взглядом смерила будущую невестку княгиня-мать Мария Ярославна и о чем шептались в толпе горожане, глядя на экзотичных греков и особенно на присмиревшего «лягатоса»...

В стихотворении, посвященном Софье Палеолог, – одном из немногочисленных литературных произведений о ней – Давид Самойлов передал настроение невесты Ивана III в тот день:

Как шлемы были купола.
Они раскачивались в звоне.
Она на сердце берегла
Как белых ласточек ладони.

И был уже неоспорим
Закон меча в делах условных...
Полуулыбкой губ бескровных
Она встречала Третий Рим[22].

Кажется, поэт уловил главные эмоции Софьи: ее волнение, смирение перед неизбежным и смутное предчувствие того, что в Москве она будет свидетельницей великих свершений...

Летопись сообщает, что Софья прибыла в Москву 12 ноября. Однако, скорее всего, она оказалась в городе на несколько дней раньше. Дело в том, что в летописи рассказ о свадьбе Ивана III, произошедшей как раз 12 ноября, начинается с приезда невесты в Москву. Едва ли можно предположить, что Софья прибыла, что называется, «с корабля на бал» и всё происходило в какой-то немыслимой спешке (на чем настаивают некоторые ученые[23]). Невесте нужно было отдохнуть и прийти в себя после долгой дороги в течение как минимум двух-трех дней: на свадьбе она должна была предстать перед женихом и его родней свежей и полной сил.

Гнев митрополита Филиппа даже после сделанного Антонию «внушения» не утих. Есть основания полагать, что он даже отказался венчать этот «латинский» брак. Митрополит напомнил князю, что тот вдовец, а потому церковные правила советуют ему воздержаться от повторной женитьбы. «На вступающего во второй брак налагалась епитимья: отлучение от причастия на год. Священнику, венчавшему второй брак, запрещалось присутствовать на свадебном пиру, "понеже двоеженец имеет нужду в покаянии"...»[24] Все это, однако, не помешало великокняжескому летописцу, составлявшему официальный летописный свод в конце XV века, сообщить, что таинство венчания совершил митрополит[25].

Ряд источников сохранил другие известия. Книжник, не связанный с великокняжеским двором, а значит, не имевший необходимости сглаживать в своем повествовании «острые углы» в отношениях между великим князем и митрополитом, сообщил, что Ивана и Софью венчал «протопоп коломеньскии Осея»[26]. Эти данные больше похожи на правду: антилатинская позиция Филиппа не вызывает сомнений, и другие близкие Ивану III московские священники не могли по каноническим соображениям совершать таинство венчания. «Протопоп московского Успенского собора и духовник самого великого князя... были вдовыми попами. Согласно правилу святого митрополита Петра, овдовевшие священники обязаны были принимать монашество. При этом они могли остаться в миру, что обычно и делали. Но, во-первых, такой вдовый поп считался как бы

неполноценным, а во-вторых, иеромонахам по уставу не разрешалось совершать венчание»[27]. Коломна в те годы являлась вторым по значению городом Московского княжества, и приглашение главы местного духовенства для столь важного дела было хорошим решением.

По-видимому, митрополит Филипп все же присутствовал на венчании, которое совершил «протопоп Осея»[28]. Чем можно объяснить смягчение позиции Филиппа? Может быть, это могло быть обусловлено каким-либо актом признания Софьей истинности православной веры. О том, как именно это происходило, источники умалчивают. По-видимому, «специального чина о присоединении католиков к русской автокефальной церкви не сформировалось, а греческий чин не был использован»[29]. Желающих перейти из католичества в православие в ту пору было немного. В случае с Софьей могло быть достаточно беседы с кем-то из духовных лиц Москвы «первого ряда», который обнаружил бы ее сочувствие православию. Но – безотносительно чина перехода из католичества в православие – в богослужебной практике тех лет бывали случаи, когда нормы, предназначенные для паствы, в отношении важных политических фигур могли и не применяться. Кроме того, Софья была униаткой, то есть не совсем католичкой, и устроители брака не уставали подчеркивать ее связь с православной верой и со вселенским православием.

Иными словами, едва ли над Софьей был совершен какой-то особый обряд. Что же касается перемены имени (не *Зоя*, а *Софья*), то это может быть объяснено тем, что на Руси имя *Зоя* было не распространено.

Как бы то ни было, торжественная церемония выпала на 12 ноября – день памяти святого Иоанна Милостивого. Согласно летописным данным, венчание проходило «въ церкви Успениа въ древянои»[30], то есть во временной церкви, поставленной над мощами святителя Московского митрополита Петра († 1326). Дело в том, что главная святыня Московского кремля – белокаменный одноглавый Успенский собор, возведенный во времена Ивана Калиты, был уже не в лучшем состоянии. Митрополит Филипп затеял постройку нового храма. Для этого он в 1472 году нанял мастеров Кривцова и Мышкина.

Итак, таинство венчания совершалось во временной деревянной церквушке, буквально на строительной площадке... Бедная Софья! Вряд ли она мечтала о такой свадь-

бе, мысленно прощаясь с дворцами и садами Рима перед отъездом из Италии. Но ей не приходилось выбирать. Пришлось в очередной раз покориться судьбе.

Свадьба великого князя, очевидно, должна была пройти по всем правилам. К сожалению, о свадебных обычаях и особенностях венчаний второй половины XV века известно мало: самые ранние сохранившиеся свадебные чины относятся к следующему столетию, когда в России изменилось уже очень многое. И всё же главные моменты оставались неизменными на протяжении веков.

Так, не стоит сомневаться в том, что в храме в начале торжественной службы был прочтен 127-й псалом[31], в котором говорится: «Благословит тя Господь от Сиона, и узриши благая Иерусалима вся дни живота твоего, и узриши сыны сыновъ твоих: мир на Израиля» (Пс. 127: 6–7). Эти слова, обращенные к Ивану III, были призваны напомнить ему о двух целях христианина, избравшего путь семейной жизни: спасении души и оставлении на земле доброго и многочисленного потомства. В ходе венчания пелся и тропарь святым мученикам[32], символизирующий сложности и испытания, которые могут выпасть на долю супругов. Согласно учению Церкви, муж и жена должны преодолевать жизненные трудности вместе, поддерживая друг друга: *супруги* означает *соупряжники*...

Надо сказать, что на свадьбе Софьи моментов богослужения с «печальной» символикой было больше, чем обычно: чин венчания второго брака имел свои особенности. Так, перед совершением чина венчания пелся покаянный 50-й псалом Давида[33], который начинается словами: «Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое...» Эти строки напоминали о том, что второй (равно как и третий) брак совершается не по божественным предписаниям, а как снисхождение к человеческой немощи, *понужи*, как говорили в Древней Руси. К числу особенностей совершения чина венчания второго брака можно отнести и «обычай возлагать венец на второбрачного... не на голову, а на правое плечо, а также обычай пить из общей чаши всем присутствующим в храме...»[34].

О традиции пить вино из общей чаши во время венчания стоит сказать особо. Изначально среди церковных установлений было предписано причащать жениха и невесту Святых Тайн. Для этого нужен был потир (чаша для

причастия). Ко второй половине XV столетия традиция изменяется, и вместо причастия священник трижды давал отпить жениху и невесте освященного вина из общей чаши. После этого следовало «растоптать скляницу», то есть разбить чашу, изготовленную из стекла[35].

Сравнительно недавно в ходе археологических раскопок на территории Кремля была сделана любопытная находка: обнаружен небольшой фрагмент сосуда «из глухого белого стекла с росписью синей и желтой эмалью»[36]. Поначалу он не вызвал удивления у специалистов, поскольку изделия из цветного стекла не были редкостью в домах московских аристократов уже в XVI–XVII веках. Однако фрагмент просматривающегося на найденном осколке орнамента заставил знатоков старины задуматься. Оказалось, что подобный орнамент присутствует на удивительной красоты свадебном кубке, хранящемся в Праге. Этот кубок датирован серединой XV столетия и происходит из Италии. Таким образом, не исключено, что перед нами остатки свадебного кубка, который привезла с собой из Италии Софья и который был использован во время венчания. Найденный осколок может быть не просто жертвой беспощадного времени, а свидетельством исполнения традиции разбивания общей чаши.

Венчанием, однако, свадебные торжества никогда не ограничивались. Свадебные традиции принадлежат к числу тех, что сохраняют архаичные и даже языческие черты особенно долго. Люди Средневековья придавали большое значение как церковным таинствам, так и народным обычаям: ведь от точности их исполнения зависел, по их представлениям, исход многих мирских дел. Счастливая семейная жизнь государя была залогом благоденствия всего народа. Более чем вероятно, что придворные Ивана III не пренебрегли старинным обычаем расчесывания волос жениху и невесте гребнем, смоченным в медовом напитке. Такие действия должны были способствовать пробуждению сексуальности у молодоженов. «Детородную силу молодым также придавали семена, хмель и монеты, которыми жениха и невесту осыпали во время обряда чесания волос, при выходе из церкви после венчания и перед спальным покоем. То же значение имели ржаные снопы под брачным ложем»[37]. Почетное место на свадебном пиру занимали ритуальные блюда – жито (хлеб), каша, курица и сыр[38], символизировавшие успех во всех сферах семейной жизни.

Свадебные песни, которые исполняли и гости, и специально нанятые певцы, изобиловали таинственной символикой. «Глубокой древностью отзываются свадебные песни об олене, соколе, паве и щуке рыбе»[39]. Желая счастья молодоженам, русские люди испокон веков пели о райских птицах, златорогих оленях в непролазных чащах, сказочных высокогорных дворцах и городах посреди Моря-Окияна...[40] Едва ли выросшая в Риме гречанка понимала смысл этих славянских напевов, но она, без сомнения, дивилась новым мелодиям.

* * *

Вглядимся, однако, в суть того события, которое произошло 12 ноября 1472 года. Под низкими сводами временной церкви, пропахшей смолой и ладаном, совершалась сама История. Не будет большим преувеличением фраза о том, что этот момент является знаковым в череде нечастых дружеских встреч России и Европы.

На венчание великого князя прибыли родовитые гости. Помимо матери великого князя Марии Ярославны из своих уделов прибыли его братья: Андрей Большой из Углича, Борис из Волоколамска и Андрей Меньшой из Вологды. Все они были в окружении своих приближенных. О семейном счастье великого князя молились и представители московских боярских родов[41].

Со стороны невесты присутствовали те, кто проделал с ней долгий путь в православную столицу. Источники единогласно свидетельствуют о том, что с Софьей приехало несколько десятков греков. Едва ли русские бояре были в восторге от такого скопления иноземных гостей: «"Место" каждого участника брачной церемонии во многом предопределяло его дальнейшую служебную карьеру, поэтому в период подготовки к знаменательному дню в придворных... кругах разгоралось соперничество за более выгодные свадебные "чины"»[42]. К сожалению, имена большинства греков из свиты Софьи неизвестны. Представим же тех, о ком есть конкретные сведения.

Почетное место среди гостей занимал Юрий Траханиот, уже приезжавший в Москву в 1469 году. Именно он тогда по поручению кардинала Виссариона впервые рассказал Ивану III о Софье. Юрий и его брат Дмитрий одно время жили в Неаполе при королевском дворе. Их родственник Микеле Марулло Тарханиот был поэтом и философом-нео-

платоником[43]. Неаполь был одним из самых ярких центров гуманистической культуры, а королевский двор отличался пышностью и богатством. Однако придворная жизнь в Неаполе после смерти Альфонсо Арагонского в 1458 году не отличалась спокойствием. Наследник Альфонсо, Ферранте (Фердинанд), правивший до 1494 года, «внушал ужас всем своим современникам. Он сажал своих врагов в клетки, издевался над ними, откармливал их, затем отрубал им головы и приказывал засаливать тела. Он одевал мумии в самые дорогие наряды, рассаживал их вдоль стен погреба, устраивая у себя во дворце целую галерею, которую посещал... Этот Ферранте отравлял в венецианских церквах чаши со святой водой, чтобы отомстить венецианской синьории, предательски убивал... доверившихся ему людей и насильно овладевал женщинами...»[44]. Словом, для греков Ферранте немногим отличался от турецкого султана. По всей видимости, для Траханиотов переезд в Россию был единственной альтернативой пребыванию рядом с жестоким королем.

Дмитрий и Юрий, а также и их потомки войдут в историю России как видные дипломаты, переводчики и государственные деятели. Русские источники нередко будут называть Дмитрия и Юрия «боярами великой княгини Софьи»[45]. По некоторым сведениям, родственником Траханиотам приходился и приехавший на Русь грек, принявший монашеский постриг и ставший позже архиепископом Тверским[46].

За счастье и многочадие великокняжеской четы молился и представитель Андрея Палеолога Димитрий Рауль Кавакис, он же «Дмитрий Грек» и «Дмитрий Ралев», как его называют русские летописи. Он происходил из рода Раулей (Ралевых), выходцы из которого верой и правдой служили еще отцу невесты – Фоме Палеологу. Он и его брат Мануил с 1485 года перейдут на службу Ивану III.

На венчании Софьи с Иваном III присутствовал также Константин, князь Феодоро (Мангупа). Он происходил из византийской Готии, находившейся на территории Крыма. В юности он жил в Константинополе, а после падения города в 1453 году перебрался в Морею, где прибился к «дому» (двору) Фомы Палеолога. Вместе с ним в 1460 году он бежал на Корфу, а оттуда – видимо, в 1465 году – приехал вместе с Софьей и ее братьями в Рим. Константин Мангупский около десяти лет провел при московском дворе, а потом стал приближенным опального ростовского архиепископа Иоасафа. В 1483 году он принял монашеский постриг в Ферапонтовом монастыре с именем Кассиан, а позже основал пустынь на реке Учме близ Углича. Кассианова пустынь долгое время

была важным духовным центром тех мест. Ее расцвет пришелся на XVII столетие, когда Кассиан Учемский был причислен к лику святых. Надо полагать, что в этой обители сохранилась память о том круге «греко-римско-московской» знати, из которой вышел основатель монастыря. На рубеже XVII–XVIII веков была составлена «Летопись Кассиановой Учемской пустыни». В ней содержатся любопытные известия о греках, прибывших на Русь в свите Софьи:

«Приидоша из Риму, з царевною Софиею, дщерию Фомы царя Аммореискаго, со внукою царя Мануила Греческаго, к Москве в провожатых и остались служить великому князю Иоанну Василиевичу греческие дворяне, три брата: Карпубусъ, Аталыкъ, Армаметъ, прозваниемъ Кашкины. Аталыкъ и Армамет были бездетны. У Карбуша дети, Федор; а у Федора сын Романъ; у Романа сын Никита Романович был в болярехъ, при царе Иоанне Василиевиче (Грозном. – *Т. М.*), и был в полковых воеводах; а в болярина Никиты Романовича, сын Иван Никитичь был в спальниках; у Ивана дете Андреи, да Алексеи бездетен; у Андрея сын Борис; у Бориса Иван, у Ивана Кондратъ да Федоръ бездетенъ, У Кондрата детеи Тихон, у Тихона Василеи. У Василия детеи Георгии да Гаврило Кашкины»[47].

Загадочные имена константинопольских греков – Карпубус, Аталык и Армамет – кажется, не встречаются более ни в одном русском источнике. Они представляют собой, по-видимому, исковерканные до неузнаваемости греческие имена. Род Кашкиных не фигурирует даже в разрядных книгах – списках русской аристократии, в которых фиксировались назначения на должности.

По некоторым сведениям, в числе приближенных Софьи, прибывших с ней в 1472 году в Москву, был и некий Афанасий Чичерини[48]. Его фамилия явно восходит к слову *cicero* – горох. От того же корня происходит и имя Цицерона, или по-итальянски Чичероне. В Новое время слово *чичероне* стало нарицательным: так называли гидов, показывавших Италию иностранцам, за их многословность. Хорошо ли знал Италию Афанасий, данных нет, но известно, что его правнук был убит в 1552 году при взятии Казани. По преданию, именно от этого Афанасия Чичерини ведет свое начало русский дворянский род Чичериных. Из этого рода происходил знаменитый историк и исследователь права Б. Н. Чичерин (1828–1904), один из любимых учеников выдающегося медиевиста и «западника» Т. Н. Грановского. Б. Н. Чичерин приходился дядей советскому наркому иностранных дел Г. В. Чичерину (1872–1936).

Словом, грекам удалось пустить в России глубокие корни и стать родоначальниками многих аристократических родов. В России потомки Дмитрия Траханиота (у Юрия детей не было) несколько веков занимали видные должности. Основателя рода Ласкиревых (русская ветвь которого ведет свое начало от Федора Ласкариса и его сына Дмитрия, приехавших в Москву из Венгрии в 1496 году[49]) записанная в Москве легенда возводит к одному из главных сподвижников императора Константина[50]. Ралевы претендовали на родственные связи с Палеологами, а Ангеловы, быть может, «выдавали себя за потомков рода, правившего Византией в конце XII – начале XIII века»[51].

Для XV столетия аристократ – это всегда землевладелец. В старинных родословцах есть данные о том, что после того как греки приехали «служить великому князю», они были «пожалованы» им[52]. Речь идет о земельных пожалованиях. По всей видимости, несколько подмосковных сел, носящих имя Ларево, связаны с семьей дипломатов Ралевых («Ларевых»). Вероятно, село Ангелово, расположенное к западу от Москвы, можно связать с семейством греков Ангеловых[53], представители которого также служили Ивану III и Василию III. Выходец из этого рода Мануил Ангелов участвовал в посольских миссиях в Милан и Венецию, а в 1509 году занимал в Москве один из самых высоких постов – был хранителем печати великого князя[54].

Некоторые грамоты первой трети XVI века позволяют воочию убедиться, как греки из свиты Софьи и их потомки постепенно встраивались в русский мир. Примечательна грамота, в которой содержатся русские автографы Дмитрия Ласкариса и его сына Михаила. Если почерк приехавшего в Россию юношей Дмитрия напоминает греческий минускул, то Михаил пишет обычным русским полууставом. Более того, если Дмитрий подписывается своим оригинальным греческим именем («Димитрис Ласкарис»), то Михаил использует «русифицированную» форму своего имени («Михайло Дмитрев сын Ласкирев»)[55].

На что может прогневаться русский князь?

Свадьба великого князя вызвала большое оживление и даже напряжение в русском обществе, и не только в связи с вопросом о венчании великого князя с «римлянкой». Приезд необычных южных гостей всколыхнул не одних аристо-

кратов, но и книжников – русских интеллектуалов того времени. «Лягатос Антоний» был вызван на богословский спор «о вере», инициированный, по-видимому, митрополитом Филиппом. Главным оппонентом папского посла был «книжник Никита попович». В ходе их религиозных прений представитель папы римского был посрамлен. По свидетельству русского летописца, он не смог ничего возразить на доводы православных богословов, сказав лишь: «Нет книгъ со мною»[56].

Между тем над головой главного устроителя этого брака – Ивана Фрязина – разразилась гроза. На ловкого итальянца была наложена опала. Иван III узнал о том, что, будучи в Риме, Иван не только утаил от папы, что перешел в Москве в православную веру, но и соблюдал в Вечном городе католические обряды («что бы учинити честь папе... и все творил тамо, яко же и они творятъ»[57]). Вероятно, это намек на то, что он в соответствии с римским церемониалом целовал папскую туфлю. Для православных этот обычай считался особенно унизительным. Впрочем, нельзя точно сказать, делал ли он это[58]. Конечно, Иван III не был столь консервативен в вопросах веры, как митрополит Филипп, однако, позиционируя себя как однозначного поборника православия, он такого поведения послу простить никак не мог. В те времена говорили: «Всяк посланник государя своего лице образ носит»[59], то есть воплощает в себе пославшего его правителя.

Была и другая причина недовольства великого князя своим слишком предприимчивым «денежником». Ивану III стало известно, что в это время в Москве находился и жил у Ивана Фрязина направлявшийся в Орду из Венеции посланник Светлейшей республики Иван Тривизан. Целью миссии Тривизана было склонить врага Ивана III – ордынского хана Ахмата к союзу с Венецией в борьбе против турок, угрожавших Европе. Венецианцы не посчитали необходимым общение их посланника с Иваном III, а потому венецианский сенат постановил, что Тривизан должен прибыть в Москву не как официальный посол Венеции, а как частное лицо. Он был послан специально к Ивану Фрязину. Именно так ситуация представлена в венецианских документах. И Иван Фрязин, и Иван Тривизан названы в них «сенатскими секретарями»[60].

Первый правитель независимой Руси, Иван III был необычайно чуток к вопросам престижа своего государства и своего личного авторитета. Московский князь был оскорб-

лен тем, что посланник другого государства, проезжая по московским землям, не счел нужным представиться ему, а потому бросил Ивана Тривизана в темницу, задумав казнить его[61]. Когда об этом узнали в Венеции, в Москву срочно было направлено послание, в котором венецианцы пытались всячески оправдать своего представителя. В грамоте подчеркивалось, что «если он (Тривизан. – *Т. М.*) вел себя не совсем благоразумно или доверительно с вашим высочеством (Иваном III. – *Т. М.*), то не следует подозревать здесь какое-либо злое намерение, но скорее объяснить это недостаточным опытом или какой-то другой – возможно, необходимой – причиной, смысл которой нам неизвестен»[62]. Помимо грамоты приехавший из Венеции Антон Фрязин передал Ивану III дары от Республики[63].

В этой истории много неясного. Судя по всему, венецианцы хотели послать Тривизана через Русь в Орду инкогнито, опасаясь, что Иван III может помешать его миссии. Но когда Тривизан был арестован и его жизни стала угрожать опасность, им пришлось раскрыть карты. Венецианцы представили перед великим князем всё так, будто бы Тривизан вовсе не хотел быть неузнанным. Именно в таком виде история эта отразилась в русских летописях. Правда и ложь поменялись местами. Венецианские сенаторы хотели обмануть Ивана III, заставив его и его окружение поверить, что Тривизан действительно с самого начала хотел идти на поклон к великому князю. Поскольку русские люди к 1470-м годам только начинали осваивать тонкости европейского искусства вести международные переговоры, то сделать это было несложно. Иван Тривизан был освобожден и отправлен в Орду вместе с московским провожатым. Иван III снабдил его 70 рублями, позже, правда, сообщив венецианскому дожу, что Тривизану были даны не 70, а 700 рублей[64].

Эти трагикомичные события стали роковыми в жизни Ивана Фрязина. В истории с Тривизаном он оказался виноват более других. Если смотреть на ситуацию глазами Ивана III, то получалось, что именно Иван Фрязин скрыл от великого князя истинные цели приезда Тривизана на Русь. У этого преступления могли быть и «отягчающие обстоятельства». Московский «денежник», неравнодушный к богатству, мог взять себе часть «поминков» (подарков), предназначенных великому князю, за услугу, которую он предполагал оказать Тривизану (размещение в своем доме и указание дороги или даже сопровождение в Орду). Летопись рассказывает об этом весьма экспрессивно: «Иван

Фрязин же нашъ денежникъ не велелъ тому Тривизану о том бити челом великому князю, глаголя ему: "о чем ти о сем бити челом великому князю да поминки великие подавати, а могу то яз зделати опроче великого князя и до царя допроважу тя". А к великому князю пришед Фрязин с темъ Тривизаном, назвал его князьком Венецеиским, а себе племянником, а рекши, пришел до него своим делом да и гостьбою, да то у великого князя утаили». За это преступление Иван III «повеле поимати Фрязина да оковавъ послал на Коломну, а дом его повеле разграбити и жену и дети изымати...»[65].

Вот так – бесславно и трагично – закончилась деятельность того, чьими руками был устроен брак московского князя и дочери Фомы Палеолога. «Дело Ивана Тривизана» показало, что гроза великокняжеского гнева обрушивается на всех виновных, не исключая иноземцев. Иван III был мастером того циничного искусства, которое позднее назовут «манипулированием общественным мнением». Проводя свою собственную политическую линию, он стремился к равноудаленности от всех придворных партий и кланов. Ласковый и приветливый с иноземцами, он при этом не терпел какой-либо интриги с их стороны. Он опасался тайных заговоров, от которых будет предостерегать Лоренцо Медичи «главный идеолог» ренессансной политики – Никколо Макиавелли[66].

Едва ли Софья понимала тогда всю сложность политической игры, которую вел ее супруг. Но очевидно, что эти опалы произвели на нее самое гнетущее впечатление. Ей могли вспомниться слова из свадебного чина о том, что «жена да боится мужа своего...»[67]. И все это происходило в новой для нее стране, где, казалось, суровость Ивана III усиливалась по мере того, как укорачивался световой день.

Переезд из Европы в Россию

В Москве Софье нужно было ко многому привыкнуть. Она поселилась со своим супругом в его дворце, стоявшем посреди обветшавшей белокаменной крепости, возведенной в 1360-е годы. Ее новое жилище разительно отличалось от ренессансных дворцов, в которых она привыкла бывать в Риме. Деревянный дворец, выстроенный из отменных, но уже старых бревен, украшала искусная резьба по дереву. Жилые покои к приезду Софьи были, без сомнения,

поновлены[68], но Софья, скорее всего, чувствовала себя в них неуютно. Жаркие печи топились щедро. Духота удивительным образом уживалась с холодными сквозняками. Во дворце было тесно и сумрачно. Свет едва проходил через узкие слюдяные окошки. Повсюду сновали мыши, а из чуланов тянуло сыростью. По ночам Софья долго не могла заснуть, вслушиваясь в непонятные шорохи, доносившиеся из подвалов, и в почти осязаемый треск сугробов за окном. И лишь громкий храп спавших в сенях слуг прогонял непонятную тревогу русской ночи.

Не меньше нового жилища Софью угнетали и привычки ее русского окружения. Софья стеснялась грубых манер русских в сравнении с обхождением ее греческой свиты. Венецианец Амброджо Контарини, приехавший в Москву в 1476 году, был потрясен некоторыми «варварскими» и даже «звериными» в его понимании привычками русских[69]. Это проявлялось не только в официальном общении на приемах, но и в мелочах быта. Например, к 1460-м годам в Италии за столом уже начинали использовать вилки, тогда как на Руси знали только ложки; в Италии уже начали распространяться индивидуальные столовые приборы и посуда[70], тогда как в Москве на будничных трапезах все черпали из одного горшка.

В Москве Софье пришлось изменить многие свои привычки. Уезжая из Италии, она не подозревала, что в последний раз ест блюда, щедро приправленные оливковым маслом и розмарином. Конечно, стол «государя всея Руси» существенно отличался от стола простых горожан и тем более крестьян. Он был и более сытен, и более разнообразен. Наваристые щи с белыми грибами, речная рыба во всех видах, разнообразные пироги, пирожки, кулебяки и расстегаи, вкуснейшие каши из печи, куры, запеченная куском говядина или баранина, соленые грузди и огурцы, квашеная капуста, сытный овсяный кисель – всё это было ново и необычно для Софьи. Русская кухня вкусна, но грубовата даже в сравнении с не слишком утонченной римской. Хочется надеяться, что московские блюда со временем пришлись Софье по душе. Однако зимой и весной даже на столе великого князя не было свежей зелени, к которой Софья с детства привыкла. Амброджо Контарини, проведший в Москве осень и зиму 1476 года, и вовсе решил, что «в этих местах... нет также никаких плодов, бывают лишь огурцы, лесные орехи, дикие яблоки»[71]. И уж конечно, на столе Ивана III не было знакомых итальянским нобилям

экзотических блюд – таких, как жареные павлины в соусе с фисташками или жаркое из газели[72]. В России было не развито и виноделие, что дало повод тому же Контарини затосковать по привычным ароматам. Софья, надо думать, вместо вина за трапезой стала пригублять хмельной медовый напиток, который впервые попробовала на подъезде ко Пскову.

Дивилась Софья и одеяниям жителей Москвы. Наступали холода, а потому даже простые горожане облачались в шубы. Одеяния московской знати, отделанные роскошным мехом песца, горностая и соболя, должно быть, восхищали супругу великого князя. Да и сама она стала носить изысканные меховые обновы. Ежегодно на замерзшей Москве-реке на Святки проходила ярмарка, где, помимо прочего, продавали «мягкую рухлядь». Огромные возы пышных беличьих и лисьих хвостов, куниц и норок, бобров и рысей удивляли молодую княгиню: в Европе одежда, подбитая мехом, считалась большой роскошью.

Вообще, в Москве Софье пришлось сменить гардероб, хотя ее русские платья шились из итальянских тканей, которые «фряжские» купцы уже несколько веков привозили в Москву. Открытые и приталенные западные платья, к ношению которых Софью приучили в Риме, были не только непригодны для зимней стужи, но и не соответствовали представлениям русских о благочестии. Великая княгиня теперь облачалась в прямые сарафаны, поверх которых накидывалась подволока (своего рода плащ). На людях Софья должна была появляться только с покрытой головой, причем на головной убор требовалось накинуть еще и покрывало – накапку. Пожалуй, примирить Софью с такой церемонностью могло лишь то, что ее московские одежды оказались гораздо богаче римских. Ее сорочки и верхние платья были искусно расшиты крупным гурмыжским (привезенным из иранского Ормуза) жемчугом. Она носила рясны (подвески к головному убору) и аграфы (украшения головного убора в виде дужек с тремя бусинами) тонкой работы, а на ее монистах (шейных украшениях) и перстнях переливались бесчисленные лалы (рубины), яхонты и изумруды...

К русскому климату Софья привыкала с трудом. Собственно, различия русского и итало-греческого быта в большой степени объясняются и разным климатом. Если в Италии обыкновенно прячутся от солнца, закрывая глухими ставнями большие окна, то на Руси теплые солнечные лучи всегда были подарком людям, уставшим от зимней мглы.

Чтобы холод не проникал в жарко натопленные помещения, русские делали совсем небольшие оконные проемы, похожие на бойницы. Можно сказать, что если южные окна были «слепы» от обилия солнца, то русские – от его недостатка. Кушанья русской кухни традиционно направлены преимущественно на согревание организма, а итальянские и греческие – на его охлаждение.

Даже понятие «весенняя свежесть» в Москве и Риме понималось по-разному. С конца марта в Риме начинают цвести апельсиновые деревья, и в городских двориках и садах стоит их благородный аромат. «Что за воздух! Удивительная весна! Гляжу – не нагляжусь. Розы усыпали теперь весь Рим»[73], – восхищался теплой итальянской весной Н. В. Гоголь. В Москве же в это время обыкновенно только сходит снег, обнажая голую землю, над которой свистит холодный ветер. «Март-марток – надевай двое порток», – гласит русская пословица. Словом, переезд с юга на север давался в ту пору тяжело.

Для Софьи было странным и то, что в этой мрачноватой, но, казалось, богатой стране почти не было драгоценных металлов. Особенно мало было золота. Конечно, имелись и серебряные, и золотые оклады на иконах, из драгоценных металлов изготавливалась церковная утварь, были изысканные украшения, в том числе подаренные русским князьям византийскими патриархами и императорами. Но русские золотые чеканились «по случаю», как награды, и не имели хождения в качестве средства оплаты. Использовали преимущественно серебряные монеты, а порой и просто слитки.

Софья должна была привыкнуть не только к особенностям русского быта. В Москве она оказалась в самой гуще событий. В стране происходили серьезные политические изменения. Супруг Софьи, в отличие от значительной части правителей ренессансной Европы, проводил время не в кругу ученых мужей, а в военных походах и размышлениях о них. Своим поведением он словно предвосхищал советы Макиавелли о том, что «государь не должен иметь ни других помыслов, ни других забот, ни другого дела, кроме войны, ибо война есть единственная обязанность, которую правитель не может возложить на другого»[74].

Конец 1460-х и первая половина 1470-х годов были для Руси временем важных военных предприятий. Именно к этому периоду относятся первые попытки продвижения русских на восток, проявившиеся в походе на Казань 1467 года.

Тогда же складываются предпосылки для конфликтов с ханом Большой Орды Ахматом. На это время приходится и начало присоединения к Москве Новгорода (1471–1478). Софья попала в атмосферу придворных интриг, которые плели представители наиболее древних и сановитых боярских родов, чтобы получить выгодные назначения на службу. Постепенно менялось представление о характере и пределах власти великого князя. Созидая единое Русское государство, Иван III беспокоился о том, что его братья могут восстать против него, и стремился или подчинить их себе, или просто уничтожить. Софья не без удивления обнаружила, что в хмурой стране снегов, лесов и болот бушуют нешуточные страсти...

Русь медленно и неотвратимо затягивала гречанку. По приезде в Москву она – видимо, без внутренней борьбы – отвергла униатские обычаи и приняла православные традиции. Рим с его папами и кардиналами уходил в прошлое. Уже по пути в Москву, во Пскове она спорила с «лягатосом Антонием», когда тот отказался прикладываться к православным иконам. Согласно Псковской летописи, «лягатос», «не имея же поклонениа къ святым иконам, и креста на собе рукою не прекрестяся, и в дому Святеи Троици толко знаменася къ Пречистеи, и то по велению царевне»[75]. Наставления о верности унии кардинала Виссариона пошли прахом. По всей видимости, его требования об уважительном отношении и безоговорочном подчинении «латинской» церкви унижали и расстраивали Софью, которой Виссарион не уставал напоминать, что она «сирота, изгнанница и нищая». К тому же трудное детство, вероятно, научило ее приспосабливаться к разным жизненным обстоятельствам. Она стремилась – насколько возможно – встроиться в новый для нее русский мир, пытаясь разгадать его секреты. Собрав все свои жизненные силы, весь наследственный опыт своих хитроумных предков, она совершила чудесное превращение из византийской бесприданницы в московскую княгиню.

Придет час – и Россия дорого заплатит за такие чудеса. Плодом прививки византийского ростка к русскому дереву станет не только приобщение нашей страны к миру Ренессанса, но и появление на свет жестокого царя Ивана IV. Евразиец Г. В. Вернадский категорично заметил об этом: «Основное влияние Софьи на ход русской истории определилось тем, что она дала жизнь человеку, который стал отцом Ивана Грозного»[76].

Святыни из Рима

Пока Софья осваивалась в новой стране, в Кремле постепенно распространялись слухи о том, какое приданое она привезла в Москву. В письменных источниках нет данных, что именно входило в него, но кое-что об этом известно.

В ту эпоху, когда люди не сомневались в присутствии Бога в их жизни, существовал обычай приносить в дар частицы святых мощей. В коллекции Музеев Московского Кремля сохранилось несколько ковчегов для реликвий, появление которых в Москве можно связать с приездом Софьи.

Из Благовещенского собора происходит наперсный (нагрудный) крест-мощевик, изготовленный в 1470-е годы в великокняжеских мастерских из серебра и кости. В этот реликварий были вложены частицы мощей многих святых, в том числе святого мученика Евстратия и святой Екатерины[77]. Частицы мощей святого Евстратия хранились в Риме, в церкви Святого Аполлинария Равеннского[78].

Святая Екатерина Александрийская была небесной покровительницей матери Софьи, и возможно, что в семье Фомы Палеолога хранились какие-то реликвии, связанные с этой подвижницей III века. На мощевике ее легко узнать по характерной короне. В римской церкви Санта-Мария-сопра-Минерва хранились мощи другой Екатерины – выдающейся католической святой Екатерины Сиенской († 1380). Она была канонизирована в 1461 году – незадолго до приезда Софьи в Рим. Зная имя умершей матери Софьи, папа Павел II или Виссарион могли благословить Софью частицей мощей этой «латинской» подвижницы. На Руси о Екатерине Сиенской ничего не знали. И здесь могла возникнуть путаница: несоответствие изображения и мощей. В Средневековье так бывало: например, почитание Николая Чудотворца в русских землях впитало традицию прославления и святого архиепископа Мир Ликийских, и некоторых других святых[79].

Связь с Софьей обнаруживает и еще один изготовленный в Москве в 1470-е годы мощевик из кремлевской коллекции[80]. Это реликварий округлой формы, выполненный из золота и украшенный искусной резьбой. Он «замечателен своей гравированной надписью: "...умири во бранех житие наше, и укрепи царя, его же возлюбил еси, едине, Человеколюбче..." Молитва за царя, которым здесь именуется не кто иной, как Иван III, подтверждает особую значимость этого реликвария. Несмотря на то что хранившиеся в нем

мощи были привезены из Рима, их рассматривали как "частицу святости" павшей империи», своего рода «византийское наследство»[81]. Среди изображений святых на мощевике выделяются апостолы Петр и Павел, нетленные останки которых хранятся в Риме. Поскольку брак Софьи с Иваном III рассматривался в Риме как попытка присоединить русских к унии, вполне вероятно, что Софья могла привезти с собой частицы мощей «всехвальных и первоверховных» апостолов. Перемещение этих святынь (и возможно, многих других) имело важное символическое значение.

Среди уникальных экспонатов Музеев Кремля числится еще один ковчег-мощевик искуснейшей работы, выполненный из золота в технике перегородчатой эмали. Этот реликварий изготовлен в Константинополе в XII столетии. Краски не потемнели от времени, и эта яркая вещица невольно приковывает внимание и заставляет вглядеться в изображенную на ней сцену – Сошествие во ад Иисуса Христа после Его Воскресения. Согласно учению Церкви, это деяние Спасителя означало, что Он освободил человечество от смерти. Специалисты отмечают, что это «редкостный мощевик, 30 священных вложений которого "уделены" от святынь, хранившихся в Фаросской церкви Большого императорского дворца в Константинополе... Высочайшее художественное качество древнейших частей ковчега, изысканная надпись на обороте, выполненная с использованием всех диакритических знаков, состав священных вложений определенно указывают на его предназначение для византийского императора. Ковчег, содержащий основные святыни Фаросского храма, мог быть создан как личная императорская икона и в течение столетий храниться в казне византийских правителей. Именно эта икона, своего рода собрание святынь утраченного Константинополя, могла быть принесена русскому великому князю, в котором европейские интеллектуалы, способствовавшие его браку с Софьей Палеолог, видели возможного освободителя византийской столицы»[82].

Этот реликварий содержал частицы туники, мантии, плата и савана Спасителя, капли Его крови, частицу Тернового венца, а также частицы Древа Креста Господня, волос Иоанна Предтечи, кость апостола Фомы. Кроме того, в ковчеге находились частицы мощей мученика Евстратия, волос мученицы Евфимии, кости Иоанна Предтечи, Стефана Нового, святого Феодора и великомученика Пантелеймона[83]. Для Москвы второй половины XV столетия такое

собрание реликвий было беспрецедентным. Нельзя, впрочем, исключать, что эта святыня могла оказаться в Москве и до 1472 года[84].

Более чем вероятно, что Софья привезла с собой и образ Богородицы Одигитрии («Путеводительницы»), сохранившийся в коллекции Музеев Кремля. По мнению экспертов, он представляет собой уменьшенный список константинопольского образа Богородицы Одигитрии и был создан в Византии. Икона изначально писалась в расчете на драгоценный оклад, а значит, готовилась по заказу какой-то влиятельной особы. Особенностью этой иконы является великолепная звезда на *очелье* (платке на *челе*, то есть на лбу) Богородицы. «Восьмиконечная звезда, украшенная эмалью, крупным рубином и ровными жемчужинами, по стилю... и технико-технологическим характеристикам... может быть отнесена к произведениям западноевропейских ювелиров второй половины XV века. Украшения этого типа, нашивавшиеся на одежду и головные уборы, практически не сохранились, но известны по живописным произведениям Гуго ван дер Гуса, Сандро Боттичелли, Пьеро делла Франческа»[85].

Знаменитая икона Спаса Нерукотворного, бывшая домашним образом Софьи в ее кремлевских покоях, также происходит, по всей вероятности, из Рима. Есть основания думать, что это был римский список со старинной константинопольской иконы[86]. Искусствоведы полагают, что этот образ принадлежал Фоме Палеологу и был привезен в Москву в 1472 году. После смерти Софьи икона была перенесена в церковь Спаса на Бору, где хранилась вплоть до революции 1917 года.

Кто знает, может быть, именно эти два образа – Спасителя и Богородицы – и были венчальными иконами на свадьбе Ивана III и Софьи? По традиции иконами благословляли молодых обыкновенно родители невесты[87]. К 1472 году отца и матери Софьи не было в живых, однако, стремясь исполнить обычай насколько возможно, римские устроители брака могли передать эти образа.

Еще одна святыня из приданого Софьи, связанная с ее отцом, представляет собой небольшую стеатитовую иконку Иоанна Предтечи. Этот святой был покровителем императорского рода Палеологов. «На оборотной гладкой стороне серебряной оправы иконы... присутствует монограмма, в которой читаются буквы, составляющие слова "Фома деспот Палеолог". Отдельно стоящая буква *М* может служить обозначением Морейского деспотата или его столицы

Мистры»[88]. Глядя на этот образок, можно себе представить Фому Палеолога во время его мытарств: коленопреклоненный деспот возносил молитвы Иоанну Предтече и на Пелопоннесе, и на Корфу, и по дороге в Рим...

В приданое Софьи, по всей вероятности, входила также небольшая наперсная икона Христа Пантократора, изготовленная из лазурита и помещенная в золотую оправу тонкой работы. В верхней части оправы легко заметен двуглавый орел – знак рода Палеологов. «Прямое сопоставление значительного по размеру геральдического изображения (двуглавого орла. – *Т. М.*) с образом Пантократора указывает на его знаковый смысл и... императорский статус владельца иконы»[89].

Все эти ценности стали предметом пристального внимания ученых сравнительно недавно, и мы можем только предполагать то благоговение, которое вызывали эти реликвии в начале 1470-х годов.

Исчезнувшие манускрипты

В каждом... городе водятся привидения, то бишь воспоминания...[90]

Рей Брэдбери

Гораздо больше толков вызывал слух о собрании древних книг, которые Софья привезла с собой. Эта коллекция рукописей всегда была загадкой и для специалистов. Опираясь на свидетельства XVI–XVII веков, многие ученые, среди которых А. И. Соболевский, М. Н. Тихомиров и Д. А. Дрбоглав, полагали, что эти книги представляли собой главным образом манускрипты с произведениями античных авторов и тексты Отцов Церкви. Так, в поздних источниках, повествующих о преподобном Максиме Греке – выдающемся книжнике первой половины XVI века, есть сведения о том, что «в некоторыхъ полатахъ (великокняжеского дворца. – *Т. М.*) есть бесчисленое множество греческих книгъ»[91]. Другое известие говорит о том, что Максим Грек был удивлен обилием греческих рукописей в великокняжеском книгохранилище[92]. Иностранные свидетельства об этом собрании рукописей – немецкий текст, составленный так называемым «анонимом Дабелова», и хроника Ф. Ниенштедта – содержат известия о латинских манускриптах, среди которых были кодексы

Вергилия, Светония, Тацита и других античных авторов[93]. Эти греческие и латинские рукописи якобы легли в основу знаменитой библиотеки Ивана Грозного, с которой связано множество домыслов.

Сложность любых суждений об этой библиотеке состоит в том, что ее никогда не видели ученые Нового и тем более Новейшего времени. Она представляет собой своего рода мираж, миф.

Среди легенд старой Москвы легенда об античной библиотеке Ивана Грозного занимает особое место. Это таинственное собрание начиная с XIX века старательно, но безуспешно искали библиофилы и археологи. О нем порой увлеченно говорят и современные библиотечные «сидельцы». Иные рассказывают о таинственном колодце XVI века во дворе дома Пашкова, который мог быть ходом в потайное книгохранилище Кремля. Тем, кто вхож в подвалы Российской государственной библиотеки, могут показать и пыльные проходы, соединяющиеся с какими-то тайными тропами, которые раньше якобы вели в кремлевские подземелья. Высказывалась и версия о том, что библиотека Ивана Грозного существовала, однако была съедена поляками в 1612 году, когда в занятом ими Кремле начался голод. Действительно, древние книги писались на пергамене (специально выделанной коже), что в критические минуты могло дать основания увидеть в них не интеллектуальное наследие, а продукты питания.

Конечно, существуют и менее экзотичные версии пропажи этой книжной сокровищницы. Кремль неоднократно горел (чего только стоят пожары 1571, 1626 или 1812 годов!). Кроме того, рукописи могли с течением времени перестать представлять собой единую коллекцию и рассеяться по другим книгохранилищам – например по библиотекам кремлевских монастырей.

Есть, впрочем, и скептики, со снисходительной улыбкой утверждающие, что эта библиотека до сих пор не найдена, поскольку ее никогда и не существовало[94]. Обычным аргументом в этом случае являются слова «лягатоса Антония» о том, что он не может вести богословский спор, поскольку с ним нет книг. Однако судя по свидетельствам XVI–XVII веков, католических книг эта библиотека как раз не содержала.

Казалось бы, уже ничто не может приоткрыть завесу над тайной античной библиотеки Ивана Грозного и ее «ядром» – приданым Софьи Палеолог. Однако не всё так безнадежно.

Существование такой библиотеки может быть косвенно подтверждено двумя обстоятельствами. Во-первых, нужно иметь в виду исторический контекст. В Риме в 1460-е годы античные рукописи были в большом почете. Огромная коллекция имелась у кардинала Виссариона, и он необычайно дорожил ею. Кардинал приложил немало сил для создания копий древних рукописей. Часть привезенных Софьей манускриптов могли составлять списки XV века с древних книг, которые Виссарион дал детям Фомы Палеолога. Известны его заботы и о распространении древней мудрости среди греческих эмигрантов. Он вполне мог желать, чтобы Софья и ее греки взяли с собой копии каких-то книг (оригиналы Виссарион слишком берег, чтобы отправить их столь далеко).

Более столетия назад археографы обратили внимание на то, что в конце XVI столетия в Риме полагали, будто в Москве хранится обширное собрание греческих книг[95]. А папские шпионы обыкновенно бывали неплохо осведомлены...

Подчеркнем, что едва ли эти книги представляли собой «наследие византийских императоров». Когда семья деспота Фомы бежала с Пелопоннеса, им было явно не до книг. Какие-то рукописи, конечно, могли быть вывезены, но никак не огромное собрание. (И уж конечно, большая библиотека не могла быть перевезена в обстановке постоянной турецкой угрозы из столицы, откуда люди бежали в надежде сохранить хотя бы свои жизни!) О том, что привезенные Софьей манускрипты *не были* частью императорской библиотеки, свидетельствуют и источники XVII века. Речь идет о грамоте константинопольского патриарха Паисия 1654 года, адресованной московскому патриарху Никону. В ней сказано, что книги василевсов (императоров) находятся в Стамбуле «еще от времени христиан. Многие книги святых и учителей Церкви, в царской библиотеке, которую не уничтожили турки до сего дня, но имеют ее в чести, сберегают книги и хорошо хранят их и прячут по Божьему промыслу...»[96]. Таким образом, огромное императорское собрание древних книг осталось в Турции.

Во-вторых, косвенным подтверждением того, что Софья привезла какие-то рукописи (списки XV века с древних манускриптов), может служить и следующее. В некоторых текстах, написанных русскими людьми в первой половине XVI века, можно заметить отдельные цитаты из произведений античных авторов и отсылки к ним. Само по себе это неудивительно, поскольку многие древние изречения и фрагменты трудов античных философов были знакомы

еще интеллектуалам домонгольской Руси[97]. Однако именно в первой половине XVI столетия появляются ссылки на неизвестные до того произведения, а интерес к античному наследию качественно меняется.

Так, Федор Карпов, московский книжник первой половины XVI века, видный дипломат и собеседник Максима Грека, в своих посланиях цитирует «Метаморфозы» и даже «Искусство любви» Овидия. Размышляя о «вещей естестве»[98] (то есть о природе вещей), он, возможно, намекал и на известное произведение Лукреция.

Именно Федор Карпов – кажется, впервые в русской литературе – использует ныне хрестоматийно известные слова Овидия о золотом веке: «Истинно, век наш есть век золотой! Покупается ныне золотом почесть и власть, золотом – нежная страсть». Книжник, конечно, цитировал Овидия не в классическом переводе М. Л. Гаспарова, а в древнерусском: «Златыа веки суть въистинну ныне: много златомъ приходит санъ, златомъ съветуется любовь...»[99] Текст «Искусства любви» был неизвестен в Средние века, но открыт только в XV столетии. Почти сразу после этого «Искусство любви» было напечатано в нескольких городах Европы.

От сочинений Федора Карпова, посвященных и богословским, и социальным проблемам, веет Ренессансом. Подобно итальянским гуманистам, русский интеллектуал жаждет утолить свое любопытство, его мысль «хочет знать то, над чем она не властна, и пытается найти то, чего не теряла, стремится прочесть то, чего не изучала, хочет победить непобедимое»[100]. В этих словах отчетливо звучит желание постичь все тайны мира, столь характерное для его европейских современников.

Московский книжник восхищался теми, кто владеет риторикой (столь важной для людей эпохи Возрождения!); на него производило впечатление стремление соответствовать античным образцам слога, например Гомеру («Омиру»)[101]. В сочинениях Федора Карпова евангельские слова соседствуют с идеями Аристотеля[102], а сам он – задолго до известного пушкинского героя – ставит в конце своих писем слово *возмогай*, то есть «будь здоров», или *vale*![103]

Кто знает, какие яркие картины рисовало воображение Федора Карпова, когда он читал о страстных язычницах «ветхого Рима» или об изобильной природе Средиземноморья... Можно с уверенностью сказать лишь о том, что он – человек, испытавший влияние культуры Возрождения, – очень остро чувствовал непреодолимое различие русского и европейского мира, обусловленное климатом. В одном из

своих посланий он обмолвился: «Я бы и больше... написал, если бы хорошее и плодородное было лето, когда песни птиц услаждают писца за письмом. Сейчас же враги жизни – мороз, холодный снег и дым разум смущают, пальцы сводят, глаза слезиться заставляют, чернила замерзать, бумагу сажей засыпают, и все это... мешает писцу...»[104]

В первой половине XVI века Федор Карпов должен был где-то познакомиться с античными трактатами и письменными традициями Ренессанса. Не исключено, что он имел дело с ранними изданиями античных текстов, бытование которых в России известно. Но вероятно и его знакомство с книгами, происходящими из приданого Софьи.

Еще одним свидетельством того, что Софья привезла с собой какие-то рукописи, содержавшие древние тексты, являются исследованные совсем недавно списки древнерусского перевода так называемой «Географии» («Космографии») Помпония Мелы.

Помпоний Мела был римским географом и в I веке н. э. составил описание известных ему земель. В середине XV столетия были найдены латинские рукописи этого трактата. В 1471 году текст был впервые напечатан миланским типографом Панфило Кастальди. Позже произведение Мелы неоднократно публиковалось в Венеции, Базеле, Париже и других центрах ренессансной Европы. Для гуманистов это был один из знаковых текстов. Географы ориентировались на сведения Мелы о странах и народах, а филологи восхищались прекрасной латынью. В России в конце XV века был осуществлен перевод Первой книги (первой части) этого трактата. Наблюдения над древнерусским переводом и его сличение с инкунабулами (изданиями до 1500 года) «Географии» показали, что древнерусский перевод был сделан не с инкунабул, а с какой-то неполной рукописи[105]. Об этом говорят и особенности передачи некоторых названий географических объектов[106], и большое число опущенных в древнерусском переводе сюжетов, которые присутствуют в ранних изданиях. Рукопись, с которой был сделан перевод, могла происходить из собрания книг, привезенного в Москву Софьей.

Итак, скорее всего, Софья Палеолог все-таки подарила Ивану III собрание книг, содержавших древние тексты. Впрочем, вряд ли он их читал: хотя воспитание князей и предполагало обучение грамоте, древних языков никто из них не учил.

Вопрос о том, читала ли эти книги Софья, также остается открытым. То, что в Риме благодаря стараниям карди-

нала Виссариона у нее и ее братьев были учителя древних и новых языков, означает лишь, что она умела читать и писать, но никак не подтверждает, что она имела склонность к глубокомысленным размышлениям в духе гуманистических штудий. Нередко случается, что женщина, в юности по воле родителей или воспитателей занимавшаяся науками, после выхода замуж не только не возвращается более к своим увлечениям, но и не обнаруживает никакой потребности в них[107].

Молитва о сыне

Невозможная у человек
возможна у Бога суть.

Лк. 18:27

Увлекшись рассказом о приданом Софьи, мы почти забыли о ней самой. Между тем она искренне стремилась стать хорошей супругой Ивану III. Софья понимала, что главная ее задача в этом смысле – рождение здоровых наследников великого князя. «Жена твоя яко лоза плодовита въ странахъ дому твоего: сынове твои яко новосаждения масличная окрест трапезы твоея...» (Пс. 127: 3–4) – поется в «венчальном» 127-м псалме. Известно, однако, что у Ивана и Софьи желанный сын появился не сразу. Московский летописный свод конца XV века сообщает о рождении у них в 1474 году первенцы сухой протокольной фразой: «Априля 18 въ 7 часъ нощи родися великому князю дщи Елена от царевны Софьи Фомины дщери Амореискаго деспота»[108]. Ночью 28 мая 1475 года родилась вторая дочь, которую нарекли Феодосией. В известии от 19 апреля 1476 года сообщается о рождении третьей дочери Ивана III и Софьи, которую вновь назвали Еленой. По-видимому, эта вторая Елена умерла во младенчестве[109]. Сообщения о рождении дочерей отличает сдержанность[110], поскольку вот уже четыре года все ждали от великой княгини мальчика. Софья переживала, что не оправдывает надежд. Ей оставалось лишь слезно молить Бога о даровании сына.

Согласно известиям Никоновской летописи середины XVI века, Софья решила совершить паломничество в Троицкий монастырь, основанный преподобным Сергием Радонежским. Этот подвижник был близок московскому княжескому дому, и Софья восприняла традицию его почитания. Летопись подробно рассказывает «о чудесном за-

чатии и рождении» сына у великой княгини: «...некогда сия христолюбивая великая княгини Софья, от великия веры и от сердечнаго желания, по благому совещанию благочестиваго си супруга, самодержавнаго великаго князя Ивана Василевича всеа Русии, трудолюбно потщася пеша шествовати с Москвы во преименитую великую обител Пресвятыя и Живоначалныя Троицы и великаго светилника, преподобнаго чюдотворца Сергия, помолитися о чадородии сынов. Идуще же ей и доиде монастырьскаго села, Клементиева зовома. Оттуду же исходящу ей во удол, иже близ самые обители, и внезапу зрит очивесть во стретение градуща священнолепна инока, егоже позна по образу быти преподобнаго чюдотворца Сергия, имуща в руце отроча младо, мужеск пол, егоже напрасно вверже в недра великой княгине, и абие невидим бысть»[111].

Вскоре после паломничества Софья забеременела и вечером 25 марта 1479 года родила мальчика. В тот день в Древней Руси отмечали праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, а на следующий день чтили память архангела Гавриила, принесшего Деве Марии благую весть. Младенец был крещен в честь Василия Исповедника, епископа Парийского, однако у него было и второе имя – Гавриил. Московский летописный свод конца XV века сообщает о рождении Василия-Гавриила: «Марта 25 въ 8 часъ нощи противу дне събора архаггела Гаврила родися великому князю Ивану Васильевичу сынъ от царевны Софьи и нареченъ бысть Василеи Парискыи, крещен бысть у Троици в Сергееве манастыре, а крестил его архиепископ Ростовскыи Васианъ да игумен Паисеи Троецки априля 4 в неделю цветную»[112]. Каждая подробность в истории появления на свет будущего государя наполнена мистическим смыслом.

Историки, склонные к скептическому отношению к чудесам святых, могут усмотреть в летописном рассказе вымысел книжников XVI столетия, которым было важно превознести Василия III – отца Ивана Грозного и создать миф о его чудесном происхождении. Известно, что грозный царь всерьез задумывался о том, чтобы канонизировать своего родителя[113]. Примечательно, что рассказ о явлении Софье преподобного Сергия вошел и в Степенную книгу царского родословия[114] – программный текст для московской идеологии XVI века. Внесение семейной легенды московских князей в столь значимые тексты могло быть частью подготовительных мероприятий для этой канонизации.

В созданном в царствование Ивана Грозного Лицевом («иллюстрированном») летописном своде немало миниа-

тюр посвящено событиям из жизни Софьи. Для внука она была звеном, связавшим московскую династию с многовековым величием Византии. Среди миниатюр выделяется та, где изображено явление Софье преподобного Сергия. Этот эпизод воспроизводился художниками и позднее, в том числе на лубках XIX века. Впрочем, постепенное укоренение рассказа о чуде в русской духовной традиции еще не означает его достоверности. Оно лишь обнаруживает, что к середине XVI века великая княгиня начинает восприниматься как очень значимая фигура.

Но отсутствие чуда так же сложно доказать, как и то, что оно имело место. Основой для письменной фиксации какого-либо чудесного события обыкновенно являлось устное предание. Митрополит Иоасаф, которому обыкновенно приписывают авторство этого рассказа[115], едва ли мог создать его из ничего. Такое «творчество» воспринималось однозначно греховным, как намеренное и серьезное искажение дел Господа, силою Которого, по мнению людей того времени, произошло чудо. Нельзя забывать и о том, что в минуты сильных религиозных переживаний люди склонны видеть в событиях, произошедших в материальном мире, божественные знаки и указания. Замечено, что «XV век демонстрирует острую религиозную впечатлительность... страстное волнение, порой охватывающее весь народ (и отдельного человека! – *Т. М.*), когда от слов странствующего проповедника горючий материал души вспыхивает, точно вязанка хвороста...»[116]. Софья действительно могла отправиться на богомолье в Троицкую обитель. По дороге в ярких лучах заходящего солнца старик степенного вида из ближайшего селения, несущий на руках ребенка, мог показаться ей святым подвижником, благовествующим скорое утешение.

Словом, если чудесное явление княгине преподобного Сергия («священнолепна инока») у села Клементьева могло и не иметь места, то отрицать, что Господь услышал ее молитвы, едва ли возможно.

Тревожная осень

Как и положено любящей матери, Софья старалась оградить свое чадо от любых опасностей. Можно себе представить ужас, который она испытала, когда в Москву всего через год после рождения Василия пришло известие о том, что хан Большой Орды Ахмат с войском хочет идти на столицу. Великокняжеский летописец, сознавая опасность си-

туации, подчеркнул, что Ахмат заключил союз с польским королем Казимиром IV, а от Ивана III в тот сложный момент отвернулись его младшие братья – Андрей и Борис[117]. Конечно, известия о мятеже удельных князей в придворной летописи весьма тенденциозны. Причиной «измены» братьев была жестокая политика Ивана III по отношению к ним: укрепляя свою власть, великий князь лишал братьев многих традиционных привилегий.

В конце лета 1480 года никто не знал, чем закончится предполагаемый поход. В этой ситуации, следуя примеру жен Дмитрия Донского, Василия I и Василия II, уезжавших из города в случае опасности, Софья покинула Москву. По некоторым сведениям, супруг, находившийся тогда в Кременце, поручил ей важную миссию – сохранение великокняжеской казны, которую она взяла с собой[118]. Такое решение было вполне в русле традиционных средневековых представлений о роли женщины в семье. Даже в городской семье среднего достатка мать семейства была ответственна за бюджет дома[119].

Великая княгиня с маленькими детьми – Феодосией, Еленой и Василием – отправилась на Белоозеро, в монастырь преподобного Кирилла Белозерского, ученика Сергия Радонежского. Эта тихая обитель на берегу сонного озера никогда не подвергалась нападению татар. Здесь Софья провела около года и возвратилась в Москву лишь зимой 1481 года, когда стало ясно, что угроза миновала.

Русские книжники осуждали Софью за это непатриотичное решение. В целый ряд летописных сводов начала XVI века включено пространное рассуждение о «бегстве» Софьи, где подчеркивается, что необходимости бежать у великой княгини не было, что ее «не гонял никто же»[120]. Наибольшее раздражение заметно в летописях неофициального происхождения. Софье ставили в пример великую княгиню Марию Ярославну, мать Ивана III, пережившую неспокойные месяцы в Москве. Гнев русских книжников имеет объяснение: отъезд Софьи через цепочку причинно-следственных связей мог обернуться для Москвы потерей независимости, фактически обретенной в 1472 году. Ее отъезд мог ослабить решимость великого князя и патриотически настроенной группы московской знати твердо стоять против Ахмата. Семейный вопрос перерастал в вопрос государственный.

Но это были совершенно безосновательные упреки. И как бы Софья ни поступила, русские ревнители чистоты

веры всё равно сочли бы «римлянку» виноватой. Если бы Софья осталась в Москве, ей, наверное, могли бы вменить в вину, что она подвергла риску детей великого князя.

Даже если принять за истину обвинения Софьи в трусости, княгиню можно понять. Женщина, выросшая в обстановке постоянной опасности набега восточной рати, просто не могла поступить иначе. Ей нужно было любой ценой спасти себя и своих детей, ибо войско Ахмата напоминало ей самый страшный сон ее детства – сон, в котором она погибала в охваченном пламенем городе, взятом османами...

Русские современники, вероятно, знали о страхах Софьи. Именно из среды тех, кто был не очень доволен появлением в Москве ее самой и ее близких, вышел обличительный текст о том, что русские люди – в отличие от греков, бросивших свою родину и бежавших «с казной» от опасности, – с Божьей помощью сумели дать врагу отпор.

Приведем лишь один яркий пассаж из этого летописного текста: «А храбрии мужественни сынове рустии, потщитесь сохранити свое отечество Русскую землю от поганых, не пощадите своих головъ, да не узрят очи ваши пленения и грабления святым церквемъ и домом вашими убиениа чад ваших, и поруганиа женам и дщерем вашим, яко же пострадаша инии велицеи славнии земли от турковъ, еже Болгаре, глаголю, и рекомии Греци, и Трапизоны, Аморија, и Арбанасы, и Хорваты, и Босна, и Манкупъ, и Кафа, и инии мнозии земли, иже не сташа мужественнии, погибоша и отечьство свое игубиша и землю, и государьство, и скитаются по чюжим странам бедни воистинну и странне, и многа плача и слез достоино, укаряеми и поношаеми, и оплеваеми, яко не мужествении...»[121]

К 1480-м годам на Руси уже широко распространилось мнение об отпадении греков от православия, вследствие чего их земля в качестве наказания от Бога была захвачена «безбожными» турками. После 1480 года отношение к Софье в Москве – и без того прохладное – еще более ухудшилось.

* * *

Но не будем вслед за большинством книжников торопиться осуждать великую княгиню. Думается, ее бегство имело и более серьезные причины, чем простое малодушие. Всмотримся в те настроения, которые разделяли наиболее энергичные приближенные Софьи и которые могли повлиять на ее решение.

После того как Софья переехала в Москву, она не утратила связи с Италией. В 1474 году в Москву приезжал Дмитрий Грек – представитель Андрея и Мануила Палеологов[122].

Недавно найденное в архиве Берлина и пока не опубликованное письмо Андрея Палеолога от 7 ноября 1475 года свидетельствует о том, что Андрей и позже не забывал о сестре[123]. Андрей просил своего доверенного человека – «юношу Мануила Траханиота» – оказать помощь некоему Петру Росо (по-видимому, греку по фамилии Росос), чтобы тот смог передать письмо от него, «деспота ромеев», Софье. Также Андрей просил Мануила Траханиота: «Похлопочи еще вместе с ее величеством царицей о том деле, о котором я пишу ее сиятельству». То, что письмо находится в Берлине, может свидетельствовать о том, что оно не дошло до адресата. Однако сам факт, что письмо было отправлено, говорит о том, что Софья поддерживала связь с братом, не забывавшим о своем громком титуле.

Русские летописцы сообщают, что Андрей Палеолог сам пожаловал в Москву весной 1480 года. Вероятно, одной из целей его визита было желание увидеть недавно рожденного Софьей Василия, в котором текла кровь Палеологов[124]. Но не только. Приезд Андрея, по-видимому, был связан и с делами, о которых он несколькими годами раньше просил «похлопотать» своих представителей в Москве. Дела эти известны. Во-первых, Андрей просил денег у Ивана III. К 1480 году выплаты от папы «деспоту ромеев» не только сильно уменьшились, но и перестали быть регулярными[125]. Между тем Андрею необходимо было содержать не только себя, но и многих греков, которые его окружали[126]. Кроме того, его дочь Мария должна была выйти замуж за удельного князя Василия Михайловича Верейского. Таким образом, Андрей стремился с помощью Москвы обеспечить и свое собственное благополучие, и будущее своей дочери. Как показали дальнейшие события, на долю Марии Андреевны и ее супруга выпали серьезные испытания.

Можно думать, что приезд Андрея Палеолога в Москву в 1480 году не сильно обрадовал великого князя и его приближенных. Нет никаких сведений о серьезной материальной помощи, оказанной лично Иваном III «деспоту ромеев». Бездомный правитель несуществующей империи, вымотанный долгой дорогой и осознанием безвыходности своего положения, полунищий, пьющий от горя, – именно таким предстал Андрей Палеолог перед московскими аристократами и придворными. Это позволило московскому книж-

нику с презрением вставить в известие о «бегстве» Софьи слова о том, что он видел «своима очима грешныма великих государевь, избегших от турковъ со имением и скитающеся, яко странницы...»[127].

Но вернемся к Софье. Надо полагать, кардиналу Виссариону – выдающемуся греческому мыслителю и блестящему оратору – удалось вложить в сознание детей Фомы Палеолога идею о том, что им или их потомкам суждено выполнить великую миссию – спасти Византию. Приверженность Софьи православию в Москве не означала, что она оставила мысль о том, что она – дочь Фомы Палеолога – должна сохранить и продолжить династию Палеологов. Греки Италии и Москвы, которым были знакомы и близки идеи Виссариона, рассматривали детей Фомы как воплощение византийской государственности. Для греков Палеологи были символами надежды на спасение их родины или хотя бы сохранения памяти о ней. Люди Средневековья и Возрождения полагали, что благополучие династии символизирует жизнеспособность государства. До тех пор, пока жив правитель, есть надежда на возрождение страны. Именно поэтому, например, русские люди XVII столетия, осмысливая причины Смутного времени, на первое место ставили не социальные предпосылки этого кризиса, а пресечение династии Рюриковичей. Если учесть подобные настроения в окружении Софьи, то напрашивается предположение о том, что великая княгиня могла бежать, поддавшись уговорам наиболее близких к великокняжескому двору московских греков. Конечно, они не были какими-то выдающимися представителями «византийского гуманизма», такими как сам Виссарион или Феодор Газа. Но они были представителями греческого народа, необычайно тяжело переживавшего трагедию 1453 года. Все они – или почти все – были лично знакомы с Виссарионом. (Трудно усомниться в том, что он принимал участие в отборе тех, кто будет сопровождать Софью в Москву.) Его пламенные речи и надежды, которые он сам связывал с московским браком Софьи, не могли не произвести на них большого впечатления. В отличие от государей Европы, грекам было нечего терять.

Самые авторитетные греки из числа прибывших с Софьей наверняка убеждали ее, что невозможно подвергать опасности тех, в чьих жилах течет кровь Палеологов, что она должна спасти династию. Представителей их семьи, непосредственно связанных с императорским домом, с каждым годом становилось всё меньше. В 1476 году брат Софьи и

Андрея Мануил Палеолог повторил выбор, сделанный его дядей Димитрием. После неудачных попыток найти себя при дворе миланского герцога Мануил перешел на службу к султану. У Андрея была только одна дочь – Мария. Таким образом, единственным наследником-мужчиной престола Палеологов являлся сын Софьи Василий.

Итак, Софья должна была сберечь Василия сразу для двух исторических задач: продолжения династии Ивана III и отвоевания Византии или хотя бы олицетворения надежды на это для рассеянных по всей Европе греков. Забегая вперед заметим, что Василий III оправдал эти надежды: ему удалось и взойти на московский престол, и стать православным правителем, небезразличным к судьбе угнетаемых турками греков. Источники свидетельствуют о «милостынях», которые он посылал в афонские монастыри[128]. На годы правления Василия III приходится и всплеск интереса к турецкой теме в русской книжности[129].

Русские люди не осознавали – по крайней мере во всей полноте – византийской подоплеки «бегства» Софьи. Для них это выглядело обыкновенным малодушием. Примечательно, что только один летописный свод – Вологодско-Пермская летопись – не содержит обвинений в адрес Софьи, покинувшей Москву в 1480 году. Там говорится, что сначала уехала не только Софья с детьми, но и Мария Ярославна. И только после «челобитья» высших церковных иерархов княгиня-мать – несмотря на страх – вернулась, «положа упование на Бога и на Пречистую Матерь Его и на чюдотворцов Петра и Алексея»[130]. Можно думать, что подобный рассказ вошел в Вологодско-Пермскую летопись не случайно. Она была составлена местным книжником, воспринявшим греческие идеи о «спасении Византии». Это более чем вероятно, учитывая нахождение греков в Кирилло-Белозерском монастыре в течение длительного времени (более года).

Другие факты также обнаруживают некую связь греческой группы при московском дворе с белозерским краем. В 1480 году Софья вложила в Кирилло-Белозерский монастырь подвесную пелену «Успение Богородицы», фрагменты которой (изображения святых) были позже перенесены на сохранившуюся в коллекции Русского музея епитрахиль XIX века[131]. В 1480-е годы в Кирилло-Белозерский монастырь была вложена и другая шитая пелена – «Неопалимая Купина и избранные святые». Она была изготовлена в одной из великокняжеских светлиц. Среди святых особенно

выделяется Иоанн Златоуст – святой, соименный Ивану III и очень почитаемый им. Изображенные на пелене сюжеты не случайны: подобно пророку Моисею, выведшему евреев из египетского плена (с его историей в Священном Писании и связан образ Купины), Иван III освободил Русь от власти Орды[132]. Возможно, это был вклад Марии Ярославны, но нельзя исключать и того, что эта пелена – еще один вклад Софьи в обитель, где она молилась о муже и его войске.

По некоторым данным, в 1497 году сын Софьи Василий решит направиться именно «на Белоозеро», чтобы начать мятеж против Ивана III, который захочет передать власть не ему, а своему внуку Дмитрию... Но подробнее об этом читатель узнает в свое время, а пока продолжим рассказ о других эпизодах, связанных с «татарской темой» в жизни Софьи.

Конец зависимости от Орды

Сюжет, связанный с поведением Софьи в 1480 году, помогает развенчать один из мифов в истории великой княгини. Речь идет о том, что якобы именно она «посоветовала» Ивану III свергнуть иго, поскольку ей было неприятно чувствовать себя женой «татарского данника»[133]. Однако само «бегство» Софьи свидетельствует о том, что она была весьма далека от того, чтобы вдохновлять Ивана III на борьбу с татарами. Американский славист Ч. Гальперин заметил по этому поводу: «Самым незначительным фактором из всех, которые стоит рассматривать в качестве причин конфликта между Иваном III и Ахматом, следует считать роль великой княгини Софьи Палеолог»[134]. Этот взгляд разделяют и авторитетные российские исследователи[135].

Ни один русский источник даже не намекает на то, что Софья могла быть причастна к идее антиордынской борьбы вообще и к противостоянию с Ахматом в частности. Этому есть два объяснения. Во-первых, еще в детстве у великой княгини сформировался страх перед мусульманским Востоком. Во-вторых, события 1480 года, когда войско Ивана III и войско хана Ахмата стояли и смотрели друг на друга через реку Угру, после чего хан ушел в степь (так называемое «стояние на Угре»), традиционно рассматриваемые как окончание ордынского плена, могут трактоваться и как эпизод гораздо менее значительный. К 1480 году большая игра была уже сыграна. Серьезные военные конфликты с Ахматом имели место в 1471 и 1472 годах. После успешного отражения похода 1472 года была прекращена выплата дани Орде

и даже начаты переговоры с Крымом и Литвой о союзе против Ахмата. События 1480 года можно рассматривать как попытку правителя Большой Орды восстановить власть татар над Москвой. Современники так и полагали. Они были склонны думать, что к освобождению Руси от власти Орды привели главным образом события 1470-х годов[136].

Идея сопротивления Орде сложилась в русском обществе задолго до приезда Софьи, даже задолго до ее рождения. Победа на Куликовом поле 1380 года способствовала разрушению мифа о непобедимости Орды. Надежды на скорое возобновление решительной борьбы с татарами и освобождение нашли яркое отражение в искусстве[137]. Осознанию необходимости окончательного свержения ига могло способствовать и осмысление в русском обществе решений Ферраро-Флорентийского собора. Замечено, что Василий II первым из московских правителей именуется титулом «царь» именно в сочинениях «Флорентийского цикла». «Применение царской титулатуры в этих произведениях связано с ролью Василия Васильевича как защитника православия в ситуации, когда "греческий царь" – император Византии согласился на унию с католической церковью...»[138]

Сведения о том, что именно Софья посоветовала изгнать ордынский двор из Кремля, а также уговаривала Ивана III подняться на борьбу с ханом, содержатся в иностранных источниках. Речь идет в первую очередь о «Записках о Московии» Сигизмунда Герберштейна – австрийского посланника ко двору Василия III. По словам Герберштейна, отец Василия, Иван III, «как бы ни был могуществен, а все же вынужден был повиноваться татарам. Когда прибывали послы татар, он выходил к ним за город навстречу и, стоя, выслушивал их сидящих. Его гречанка-супруга так негодовала на это, что повторяла ежедневно, что вышла замуж за раба татар, а потому, чтобы оставить когда-нибудь этот рабский обычай, она уговорила мужа притворяться при прибытии татар больным. В крепости Москвы был дом, в котором жили татары, чтобы знать всё, что делалось в Москве. Не будучи в состоянии вынести и это, жена Иоанна, назначив послов, отправила их с богатыми дарами к царице татар, моля ее уступить и подарить ей этот дом... татарам же она обещала назначить другой дом...»[139].

Замечено, что одним из информаторов Герберштейна был Юрий Дмитриевич Траханиот («Юшка Малой») – сын Дмитрия Траханиота, племянник Юрия Траханиота. Этот человек, занявший весьма высокое положение при дворе Василия III, был, без сомнения, хорошо знаком и с настро-

ениями русской аристократии, и с надеждами и чаяниями греков. Он знал, что Софья Палеолог не была любима в России. И он мог сообщить австрийскому посланнику, что именно Софья хотела свергнуть ордынское иго для того, чтобы подчеркнуть ее значимость как символа борьбы греков с мусульманским Востоком. Юшке Малому было на руку приписать матери Василия III инициативу в антиордынской борьбе. Он передал настроения аристократов-«грекофилов», которые связывали с Софьей и ее наследником большие надежды. И несмотря на то что сама Софья хотела лишь спасти династию и «убежать», ее греческие приближенные отнюдь не желали продолжения зависимости от Орды: она мешала Ивану III начать борьбу с султаном, на что рассчитывали греки, венецианцы и римляне.

Рассказ, содержащий подробности, связанные с участием Софьи в изгнании ордынцев из Кремля, привел вслед за Герберштейном английский автор XVII века Джон Мильтон. Он сообщал, что «княжна эта, будучи ума весьма горделивого, часто жаловалась, что вступила в брак с татарским присяжником, и наконец, непрестанными убеждениями нашла со временем средство избавить своего мужа и свою страну от того ига. Потому что, так как до того времени татарский хан имел своих представителей, которые жили в самой крепости Московской, для наблюдения за государственными делами, она прибегнула к выдумке, будто бы имела уведомление от неба, что должна построить храм Святому Николаю на том самом месте, где был дом татарских поверенных. Итак, родив сына, она обратилась с просьбой к татарскому князю, которого пригласила на крестины, чтобы он отдал ей этот дом; получив его, она срыла его до основания и удалила татарских надзирателей из замка и постепенно отняла у них все, чем они владели в России»[140].

Пожалуй, церковь Николы Гостунского в Кремле, существовавшая до 1817 года, – единственный архитектурный памятник, который может быть напрямую связан с Софьей. До того как Василий III перенес в храм икону святого Николая из села Гостунь (рядом с городом Белёв, на территории современной Калужской области), церковь именовалась храмом Николы Льняного: женщины приносили туда лен, холсты и пряжу для освящения. Этот «женский» образ храма вполне может свидетельствовать о том, что он был как-то связан с великой княгиней. Но нет единого мнения о том, когда был заложен храм: в 1477 или 1506 году. Если принять первую версию, то это явно не стыкуется с леген-

дой: сын у Софьи родился только в 1479 году. Если принять вторую – то оказывается, что он был построен и вовсе после смерти Софьи.

Символизм фигуры Софьи для греческой диаспоры в контексте оценки событий 1480 года очень значим. В недавнее время М. Б. Плюханова высказала мнение о том, что в знаменитом «Послании на Угру» Ивану III, написанном духовником великого князя ростовским архиепископом Вассианом Рыло с целью вдохновить его на борьбу с Ордой, заметно влияние идей кардинала Виссариона. Из-под пера кардинала вышел целый цикл посланий к правителям разных стран Европы, в которых он призывает бороться с мусульманской, в первую очередь турецкой, угрозой[141]. Проанализировав рукописную традицию широкого круга источников, М. Б. Плюханова пришла к выводу о том, что к составлению «Послания на Угру» были причастны образованные греки из окружения Софьи. Более того, замеченная исследовательницей актуализация в «Послании на Угру» идей, выраженных в известном на Руси в то время «Послании восточных патриархов императору Феофилу», свидетельствует – вкупе с другими идеями «Послания на Угру» – о том, что греки способствовали складыванию в России идеологии сильной государственности. М. Б. Плюханова справедливо отмечает, что в тексте «Послания на Угру» чувствуется некое назидание: великому князю Московскому – названному громкими титулами – указано, каким ему *следует* быть[142]. Значит, наиболее активные греки стремились влиять на Ивана III, используя все доступные им способы.

...Известно, однако, что нет дыма без огня. Миф о «советах» Софьи своему супругу должен был иметь какие-то основания. По всей видимости, приемы ордынских послов в Кремле в 1474 и 1476 годах действительно производили гнетущее впечатление и на Софью, и на ее греческое окружение[143], и Софья не скрывала этого. Но Герберштейн, по-видимому, отразил лишь *настроения*, бытовавшие в Москве, а не реальные факты.

Софья и московский двор

Все эти сюжеты подводят к размышлениям о том, каково было положение Софьи в Москве и чем оно отличалось от положения ее предшественниц. Надо сказать, что на Руси великие княгини долгое время вовсе не были «терем-

ными затворницами», не знавшими жизни за пределами своих покоев. И жена Дмитрия Донского Евдокия, и супруга Василия I литовская княжна Софья Витовтовна, и жена Василия II – свекровь Софьи Палеолог – Мария Ярославна были женщинами весьма деятельными. Их близость к власти давала им большие возможности для созидания.

Но высокое положение приносило и испытания. Например, в 1445 году Мария Ярославна и пожилая уже Софья Витовтовна в спешке бежали с малолетним сыном Василия II Иваном (будущим Иваном III) из Москвы, в которой разворачивался очередной виток феодальной войны. Этих сильных женщин стоит представлять не только облаченными в парадные одежды и благоговейно взирающими на святые образа, но и на конях, в повозках, у походных костров...

Вообще, жены великих князей были верными опорами своим мужьям, которые вершили судьбу нашего Отечества. Сложно, однако, представить себе любую из названных княгинь принимающими представителей других государств в Московском белокаменном кремле. А Софья Палеолог это делала.

Венецианский дипломат Амброджо Контарини в своем «Путешествии» рассказал о том, что в 1476 году был на длительном приеме «у дéспины (дочери деспота. – *Т. М.*) Софьи», которая приняла его очень радушно. Контарини подчеркнул, что деспина обращалась к нему «с такими добрыми и учтивыми речами, какие только могли быть сказаны»[144]. Известно также, что в 1490 году посол «короля римского» Максимилиана Георг фон Турн («Юрий Делятор» русских источников) преподнес Софье от лица пославшего его правителя «птицу папагал (попугая. – *Т. М.*) да сукно серо»[145].

Этот подарок заслуживает пояснения. Правители во все времена любили диковины, многие особенно интересовались экзотическими животными. В Древней Руси князья нередко держали зверинцы, где жили невиданные заморские звери. Например, князь Святослав Ольгович подарил Юрию Долгорукому *пардуса* (гепарда) для охоты. В XV веке попугаи были почти неизвестны не только на Руси, но и в Европе. Гуманист Луиджи Пульчи (тот самый, что создал нелицеприятную характеристику Софьи как жирной уродины) включил в одну из своих новелл сюжет о том, как некий сиенец перепутал попугая, которого он мечтал подарить папе Пию II, с дятлом! Конечно, главная идея

флорентийца Пульчи состояла в том, чтобы осмеять жителя Сиены – города, с которым Флоренция издавна враждовала. Однако в данном случае важно другое: Пульчи подчеркивает, что хотя папа и его приближенные поняли ошибку сиенца, «весь город считал, что в клетке сидел попугай (а не дятел. – *Т. М.*)»[146]. Яркий окрас птицы и, вероятно, ее умение воспроизводить какие-то слова должны были изумить Софью, а главное – продемонстрировать почтение (по крайней мере, формальное), с которым к ней относился «король римский» Максимилиан.

Софья не раз отправляла с посольствами ответные дары Максимилиану. Так, в 1490 году с посольством Юрия Траханиота и Василия Кулешина она передала для «римского короля» «сорок соболей да камку (шелковую цветную ткань с узорами. – *Т. М.*)»[147]. В 1492 году она послала Максимилиану через того же Юрия и Михаила Кляпика Еропкина «40 соболей да две камки»[148].

Георг фон Турн – как и Контарини – удостоился аудиенции у «царевны»[149]. По всей видимости, она говорила с обоими иноземцами в Набережных теремах, в которых располагались приемные покои – так называемая «средняя повалуша»[150]. Эти строения, входившие в ансамбль древнего деревянного кремлевского дворца, были возведены в XIV столетии.

В покои Софьи были вхожи и греки из ее окружения (разумеется, не все, кто прибыл с ней в поисках лучшей доли, а лишь те, кто обладал достаточным авторитетом). Вероятно, в 1475 году Софья говорила и с посланником своего брата Андрея – Петро Росо. У Софьи явно был свой круг общения, не всегда пересекавшийся с кругом общения ее мужа. Конечно, Софья в Москве не была эдакой независимой иностранкой, однако по прочтении источников складывается впечатление о ее некоторой обособленности от князя и вообще от русского мира. Безусловно, существовало заметное отличие ее поведения от традиционного образа действий русских великих княгинь и княжон «татарского периода» русской истории.

Размышляя о причинах этого, вспомним, что в Византии императрица считалась самостоятельной носительницей власти. Это нашло отражение в том, что в империи, как уже говорилось, «бракосочетание следовало за коронованием, а не предшествовало ему. Императрица приобщалась всемогуществу вовсе не потому, что она жена импе-

ратора...». «Августа имела собственное состояние, которым распоряжалась по своему усмотрению, не советуясь с василевсом и даже не предупреждая его...»[151] Вероятно, Софья реализовывала именно такую модель поведения. Но едва ли она привезла ее с собой в уже готовом виде. Скорее, деспина следовала советам своих греков (того же Юрия Траханиота, который был одно время мажордомом у Фомы Палеолога), имевших более ясную – но, увы, ностальгическую – картину того, какой *должна быть* правительница сильной державы.

Показателен в этом смысле скандал, разразившийся в великокняжеском дворце в 1484 году, когда Иван III обнаружил, что Софья подарила драгоценности, принадлежавшие его первой супруге Марии Борисовне Тверской, своей племяннице Марии, дочери Андрея Палеолога, а кое-что отдала и самому Андрею[152]. Эта ситуация не только обнаруживает независимый характер Софьи, но и представляет собой пример столкновения двух моделей поведения, конфликт двух культур.

То, что Софье и ее окружению казалось совершенно естественным, для Ивана III было почти государственной изменой! И в Византии, и в Западной Европе «жены имели неограниченный контроль над личными вещами, такими как деньги, украшения, одежды и другая "движимость", составляющая их приданое или унаследованная ими после брака...»[153]. По мнению же русского князя, супруга просто предала его, «истеряв казну». «Зла жена – лютая печаль, истощение дому»[154], – сетовал еще Даниил Заточник.

Гнев Ивана III тогда обрушился не только на саму Софью, но главным образом на ее окружение, в том числе на Марию Андреевну и ее молодого супруга – удельного князя Василия Михайловича Верейского. От неминуемой расправы им пришлось бежать в Литву[155].

Относительная независимость поведения Софьи может объясняться и тем, что значительная часть русского общества не приняла ее, «грекиню» и «римлянку». Это особенно стало проявляться в связи с тем, что конфессиональные различия внутри христианского мира активно использовались московскими книжниками в политической пропаганде. Описывая последний этап борьбы за Новгород (1478), придворные летописцы обвиняли непокорных новгородцев в «латинстве» и стремлении перейти под власть католической Литвы.

Софья была не первой «византийской женой» правителя европейской страны, которую не принял народ. Так, жители Священной Римской империи некогда невзлюбили Феофано – супругу императора Оттона II. «Люди ее времени клеветали на нее за ее... жизнь, порицали чрезмерную привязанность, какую она выказывала своим соотечественникам, укоряли ее за пагубное влияние, какое она имела на своего мужа. Но в особенности видели они в византийке главную совратительницу Германии с пути добродетели...»[156]

Сколь созвучны эти слова тому, что будет говорить о Софье опальный аристократ Берсень Беклемишев в XVI столетии! Однажды он произнесет: «...А какъ пришла сюды... великая княгиги Софьа съ вашими греки, такъ наша земля замешалася и пришли нестроениа великие, какъ и... в Царегороде... какова (бы Софья. – *Т. М.*) не была, а къ нашему нестроенью пришла...»[157] Это голос тех, для кого Софья была в Москве *чужой*, кто видел в ней и в ее греческом окружении *другой* мир.

«Греческий след» в создании идеологии Московского государства – вопрос не только историко-культурного, но и философского характера. По наблюдениям М. М. Бахтина, «*я* и *другой* есть основные ценностные категории, впервые делающие возможной какую бы то ни было действительную оценку»[158]. Формирование образа *другого* является главным способом самоидентификации. Создавая образ России как единого государства, снискавшего милость Божью своей преданностью православной вере, московские книжники времен Ивана III нуждались в негативном образе противоположного характера. Нужен был подходящий пример того, что может произойти с народом и государством, если он изменяет своей вере и теряет почтение к власти. Лучшим примером такого рода могли стать погибшая Византия и ее разбросанные по миру жители.

В начале XVI столетия старец псковского Елеазарова монастыря Филофей, высказывая мысль о том, что над судьбами мира в целом и отдельных людей властен только Господь, заметил о себе: «...яз селской человек, учился буквам, а еллинскых борзостей не текох, а риторских астроном не читах, ни с мудрыми философы в беседе не бывал...»[159] Книжник не одобрял тех увлечений, которые, по его мнению, пришли в Россию через греков и итальянцев из окружения Софьи.

* * *

Прибытие в Москву Софьи Палеолог стало поворотным моментом в ее судьбе. Известия русских источников содержат данные о ее приезде, а также сведения о ее семейной жизни. Отдельные ее поступки, как видим, вызывали негативную оценку. Но в целом русские книжники не уделяли ей большого внимания. Вероятно, это обусловлено тем, что роль Софьи в «большой политике» была достаточно скромной. По большей части эта роль ограничивалась тем, что Софья рожала детей да заказывала в кремлевских ювелирных мастерских ковчеги для реликвий, которые привезла из Рима. Совсем иное дело – ее греческая свита, в которую входили не только малообразованные и потерявшие всё греческие аристократы и близкие им люди, но и личности незаурядные. Деятельность последних заслуживает особого рассказа.

Глава 5

ВИЗАНТИЙЦЫ В РОССИИ

Красота воину оружие и корабля ветрила, тако и праведнику почитание книжное...[1]

Изборник 1076 года

Отношения русских земель и греческого мира издревле отличала двойственность. Долгое время Византия была источником, питавшим культуру восточных славян. Церковная жизнь была определена греческими установлениями. Но даже автор «Повести временных лет» – монах Киево-Печерского монастыря, – повествуя о князе Святославе, однажды обронил фразу о том, что «греци суть лстивы и до сего дни»[2].

Вторая половина XV столетия – один из самых сложных периодов для греческого мира. Это было время, когда византийцы – как обычные люди, так и утонченные интеллектуалы – нуждались в помощи и поддержке. Но те годы были и периодом широкой и многогранной деятельности греков в разных странах Старого Света. Приезд в Москву нескольких образованных греков в большой свите Софьи Палеолог в 1472 году, а также тех, кто прибыл позднее, ознаменовал большие перемены в отношениях русского и византийского миров.

Греки из окружения Софьи представляли собой удивительное и сложное явление. Среди аристократов Московской Руси рубежа XV–XVI веков они – в силу своего происхождения – держались обособленной группой. Далеко не все из них были искушенными библиофилами, за годы жизни в Италии впитавшими ренессансные идеи. О деятельности значительной части греков в России почти ничего не известно. Вероятно, это свидетельствует о весьма скромной роли большинства из них в русской жизни. Но некоторые греки отличались довольно широким кругозором, они

были как минимум в курсе исканий и находок итальянских гуманистов. Сложно представить, чтобы такой выдающийся ценитель греческой учености, как кардинал Виссарион, не позаботился о том, чтобы отправить с Софьей на Русь хотя бы нескольких образованных и разделявших его идеи греков. Речь идет в первую очередь о семье Траханиотов, но не только о них. Таких людей можно уподобить средиземноморским соснам – пиниям, чудесным образом оказавшимся в русском бору: они были не чужды христианской богословской традиции, однако их мировоззрение и навыки подчас существенно разнились с теми, что отличали их русских современников. Эти «экс-византийцы» – пусть и не относившиеся к плеяде ученых греков первого ряда, оставшихся в Италии, – смогли занять определенную нишу в русском мире. Наиболее харизматичные и образованные из греков Софьи стали опорой Ивана III в целом ряде его начинаний.

Выше уже отмечалось влияние греков на мировоззрение архиепископа Вассиана, автора «Послания на Угру» – одного из «программных» текстов эпохи образования единого Русского государства. Чем еще обязан был приехавшим грекам русский мир?

В Европу – через окно...

Греки имели отношение к становлению внешней политики молодого Русского государства и особенно к упрочению его контактов с Западом.

Внешнюю политику домонгольской Руси отличали развитые международные связи. Русь контактировала со многими европейскими странами: Норвегией, Швецией, Польшей, Германией, Францией... Однако с той поры, как Русь попала в зависимость от Орды, контакты с Западом стали гораздо менее интенсивными. Они осуществлялись в первую очередь через вездесущих купцов из причерноморских факторий итальянских морских республик Генуи и Венеции: Солдайи (Судака), Каффы (Феодосии) и Таны (Азова). Предприимчивые итальянцы забирались в поисках ценных товаров далеко на север и северо-восток. Известны документы о том, что эти воспитанные теплыми морями авантюристы покупали беличьи шкурки в верховьях Камы[3]. Существенную роль в сношениях с Западом играл средневековый Новгород, где шла торговля с балтийскими городами Ганзейского союза – Любеком, Гамбургом,

Таллином и др. Иногда на Русь заносило «странствующих рыцарей»[4]. Но в целом связи русских земель с Европой в ту пору носили эпизодический характер и не перерастали в полноценное международное сотрудничество.

Иван III осознал невозможность создания сильного Русского государства без развития отношений с западным миром. И здесь великий князь столкнулся с проблемой «нехватки кадров»: за несколько веков ордынского гнета на Руси практически полностью перевелись знатоки европейских языков, а главное – эксперты в тонкой науке западного придворного этикета и дипломатического церемониала. Иван III принял здравое решение – использовать знакомство греков из свиты своей супруги с культурой Запада и их владение итальянскими диалектами. В условиях, когда власть великого князя Московского только начинала возвышаться над властью удельных князей, а свободолюбивые настроения бояр-землевладельцев еще только предстояло поставить под контроль, не связанные с русским миром греки оказывались особенно востребованы на роль представителей Москвы за рубежом. Их положение на Руси полностью зависело от благодеяний московского правителя. Давая им важные поручения, Иван III мог не сомневаться, что они приложат все усилия для того, чтобы выполнить их как можно лучше. Учитывая это, именование посланников-греков в посольской документации «верными нашими»[5] приобретало новый смысл.

Государь «всея Руси» мог положиться на греков и по другой причине. В Европе, и особенно в Италии, далеко не все из них были желанными гостями. Обилие греческих эмигрантов порой раздражало итальянских суверенов, поскольку они понимали, что те ищут покровительства и заступничества, под чем подразумевались прежде всего деньги. Примером тому может служить печальная судьба братьев Софьи в Италии.

После смерти кардинала Виссариона 18 ноября 1472 года Палеологи оказались в Риме не у дел. Папа Сикст IV, отправивший Софью в Москву, искренне надеялся, что теперь судьба греческих аристократов, и в первую очередь Андрея Палеолога, перестанет быть его заботой. Двор Андрея между тем был главной (и нередко единственной) надеждой для его соотечественников. Однако Андрей в отличие от Виссариона не был видным политическим и культурным деятелем, а потому не мог стать меценатом для бесприютных византийцев. Папа же на протяжении 1470-х годов

не раз сильно урезал средства, выделявшиеся на содержание Андрея, носившего пышный титул «деспота ромеев»[6]. Примечательно, что папа впервые «недоплатил» Андрею в 1473 году, после того как в Рим приехал Димитрий Рауль Кавакис с богатыми дарами от Ивана III. Ситуация способствовала тому, что Россия стала восприниматься некоторыми греками из свиты Софьи как своего рода «страна надежд», в которой они могли найти кров и возможности заниматься привычными профессиями: торговлей, ремеслом, а иные – и переводом книг.

Кроме того, до конфликта 1483 года Ивана III с Софьей (связанного, как мы помним, с украшениями первой супруги Ивана Марии Тверской) отношения великокняжеской четы, кажется, ничто не омрачало. Иван III был вполне доволен своим браком, и Софья – а значит, и ее свита – находилась на вершине московского олимпа. Амброджо Контарини свидетельствует: когда он оказался в Москве и ему нужно было как-то представляться русским знакомым, он выбрал беспроигрышный вариант – решил сказать, что он был «врачом, сыном врача, который был слугой деспины...». Контарини «будто бы ехал к великому князю и к деспине искать счастья»[7]. Тот факт, что подобное объяснение всех устраивало, говорит как о зависимости греческих эмигрантов от московского двора, так и о том, что греков, готовых встроиться в русский мир, было достаточно много. Они надеялись, что Софья «могла оказать влияние, способствующее достижению ими конечной цели – благосклонности господина, источника всей власти и благодеяний»[8]. Они видели в Софье человека, способного в силу близости к великому князю оказать им реальную помощь.

Еще Н. М. Карамзин писал о том, что «главным действием сего брака (Ивана III с Софьей. – *Т. М.*) было то, что Россия стала известнее в Европе...»[9]. Действительно, среди тех, кто по воле Ивана III «прорубал окно в Европу», были византийцы из свиты Софьи. Их силами Иван III пытался сформировать вполне определенный образ своей страны за рубежом. В последней четверти XV века, когда Посольский приказ еще не сложился, сношениями с иностранными державами ведал Казенный двор[10]. Греки играли в этом ведомстве не последнюю роль, хотя тон задавали всё же русские люди. Во главе большинства русских миссий на Запад стояли двое: грек и русский. Первый лучше знал Запад, второй тверже отстаивал интересы великого князя.

Как позиционировали себя представители Ивана III за рубежом? Ответ на этот вопрос не всегда очевиден. Авторы русскоязычных исследований обыкновенно идут вслед за русскими источниками и называют руководителей дипломатических миссий «послами». Но это не совсем точно: Ивану III были неведомы ранги дипломатического представительства. В Европе ситуация была другой. В Венеции, славящейся крепкими традициями посольского обычая и церемониала, уже к XIV веку слово «посол» – *ambasciatore* – подразумевало самый высокий ранг представителя. Ниже стояли посланники – *oratori*, еще ниже – гонцы. Окончательно такое деление было закреплено на Венском конгрессе 1815 года, но к XV веку оно уже существовало в наиболее развитых странах западного мира. На Востоке (в том числе на Руси) эта система долгое время была неизвестна. Чаще всего европейские источники именуют греков на русской службе и их московских коллег именно «посланниками». По всей видимости, как «послов» в европейском смысле слова воспринимали только Юрия Траханиота в Милане в 1486 году и Дмитрия Герасимова в Риме в 1525 году. Учитывая западную традицию – в данном случае более точную, – в нашем рассказе при отсутствии иных данных представители Ивана III на Западе будут именоваться посланниками.

Для целого ряда регионов Европы встреча с Московской Русью была первой или одной из первых. В эпоху Ивана III чаще всего посольства отправлялись в итальянские государства – Рим, Венецию и Милан. Это можно объяснить и личными связями греков с итальянским миром, и тем, что именно этот регион был наиболее развит в культурном отношении. Среди других стран, с которыми шло сотрудничество при посредстве греков, можно назвать прибалтийские государства крестоносцев, Данию и Священную Римскую империю – большое, но рыхлое государство, занимавшее значительную часть нынешних австрийских и немецких земель. Эта империя на протяжении всего Средневековья претендовала на культурно-политическое наследие Древнего Рима, а потому ее правители включили в название державы соответствующий эпитет.

Говоря о связях Московской Руси и Европы, сложно не согласиться с В. О. Ключевским, который заметил, что эта тема «всегда кажется своевременной и никогда не переставала быть безнадежной»[11]. Оптимизма в данном случае может добавить то, что связи Московского государства с западным миром в правление Ивана III были, пожалуй, са-

мыми «небезнадежными» за всю их историю. Перед двумя регионами открылись небывалые возможности для взаимного культурного обогащения.

В самом названии *Россия* чувствуются греческие ноты: звук «у» в древнем названии Руси в греческом произношении трансформировался в «о». Уже под 839 годом в европейских источниках упоминается народ *Rhos*, который так именовали византийцы. Этот народ справедливо отождествляется современными учеными с *Русью*, которая к тому времени представляла собой уже сформировавшуюся этнополитическую общность. *Росией* называли в Константинополе русскую митрополию[12]. Имя *Рос(с)ия* начинает входить в широкое употребление в XV веке. *Россией* называли Русское государство греки, состоявшие на великокняжеской службе и возглавлявшие миссии на Запад[13]. Венецианский сенатор Марино Санудо в своих дневниках не раз использует по отношению к нашей стране – наряду с понятием *Moscovia* (как именовали нашу страну поляки[14]) – название *Rossia (Rhossia)*[15]. Это слово становится известно в разных странах Европы (в том числе тех, с которыми великие князья не завязали контактов) в большой степени через венецианское посредство: Венеция была одним из главных центров, где ковалась международная политика того времени.

На водах Венеции

Для посланников Ивана III и Василия III Венеция была воротами в «Итальские страны», и в ходе посольств они нередко посещали город дважды – в начале и в конце путешествия. В предместьях Венеции их встречал «соленый ветер, крикливые белые чайки, купы черных водорослей, разбросанные по песчаным косам». Стены и башни города «вставали, казалось, из самых морских глубин, ибо ни ум, ни глаз не могли постичь, сколь мелка огромная лагуна, подернутая светящейся зыбью...»[16].

Магическое очарование Венеции неподвластно времени. Вероятно, русские посланники испытывали чувства, близкие тем, что выразил П. П. Муратов в начале XX столетия: «Для нас, северных людей, вступающих в Италию через золотые ворота Венеции, воды лагуны становятся в самом деле летейскими водами (водами забвения. – *Т. М.*)...»[17] Русские – нередко с помощью греческих проводников – оказывались в новом мире, где предстояло на время забыть некоторые привычки и существенно расширить кругозор.

Венеция – особое место для греков. Торговые связи Венеции и Византии на протяжении веков способствовали взаимному обогащению культур. Памятники венецианского Средневековья исполнены византийскими образами и художественными приемами. Дворцы и храмы города – «молчаливые свидетели и хранители единственного во всем мире художественного наследия и городского ландшафта, напоминание о том древнем Константинополе, который по прихоти истории передал Венеции эстафету великолепия, богатства и дивной красоты»[18].

Впрочем, связи Ромейской державы и Светлейшей республики отличал драматизм. По существу, их политические отношения представляли собой череду конфликтов, следы которых несложно отыскать в венецианском искусстве. Например, верхние части Пала д'Оро («золотого алтаря») главной венецианской базилики Сан-Марко изготовлены из эмалевых пластин, похищенных крестоносцами после того, как они в 1204 году в ходе Четвертого крестового похода захватили Константинополь.

Несмотря на прошлые обиды, именно Венеция стала «центром притяжения» для греков после 1453 года. Здесь возникла большая греческая диаспора. Но город не мог принять всех. Через земли Светлейшей республики многие византийцы перебирались дальше: в Рим, Милан, Неаполь, Париж и даже Лондон[19]. Греки умели помнить добро. Именно гостеприимной Венеции подарил свою библиотеку кардинал Виссарион...

Оказываясь в Венеции, московские греки находили теплый прием у соотечественников. Иногда они останавливались при церкви Святого Георгия (*San Giorgio dei Greci*), как это было, например, в 1488 году, когда из Москвы прибыли Дмитрий и Мануил Ралевы[20]. Древняя церковь, на месте которой ныне стоит храм второй половины XVI века, стала оплотом греческой общины. Московские греки наверняка возносили здесь молитвы о том, чтобы Господь помог им устроить свою судьбу под новыми небесами.

Посещая город, московские византийцы преклоняли колени и у алтаря покровителя города – евангелиста Марка. Венеция хранит его мощи с 820 года, когда купцы Буоно и Рустико вывезли их из захваченной арабами Александрии. Рассказывали, что сундук с мощами был спрятан под свиными тушами, чтобы арабские досмотрщики на границе не смогли обнаружить реликвию. Первый собор Святого Марка был заложен в день прибытия в город его мощей, однако

храм простоял недолго. Нынешняя базилика относится к XI столетию.

Русские посланники последней четверти XV века дивились величию собора и, надо думать, тоже прикладывались к мощам святого Марка, широко почитаемого на Руси. Ко дню памяти этого святого (25 апреля) в 1217 году князь Константин Всеволодович приурочил закладку одного из самых значительных храмов Северо-Восточной Руси – Успенского собора в Ростове Великом.

«А там (видел. – *Т. М.*) церковь в Венеции святаго Марка велми чудну и хорошу, да и ворота венециискии деланы... велми хитры и хороши»[21], – рассказывал в 1475 году в Москве Семен Толбузин – русский посланник Ивана III к дожу. Благочестивый посол обратил внимание и на другие христианские святыни в городе: «...святая деи Екатерина лежит у них, не вем, та ли мученица или ни, толи святаа»[22]. Толбузин мог привезти в Москву какие-то святыни, связанные с этими праведниками.

Русский летописец Родион Кожух записал рассказы Семена Толбузина. Эти рассказы можно считать первым сравнительно подробным описанием Венеции, принадлежащим русскому человеку (старше лишь строки из «Хождения на Флорентийский собор» начала 1440-х годов). Толбузин описал процедуру избрания дожа и поведал о том, как город из небольшого приморского поселения превратился в один из крупнейших центров Европы: «а место деи то, коли сказывают у них старожилци и книжники, исперва невелико бывало, да много деи в море каменем приделали хитроки, где Венециа град стоит».

Семен Толбузин запомнил и чудесную легенду о городе: «Глаголют же каменеи у них 12 самоцветных, а говорят деи, что корабль со человеком занес к ним ветръ, ини деи пытали у его, что есть, и онъ деи не сказалъ им, ини деи хитростию уведали у него да ум отняли волшебною хитростию, да взяли у него».

Рассказ этот вызывает много вопросов. Ничего похожего на него не встречается ни в одной из фундаментальных работ по культуре средневековой Венеции. Но в приведенном отрывке присутствуют сразу несколько распространенных в европейской культуре сюжетов. Здесь и образ терпящего бедствие, но чудом уцелевшего корабля, и 12 волшебных камней, которые ассоциируются с наперсником ветхозаветного праотца Аарона (Исх. 28: 15–21), и сюжет о лишении волшебным образом человека памяти...

Бог весть какие еще древние тайны скрывают замшелые дворы, просоленные старые сваи и мутные каналы Венеции. Чудеса здесь соседствуют с реальностью и переплетаются с ней самым загадочным образом. Осенью и особенно зимой – в то время, когда обычно русские посланники оказывались в городе, – Венеция может удивить пронизывающим холодом. *Acqua alta* («высокая вода») заливает набережные и площади. Густой туман – *nebbia* – внезапно опускается на лавки, таверны и «огромные резные сундуки темных палацо, полные непостижимых сокровищ»[23]. И так же внезапно путешественник, преодолевая почти осязаемое сопротивление сырого воздуха, оказывается перед лицом удивительных зрелищ.

Любуясь резными окнами и галереями Ка' д'Оро – «Золотого дома» Марино Контарини, сегодняшний путешественник пытается вживую представить себе золотые пластины и ультрамариновые вставки, которыми был украшен фасад здания. Русские в XV столетии могли видеть это чудо. Учитывая извечный дефицит золота в Московской Руси, можно только догадываться о том, сколь сильные эмоции испытывали посланники «государя всея Руси», глядя на Ка'д'Оро и вообще на обилие драгоценностей, собранных в городе. Выросшие в темных бревенчатых избах, московские бородачи вполне могли испытать в Венеции культурный шок от «переизбытка красоты»[24].

Даже видавший виды французский посол в Венеции Филипп де Коммин, посетивший город в конце XV века, восхищался им: «Здания... высоки и величественны, все из резного камня. Старые дома сплошь окрашены, остальные же, те, что построены за последние сто лет, имеют фасады из мрамора, доставленного из Истрии, за сотни миль отсюда, и украшены множеством огромных вставок из порфира и серпентина... Это самый великолепный город из всех, что мне удалось повидать»[25].

Многие замечают, что Венеция «до сих пор обладает странной властью над человеческим воображением»[26]. Вероятно, соприкоснувшись с венецианской повседневностью, посланники великого князя испытывали восторг... Людей той эпохи пленяли «блеск золота и серебра, многоцветие статуй и живописи на стенах церквей и богатых жилищ, магия витражей...»[27].

Иван III не бывал в Венеции, но, конечно, много слышал о красоте и богатстве Запада и от Софьи, и от прибывших с ней греков. Эти рассказы рождали в великом князе

сложное чувство, в котором преобладали восхищение, зависть и презрение. Ему хотелось приобщиться к венецианской роскоши, показав, что он – могущественный государь! – легко может ее себе позволить.

«Дневники» Марино Санудо содержат сведения о том, что зимой 1499 года посланники Ивана III – грек Дмитрий Ралев и его русский спутник Митрофан Карачаров – договорились о покупке для Ивана III шейного украшения – *collare*, выполненного из золота и инкрустированного драгоценными камнями. Сумма, которую запросили венецианцы, была огромной – 36 тысяч (!) золотых дукатов. Всю сумму «наличными» русские заплатить не могли, и значительная часть средств была отдана пушниной, причем как той, что посланники привезли с собой, так и той, что должна была быть доставлена в Венецию в течение года[28]. Некоторые особенности этой удивительной истории будут рассмотрены в последней главе в связи с политическим кризисом конца XV века. Пока же вернемся к рассказу о московских посланниках.

Проводниками в сказочную Венецию для русских были греки из свиты Софьи. Именно они объясняли своим московским «коллегам» особенности итальянской жизни: они вместе проплывали на лодках мимо рыбного рынка, наполненного «морскими чудищами» вроде омаров и осьминогов, вместе заходили в стеклодувные мастерские на острове Мурано и любовались изменчивой прелестью вечерней Адриатики.

Представить себе «вживую» посланников Ивана III в Венеции – задача не из простых. Но, любуясь гладью лагуны, можно ощутить, что вода, на которой стоит сегодняшний город, – «это та же вода, что несла крестоносцев, купцов, мощи святого Марка, турок, всевозможные грузы... и самое главное, отражала тех, кто когда-либо жил... и бывал в этом городе, всех, кто шел посуху и вброд по его улицам...»[29]. Венецианская вода хранит воспоминания и о московских гостях дожа XV века, о их меховых шубах, высоких шапках и окладистых бородах, о их словах, страхах и надеждах. В эту воду канула их усталость после нескольких месяцев дороги из Москвы в Италию, в этой воде отражалась радость их дипломатических успехов.

Но суть Венеции не только в воде. И степень «романтического» восприятия Венеции русскими XV века не стоит преувеличивать. Вероятно, посланники Ивана III находились в некотором напряжении: им необходимо было решать важные государственные задачи в непривычной обстановке

и по неизвестным правилам. Книга Карло Барбьери «Руководство для путешественников по Италии»[30], снабженная многочисленными картами и содержащая сведения о ценах, маршрутах и прочую «путевую информацию», вышла в Болонье только в 1775 году. Для русских отсутствие подобного руководства на первых порах делало греков незаменимыми помощниками.

Сама Софья Палеолог, по-видимому, также никогда не бывала в Венеции. В 1465 году она с братьями ехала с Корфу в Рим через Анкону[31], а о ее проезде через Венецию по пути на Русь в 1472 году данных нет. Но образ Венеции для Софьи был значим. В Венеции о Софье также знали. Венецианский дипломат Амброджо Контарини, посетивший Москву в 1476 году, подчеркнул в своих записках, что Софья – дочь деспота Фомы Палеолога[32]. По его словам, Софья «настоятельно просила передать ее приветствие светлейшей синьории»[33]. За этой фразой скрывается не просто форма вежливости. В сознании великой княгини Венеция была городом, приютившим многих ее соотечественников, а венецианцы видели в Софье силу, способную вдохновить Ивана III на антиосманскую борьбу.

В последней четверти XV века в Светлейшей республике было распространено мнение о том, что Иван III хочет начать войну с турками. Сенатор Доменико Малипьеро с уверенностью писал в середине 1470-х годов: «Предполагается, что этот король (Иван III. – *Т. М.*) в скором времени направится на борьбу с турками, потому что он – зять деспота Фомы Палеолога...»[34] Последние слова примечательны: они обнаруживают прямую связь образа Софьи с образом ее отца, который воспринимался как символ противостояния туркам.

Миф о том, что русский правитель готовился воевать с османами и что именно Софья была тем человеком, который побуждал его к этому, оказался настолько живуч в Италии, что вошел даже в новейшую историографию[35]. Объяснить его можно тем, что и в Риме, и в Венеции обосновалось множество греков, знакомых с идеями их главного заступника в Италии – кардинала Виссариона, последние десятилетия своей жизни посвятившего организации крестового похода против султана. Брак Софьи с московским князем стал одним из важнейших дел кардинала. И сколько-нибудь просвещенные греки, для которых Виссарион был значимой фигурой (а таких было немало), ухватились за идею привлечения Ивана III к антитурецкой борьбе как за спасительную соломинку. Их вдохновляла надежда на то, что

наступление на султана будет начато и они вновь вдохнут свежий босфорский воздух и вознесут благодарственные молитвы в храме Святой Софии. Греки, а вслед за ними и венецианцы «всегда... вычитывали больше из писем великих князей, чем в них содержалось»[36].

Но обстоятельства жизни Софьи красноречиво свидетельствуют о том, что венецианцы переоценивали возможности великой княгини. Незадолго до отъезда Семена Толбузина в Венецию Софья родила дочь Елену, и бóльшая часть ее времени и сил отводилась теперь ребенку. Более того, через два месяца после возвращения московского посольства Софья родила еще одну дочь – Феодосию и еще глубже погрузилась в хлопоты материнства. В 1476 году у нее родилась еще одна дочь – Елена, в 1479 году – сын Василий, затем – Юрий, Дмитрий, Евдокия, Елена, Феодосия, Семен, Борис и Андрей... Великой княгине было явно не до антиосманской борьбы.

И всё же надежды итальянских греков на Ивана III отразились в деятельности их московских соотечественников. Эти настроения объясняют верную службу греков из окружения Софьи великому князю ничуть не в меньшей степени, чем их желание устроить свою жизнь и сделать карьеру.

На перекрестках Европы

Как бы ни была велика роль Венеции в европейской политике конца XV века, участие греков в сношениях России с Западом не ограничивалось поездками ко двору дожа. Одной из главных забот Ивана III были ближайшие соседи его государства – Польша и Литва. Территориальные споры серьезно осложняли ситуацию на западной границе Московской Руси. Ситуация обострилась после того, как великий князь принял «притязательный» (по выражению В. О. Ключевского[37]) титул «государя всея Руси», что подразумевало претензии на все земли, входившие в состав Древнерусского государства. Значительная их часть к концу XV столетия находилась под властью Польши и Литвы.

Иван III решил искать союзников для противостояния западным соседям. Приезд в Москву в 1486 году «странствующего рыцаря» из Священной Римской империи Николая Поппеля («Николая Поплева», как его иногда называют русские источники [38]) подсказал Ивану III возможность привлечения Империи к союзу против западных соседей

Русского государства. Оставив в стороне многие подробности сношений Ивана III с Империей, отметим только принципиальные для нашего рассказа моменты. Главным из них является деятельное участие в сношениях с Империей «боярина великой княгини Софьи» Юрия Траханиота. Он неоднократно – в 1489, 1490 и 1493 годах – ездил в немецкие земли, ко дворам императора Фридриха III («Фердерика»[39]) и его наследника Максимилиана («Максимияна»), который носил тогда титул «короля римского».

В ходе посольства 1489 года Юрию Траханиоту и его русским спутникам – Ивану Халяпе и Косте Оксентьеву – пришлось улаживать целый ряд вопросов. Они должны были объяснить в Империи, что переданное через Николая Поппеля предложение Фридриха III пожаловать Ивана III королевским титулом в Москве вызвало только негодование. Великий князь вовсе не хотел считать себя *ниже* императора, ассоциируя свой статус на международной арене скорее со статусом царя, чем короля. Уже в Москве дьяк Федор Курицын выразил Поппелю мнение Ивана III об этом предложении: «Мы Божиею милостию государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей... а поставления какъ есмя наперед сего не хотели ни от кого, так и ныне не хотим»[40]. Юрий Траханиот передал сходную мысль уже в Империи: «И Цесарь, и сын его Максимиан государеве великие, а наш государь великий жъ государь»[41].

С другой стороны, Юрию было предписано не ссориться с Империей, а всячески развивать с ней связи. Иван III также поручил Юрию вести переговоры о браке одной из своих дочерей с Максимилианом.

Что испытывала Софья при мысли о расставании с дочерью, можно только догадываться. Хочется надеяться, что она верила в возможность ее счастья в этом странном союзе. Брак этот, однако, не состоялся по вине немецкой стороны. Когда все договоренности были заключены, ко двору императора Фридриха в 1492 году пришло известие о том, что русские послы по дороге на родину попали в шторм на Балтике и корабль, на котором они находились, затонул[42]. Это дало повод Фридриху искать новую невесту для сына. Впоследствии известия о русских послах не подтвердились и император принес Ивану III извинения. Посланник Фридриха передал великому князю, что его «государь о том добре поскорбел... что... дело... не стесалося», и просил не держать на него зла[43]. Великий князь, однако, пережил то, что «дело не стесалося», очень болезненно. В пущенном

кем-то слухе о кораблекрушении он мог увидеть провокацию, за которой стояло отвращение немцев к любому союзу с «русскими варварами»... Эта история охладила пыл Ивана III в сношениях с Империей.

Однако это – дело будущего. А пока московский князь надеялся на сотрудничество, он дал Юрию Траханиоту в 1489 году еще одно важное поручение. Его посланник должен был «добывати... великому князю мастеров: рудника, который руду знает золотую и серебряную, да другого мастера, который умеет от земли розделити золото и серебро; и добудет Юрий таких мастеров, и ему их выпросити...»[44]. Юрию даже была дана специальная верительная грамота, в которой говорилось, что он уполномочен великим князем нанимать специалистов[45]. Юрий Траханиот нашел «рудознатцев», и в 1490 году те прибыли в Москву. По всей видимости, именно они участвовали в экспедиции на далекий северо-восток, к берегам реки Цильмы в 1492 году. В ходе экспедиции там были обнаружены золотая и серебряная руды[46]. Месторождение разработать, впрочем, не удалось: Цильма – приток Печоры – находится в нескольких тысячах километров от Москвы, и путь к ней в те времена был крайне труден.

С Юрием Траханиотом в 1490 году к великому князю приехали не только «рудознатцы», но и имперский посол Георг фон Турн. Русские летописи называют его «Юрий Делятор», и в этой транскрипции заметны итальянские нотки. Немецкая фамилия была переведена на итальянский язык (*della Torre*, дословно: «тот, что от башни») и искажена в соответствии с традициями тогдашнего русского произношения.

Главным итогом миссии фон Турна было то, что он способствовал разработке важного для Москвы документа – проекта союза Москвы и Священной Римской империи против польского короля и литовского великого князя Казимира IV и его наследников. «Римскому королю» этот договор был также выгоден, поскольку и он имел к Польше территориальные претензии. Источники называют договор союзом «о любви и единачьстве» или «о любви и братстве». Некоторые историки полагают, что матрица знаменитой печати Ивана III, на которой изображен двуглавый орел, была изготовлена как раз для скрепления этого договора[47]. По замыслу идеологов внешней политики Ивана III, составленный в Москве договор должен был «слово в слово» подтвердить Максимилиан. Для этого Юрий Траханиот с

русским помощником Василием Кулешиным и Георгом фон Турном вновь отправился в дальний путь в Империю.

Договор «о любви и братстве» против польского короля был ратифицирован Максимилианом в 1491 году. Однако позже он нарушил условия договора, заключив мир с союзником Казимира чешским королем Владиславом. Известие об этом вызвало в Москве негодование. Георг фон Турн, вернувшийся на Русь с великокняжескими посланниками, выслушал немало обличительных слов в адрес Максимилиана, которые Иван III передал ему через одного из своих приближенных[48]. Отправленный в Империю в третий раз Юрий Траханиот и его помощник Михаил Кляпик Еропкин должны были передать Максимилиану разочарование в Империи и ее правителях, постигшее Ивана III. Им было велено сказать, что Иван III узнал о нарушении условий договора 1490 года «из третьих рук»: «Государь наш, господине, хотел сам на конь всести, со всеми своими силами тебе помогати; ино ему не одны вести пришли про то, что ты помирился. Приехали, господине, люди из Слезские земли (из Силезии. – *Т. М.*) из Рославля, да то сказывали, а из немец, из Любка и из Колывани приехали люди, и они тожъ сказывали, что ты помирился, а опосле того приехал от Стефана воеводы Воложского посол его, Мушатом зовут, и он тожъ сказывал, что ты помирился...»[49]

Максимилиан пытался было предложить Ивану III другой союзный договор, направленный против османов, но великому князю это было совершенно невыгодно. В Москве ценили ненадолго установившиеся мирные отношения с Крымом, и ссориться с султаном, покровителем крымского хана, великий князь не хотел.

Отношения двух государств сильно охладели. Неудивительно поэтому, что Иван III дал понять имперскому посланнику Михаилу Снупсу, прибывшему в Москву в 1492 году с целями изучения русского языка и природных богатств России, что здесь ему делать нечего[50].

Юрий Траханиот ездил в балтийские государства и позже. На рубеже XV–XVI веков он принимал участие в переговорах о браке наследника московского престола Василия с датской принцессой Елизаветой. Эти переговоры также ни к чему не привели, хотя русско-датские отношения конца XV века развивались более чем спешно. В 1493 году усилиями грека на московской службе Дмитрия Ралева и его русского напарника Дмитрия Зайцева был заключен договор между Русью и Данией о совместных действиях против

Швеции – общего врага обоих государств на Балтике. Кроме того, датский король обещал помогать Ивану III в его борьбе с Литвой (в ту пору шла очередная русско-литовская война – 1487–1494 годов).

Как видно из этих эпизодов, греки на русской службе, и в первую очередь Юрий Траханиот, выполняли самые ответственные поручения. Юрий не раз вынужден был улаживать сложные вопросы, оказываясь подчас в непростом положении. Будучи главным исполнителем воли Ивана III в отношениях с Империей, он провел в непрерывных разъездах около четырех лет! Можно представить его, усталого и взволнованного, и на деревянном корабле в бурных волнах Балтики, и на рейхстаге, где он – грек, облаченный в русскую одежду, – произносил пламенные слова о чести своего государя «на ломбардском наречии»... Юрий Траханиот, братья Ралевы, братья Ангеловы и, возможно, некоторые другие греки были в числе тех, кто внес значимый вклад в дело расширения связей России с Европой.

Образ северной державы

Так начиналось знакомство европейцев с «русским миром». Деятельность московских греков, посланников Ивана III, способствовала постепенному формированию в Европе образа России. Этот образ с течением времени менялся под воздействием различных обстоятельств, и в первую очередь политической конъюнктуры.

После заключения брака великого князя с Софьей в 1472 году на Западе возрос интерес к России, наметившийся еще в середине XV века[51]. Гуманистов отличал познавательный интерес ко всему новому и неведомому. Во всех государствах, где приходилось оказываться русским посланникам, их с искренним любопытством расспрашивали о стране, откуда они прибыли.

Русских посланников дарили своим вниманием выдающиеся деятели Ренессанса. Известно, например, что в миланский период своей жизни Леонардо да Винчи интересовался особенностями восточного костюма. Более чем вероятно, что он воспользовался случаем посмотреть на него и, возможно, поговорить с теми, кто его носил, – например, с греком на русской службе Мануилом Ангеловым и его русским коллегой Данилой Мамыревым, представителями Ивана III при миланском дворе в 1493 году[52].

И все же, судя по сохранившимся данным, о России в Европе больше всего рассказывал тот же Юрий Траханиот, руководивший несколькими миссиями в разные государства. Можно думать, что он был одним из информаторов немецкого картографа Иеронима Мюнцера. На его знаменитой карте мира, увидевшей свет в Нюрнберге в 1493 году, есть топоним *Dikiloppi*, представляющий собой транслитерацию русского названия угро-финского народа – «дикая лопь». Полагают, что появление этого названия у И. Мюнцера можно связать с деятельностью Юрия Траханиота[53].

Образ нашей страны как богатой северной державы формировался в Империи в большой степени через дары, преподносимые ее правителям Юрием Траханиотом и его русскими спутниками. Дары посылались от лица Ивана III и его супруги Софьи, а также наследника – сначала Ивана Молодого, а после его смерти в 1490 году – Василия.

Иван III не раз дарил Максимилиану соболей и «красных» (то есть очень хороших) кречетов, а однажды преподнес «шубу горностайну с камкою (шелковой тканью с узором. – *Т. М.*)»[54]. Софья и Василий также передавали соболей. Сходные «северные» дары великий князь Московский передавал и правителям итальянских государств. Дож Агостино Барбариго (1486–1501) неоднократно получал от Ивана III ценные меха и изделия из «рыбьего зуба» (моржового клыка). В 1488 году Дмитрий и Мануил Ралевы преподнесли дожу трое сороков соболей[55]. Марино Санудо сообщает, что Ралев и Карачаров преподнесли дожу «четыре связки соболей по ... штук в каждой: одну – от имени своего короля, две – от имени послов и одну от некоего купца, который был с ними»[56]. Многоточие в цитате в данном случае не признак ее сокращения: публикатор, видимо, не разобрал цифру в рукописи – по сколько шкурок было в каждой связке, и поставил в издании многоточие. Вероятнее всего, речь шла о традиционной русской мере – сорока шкурках. В числе подарков была и «какая-то особенная рыбья кость»[57], то есть моржовый клык.

В 1486 году великий князь передал с Юрием Траханиотом для миланского герцога Джан-Галеаццо Сфорца «двое сороков прекрасных выделанных соболей и двух кречетов и несколько живых соболей, доставленных им и привезенных прямо из России»[58]. Возможно, Юрий Траханиот или другие греки, ездившие с посольствами в Милан, привозили и живых горностаев. Этот зверь был распространен по всей Европе, но только в ее северных регионах он на зиму

меняет свой окрас на белый (оставляя черным лишь кончик хвоста). Не исключено, что на знаменитом полотне Леонардо да Винчи «Дама с горностаем» (1489–1490) Чечилия Галлерани держит на руках именно русского зверя.

Сам же герцог Джан-Галеаццо Сфорца был, вероятно, особенно рад ловчим птицам. По свидетельству современника, герцог был «не склонен думать об общественных делах. Он странствовал по окрестным владениям, развлекаясь соколиной и псовой охотой»[59].

С посольством 1493 года, которым руководили Мануил Ангелов и Данило Мамырев, Иван III прислал следующему миланскому герцогу – Лодовико Моро – белого кречета, пять сороков соболей, татарскую саблю, резную пластину и «рыбий зуб длиною в локоть (около 46 сантиметров. – *Т. М.*) и похожий на слоновую кость»[60]. Известно, что Лодовико Моро был страстным охотником. Это нашло отражение в церемонии приема московских посланников: в честь их приезда была организована грандиозная охота. В ней приняли участие как сам Лодовико, так и его супруга, Беатриче д'Эстэ. Среди охотничьих трофеев были три огромных оленя, две косули и три кабана[61].

О том, сколь хороши русские ловчие птицы, в миланском замке было известно еще с 1470-х годов, когда архитектор Аристотель Фиораванти прислал из Москвы Галеаццо-Мария Сфорца двух белых кречетов[62]. После этого на Русский Север были посланы герцогские птицеловы Бьянко из Кайо и Таддео из Феррары[63]. В Павии по сей день сохранились чучела любимых кречетов упомянутых миланских герцогов[64]. Не этих ли птиц привезли русские посланники?

При дворе герцогов Сфорца создавались многочисленные трактаты о соколиной охоте, было налажено производство разнообразных устройств, необходимых для охоты с птицами[65]. Гуляя в Милане вокруг герцогского замка, можно подойти к *Torre dei Falconi* («Сокольничей башне»), в которой герцог держал своих птиц. Сам замок был расположен так, что из парадных покоев можно было выезжать на лошади прямо в обширные охотничьи угодья. Живописный городской парк Семпионе, примыкающий к замку с северо-запада, представляет собой остатки этого леса. Сегодня в самом центре столицы Ломбардии нелегко представить себе чащу, где водятся дикие животные. Впрочем, ничуть не легче вообразить в центре Москвы Воронцово поле – охотничьи угодья бояр Воронцовых. О нем напоминает только название одной из московских улиц.

Надо сказать, что двор герцогов Сфорца был одним из самых пышных в Европе. В Миланском замке царили блеск, роскошь и изобилие, там остро чувствовалась привязанность его хозяев к радостям земной жизни. Увлеченные античными штудиями придворные гуманисты вполне могли в ходе светской беседы приободрить любого из герцогов словами, созвучными античному изречению:

> Веселись, живущий, в жизни, жизнь дана в недолгий дар:
> Не успеет зародиться – расцветет и кончится[66].

Однако давно замечено, что любое чрезмерное увлечение материальной стороной бытия заканчивается печально. Судьба династии Сфорца не стала исключением: Лодовико Моро окончил жизнь в плену у французского короля. Приведенное двустишие – это древняя латинская эпитафия... Впрочем, в первой половине 1490-х годов герцоги не задумывались о тайнах жизни и смерти духа. Вероятно, если бы они знали модную нынче фразу «бери от жизни всё», она стала бы их девизом.

Вернемся, однако, к «северным» впечатлениям итальянцев. Образ России как богатой и могущественной северной страны формировался и через многочисленные вещи, привозимые на продажу послами и сопровождавшими их купцами. Следуя дипломатическим традициям Востока[67], посланники совмещали дипломатические и представительские функции с торговой деятельностью. Грек Мануил Ралев, перешедший на службу к Ивану III в 1485 году, и его русский коллега Митрофан Карачаров привезли в 1499 году в Венецию на продажу несколько возов (!) меха пушного зверя, преимущественно беличьих хвостов и шкурок «белого зайца»[68], как выразился описавший увиденное сенатор Марино Санудо. Под «белыми зайцами», скорее всего, подразумевали тюленей – «морских зайцев», как их называли в России[69]. Мех бельков – маленьких тюленей в возрасте до года – ценился необычайно высоко. Ралев и Карачаров продавали также ножи с рукоятью из моржового клыка и другие северные диковины[70].

Дары не только формировали определенные представления о России, но и были важным проявлением символической коммуникации. Тот факт, что европейским «коллегам» Ивана III нравились его подарки, говорит о многом. Подобное отношение было свидетельством того, что новые международные связи обещают быть успешными и взаи-

мовыгодными. Замечено, что «дарителю нельзя дарить ни слишком много, ни слишком мало», здесь работал старинный принцип *do, ut des*[71]. Посланники Ивана III – греки и русские – умело определяли «разумную меру» подарков Ивана III.

* * *

Все эти впечатления, полученные через реальные вещи, вкупе со смутными слухами о загадочной стране стимулировали интерес к природе и богатствам России в разных странах Европы. В ходе посольства в Милан 1485–1487 годов Юрий Траханиот сообщил миланскому герцогу Джан-Галеаццо Сфорца и его придворным многие подробности о России. Этот рассказ был записан в герцогской канцелярии и дошел до сего дня. Он представляет собой довольно краткое, но первое систематическое описание Руси, составленное на Западе со слов русского представителя. Посол великого князя подробно рассказал о природе и занятиях жителей Московии. Он сообщил, что Россия чрезвычайно велика, «вся плоская... и обильно населена и имеет множество больших городов, сел и деревень»[72]. В ряду «больших городов» он особо выделил Владимир, в котором «около 60 тысяч очагов», а также Новгород, Псков (официально еще не вошедший в состав Московского государства) и Москву. Юрий Траханиот постоянно подчеркивал благополучие России: в ней много рыбы и зерна, «так что в ряде мест из-за излишнего количества его собраны удивительные и поражающие запасы пшеницы и другого зерна, особенно в тех местностях, которые удалены от моря, так как там нет никого, кто бы мог отправить их в другое место»[73].

Здесь, правда, Юрий Траханиот невольно обнаружил, что повседневные трудности, с которыми сталкивалось подавляющее большинство населения Московской Руси, ему неведомы. Низкая урожайность северо-восточных земель способствовала регулярному голоду среди крестьян и даже горожан. Но придворный грек описал то, что видел в среде русских аристократов.

Большое внимание посол Ивана III уделил особенностям русского войска и его вооружения. Он сообщил, что московский князь располагал как пехотой, так и конницей, воины используют арбалеты, секиры, луки, копья, а также пушки и мушкеты. Юрий Траханиот рассказал и о происхождении северных диковин, которые он в изобилии привез в Милан. Придворные гуманисты узнали о том, что

«государь владеет несколькими новыми провинциями» и их жители «платят в качестве дани каждый год большое число соболей, горностаев и спинок (видимо, речь идет о беличьих шкурках. — *Т. М.*)»[74]. О мехах Юрий Траханиот заметил, что русские «одеваются зимой обычно в лисьи меха... и что этих мехов у них великое количество». Посол особо остановился на обычаях русской знати носить одежды из мехов зимой «мехом к рубашке», а летом «кожей к рубашке, что дает возможность сохранять свежесть». В своем рассказе о России он неоднократно отмечал, что русские «очень любят ходить на охоту»[75]. Возможно, он хотел этим подчеркнуть сходство привычек русской и ломбардской знати.

Подобная информация была призвана формировать образ России в Италии как сильной и богатой страны. Общая мажорная интонация рассказа Юрия Траханиота свидетельствует о том, что грек с радостью рассказывал ломбардцам о своей новой родине. Он был доволен той службой, которую нес. Однако грек, не один год живший в Неаполе и Риме, так и не стал представителем русской культуры. Неудивительно поэтому, что его краткий рассказ совсем не похож на впечатления русского о своей стране. Сообщение о России, записанное в Милане со слов Юрия Траханиота, составлено в духе хорографических описаний других малоизвестных стран, составлявшихся гуманистами. «Позиция чужого позволяет описать естественное как своеобразное»[76], и Юрию Траханиоту описание России, вполне удовлетворившее миланских эрудитов, удалось. Он говорил не просто на понятном миланцам языке: он говорил на языке культуры Возрождения.

Размышляя о посольстве «боярина великой княгини» Юрия Траханиота в Милан, можно заметить примечательную особенность. Миланский герцог живо интересовался Россией, но был совершенно безразличен к проблемам греческого мира. «Спасение Византии», символом которого Виссарион и греки, в той или иной степени воспринявшие его взгляды, избрали Софью, мало волновало любителей светских развлечений и изысканных удовольствий. Именно этим можно объяснить полное отсутствие упоминаний о Софье в памятниках, так или иначе характеризующих русско-миланские связи XV века. Разумеется, Софья знала о контактах с герцогами; вероятно, ее «боярин» привозил ей какие-то памятные вещи и диковины из этого города, однако это, пожалуй, всё, что можно сказать о связи великой княгини с Миланом.

* * *

Русские диковины произвели впечатление и в Священной Римской империи. В этом отношении примечательны просьбы Николая Поппеля, которые он изложил в своем письме, обращенном к Ивану III. Он рассказал великому князю о том, что император Фридрих очень хотел получить некоторые диковины и расстроился, когда его посланник не привез желаемых подарков. «Святое величество цесарское, – писал далее Поппель, – ...на мене злобит, ижъ есмь не привезл из твоей земли живых зверей, ижъ словут по руски лоси, а по немецки елеут, занеже роги тех звереи из Свеискаго кралевства привез есмь, а того для прошу высокость твою, для ласки цесарского величтва, ижъ бы еси послал мне с нынешним моим слугою три или четыре лоси; если один умрет на дороге, ино ся инои останет... а какъ те предреченныя зверята будут молоды, тем и лутши, ижъ бы были смирны, а если будут старые, ино им роги сняти...»[77] Поппель просил прислать в Империю не только лосей, но и одного из полумифических для Западной Европы охотников из числа северных народов: «...да пожаловал бы еси прислал одного гулятина (охотника. – *Т. М.*), которые едят сырое мясо... и цесарскому величству будет велми за честь». Поппелю явно не терпелось выслужиться перед императором, показав ему получеловека-полузверя: именно так воспринимали «самоедов» (охотников и оленеводов севера Евразии) в Западной Европе.

Интерес к «сыроядцам» не исчез на Западе и позднее. В своем «Донесении о Московии» анонимный автор XVI века, которого обыкновенно именуют Псевдо-Фоскарино, сообщал, что «у океана, как рассказывают, живет какой-то народ, который бóльшую часть времени проводит в воде и питается исключительно сырою рыбой. Эти люди, подобно рыбам, покрыты чешуею и вместо членораздельной речи издают какой-то свист. Одного из них я сам видел в Нормандии, как, впрочем, видели и многие другие... Он всех удивил и поразил. Кажется, он был так молод: лет двадцати, ростом 20 футов, весь в волосах, большие и красные глаза. Он наводил страх и ужас на тех, кто на него пристально смотрел. В конце концов, в нем было больше звериного, чем человеческого»[78]. Подобные «северные» сюжеты и образы, несмотря на постепенное осознание их легендарности, прочно укоренились в сознании итальянских обывателей.

Русские посольства в Европу в эпоху Ивана III имели двойной культурный отзвук: Европа открывала Россию, но и Россия не без участия греков открывала Европу. Эту ситуацию справедливо называют «встречей двух культур»[79]. Можно только пожалеть о том, что до нас не дошло каких-либо описаний западного мира, составленных Юрием Траханиотом или его помощниками для русских людей. По всей видимости, московским аристократам, имевшим отношение к внешней политике России, такие тексты были не слишком интересны. Можно сказать, что великому князю и его приближенным в ходе международных контактов было важно решить конкретные задачи, а также «себя показать», утвердив в сознании людей Запада образ России как богатой страны, где правит могущественный государь с «европейскими» увлечениями. Задача «других посмотреть» – особенно с чисто познавательными целями – не осознавалась ими как значимая. В правление Василия III подобные тенденции только усилились[80].

Сколь яркие, столь и не соответствующие действительности «мифы о России», господствовавшие в Европе в Новое время, в эпоху Ивана III еще не сформировались. Тогда европейцы относились к России с искренним интересом. Рубежом, когда это чувство сменилось настороженностью и даже негативом, можно считать середину XVI столетия[81]. В то время европейцы познакомились с книгой Сигизмунда Герберштейна, в которой выведен образ рождающейся русской тирании. В Европе по отношению к России будто ожила агрессия, которая отличала крестоносцев XIII века. Немалую роль сыграла и польско-литовская антирусская пропаганда времен Ливонской войны, а также нелицеприятные подробности об опричном терроре Ивана Грозного, запечатленные в нескольких «записках о Московии» жестоких и продажных слуг царя – Генриха Штадена, Иоганна Таубе и Элерта Крузе.

Государь всея Руси

Решая задачу формирования представления о России на Западе, посланники Ивана III – будь то греки или русские – не ограничивались обстоятельными рассказами и диковинными дарами. Этой цели служили и особенности титула великого князя, представленного в верительных грамотах, которые его посланники брали с собой.

В ходе контактов с государями Западной Европы Иван III использовал так называемый владетельный титул: в нем перечислялись главные земли, которые подчинялись великому князю.

Разгадать тайны этих формул оказывается непросто. Даже самые серьезные историки, специально занимавшиеся данным вопросом, приходят к неутешительным выводам о том, что принципы, по которым включался или не включался тот или иной регион во владетельный титул, понять можно далеко не всегда[82]. Тем не менее очевидно, что сам по себе владетельный титул Ивана III представлял собой результат западноевропейского влияния на русскую культуру[83]. Вообще, «использование географических определений в титуле монарха восходит к традиции присвоения почетных территориальных наименований римским полководцам-триумфаторам, покорителям отдельных земель (например, Сципион Африканский)... Западноевропейские монархи заимствовали этот обычай, трансформировав его под влиянием феодальных отношений сеньората и вассалитета. Триумфальные эпитеты превратились в территориальные определения их титулов»[84].

По всей видимости, использование владетельного титула связано со все возраставшими контактами с европейскими государствами и необходимостью соответствовать в этом смысле европейским суверенам. Так, в 1487 году грек Мануил Ралев отправился в Милан с верительной грамотой, в которой представлен развернутый титул Ивана III: «Божьею милостью великий господарь Русские земли великий князь Иван Васильевич Володимерский, и Московский, и Новгородский, и Псковский, и Тферский, и Югорский, и Вятский, и Пермьский, и иных всея Руси»[85]. Сходный титул был использован при сношениях московского правителя со Священной Римской империей, а также с прибалтийскими государствами крестоносцев[86]. Подобный титул присутствовал и на знаменитой белокаменной плите, висевшей на Фроловской (Спасской) башне, возведенной в 1491 году миланским зодчим Пьетро-Антонио Солари. Текст плиты был написан на древнерусском и латинском языках. Этим великий князь «заявлял о самодержавных претензиях... зачастившим в Москву иноземцам»[87]. По выражению современного исследователя, «Иван пугал Европу громкими титулами, которые он сам себе присваивал. На Западе всерьез воспринимали эти словес-

ные побрякушки и полагали, что они свидетельствуют о намерении "Московита" завоевать весь мир»[88].

Титул великого князя отражал не реальность, а образ реальности, которую великому князю хотелось создать. Например, в уже приведенный вариант титула из грамоты 1487 года в Милан включен эпитет «Югорский». Между тем об окончательном покорении Югры можно говорить не ранее 1499 года, когда было подавлено крупное восстание вогуличей.

Иван III видел себя сильным правителем, который «не только благороднее, но и сильнее вместе взятых королей Венгрии, Богемии и Польши»[89]. Именно такое объяснение дали русские посланники в Милане в 1493 году, когда отказались участвовать в многодневных торжествах по случаю бракосочетания Бьянки Сфорца с «римским королем» Максимилианом[90]. В своем письме членам республиканского совета флорентийский представитель в Милане Пьетро Гвиччардини сообщил, что подобное поведение русских обусловлено тем, что они встретились с неуважением по отношению к правителю их огромной страны. Надо думать, впрочем, что в поведении послов в Милане сыграла роль «обида» 1491 года, нанесенная московскому великому князю правителями Священной Римской империи, когда «не стесалося» дело о браке между Максимилианом с одной из дочерей Ивана III.

На флорентийца произвел впечатление владетельный титул Ивана III, который он передал так: «Иоанн, Божиею милостию великий государь всея России, то есть государь Володимирии, Московии, Новоградии, Плесковии, Тверии, Венгрии, Вятки, Пермии, Болгарии и проч.»[91]. На родину Пьетро Гвиччардини прислал копию верительной грамоты русским посланникам, бóльшая часть которой состоит из этих пышных определений.

Через несколько лет ситуация неучастия посланников в местных торжествах повторилась в Венеции. В 1499 году послы великого князя Московского не были допущены до участия в одной из церемоний, поскольку требовали более «высоких» мест в сравнении с представителями французского короля. Марино Санудо, в «Дневниках» которого содержатся эти сведения, утверждает даже, что русские предлагали французам «за первенство» 25 дукатов, однако те денег не взяли[92].

Может быть, в разработке концепции владетельного титула Ивана III принимали участие греки из окружения

Софьи Палеолог, знакомые с европейскими традициями титулования правителей. Московские дьяки и их греческие подчиненные стремились сделать всё для того, чтобы великий князь «блестяще выступил» на международной арене.

Всадник-победитель

В этом смысле показателен образ «ездца-змееборца» (всадника, попирающего змея), который был распространен в русской политической символике того времени. Примечательно изображение «ездца» на знаменитой великокняжеской красновосковой «вислой» (прикрепленной нитями к бумаге) печати, скреплявшей договор от июля 1497 года Ивана III с племянниками Федором и Иваном, детьми Бориса Волоцкого. Подобные печати скрепляли и некоторые международные договоры.

Долгое время интерпретация изображения всадника была однозначной: его определяли как Георгия Победоносца. Однако современные исследователи пришли к выводу о том, что со святым Георгием всадник, изображавшийся на русских печатях и монетах, начал отождествляться идеологами российской политики гораздо позже[93]. Во времена Софьи Палеолог ездец-змееборец, по мнению большинства ученых, представлял собой символический образ самого Ивана III[94].

Изображение всадника на печати 1497 года не отличается ни хорошим качеством (оригинал печати поврежден), ни абсолютной ясностью. В науке не один год велись споры о том, в каком головном уборе изображен всадник и защищает ли его лицо доспех. В итоге признано, что ни то ни другое определить невозможно[95]. В любом случае очевидно, что образ всадника должен был – по расчету Ивана III и его советников – внушить правителям Европы важную мысль о непобедимости Русского государства и о том, что воинственный правитель Руси одерживает крупные военные победы на Западе и Востоке.

Европейская политическая мысль того времени воспевала удачливых в военных предприятиях суверенов. Никколо Макиавелли заметил, что «ничто не может внушить к государю такого почтения, как военные предприятия и необычайные поступки»[96]. И хотя греки не имели, по-видимому, отношения к разработке образа «ездца-змееборца», они принимали участие в осуществлении контактов Запада с Россией, а значит, и в распространении идей, которые «ездец» олицетворял.

В этих представлениях об успешности Ивана III на военном поприще было мало фальши. Московский правитель действительно регулярно одерживал победы и стремился рассказать о них не только посредством символики. Посольство в Венецию и Милан 1487–1488 годов, которым руководили греки Дмитрий и Мануил Ралевы, имело главной целью сообщить всей Европе о победе, только что одержанной великокняжеским войском под Казанью в 1487 году[97]. Как показали дальнейшие события, эта победа была временным, но важным внешнеполитическим успехом великого князя, «результатом долгой военной и дипломатической борьбы»[98]. Оперативность, с которой Иван III отправил своих представителей в Венецию, имеет свое объяснение. «Победа русских над Казанью в 1487 году продемонстрировала всему миру, и в первую очередь итальянским... государствам и главе католического мира – папе, что в лице России выросла значительная сила...[99]» Известие о приеме Дмитрия и Мануила Ралевых в Венеции, содержащееся в «Анналах» Доменико Малипьеро, не оставляет сомнений в том, что в Светлейшей республике новости из России были истолкованы однозначно: Россия «способна помериться оружием с мощными восточными государствами»[100]. Впрочем, «способна» – еще не значит «желает», и здесь надежды греков сильно расходились с намерениями Ивана III. В сношениях с султаном великий князь избрал нейтрально-благожелательный тон.

Несмотря на нежелание Ивана III воевать с османами, очевидно, что внешняя политика великого князя была направлена и на Запад, и на Восток. Заманчиво предположить, что именно эту идею выражал знаменитый двуглавый орел, изображенный на оборотной стороне великокняжеской печати 1497 года. Вглядимся же более внимательно в этот привычный каждому россиянину образ.

Гнездо двуглавого орла

Двуглавый орел занимает особое место среди символов Русского государства, появившихся в эпоху Ивана III. Эта хищная птица ассоциируется и с притязаниями могущественной Российской империи, и с чудесными животными из средневековых бестиариев. Двуглавый орел еще на Древнем Востоке символизировал посредника между двумя мирами – миром богов и миром людей[101].

Тайна русского двуглавого орла представляет настоящую головоломку для исследователей. Изучение этого символа власти началось в XVIII столетии. Первые российские историки сделали «очевидный» вывод о том, что этот герб, так полюбившийся Ивану III, привезла в Москву Софья Палеолог. Н. М. Карамзин утверждал, что двуглавый орел был гербом павшей Византии[102]. Однако сегодня, кажется, все специалисты сошлись во мнении, что такое объяснение сколь просто, столь и неверно.

Впервые сомнения в состоятельности теории о «византийском» происхождении герба были высказаны на рубеже XIX–XX веков. Выдающийся знаток российских древностей Н. П. Лихачев заметил, что сходный герб с двуглавым орлом был и у императоров Священной Римской империи[103]. Налаженные связи Московской Руси времен Ивана III с этим государством допускали возможность разнообразных заимствований. Эти наблюдения были развиты многими специалистами[104]. В 1990-е годы исследования о двуглавом орле стали настоящим «трендом» отечественной геральдики: в 1997 году отмечалось 500-летие самого древнего (как тогда считалось) оттиска печати с двуглавым орлом – печати 1497 года.

Исследователи вглядывались и в ее «младших сестер» – печати с двух жалованных грамот Ивана III 1504 года. В пылу споров о том, когда и кем была изготовлена матрица печати 1497 года, было высказано немало интересных и аргументированных предположений. Так, один ученый убедительно доказывал, что знаменитая печать была сделана специально для подписания важного для России договора со Священной Римской империей 1490 года, и называл даже имя мастера: Христофор из Рима[105]. Другой исследователь не менее убедительно говорил, что печать изготовил ломбардский мастер[106].

Однако недавно эти гипотезы были поставлены под сомнение венгерской исследовательницей Магдолной Агоштон. Она показала несостоятельность сопоставления русского двуглавого орла конца XV века с орлом, изображаемым на печатях правителей Священной Римской империи: между двумя типами изображений имеются существенные отличия. К тому же на печатях Максимилиана, с которым Иван III заключал договор 1490 года, изображался не двуглавый орел, а одноглавый, что заставляет усомниться в заимствовании[107]. (Двуглавый орел был только на печатях его отца Фридриха III.)

Взамен была предложена новая концепция, основанная на скрупулезном анализе и самой печати, и исторической обстановки, в которой рождалась главная эмблема Русского государства. В первую очередь было показано, что двуглавый орел не только не был гербом Византийской империи, но и не был гербом дома Палеологов. Двуглавые орлы вообще не были геральдическими эмблемами: традиционная культура Византийской империи не знала гербов и геральдики[108]. В палеологовской Византии «двуглавые орлы помещались на одежде лиц, имевших низший ранг по отношению к императору»[109]. Например, «на миниатюрном портрете Мануила II Палеолога и его семьи помимо императора изображена его жена императрица Елена и дети: соправитель Иоанн (будущий император Иоанн VIII), имевший ранг деспота Федор и младший Андроник. Одежду двух последних украшают шитые золотом медальоны с тканными двуглавыми орлами»[110].

Несмотря на то что двуглавый орел не имел отношения к символике императорской власти в Византии, «в XV веке в Западной Европе в тамошней геральдике присутствовало представление о нем как о гербе "императора константинопольского"»[111]. «Латинофильская» часть византийской элиты, связывавшая свое будущее с Западом, должна была «следовать бытующим там обычаям, в частности принимать геральдические знаки, присваиваемые им...». Потомки деспота Фомы Палеолога и аристократы из числа их приближенных восприняли как гербы те знаки достоинства деспотов, которые были им знакомы. Известны изображения двуглавых орлов не только в геральдике Священной Римской империи, но и в декоре храмов и дворцов Мангупа и Мистры[112].

По мнению М. Агоштон, наибольшую близость к русскому двуглавому орлу обнаруживают не византийские орлы, а птицы из инкунабул (печатных книг старше 1500 года)[113] черногорского Цетинского монастыря, основанного правителем Цеты (Зеты) Иваном Црноевичем (Черноевичем). Довольно схематичное изображение двуглавого орла на его печати также в главных чертах близко рисунку орла на печати Ивана III[114]. В определяющих чертах русский двуглавый орел с печати 1497 года напоминает и албанского двуглавого орла, бывшего знаком рода Кастриотов. Из этого рода происходил Георгий Скандербег – борец за независимость албанских земель в XV веке. Сходство русского и балканского (в первую очередь черногорского) изображений очевидно,

и сложно не предположить их связи, хотя о прямых контактах России и Черногории того времени неизвестно. Каким же образом могло быть осуществлено заимствование?

Есть основания думать, что это случилось через венецианское посредничество. Иван Црноевич одно время жил в Венеции. Внешняя сторона жизни Цетинского монастыря обнаруживает связи с культурой Светлейшей республики. Контакты Ивана III с Венецией и роль в них греков из свиты Софьи, имевших связи с разными государствами Италии, также известны. Однако интенсивность этих связей можно представить лишь отчасти. В нашем распоряжении в основном данные об официальных сношениях – посольствах, которые отправлялись из России раз в несколько лет, а также некоторых торговых миссиях. Но в реальности дорогу из Москвы в Венецию русские преодолевали чаще, а значит, связи Москвы и Светлейшей республики были более интенсивными, чем принято думать. Об этом свидетельствует примечательная подробность из «Дневников» Марино Санудо. Описывая торговую сделку 1499 года между венецианскими банкирами и русскими посланниками, сенатор обмолвился о гонцах, курсирующих из Москвы в Венецию, которые будут способствовать реализации этой сделки. Сенатор упомянул и о том, что необходимые по условиям сделки ценные меха будут привезены в Портогруаро – подконтрольный Венеции крупный центр международной торговли на Адриатике. Оба эти упоминания носят в повествовании Санудо характер очевидных подробностей[115].

Кроме того, по последним наблюдениям, знаменитая московская церковь мученика Трифона в Напрудном конца XV века могла быть построена при участии работавшего на Руси мастера-ювелира Трифона из Катаро (Котора)[116]. В этом городе святой Трифон почитался очень широко. Котор был в рассматриваемое время важным портом на Адриатике[117]. Установленные факты биографии мастера Трифона[118], а также общий исторический контекст позволили даже предположить, что первые несколько лет храм мог быть католическим и являться центром духовной жизни итальянско-далматинской общины Москвы той поры[119]. Последняя гипотеза еще нуждается в серьезной поверке, но нельзя отрицать, что нам известны далеко не все эпизоды связей Москвы с городами Адриатики. Мастера-ювелиры, происходившие из тех мест, могли воспроизвести близкий им образ. В Москву могли быть привезены и какие-то вещи и книги с Балкан и из Венеции, где изображался именно та-

кой орел. Все это говорит о возможности проникновения на Русь «балканского» двуглавого орла.

Если так, то он пришел в Москву при участии греков-аристократов из свиты Палеологов, живших в Италии и перешедших на русскую службу[120]. Как видно из исследования М. Агоштон, «образ... двуглавого орла возник в специфической зоне культурного контакта в момент кризиса и гибели византийской цивилизации. В Москву он попал при посредничестве выходцев из латинофильских византийских семейств»[121].

Совсем недавно на Боровицкой башне Московского Кремля было обнаружено еще одно старинное изображение двуглавого орла, восходящее, по-видимому, ко времени возведения башни – 1490 году[122]. Если это действительно так, то получается, что символ Русского государства на семь лет старше, чем было принято думать. Орел с Боровицкой башни отличается от орла с печати 1497 года и больше напоминает изображение двуглавого орла из Мистры, что подтверждает причастность греков-эмигрантов к появлению этого символа.

Итак, русский двуглавый орел имеет не собственно «палеологовское» (византийское) и, по-видимому, не австрийско-немецкое (имперское) происхождение. Скорее всего, он является плодом внешнеполитической деятельности греков из свиты Софьи, воспринявших некоторые итальянские традиции. Очевидно, греки из окружения Софьи надеялись, что Иван III если и не свергнет османское иго, то по крайней мере с помощью своей супруги сохранит и приумножит династию Палеологов.

Таким образом, не стоит сводить появление на гербе России двуглавого орла к простым «советам» Софьи Палеолог своему супругу. Этот образ появился в Москве благодаря стараниям наиболее харизматичной части окружения Софьи, для которой и сама деспина была символом династии Палеологов. Само ее присутствие в Москве подавало большие надежды. И это при том, что значение Софьи как инициатора или исполнителя каких-либо внешнеполитических замыслов до конца 1490-х годов по источникам не прослеживается.

Переводчики древних текстов

Следы деятельности близких к Софье греков можно обнаружить не только в области внешней политики Ивана III. Греки, хотя бы немного испытавшие влияние итальянского

Возрождения, могли познакомить русских с переводческими традициями Ренессанса и осуществить ряд переводов. На Руси, конечно, делали переводы задолго до них, однако круг переведенных текстов в конце XV века существенно расширился. Разработка техники перевода, филологические изыскания и вообще рост интереса к *studia humanitatis* (гуманитарным областям знания) – важная черта культуры Ренессанса. Перевод древних текстов и стремление использовать данные античных и раннехристианских памятников для решения задач, стоявших перед современным обществом, были для гуманистов обычным делом.

Греки, знавшие итальянский язык, были причастны к переводу на древнерусский язык Первой книги «Географии» Помпония Мелы. Перевод мог быть сделан с латинского манускрипта из «античной» библиотеки Софьи. Анализ нескольких списков древнерусского перевода Мелы показывает, что текст изобилует грецизмами[123]: многие названия, приведенные Мелой по-латыни, в древнерусском переводе имеют греческое окончание *-ос*. Кроме того, нередко в именах собственных звук *б* передан по-гречески, как *в*: например, не «*Б*ритания», а «*В*ритания». Несколько раз встречается перевод греческих названий на русский язык, например «Неополис, сиречь Новый город». С другой стороны, в тексте перевода Мелы можно встретить и следы итальянского произношения при передаче некоторых имен собственных. Так, название города Керказора (в оригинале *Certasor*) передано как «*Ч*ръτасор»[124]. По-итальянски латинское название следовало бы читать именно так, как это передано в древнерусском переводе. Ни один другой европейский язык оснований для такого чтения не дает.

Возможно, перевод этого текста осуществил «боярин великой княгини» Юрий Траханиот, много ездивший по Европе. Он был в курсе географических штудий гуманистов. «География» Помпония Мелы неоднократно переиздавалась в Европе в последние десятилетия XV века (с 1471 по 1498 год было осуществлено не менее восьми изданий, причем шесть из них – на территории Италии; к первой половине XVI века относится еще не менее шестнадцати изданий[125]). Труд античного географа имел исключительный авторитет в среде гуманистов. Среди издателей сочинения Мелы были видные новаторы печатного дела – Панфило Кастальди, Эрхардт Ратдольт и Жиль де Гурмон.

Другим вероятным автором перевода мог быть Дмитрий Рауль Кавакис (Дмитрий Ралев русских летописей). Следов

его «книжной» работы в России не найдено, однако в одном манускрипте Страбона из Ватиканской библиотеки есть пометы, сделанные, по-видимому, его рукой[126]. Это означает, что он как минимум интересовался знаниями древних о географии. Во всяком случае, он мог как-то участвовать в переводе. К переводу могли быть причастны и сыновья Дмитрия Траханиота Юрий и Мануил[127]. Историчность последнего недавно удалось доказать. Упомянутое в предыдущей главе неизданное письмо из Рима Андрея Палеолога от 7 ноября 1475 года свидетельствует о существовании Мануила Траханиота, который был сыном Дмитрия и братом «Юшки Малого»[128].

Сегодня известно пять списков XV–XVII веков древнерусского перевода Первой книги «Географии» Помпония Мелы[129], и все они происходят из разных хранилищ рукописей: из библиотеки Соловецкого монастыря, из архива Посольского приказа, из библиотеки Чудова монастыря и два из частных собраний коллекционеров манускриптов XIX столетия – Е. Е. Егорова и С. Т. Большакова. Рукопись из Егоровского собрания происходит из дальних северных областей исторической Югры и современной Коми: в XIX веке ею владели крестьяне из Усть-Цилемской и Печорской волостей (на полях в рукописи упомянуты Усть-Сысольская и Нергенская «окру́ги» – районы вокруг современного Сыктывкара)[130]. Возможно, одна из сохранившихся копий перевода была сделана с того манускрипта, который держал в руках кто-то из гре́ков – приближенных Софьи Палеолог.

Листая ветхую рукопись с рассказами, которые будоражили воображение и порождали мечты о дальних странствиях, грек-переводчик и сам чувствовал себя первооткрывателем: русские земли, где ему довелось теперь жить, только начинали знакомство с ренессансной культурой. Переводя на русский язык античных авторов, греки, знавшие о находках итальянских гуманистов, открывали жителям сумрачной и холодной Руси солнечный мир Средиземноморья.

Первая книга «Географии» Помпония Мелы посвящена описанию природы и обычаев Ближнего Востока и Южной Европы. Области, через которые шел путь в Святую землю, на Руси были известны давно. Уже в XII столетии игумен Даниил из Чернигова совершил паломничество в Палестину и составил подробный отчет о своем путешествии. По его стопа́м шли другие русские искатели благодати святых мест. Многие земли, описанные у Мелы, не раз упомянуты в

Священном Писании, и русские богословы, толкователи священных текстов, о них хорошо знали. Словом, эти территории были более или менее вписаны в «русскую» картину мира той поры.

Но русские книжники воспринимали окружающий мир как свидетельство Бога о Себе. Именно поэтому географические знания были почти неотделимы от богословия. В какое же смятение чувств пришли русские читатели от сведений, сообщаемых Мелой!

Текст римского автора изобилует сведениями о языческой культуре. Помпоний Мела устами грека-переводчика сообщал русским читателям о «мольбищах»[131] и «позорищах»[132] бога Аполлона – видимо, о храмах, где имелись его изображения (вероятнее всего, статуи[133]), о «позорище бога Амона («Аммона»)»[134], «славном мольбище» богини Дианы[135] и «мольбище Зевсовом»[136]. Мела повествует о том, что египтяне «плачють мрътвых, а ни жгут, ни хороноть их, но хитро зелиама обьсыпають и кладуть их въ мольбищах»[137], а также «еству на яве едять, и за дворомъ срамотнаа места домашнымъ небрежно являють. Чтуть многых скотовъ образы и самех скотъ, но не все единехъ, иные иных, и толь бережно, яко егда небрежениемъ от кого умрет скотъ, пеня есть головная. Егда же смертию умирають скоты, плачють и честно их похоранивают»[138].

Еще более колоритно описание египетской природы. По Меле, земля Египта «велми родима и на человеческы род, и на скотъ: Нилъ еа поливаеть. Нилъ же река... есть боле всех рекъ, иже в Наше Море (Средиземное. – *Т. М.*) вливается... Имееть ж воду родиму не токмо на всякую рыбу, но и потами ражаеть, иже тлъкутьс речнии кони, и коркодили ражаеть, иные многые скоты. Еще вода его въ земленую крому дыхание сътваряеть. И сътваряеть от земли живущаа, то же явно есть, егда бо убывая сливается с поль и въ своа берегы вълиется. Находять по полемъ некыа скоты еще не свръшена, но почати образитися, иная ж часть образна телесна, а инаа еще земля...»[139].

Толкование этих диковинных известий на Руси шло по традиционному пути поиска библейских аналогий. Напротив описания Египта в самой ранней рукописи есть помета: «псалом». По-видимому, автор маргиналии имел в виду 103-й псалом, в котором речь идет о всемогуществе Творца. Псалмопевец возвещает, что Бог «посылаяй источники в дебрехъ, посреде горъ пройдут воды. Напаяють вся звери сельныя, ждут онагри въ жажду свою...» (Пс. 103: 10–11) –

и ниже: «Яко возвеличишася дела Твоя, Господи, вся премудростию сотворил еси: исполнися земля твари Твоея. Сие море великое и пространное: тамо гади, ихже несть числа, животная малая с великими...» (Пс. 103: 24–26). Эти ветхозаветные слова во многом схожи с известиями о Египте Мелы, но не в текстологическом, а в сюжетном и образном отношениях.

Известиям Мелы о щедрой, плодородной земле Египта в этом отношении близки и слова 49-го псалма: «Услышите, люди мои, и возглаголю Вам, Израилю, и засвидетельствую тебе: Бог, Бог твой есмь Аз... Яко мои суть вси зверие дубравнии, скоти в горах и волове. Познах вся птицы небесныя, и красота сельна со мною есть» (Пс. 49: 7, 10–11).

Однако более всего текст Мелы напоминает слова из Третьей книги Ездры – одной из самых загадочных частей Священного Писания. Не вдаваясь в тонкости библеистики, приведем ветхозаветный фрагмент: «В пятый день Ты сказал седьмой части, в которой была собрана вода, чтобы она произвела животных, летающих и рыб, что и сделалось. Вода немая и бездушная, по мановению Божию, произвела животных, чтобы все роды возвещали дивные дела Твои. Тогда Ты сохранил двух животных: одно называлось бегемотом...» (3 Ездр. 6: 47–49).

Третья книга Ездры была переведена на древнерусский язык в конце XV века и находилась в центре внимания русских книжников. Федор Карпов просил Максима Грека разъяснить ему смысл именно этих слов[140]. Быть может, Федор Карпов был одним из читателей древнерусского перевода Помпония Мелы, и в сознании московского книжника, воспитанного на Священном Писании, слова античного автора перекликались с библейским текстом.

Мела приводит удивительные сведения и о других областях ойкумены. Сообщается, что значительная часть Азии пуста, опасна и покрыта непроходимыми песками: «Множаишаа ее места пуста суть или сухыми пескы обдержима, или недобраго ради ветра и земли пуста суть или обладаема многимъ злодеиством и родством звереи, пуста есть более, неже населена...»[141]

Римский географ приводит красочные известия о «полузвериных» народах (троглодитах, блемиях и др.), о речных змеях, выныривающих из воды и хватающих птиц, пролетающих над водой, и о многом другом. Он повествует о Персее и Геракле, Анаксимандре и Фалесе, Семирамиде и Александре Македонском.

Многие древние предания об античных героях, а также о чудесах природы были давно знакомы русским книжникам по византийским историческим хроникам. Александр Македонский к рубежу XV–XVI веков уже давно был одним из любимых античных героев русского Средневековья. А потому текст Мелы органично вошел в круг чтения русских интеллектуалов.

Пять сохранившихся списков Помпония Мелы, три из которых датированы XVI веком, указывают на то, что переведенный греками текст был популярен среди книжников Московской Руси. Ни один из сохранившихся манускриптов не является древнейшим, а значит, рукописей с переводом Мелы было больше, возможно, их число достигало десяти. Многочисленные иноземные слова, обозначающие конкретные реалии природы или быта дальних стран, по-видимому, произвели большое впечатление на читателей. Однако в азбуковниках – своеобразных древнерусских словарях иностранных слов – нет статей, которые можно было бы связать с рассказами из Первой книги «Географии» Помпония Мелы[142].

Появление перевода способствовало тому, что московские читатели оказывались в курсе идей итальянских географов. После начала Великих географических открытий земное пространство расширялось на глазах. У гуманистов кружилась голова от открывшейся им необъятности мира, от бескрайних морей, широких горизонтов и безграничных возможностей человеческого разума.

Знакомство с текстами, популярными среди гуманистов, не означало того, что все русские и греки буквально и восторженно воспринимали ренессансные увлечения. На рубеже XV–XVI веков шла работа над составлением знаменитого Русского Хронографа редакции 1512 года. Этот объемный текст представлял собой объединенный рассказ о событиях мировой и русской истории. Хронограф составлялся из множества различных источников – как появившихся на рубеже XV–XVI веков, так и гораздо более ранних. В частности, в Хронограф включено повествование о том, как Александр Македонский решил «испытати» (измерить) глубину моря и высоту неба. «Всуе трудися»[143] (зря трудился) – так в Хронографе оценено стремление царя. Русская богословская и связанная с ней историческая мысль того времени не могла безоговорочно признать беспредельные возможности человеческого разума, поскольку таковые признавались только за Господом.

Московские греки-переводчики были связаны с переводческим кружком новгородского архиепископа Геннадия (Гонзова), в который входили доминиканский монах Вениамин – «родом славянин, верою латинянин» (скорее всего, хорват), русские книжники Тимофей Вениаминов (по-видимому, помощник доминиканца), Власий Игнатьев и др. В «геннадиевском кружке» был сделан ряд переводов текстов, актуальных для Европы и изданных в то время. Это и «Прение живота со смертью»[144], и «Учителя Самуила обличение»[145], и переводы выдержек из богословских сочинений Лактанция[146], и труды Вильгельма Дуранда[147]. Конечно, образованные московские греки не принимали участия во всех этих переводах, но они могли привозить инкунабулы из-за границы и консультировать русских переводчиков. «Можно думать, что русские члены "геннадиевского кружка", получив возможность ориентироваться в греческом или латинском тексте отдельных книг Священного Писания, не поднимались в своих знаниях этих языков выше начальных ступеней», – отмечает современный исследователь. А потому «во всех трудных случаях... решающее слово, несомненно, должно было принадлежать Вениамину и грекам из окружения Софьи Палеолог»[148]. Траханиоты – во многом в силу своей посольской службы – воспринимались на Руси не столько потерявшими родину скитальцами, сколько людьми, так или иначе причастными к западной культуре. «Активное участие греков в привлечении латинских специалистов на службу к Геннадию может быть засвидетельствовано почти документально»[149].

Итак, переводческая деятельность некоторых из приехавших с Софьей греков обнаруживает их знакомство с актуальными для ренессансной Европы текстами и их стремление применить свои переводческие навыки. Речь не идет о том, что это были искушенные в *studia humanitatis* люди, но они знали, *что* это такое. Даже те немногие факты, которые известны сегодня исследователям, говорят о том, что Траханиоты (и, возможно, другие греки) впитали частицы гуманистической культуры и принесли свои знания на Русь. Этим они способствовали росту интереса к западному миру среди наиболее искушенных и восприимчивых к новациям русских книжников.

Протопоп Благовещенского собора Московского кремля Феодор, молодой Дмитрий Герасимов (будущий посланник Василия III в Венецию и Рим), дипломаты Федор Курицын и позже Федор Карпов, Власий Игнатьев и некоторые другие были теми, кто уже на рубеже XV–XVI веков позна-

комился с европейской традицией. Конечно, не стоит их называть вслед за учеными советского периода «русскими гуманистами», ибо *знакомство* не означает восхищения. Но размышления русских книжников, воспитанных на образах Священного Писания, над новыми идеями и текстами, использование отдельных элементов Ренессанса в их работе, несомненно, обогащали русскую культуру.

Среди книжников второй половины XV века выделяется монах Кирилло-Белозерского монастыря Ефросин. Ученые давно выделяют из всего корпуса рукописей той эпохи так называемые «ефросиновские» сборники. Их отличает необычайно широкий в сравнении с другими кодексами состав текстов. Это не только выписки из библейских книг, сочинений Отцов Церкви и восточнохристианских богословов, но и целый ряд «светских» текстов, часть которых представляла собой переводные памятники. Ефросин переписывал рассказы о Соломоне и Китоврасе (кентавре), «Повесть о Дракуле воеводе», заметку Феофила Дедеркина о землетрясении в Италии 1450-х годов, рассказ Плутарха о Марафонской битве и другие тексты[150]. Конечно, все это не говорит о «гуманистических устремлениях» Ефросина, но свидетельствует о том, что он и без греков знал о многих новых для русского мира вещах.

Однако для значительной части русских интеллектуалов – участников «геннадиевского кружка» в Новгороде и московских книжников – Траханиоты и другие византийцы стали важным источником сведений о Европе и ее достижениях. Не без их помощи часть русских людей, не чуждых письменной культуре, стала постепенно осознавать, что православная Россия – в корне отличная от Европы держава, но всё же не отделена от Запада непреодолимыми духовными преградами.

Думается, что устремления и навыки образованных греков, прибывших с Софьей из Рима, стали важной составляющей ее «приданого». Степень учености этих греков и их роль в русской культуре не стоит преувеличивать, но их роль была гораздо значительнее той, что играла сама великая княгиня.

Греки в борьбе с еретиками

Деятельность части греков, приехавших с «царевной Софьей» в Москву, способствовала не только укреплению международной составляющей политики Ивана III и подъему книжной культуры, но и упрочению православной веры.

Возможно, их роль и не проявилась бы в этой сфере, если бы в Новгороде, а затем и в Москве не распространилась очередная ересь. Увлеченные ложным учением священники по-своему трактовали Евангелие, уча народ «помнить день субботний» (не воскресный!) и не видеть в Иисусе Христе Бога. Эти идеи новгородско-московских еретиков дали основание русскому духовенству того времени назвать их «жидовствующими». Еретики сомневались в необходимости церковной иерархии и почитания икон, а также в том, что в 1492 году от Рождества Христова (7000-м от Сотворения мира) наступит конец света, которого русские люди ждали с большим опасением.

Борьбу с ересью возглавил архиепископ Новгородский Геннадий (Гонзов) – выдающийся церковный деятель того времени. Осознав, что еретики в своем учении опирались на целый ряд псевдохристианских текстов, владыка Геннадий решил отделить тексты Священного Писания от апокрифов (неканонических произведений, в которых фигурируют персонажи Священной истории, но их духовный подвиг и учение Христа не являются главной сюжетной линией повествования). Это было более чем актуально в русских землях, где апокрифы несколько веков имели хождение наряду с каноническими текстами. «Хождение Богородицы по мукам», «Книга Еноха» и некоторые другие апокрифы издавна входили в круг чтения русских книжников.

Так называемая «Геннадиевская Библия» 1499 года, представлявшая собой первый в России единый кодекс всех канонических библейских книг, была составлена как из известных на Руси текстов Священного Писания, так и из тех, что на древнерусский язык не переводились. Последние были переведены не с греческих оригиналов, а с латинской Библии, *Вульгаты*.

Эти, казалось, сугубо церковные задачи были значимы и для укрепления Русского государства – главного дела Ивана III. Великий князь осознавал, что без упорядочения различных сфер жизни русского общества объединить все русские земли в сильное государство невозможно. К тому же разномыслие в делах веры справедливо виделось Ивану III источником децентрализации и возможной крамолы. Сам великий князь учредил в 1497 году новый свод законов – Судебник, а сделать шаг на пути к унификации церковной жизни было суждено новгородскому владыке.

Переводческая деятельность новгородских книжников способствовала не только упрочению истинной веры в рус-

ских землях, но и знакомству с книжной культурой Запада. Таким образом, «латинская премудрость» парадоксальным образом стала одной из основ, на которой возрастала духовная культура Русского государства. Конечно, этот большой и сложный процесс не был осуществлен только греками. В русских землях и без них было немало творчески мыслящих людей, способных применить свои знания как в богословии, так и в идеологии и политике. Однако русским книжникам подчас не хватало кругозора.

Дмитрий Траханиот известен как автор двух посланий владыке Геннадию. Одно из них посвящено «сугубой и трегубой аллилуйе»[151], то есть тому, что символизирует двукратное и троекратное воздаяние хвалы Богу во время богослужения. В другом грек призвал архиепископа и прочих церковных деятелей не поддаваться панике и не ждать конца света в 7000-м году. Дмитрий сослался на то, что в Евангелии четко сказано, что нельзя знать день и час грядущего Страшного суда (Мф. 24: 36; Мк. 13: 32). Это вразумление было актуально в эпоху, когда эсхатологические настроения были настолько сильны, что никто не дерзал составить пасхалию (таблицу для определения переходящей даты празднования Пасхи на каждый год) на период после «семитысячного» года. В отличие от еретиков, опиравшихся в доказательстве сходного тезиса на нехристианские тексты, Дмитрий Траханиот основывался на цитатах из Священного Писания.

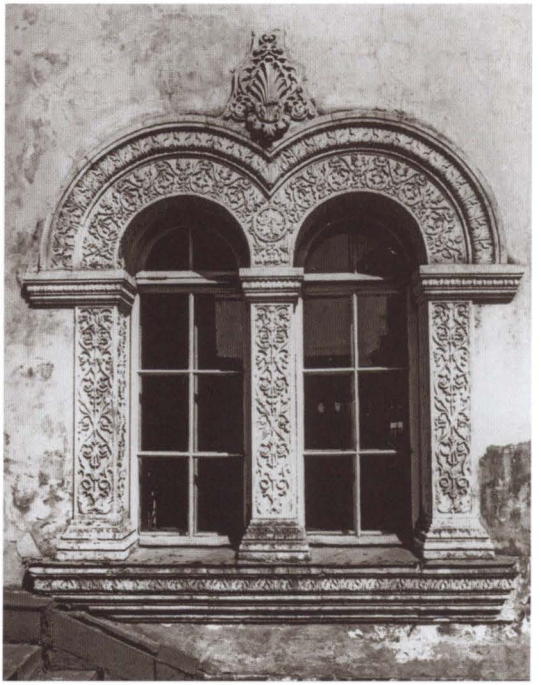
Когда стало ясно, что суждения Дмитрия Траханиота справедливы и конец света в 1492 году не наступил, митрополит Зосима составил знаменитую Пасхалию на седьмую тысячу лет. В предисловии к ней он назвал великого князя Московского Ивана III «новым царем Константином», а Москву – «новым градом Константина»[152]. Такие уподобления не были чем-то новым в русской книжности. Еще митрополит Иларион сравнивал с Константином Владимира Святого, а в знаменитой похвале Ивану Калите из Сийского Евангелия московский князь также уподоблен равноапостольному императору[153]. Но если использованные Зосимой сравнения рассматривать в контексте греческих надежд на «спасение Византии», то они – яркое свидетельство постепенного восприятия этих надежд в русском мире. Их носителями были греки из окружения Софьи (или по крайней мере их часть), которые не могли не испытать влияния идей кардинала Виссариона. Впрочем, под «спасением Византии» к концу XV века всё чаще понималось процветание ее исторической преемницы – Московской Руси.

Великая княгиня Софья Палеолог.
Антропологическая реконструкция С. А. Никитина.
Внизу: надпись-граффити на крышке саркофага

Иван III.
Из «Космографии» А. Теве.
1575 г.

Успенский собор
Московского Кремля.
Фото начала XX в.

Венчание Ивана III и Софьи Палеолог 12 ноября 1472 года.
Миниатюра Лицевого летописного свода



Двойной итальянский наличник Грановитой палаты. *Фото середины XX в.*

Церковь Санта-Мария дель Кармине, Милан. *Архитектор Пьетро-Антонио Солари*

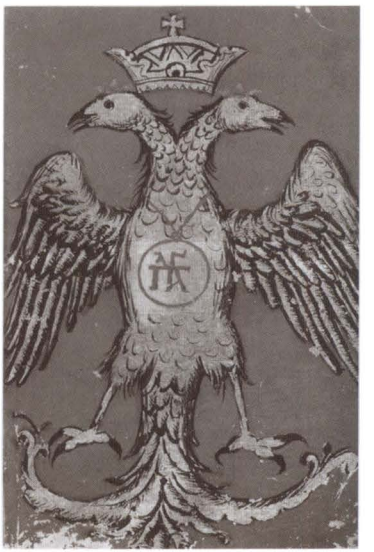
Грановитая палата и Благовещенский собор Московского Кремля. *Акварель И. А. Вейса. 1852 г.*

Северо-западная стена замка Сфорца в Милане. *Фото автора*

Печать Ивана III 1497 года с одним из первых изображений русского двуглавого орла

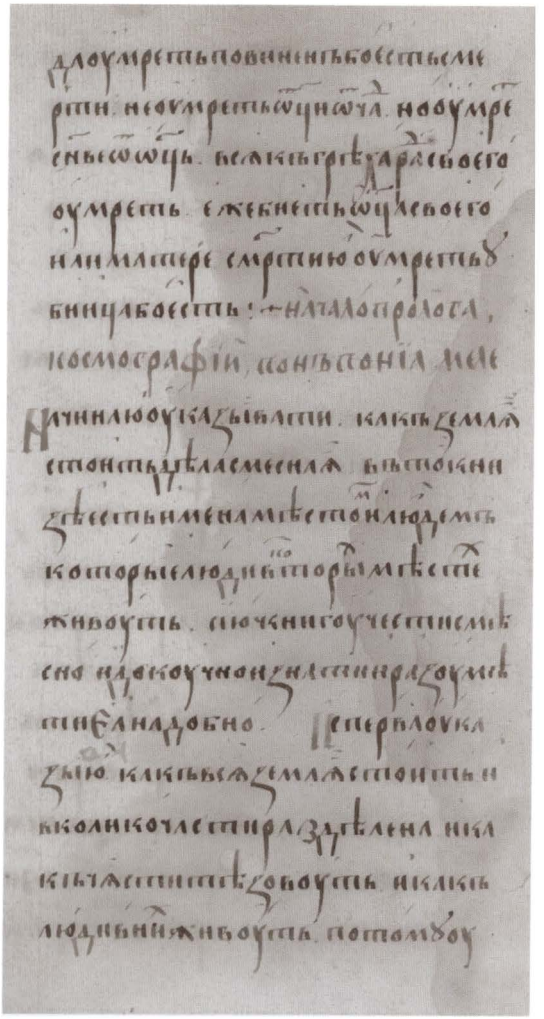
Двуглавый орел с Боровицкой башни Московского Кремля. *1491 г. Фото Д. А. Петрова*

Напольная плита из монастыря Святого Димитрия в Мистре. *Первая половина XV в.*

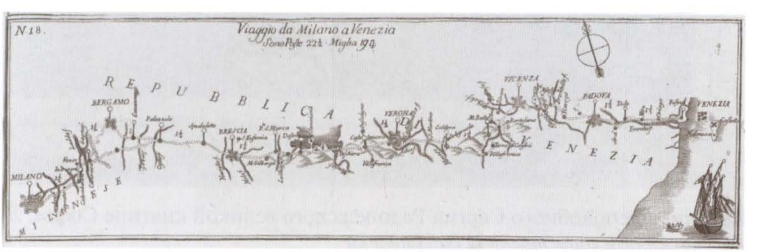


Двуглавый орел из Евангелия Димитрия Палеолога. *Миниатюра первой половины XV в.*

Начало древнерусского перевода Первой книги «Географии» Помпония Мелы. *Рубеж XV—XVI вв.*



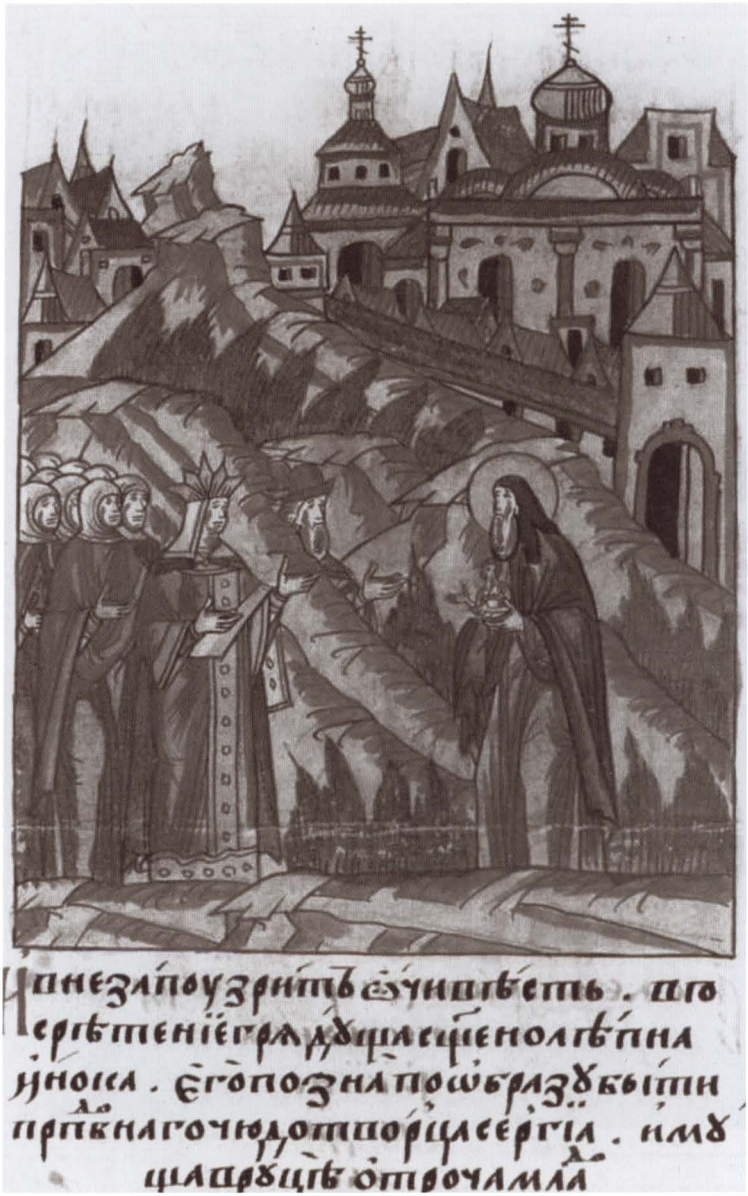
Путь из Венеции в Милан. Этой дорогой не раз ходили посланники Ивана III. *Карта последней четверти XVIII в.*



Явление преподобного Сергия Радонежского великой княгине Софье. *Лубок.* 186
Российская государственная библиотека

...гіевы Лавры. Ценз. Профес: П. Казанскій.

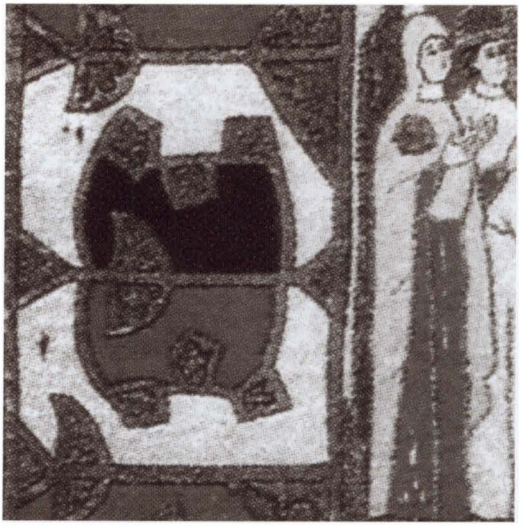
...КНЯГИНѢ СОФІИ, ШЕДШЕЙ НА ПОКЛОНЕНІЕ ЕМУ.



Рождение Василия-Гавриила, будущего Василия III, старшего сына Софьи и Ивана III.
Миниатюра Лицевого летописного свода

Вид Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры. *М. Гадалов. Литография. 1853 г.*

Покровец. Младенец в Чаше («Агнец Божий»). Вклад Софьи Палеолог в Троицкий монастырь



Шитая
подвесная пелена
Елены Волошанки.
Вклад
в Успенский собор
Московского Кремля.
1498 г.
Вверху: Фрагмент
подвесной пелены
Елены Волошанки.
Вероятное
изображение
великой княгини
Софьи

Шитая подвесная пелена Софьи Палеолог. Вклад великой княгини в Троицкий монастырь. *1499 г.*

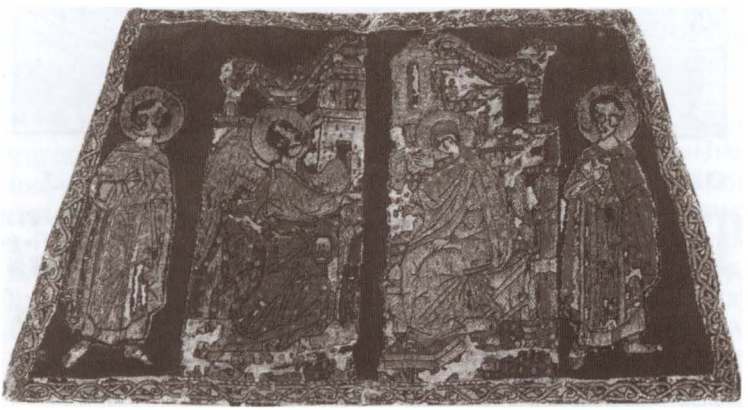
Никольский собор Антониева Краснохолмского монастыря, построенный при участии Аристотеля Фиораванти. *Фото А. В. Лаушкина*

Преподобный Кассиан Учемский. *Книжная миниатюра начала XVIII в. Российская государственная библиотека. Публикуется впервые*

Вид на часовню преподобного Кассиана в Учме. *Фото Е. А. Наумовой*

Покровец. Распятие. Вклад Софьи Палеолог в Троицкий монастырь

Поруч. Вклад Софьи Палеолог в Троицкий монастырь



Погребение великой княгини Софьи Палеолог.
Миниатюра Лицевого летописного свода

Важным этапом в борьбе с ересью стал созванный в 1490 году церковный собор, который осудил на смерть еретиков из числа церковных деятелей: «Захария чернеца, Гавриила протопопа Новгородского, Максима попа, Дениса попа, Василья попа, Макара дьякона, Гридя дьяка, Васюка дьяка и Самуху дьяка»[154]. Эта расправа, однако, не искоренила ереси, но дала повод для новых толков о ней.

Случилось так, что незадолго до собора в Москву прибыл Георг фон Турн. Он многое рассказал в Москве о Европе. Сохранился текст «Речей посла цесарева», которые он «сказывал Юрию (Траханиоту. – *Т. М.*)» в Новгороде при дворе архиепископа Геннадия. Надо полагать, что Юрий Траханиот и переводил эти «речи». Фон Турн с пристрастием описывал, как «шпанский» (испанский) король «очистил свою землю от ересеи жидовских». Он рассказал о «многих казнях» (пытках) и «розных муках», постигших еретиков, истерзанные тела которых сжигали[155]. Владыка Геннадий, считавший своей провиденциальной миссией покончить с ересью, сочувствовал методам испанского суверена по отношению к «хулителям веры» и призывал митрополита Зосиму брать с католического монарха пример.

Запись «Речей посла цесарева» – не единственный памятник переводческой деятельности греков в связи с борьбой с «жидовствующими». Стараниями греков было переведено и так называемое «Прение Афанасия с Арием» – богословский текст, сохранившийся во многих списках XVI–XVII веков и также использовавшийся в борьбе с новгородско-московской ересью. Известны три греческих списка сочинений Афанасия Александрийского, «изготовленных по болгарскому оригиналу X века в 1488–1489 годах в "геннадиевском кружке"»[156]. Апологетам православной веры было важно опереться на возможно большее число древних текстов в доказательство своей правоты.

В некоторых списках «Прения» есть упоминания о том, что его перевел Мануил Траханиот, живший в Москве: «Прение со Арием еретиком преведено с греческого на римскии язык некиим мудрым философом от Рима, принесен тому в Рускую землю к великому князю Иоанну Васильевичю Владимерскому и Новгородскому всея Росии самодержцу. Он же повеле того превести на рускии язык Мануилу Гречину Дмитриеву сыну Аморейянину, иже приидоша с царевною из Рима, и переводил с благовещениским попомъ Феодором»[157]. Долгое время считалось, что автор сведений

о переводчике ошибся, назвав Мануилом или Дмитрия Траханиота, или сына Дмитрия, Юрия Траханиота («Юшку Малого»)[158]. Но найденное «берлинское» письмо Андрея Палеолога от ноября 1475 года красноречиво свидетельствует о существовании Мануила.

Борцы с ересью использовали и давно известные цитаты из Священного Писания и творений Отцов Церкви. Так, инок Савва в своем послании «на жидов и на еретики» патетически заключал: «...тма бо есть жидовское учение и любя его во тме ходит, въ свет – въ Христа не верует, иже просвещает всякого человека, грядущего в мир»[159].

* * *

Греки из свиты Софьи оказались в России во время необычайного интеллектуального и эмоционального напряжения, когда русские книжники решали целый комплекс богословских и церковно-устроительных задач. Парадоксально, но факт: византийцы-эмигранты, несколько десятилетий зависевшие от милости католических правителей Италии, в Москве ратовали за чистоту православной веры. Было ли это обычным приспособленчеством, или греков манили мечты о «восстановлении Византии»? Бог весть. Но известно, что к еретикам была близка Елена – вдова старшего сына Ивана III Ивана Молодого. В 1490-е годы отношения между ней и Софьей Палеолог обострились. Для московских греков борьба с еретиками превратилась в борьбу за Софью. Но это – отдельная большая тема, речь о которой пойдет в последней главе. Пока же продолжим рассказ о деятельности греков из окружения Софьи.

Учемский подвижник[160]

Среди греков, приехавших с Софьей в Россию в 1472 году, был и князь Константин Мангупский. Один из родовитых приближенных византийской «царевны», он не участвовал в каких-либо международных делах. Его вообще не интересовало ничего, кроме спасения души через уход в «пустыню».

Константин происходил из греческого рода правителей княжества Феодоро (Мангупа)[161], располагавшегося на территории Крыма – византийской Готии. По-видимому, он был сыном князя Алексея, который приходился младшим

сыном князю Стефану Гаврасу. Стефан и его старший сын Григорий оставили Феодоро Алексею и в 1399 году приехали служить московским князьям «из вотчины из Судака, да из Каффы, да из Мангупа»[162].

Накануне турецкого нашествия Феодоро представляло собой политически активное государственное образование с высокоразвитой экономикой, культурой и широкими дипломатическими связями. Благополучная ситуация в Феодоро в первой половине XV столетия обеспечила возможность отправить юного княжича Константина в столицу Византийской империи, чтобы он приобщился там к культуре и «большой политике». По-видимому, 29 мая 1453 года, в день взятия города турками, Константин был в столице и оказался среди выживших. В поисках убежища он вошел в круг приближенных Фомы Палеолога и переселился в Морею, а в 1460 году со всем «домом» Фомы перебрался на Корфу, где жил в течение пяти лет. Осенью 1465 года, находясь в окружении Софьи и ее братьев, Константин прибыл в Рим, откуда летом 1472 года в свите невесты Ивана III выехал в Москву. При дворе московского князя он провел десять лет. Об этом периоде его жизни, увы, ничего неизвестно. Вероятно, он поддерживал связи с московскими потомками своего отца и брата – кланом Головиных. Позже в его судьбе наметился серьезный поворот.

В 1482 году Константин покинул Москву и вошел в круг приближенных опального ростовского архиепископа Иоасафа. Через год он стал монахом далекого Ферапонтова монастыря. В иночестве он был наречен Кассианом, в честь подвижника рубежа IV–V веков Кассиана Римлянина. Вероятно, имя было выбрано с учетом римского периода жизни князя. Спустя несколько лет грек покинул белозерские земли и с двумя соработниками – Филаретом и Ефремом – основал пустынь в Угличской земле, при впадении в Волгу речки Учмы. По преданию, Кассиану явился святой Иоанн Предтеча, покровитель мангупских правителей, и указал место будущей обители на небольшом острове.

Известно, что местного удельного князя Андрея Большого – брата Ивана III – связывали с Кассианом добрые отношения. Князь щедро жертвовал на благоустроение обители. На его средства были возведены главный храм монастыря – собор в честь Иоанна Предтечи, а также надвратная церковь в честь святых равноапостольных Константина и Елены. Кроме того, Кассиан был крестным отцом одного из сыновей князя – Дмитрия. Можно думать, что Кассиан

тяжело переживал заточение князя Андрея в 1491 году на Казенном дворе Кремля и последовавшее за этим пленение его сыновей. Княжичи Иван и Дмитрий были схвачены в Угличе и заточены в Переяславле-Залесском. В 1493 году Андрей Большой скончался.

Текст Жития преподобного Кассиана, особенно его поздний вариант, обнаруживает сочувствие подвижника Андрею Большому[163]. Выдвинута даже гипотеза, что это говорит об оппозиционных политических взглядах грека: «Проведя в ближайшем окружении Ивана III около десяти лет и досыта насмотревшись на грубый произвол и беззаконие... Константин, выбрав благоприятный момент всеобщего примирения после победы над татарами, под предлогом неожиданного религиозного порыва добился у Ивана III освобождения от занимаемой должности и был отпущен им в бояре к только что рукоположенному ростовскому владыке Иоасафу... Новоиспеченный боярин архиепископа знал, что Иван III не считается с правом перехода. Гарантию относительной свободы от светской власти предоставлял только уход от мира»[164]. Но особые политические предпочтения Кассиана не противоречат тому факту, что его подвижничество развивало традиционные начала русского монашества. Кассиан во многом повторял аскетический путь учеников преподобного Сергия.

Несмотря на то что в Житии Кассиана подчеркиваются его знатное происхождение и связь с домом Палеологов, главное внимание уделено богобоязненности и милосердию учемского подвижника. Рассказывая о выборе места для будущей пустыни, автор Жития вложил в уста Кассиана традиционную для русских отшельников ветхозаветную фразу: «...се покой мой, зде вселюся»[165]. Нет оснований видеть в этом только клише, хотя литературные шаблоны такого рода, конечно, являются важным элементом житий преподобных[166]. Приведенные выше слова из 131-го псалма вслед за царем Давидом произносили и Кирилл Белозерский, и Павел Обнорский, и Савватий Соловецкий, и другие русские святые, подвигами которых созидалась Северная Фиваида[167].

По наблюдениям выдающегося богослова И. М. Концевича, Кассиан, став ферапонтовским иноком, искренне воспринял идеалы заволжских старцев. «В это время он знакомится с Нилом Сорским и руководствуется его наставлениями»[168]. На сегодняшний день нет однозначного мнения о том, писал ли Нил Сорский послания Кассиану

или нет. В любом случае в учемском праведнике можно видеть не только разочаровавшегося в мирской жизни человека, но и подвижника и молитвенника, вероятно, с юности плененного традициями аскезы и самопожертвования. Кассиана отличали сильный характер и стойкая жизненная позиция.

В 1629 году Кассиан был причислен к лику святых. Этому предшествовали несколько чудес, случившихся у гроба праведника с Михаилом Романовым и его отцом патриархом Филаретом[169]. С той поры монастырь стал заметным духовным центром России. В 1710 году был освящен новый каменный собор Успения Пресвятой Богородицы, построенный на пожертвования[170]. В сохранившейся вкладной книге монастыря зафиксированы многие «милостыни» обители от частных лиц, причем не только от жителей окрестных городов. Так, Учемскую пустынь поддерживал московский приход «церкви Козмы и Домияна что на Тверскои»[171].

Жизнь в обители текла благочестиво и неспешно. Память святого грека поддерживалась неустанной молитвой у его гроба. Посты чередовались с праздниками, а службы – с послушаниями. Монахи занимались речными и лесными промыслами. Однако через полстолетия – в ходе екатерининской секуляризации церковных имуществ – Кассианова пустынь была упразднена, а храмы продолжили свою жизнь как приходские церкви. Подвиги Кассиана, однако, не были забыты. Образа, запечатлевшие святого, хранились в домах и храмах жителей Ярославля, Углича, Москвы и других городов. Изображение Кассиана можно увидеть даже в Париже! В храме, освященном в честь Александра Невского, образ Кассиана запечатлен мастерами круга А. Бенуа.

В 1930-е годы каменная церковь начала XVIII века была разрушена. Из монастырских построек до сего дня ничего не сохранилось. Ныне вокруг бывшей обители раскинулся небольшой поселок, в котором зимует менее двадцати жителей. Из окрестных селений в Учму привезены старинная часовенка и несколько дореволюционных амбаров. На окраине села возведен новый храм, освященный в честь преподобного Кассиана. О подвигах старца напоминают поклонный крест и небольшая часовня, установленные в Новейшее время, а также несказанная красота природы, столь дорогая русским отшельникам...

* * *

Греки, оказавшиеся при московском дворе вместе с Софьей Палеолог, сыграли в русской истории заметную роль. Они способствовали выходу нашей страны из внешнеполитической изоляции, угадав будущее России – великой империи, наследницы Византии. Однако стоит разделять личную роль Софьи и деятельность тех нескольких близких ей византийцев, которые усвоили идеи кардинала Виссариона. Греческое окружение Софьи никак нельзя сопоставить с «птенцами гнезда Петрова» или «птенцами гнезда Екатерины». В многочисленных и ярких свидетельствах источников, касающихся достижений греков на русской службе в области внешней политики, идеологии и интеллектуальной жизни, образ великой княгини почти полностью отсутствует. Это говорит о том, что она фактически не была причастна к этим сферам, что очень важно для ее портрета. Она не была «харизматичным лидером», сплотившим вокруг себя талантливых людей и направившим их действия в определенное русло. Скорее наоборот: это наиболее ученые из ее греков, воспринявшие замыслы Виссариона, обозначили ее роль. Так провинциальная аристократка-сирота постепенно превратилась в важный политический символ. При этом греки действовали не самостоятельно, а в основном выполняя поручения Ивана III или, по крайней мере, соотнося свою деятельность с нуждами Русского государства.

Отметим и следующее. Индивидуалистическое самосознание женщин в конце XV века только начинает формироваться. Редкий пример довольно развитого подобного самоощущения представляет собой флорентийская аристократка Алессандра Строцци, письма которой обнаруживают богатый внутренний мир, глубокие душевные переживания и сильный характер. Но даже в ее случае «еще нельзя говорить о самодостаточности личности, дихотомия личностного и корпоративного начала не преодолена полностью»[172]. Софья же, по-видимому, ассоциировала себя в первую очередь с греческой группой при московском дворе, *не выделяя* себя из нее. Даже в конце жизни на одном из произведений своей золотошвейной мастерской (о которой речь ниже) она назвала себя «царевной цареградской»[173]. Это свидетельство не только ее памяти о своем происхождении, но и той роли при московском дворе, которую она – подчиняясь интенциям своего окружения – приняла на себя.

Глава 6

ВРЕМЯ СОБОРОВ

В Европе соборов утверждается могущество королей[1].

Жорж Дюби

О мастерах и Софье

Во времена Софьи Палеолог Русское государство, рождавшееся из хаотичного мира уделов, нуждалось в новых ориентирах, а быстро крепнущая великокняжеская власть – в новых символах. Важнейшим инструментом, посредством которого правитель выражал свою «политическую программу», в Средневековье были общественные здания. Давно замечено влияние памятников зодчества на настроение и сознание людей. В Средние века и эпоху Возрождения главное место среди городских сооружений занимал кафедральный собор. В то время «элемент религиозного напряжения... активно присутствует в высокой политике»[2]. На Руси центром любого города издревле была соборная площадь, на которую стекались люди не только до и после совместных молитв, но и по случаю разнообразных светских событий. Большое значение для горожан имела и крепость, от мощи которой подчас зависела их жизнь. Правитель, воздвигший крепкие стены, воспринимался добрым защитником своей земли и своего народа.

Эпоха Ивана III ознаменована масштабным строительством. Какова роль в этом его жены-гречанки?

Одним из самых распространенных мифов о Софье является утверждение о том, что именно по ее совету Иван III пригласил из Италии мастеров для перестройки кремлевских соборов, стен и дворца. Однако *ни один* русский источник XV века не свидетельствует об этом. Все инициативы, касающиеся изменения архитектурного облика Москвы, летописцы связывали с именами великого князя, митрополита и самих мастеров. Примечательно, что последние при-

езжали в первую очередь из Милана и Венеции – городов, в которых Софья, насколько можно судить по сохранившимся данным, никогда не бывала. Мастеров, о которых доподлинно известно, что они прибыли в Москву из Рима, очень немного.

И всё же некоторые поздние источники представляют привлечение в Россию мастеров как одну из важнейших заслуг Софьи. Так, Житие Кассиана Учемского, составленное в XVII веке, сообщает, что с Софьей на Русь прибыло «благородных много боляр (бояр. – *Т. М.*) же и князеи и воевод силных и панов и гетманов и детеи боярских и множество людей и много священоиноков и инокин и всяких хитроков (умельцев. – *Т. М.*) и многих мастеров множество»[3]. Эти строки были написаны в Кассиановой пустыни, где сохранялась живая, переходящая из уст в уста память о событиях, так или иначе связанных с ее основателем. Однако несколько разных событий – приезд Софьи со свитой и прибытие иноземных умельцев – соединены здесь в одно. Подобные ситуации очень характерны для «устной» истории.

Утверждения о том, что приезд на Русь архитекторов неразрывно связан с Софьей, вошли как нечто очевидное в труды классиков исторической науки[4], а оттуда – во многие научные, научно-популярные и учебные работы об Иване III и его времени[5]. В чем причина живучести этого мифа?

Думается, что в данном случае авторы известий раннего Нового времени, а вслед за ними и исследователи оказались в плену распространенной логической ошибки, емко выраженной в латинской фразе *post hoc ergo propter hoc* – «после этого значит вследствие этого». Не подлежит сомнению, что Софья и ее свита произвели сильное впечатление на русских современников. И это впечатление – каким бы оно ни было! – стало отправной точкой в рассуждениях об эпохе: во многих отношениях она разделилась на «до Софьи» и «после». Сыграло роль и то, что сами мастера-иноземцы видели в великой княгине важную политическую фигуру. Для итальянских архитекторов, инженеров, литейщиков и ювелиров Софья была европейской государыней; именно она связывала неведомую Русь и известный им итальянский мир. Архитекторы вошли в круг приближенных Софьи, сойдясь с ней и с ее греками на почве общего – итальянского – языка и, конечно, тоски по солнечному югу... Эту мнимую связь с Софьей новых явлений в архитектуре и почувствовали люди XVII века.

Что же касается «советов» Софьи Ивану III о благоукрашении Кремля, то здесь исследователю надо быть особенно осторожным. Конечно, ни один русский источник XV века не зафиксировал содержания личных бесед Ивана III с супругой. Отсутствие данных дает простор воображению... Но первые несколько лет великому князю и его супруге сложно было говорить на сколько-нибудь отвлеченные темы без переводчика. Позже их личные разговоры, конечно, выходили далеко за рамки домашних вопросов. Иван III мог делиться с женой переживаниями, связанными с тяжестью бремени власти. Софья же «печаловалась» мужу о своих греках, рассказывала о детстве и юности и делилась сокровенными впечатлениями. Она наверняка живописала красоту дворцов и храмов Италии, в которых ей доводилось бывать, отмечая контраст с невзрачной московской обстановкой. Быть может, она прямо говорила о том, что хотела бы видеть в Москве нечто подобное. Но она была не первой, кто мог рассказать об этом в Москве: сведения о лучшей в Европе тех лет итальянской архитектуре были в распоряжении Ивана III и его приближенных задолго до 1472 года.

Многие памятники итальянского зодчества описаны в «Хождении во Флоренцию» и «Заметке о Риме» – текстах, созданных на основании впечатлений представителей русской делегации на Ферраро-Флорентийском церковном соборе. В этих произведениях (и предшествовавших им устных рассказах) итальянская архитектура предстает в самом выигрышном свете. Русские посланники, посетившие Рим в 1472 году, также могли поведать о высоком уровне развития строительных технологий в «земле Фряжской» (как тогда называли Италию русские люди)[6]. Так что рассказы Софьи ложились на подготовленную почву.

Разговоры о перестройке Кремля были весьма актуальны для московского государя уже в 1460-е годы. Белокаменный кремль времен Дмитрия Донского к тому времени обветшал, и Иван III не мог этого не видеть. В 1462 году тщанием В. Д. Ермолина были поновлены белокаменные стены от Свибловой башни до Боровицких ворот. На Фроловской башне была освящена построенная Ермолиным Афанасьевская церковь с приделом в честь великомученика Пантелеймона. Давно замечено, что и без Софьи «не у одного Ивана III было желание изменить все эти старые порядки, столь не соответствовавшие новому положению московского государя»[7]. Для великого князя новые крем-

левские стены и дворец были вопросом не только эстетики, а в первую очередь безопасности и престижа.

Словом, роль Софьи Палеолог в деле перестройки Московского кремля не стоит преувеличивать. И все же в этой книге рассказ об итальянских архитекторах в России будет нелишним: по наблюдению знатока русского Средневековья и богослова протоиерея Георгия Флоровского, брак Ивана III с Софьей «привел... к сближению Московии с итальянской современностью»[8]. Именно Софья с ее греками — вольно или невольно — воспринималась и самими мастерами, и тем более их русскими современниками проводником в Москву архитектурных традиций Возрождения и вообще ренессансной культуры.

В последние десятилетия XV века «фряжские» (итальянские) мастера, а вместе с ними и купцы, и сокольники, и прочие искатели приключений буквально наводнили Москву. Источники содержат немало конкретных имен. Среди них ювелиры Трифон из Котора, Джироламо Фалькон из Венеции[9], «Христофор с двема ученики от Рима» и «Карл съ ученикомъ изъ Медиолана»[10], которые, возможно, были причастны к изготовлению печати 1497 года и ковчежцев для привезенных Софьей реликвий. Документы называют также купца Демьяна Фрязина[11], пушечных мастеров Петра[12] и Павлина Фрязина Дебоссиса[13], литейщика Бернардино да Боргоманеро[14], сокольников Бьянко и Таддео, монетчика Александра и многих других. Известен даже «каплан белых чернцев Аугустинова закона Иван Спаситель (то есть человек по имени Джованни Сальваторе. — *Т. М.*), арганный игрец»[15], прибывший в Москву в 1490 году. Последний не занимался католической пропагандой и, скорее всего, даже не привез с собой орган. Напротив, на Руси он перешел в православие и женился, за что был пожалован селом[16]. Потомки «арганного игреца» носили фамилию Спасителевы. Сегодня земля их имения — Спасителево — находится на территории музея-заповедника Горки Ленинские, к юго-востоку от Москвы. Знал ли «вождь мирового пролетариата» о том, на чьей земле жил?

Еще больше в источниках «глухих» и обобщенных данных об итальянских специалистах. Так, в 1476 году неизвестный «веденедицкий» (венецианский) мастер восстанавливал верх несохранившегося собора Симонова монастыря[17]. Много мастеров было нанято в ходе посольств 1484, 1486 и 1490 годов. С посольством 1499–1504 годов в Венецию и Рим, которое возглавляли Дмитрий Ралев и Митрофан

Карачаров, на Русь прибыло несколько десятков специалистов. Некоторые из них ехали на Русь с семьями и служанками – «съ женами и съ детьми и съ девками»[18]. Данные о большинстве мастеров обрывочны. Но есть несколько итальянцев, рассказ о которых поможет реконструировать важные черты обстановки жизни Софьи в Москве. В первую очередь речь идет о мастерах, имевших отношение к перестройке соборов и стен Московского кремля.

Труды и дни Аристотеля Фиораванти

Я отдаю долг обстоятельствам и времени, которые очень неблагосклонны к нашему искусству[19].

Микеланджело

Поэма «Труды и дни» Гесиода – первого достоверно известного древнегреческого поэта – вошла в золотой фонд мировой классики. Вынесенные в ее заглавие слова отсылают читателя к первоосновам человеческого бытия. «Труды и дни Андрея Рублева» – таков был подзаголовок и известной книги В. А. Плугина об авторе «Троицы» – образа, ставшего эталоном и недостижимым идеалом для иконописцев последующих поколений. Болонский архитектор Аристотель Фиораванти – создатель Успенского собора Московского кремля, вошедший по прибытии в Москву в круг приближенных Софьи, – повлиял на русскую архитектуру не меньше, чем Андрей Рублев на иконопись. По образцу кремлевского Успенского собора на протяжении XVI–XVII веков были возведены многие храмы, среди которых Смоленский собор Новодевичьего монастыря, Успенский собор Троице-Сергиевой лавры, Софийский собор в Вологде, Спасский собор в Ярославле...

Образ Аристотеля Фиораванти является своего рода символом «итальянского влияния» на русскую культуру. Не будем утомлять читателя пересказом известных фактов его биографии, но сосредоточимся на главном и новом.

Аристотель Фиораванти – представитель старинной болонской династии зодчих. В акте о его назначении на должность архитектора болонской коммуны в 1464 году он назван мастером, «равного которому нет не только в Италии, но и во всем мире»[20]. Эти громкие слова отражали всеобщее признание его достижений. Для родного города

он стал первым зодчим Возрождения[21]. Фиораванти принес ренессансный дух в «ультрасредневековую» архитектуру этого города, в котором вертикальными доминантами были даже не высокие колокольни, а исполинские – до сотни метров высотой! – каменные башни. В городе их насчитывалось не менее двухсот[22]. Болонские аристократы XI–XIV веков считали свои башни лучшим убежищем от любых опасностей, будь то воры, чума или народное восстание. До наших дней сохранилось всего несколько таких сооружений. Грубые стены и лаконичный декор торре дельи Азинелли и торре Гаризенда будто переносят в Средние века. В них соединилось ощущение тяжелого бремени повседневности и неукротимого стремления к небесам...

Любимым занятием Аристотеля Фиораванти в Италии было передвижение и выпрямление башен и колоколен. Для инженерии той поры это искусство было воистину революционным. Даже в наши дни перемещение высокой башни – сложная техническая задача: «...очевидно, что подвести временную платформу для передвижки под колокольню проще, чем под здание с широким основанием, но также очевидно, что перетаскивать по горизонтали каменную вертикаль, грозящую в любой момент опрокинуться, значительно сложнее, чем низкую постройку»[23].

В 1455 году Фиораванти передвинул в Болонье на 13 метров 25-метровую колокольню церкви Санта-Мария делла Маджоне со всеми колоколами. Это превратилось в настоящее уличное действо: сотни зевак столпились в переулках, желая видеть, как с помощью хитроумных механизмов, состоявших из бесчисленных колес, палок и узлов, по городу перемещалась громадная колокольня. Увы, она не сохранилась до нынешних времен: по причине ветхости ее разобрали в 1825 году. На месте, куда Фиораванти переместил ее, сегодня находится мемориальная плита.

Еще одна колокольня, с которой связано имя архитектора, сохранилась. Это знаменитая торре делл'Аренго – та самая башня, что выглядывает из-за мощных стен палаццо дель Подеста̀. На эту башню Фиораванти дважды поднимал колокола: в 1437 и 1453 годах[24]. Во второй раз он поднимал новый и необычайно тяжелый городской колокол, возвещавший о главных событиях в жизни Болоньи. Эту работу оплачивал знаменитый кардинал Виссарион, бывший в те годы в Болонье папским легатом.

Фиораванти выпрямлял колокольни в Ченто, Венеции и Мантуе. Занимался он и другой работой: в Павии

чинил мост через реку Тичино, в Парме исправлял шлюзы и ремонтировал часть городской стены, в Кремоне поновлял стены, в Венгрии строил мост через Дунай, в Милане работал на постройке канала, перестройке замка Сфорца и участвовал в возведении главного госпиталя – Оспедале Маджоре (ныне в этом здании расположен Миланский университет). Последнюю работу он осуществлял в артели протагониста Ренессанса Антонио Аверлино (более известного как Филарете), который посвятил Фиораванти свой архитектурный трактат «Сфорцинда».

Лука Бельтрами – выдающийся миланский историк архитектуры рубежа XIX–XX веков, именем которого названа миланская улица, ведущая к замку Сфорца, – в одном из первых исследований о Фиораванти подчеркивал многочисленность изобретенных мастером инженерных нововведений. Ученый не без оснований утверждал, что Фиораванти во многом предвосхитил достижения Леонардо да Винчи, подготовив почву для многих его открытий[25].

О личной жизни архтектора известно, что он был дважды женат (его первая супруга – аристократка Лукреция Поэти – умерла, и он вскоре женился на некоей Джулии незнатного происхождения) и имел нескольких детей. Мастер владел и имениями в окрестностях Болоньи[26].

Несмотря на обилие заказов и состоявшуюся личную жизнь, Фиораванти, надо думать, тяготило то, что он долгое время разрабатывал новаторские инженерные приемы только для исправления чьих-то творений. Его ренессансный ум, трепетавший перед гениями древности и услаждавшийся утонченной интеллектуальной работой, жаждал созидания нового и вечного, признания и славы. Он хотел создать постройку, которая бы обессмертила его имя. Движимый желанием реализовать свои творческие силы, Фиораванти, находясь в Венеции, принял в 1475 году предложение московского посла Семена Толбузина отправиться в далекую страну, чтобы возвести там главный собор.

* * *

Решение пригласить мастера из-за рубежа возникло у Ивана III не сразу. Более того, новый Успенский собор в Кремле – главный храм русской митрополии – решено было возвести на месте прежнего (восходящего ко временам Ивана Калиты) не по приказу Ивана III, а волей митрополита Филиппа – того самого, что ополчился на Софью

и римского «лягатоса». Именно Филипп начал руководить строительством новой церкви. Для митрополита «дом Пресвятой Богородицы» был символом крепости русского народа в православной вере[27]. По задумке Филиппа, новый собор должен был стать несколько увеличенной копией Успенского собора Владимира-на-Клязьме. Строительство началось 30 апреля 1472 года, всего за полгода до приезда Софьи в Москву. Митрополит Филипп считал возведение храма делом своей жизни. Но ему не суждено было довершить начатое: в ночь с 5 на 6 апреля 1473 года предстоятель Русской церкви скончался.

Между тем нанятые архипастырем мастера – Кривцов и Мышкин – к весне 1474 года уже работали над сводами здания. Но 20 мая случилась беда: полностью обрушились северная и частично западная стены. Несчастье произошло вечером, когда на стенах уже никого не было, и потому никто не пострадал.

Обрушение почти готового здания стало потрясением для людей, привыкших во всем видеть знамения и Божий промысел. Но жизнь требовала действия. Ивану III ничего не оставалось, как подумать о проведении «экспертизы», призванной объяснить причины обрушения. Для этого он пригласил мастеров из Пскова, славившегося своими «каменосечцами». (Каменщики были и в Новгороде, но к не желавшей признавать власть Москвы вольной республике Иван III обращаться не хотел.) Псковичи изучили руины и сообщили, что митрополичьи мастера скрепляли камни слишком жидким раствором извести[28]. По всей видимости, так оно и было («известь неклеевита»[29], – вынесет сходный вердикт и Аристотель Фиораванти). Возможно, свою роль сыграл и природный фактор: в день обрушения собора в Москве был «трус»[30] – небольшое землетрясение.

После того как стали ясны причины обрушения, перед Иваном III встала сложная задача: нужно было найти специалиста, который мог бы развести известь правильно, а еще лучше – построить новый большой собор на Боровицком холме. И если первое псковичи делать умели, то за второе не взялись. После двух с половиной столетий зависимости от Орды на Руси не осталось мастеров «домонгольской» закалки, помнивших секреты тех, кто возводил огромные крестово-купольные храмы в Киеве, Чернигове, Новгороде и Владимире. Русские мастера XIV – первой половины XV века строили из камня только небольшие одноглавые церквушки.

Это сподвигло Ивана III отправить посланника в Венецию, чтобы тот нашел «во Фрязех» хорошего специалиста. Почему именно в Венецию? Вероятно, свою роль в выборе города сыграло стечение обстоятельств. В Москве в то время находился посол Светлейшей республики Антон Фрязин, прибывший к Ивану III, чтобы уладить дело с уже известным нам Иваном Тривизаном. Кроме того, Венеция издревле служила воротами в Италию. В случае неуспеха в этом городе можно было поехать в Падую, Феррару и Милан. 24 июля 1474 года посланник великого князя Семен Толбузин отправился с венецианским посольством в долгий – занимавший около трех месяцев[31] – путь.

Впрочем, Толбузину не пришлось объезжать весь Апеннинский полуостров в поисках мастеров, «кои ставит церкви и полаты». Русский посланник познакомился с Аристотелем Фиораванти, по-видимому, в доме знаменитого любителя древностей и печатника Альда Мануция[32]. Альд был тесно связан с греческой общиной Венеции. Именно ему кардинал Виссарион завещал хранить свою библиотеку и приумножать ее. Фиораванти оказался единственным мастером, не побоявшимся отправиться в малоизвестную страну.

Почему Фиораванти согласился? Высказывалось мнение, будто он был обвинен в изготовлении фальшивых монет и просто бежал от правосудия как можно дальше[33]. Это, однако, не подкрепляется сведениями авторитетных источников: согласно летописному своду Родиона Кожуха, мастера в Москву отпустил сам дож, чего бы не случилось, если бы у того были проблемы с законом. Более вероятны другие причины.

Одна из них состояла в том, что с Фиораванти был заключен очень выгодный подрядный договор. По сообщению Родиона Кожуха, Толбузин «рядися с ним по десяти рублев (серебром. – *Т. М.*) в месяц давати ему»[34]. В те годы это была внушительная сумма: так, например, «село Сабурово в Коломенском уезде на Москве-реке в 1474–1496 годах было продано за 60 рублей, а село Степанковское там же – за 22 рубля»[35]. Фиораванти оказался в гораздо лучшем положении, чем некоторые его талантливые соотечественники. В Италии выплаты мастерам рассчитывались в первую очередь исходя из цены материалов и затраченного времени, а не мастерства исполнения заказа. Этим объясняются сравнительно низкие цены на работу. Так, «скульптурная группа "Пьета" Микеланджело и "Мадонна делла Мизерикордиа" Пьеро делла Франческа, шедевры мирового искус-

ства, достались заказчикам за суммы, примерно соответствующие стоимости двух лошадей... Художественное мастерство (а не добротность исполнения) еще не имело, за редким исключением, подобающего денежного эквивалента»[36].

И все же сложно себе представить, что знаменитый архитектор поехал бы неведомо куда, ориентируясь лишь на блестящие перспективы, которые ему через переводчика живописал русский посланник. По всей видимости, контракт с Фиораванти был заключен по итальянскому образцу. Автор Московского летописного свода конца XV века сообщает о приглашении архитектора: «...а привел с собою мастера муроля, кои ставит церкви и полаты, Аристотеля именем, тако же и пушечник тои нарочить лити их и бити ими, и колоколы и иное все лити хитръ велми»[37]. Сходный по содержанию, но несколько иной по форме текст читается и в известии того же свода «о свершении церкви» в 1479 году: «Сице глаголют о нем, яко в тои всеи земли не бысть инъ таков не токмо на сие каменное дело, но и на иное всякое, и колоколы и пушки литии и всякое устроение и грады имати и бити их»[38].

Вероятнее всего, эти слова — не просто пересказ чьих-то устных рекомендаций, а изложение содержания (в одном из случаев, возможно, цитата) подрядного договора. Перечисление навыков мастера, которые он предполагает использовать на службе у заказчика, — характерная черта итальянских контрактов того времени. Скорее всего, договор был составлен на итальянском языке, о чем свидетельствует использованное в первой цитате итальянское слово «муроль» (от итальянского *murale*, восходящего к *muro* — «стена»). И это не просто предположение. От времени Ивана III дошел отрывок подрядного договора русской стороны с архитектором Бернардино да Боргоманеро[39]. Бернардино прибыл на Русь в 1494 году и работал в артели мастера Алевиза Старого. Из отрывка видно, что договор был составлен на итальянском языке по типичному для подобного рода договоров шаблону: в тексте подробно перечислены обязанности сторон, а также четко прописаны задачи мастера, которые тот обязуется «выполнять верой и правдой со всем своим мастерством»[40]. Аристотель Фиораванти, мастер гораздо более высокого уровня, чем Бернардино, к тому же первый, кто «избрася на Русь»[41], отправляясь в далекую и неизвестную страну, несомненно, хотел получить какие-то гарантии, что его не обманут, причем гарантии в привычной форме и на понятном языке.

Другой причиной, побудившей Фиораванти не бояться дальней дороги, стало, вероятно, то, что он знал о супруге Ивана III. Детей Фомы Палеолога мало кто видел (частые прогулки по городу представителей высшей знати были немыслимы), но в Риме о них многие слышали. Фиораванти прибыл в Рим в 1471 году, чтобы выполнить заказ для папы Павла II – перенесение «обелиска Юлия Цезаря» к собору Святого Петра[42]. А потому он вполне мог слышать о Софье.

Сама Софья, скорее всего, понятия не имела о выдающемся инженере: едва ли юной девушке было интересно, кто и как переносит обелиски и статуи. Харизматичных умельцев, увлеченных древностью, в Риме в ту пору становилось с каждым днем всё больше. Но для самого мастера присутствие в Москве Софьи стало гарантией безопасности – не меньшей, чем подрядный договор. Дальнейшие события показали, что он горько обманулся.

* * *

Аристотель Фиораванти прибыл в Москву 26 марта 1475 года в сопровождении своего сына Андрея и помощника Петра. Их поселили в хорошем доме недалеко от деревянного дворца великого князя[43]. Фиораванти довольно скоро познакомился с Софьей и вошел в круг ее приближенных. Впрочем, едва ли у архитектора было время часто вести с великой княгиней светские беседы: нужно было как можно быстрее начать работу. Он и его помощники осмотрели руины храма и поехали во Владимир, чтобы лучше представлять себе вкусы и желания заказчика. Иван III не отказался от идеи строить новый собор по образцу владимирской святыни. Глядя на огромный, почерневший от времени и пожаров храм, в стенах которого оживала история великой и печальной страны, Фиораванти испытал глубокое волнение. Острый глаз инженера-строителя отметил многое, о чем не задумывались его московские спутники. Обойдя собор кругом и осмотрев его внутри, он задумчиво изрек: «Некиих наших мастеров дело...»[44] (По некоторым данным, Успенский собор Владимира строили мастера, приглашенные князем Андреем Боголюбским из Западной Европы.) Из Владимира Фиораванти повезли на север, к берегам Белого моря, где для него были пойманы кречеты. Фиораванти отправил их с сыном Андреем миланскому герцогу.

Но вернемся к возведению собора. Работа Фиораванти с самого начала произвела на москвичей большое впечат-

ление. Родион Кожух подробно описал способ, с помощью которого мастер решил разрушить остатки собора: «Ту же церковь разби сицевым образом, три древа поставя и конци их верхъние совокупив воедино, и брус дубовъ обесивъ на ужищи посреди ихъ поперек, и конець его обручем железным скова, и раскачиваючи, разби. А иные стены с ысподи подобра, и поление подставляя, и всю на поление постави, и зазже поление, и стены падошася. И чюдно видети, еже три годы делали, во едину неделю и меньши разволи, еже не поспеваху износити камениа, а въ три дни, рече, хотяше развалити. Книжници же называх брус дубовои бараном, се же, рече, написано, яко сицевым образом Тит Ерусолим разби. Рвы же изнова капати повеле и колие дубовое бити»[45].

Особый интерес в этом фрагменте представляет то, что книжник уподобил труд Фиораванти деяниям римского императора Тита Флавия Веспасиана. В приведенном отрывке содержится прямая ссылка на ключевой эпизод из значимого для христианской культуры литературного памятника – «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, переведенной на древнерусский язык в XI–XII веках. Этот текст посвящен восстанию в Палестине против власти римлян и его подавлению. Рассказу о том, как именно в 70 году н. э. «Тит Ерусолим разби», в произведении уделено значительное место, поскольку именно это предопределило исход восстания. Иосиф Флавий, а вслед за ним и древнерусский переводчик сочувствуют римлянам. Разрушение Иерусалима и гибель людей объясняются грехом «нечестивых» иудеев перед Богом.

В середине XV столетия на Руси появляется перевод еще одного важного памятника – Летописца Еллинского и Римского, содержащего пространную повесть «О взятии Иерусалиму»[46]. Это трагичная и одновременно героическая повесть, воспевающая доблесть римского императора. Тит представлен «философом и *доброязычником* (курсив мой. – *Т. М.*)», славным воином, мудрым военным стратегом, кротким и богобоязненным[47]. Тит смог разбить стены Иерусалима и войти со своим войском в город, использовав специальный механизм, где главную функцию выполняли подвесные тараны («бараны» русских летописей) и «столпы»: «И причиниша овны римляни, и стлъпы древяныа, и пороци и начаша толоши в стену... И паде на землю...»[48]

По мнению летописца, Аристотель Фиораванти обладал не просто навыками, до той поры неизвестными на Руси, но и мастерством, сопоставимым с гением императора

Тита. Архитектор оказывался в глазах русских интеллектуалов носителем великой добродетели – доблести (*virtù*). Для итальянцев эпохи Возрождения эта категория относилась к области этики. Ее суть разработана в трактатах Николая Кузанского, Лоренцо Валлы, Никколо Макиавелли и других выдающихся гуманистов. Они считали, что доблесть была чуть ли не главной добродетелью достойного мужа[49]. Возводя собор, Аристотель Фиораванти, по мнению книжника, исполнял не просто волю великого князя, но и волю Божью.

Величественный пятиглавый собор был возведен за четыре года. Несмотря на то что зимой 1478 года мастер уезжал из Москвы (он участвовал в победоносном для Ивана III походе на Новгород, сооружая наплавной мост через Волхов), храм был построен наилучшим образом. «Для укрепления конструкции храма в стены были заложены не традиционные дубовые, а железные связи»[50]. Для строительства собора использовался как традиционный для Северо-Восточной Руси материал – белый камень, так и новый для русских земель высококачественный кирпич. Для его производства Фиораванти «кирпичную печь доспе за Ондроньевым манастырем в Калитникове, в чем ожигати и как делати нашего рускаго кирпича уже да продолговотее и тверже, егда его ломать, тогда в воду размачивают»[51]. Наблюдая за работой, летописец удовлетворенно отметил, что Фиораванти замешивал известковый раствор по всем правилам: «известь же густо матыками повеле мешати, и яко наутрие же засохнет, то ножем не мочи росколупити»[52]. Не меньшее впечатление произвело на книжника стремление архитектора к ренессансной четкости пропорций здания, для чего зодчий использовал «кружало да правѝло» (циркуль и линейку).

Нет сомнений, что Софья – подобно большинству жителей Москвы – наблюдала за работой Фиораванти. Выходя из своей горницы, окруженная боярынями и служанками, она останавливалась у строительной площадки и подолгу смотрела на остов собора. О чем она думала: о величии замысла болонского мастера, о новшествах, которые он использовал при строительстве, или о том, как ее раздражает строительная пыль, мы не знаем. Но когда собор был готов, Софья, наверное, не скрывала радостного изумления. Вероятно, она могла бы сказать о храме словами, сходными с теми, что запечатлел в своих анналах придворный летописец: «Бысть же та церковь чюдна велми величеством и высотою, светлостью и зъвоностью и пространством, такова же

преже того не бывала в Руси, опроче Владимерскыа церкви, видети бо бяше ея мало оступив кому, яко един камень»[53].

Последние слова – точное выражение сокровенного образа собора. Идея единства Русской земли – главная в созидательной деятельности Ивана III. Хранившиеся в соборе мощи святого митрополита Петра, благословившего дело Калиты, – символ вожделенной симфонии светской и духовной власти. Митрополит Петр был наречен в честь верного ученика Христа – Симона, принявшего от Христа имя Петр – «камень». Вспомним эти евангельские слова: «Я говорю тебе: ты – Петр, и на сем камне я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее, и дам тебе ключи Царства Небесного: и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах...» (Мф. 16: 18–19).

В архитектурных решениях Успенского собора соединились традиционные русско-византийские, романские, готические и ренессансные черты. К русским элементам можно отнести пятиглавие, аркатурно-колончатый пояс (восходящий здесь, по-видимому, не непосредственно к традициям романского зодчества, а к декору владимирского храма), присутствие глухой алтарной преграды, формы арочных перспективных порталов, и особенно «дыньки» на полуколонках их обрамления, столь характерные для раннемосковских храмов. Сильно вынесенные лопатки-контрфорсы, особенности профилировки цоколя, не сохранившаяся до сего дня украшавшая вход двойная висячая арочка на металлической гирьке представляют собой готические элементы здания. К числу ренессансных черт относятся применение исключительно полуциркульной – а не стрельчатой готической или московской килевидной – арки, а главное – единообразный метрический ритм в оформлении интерьера и фасада, что отличает любую постройку Возрождения[54].

Как Фиораванти удалось соединить, казалось бы, несоединимое? Здесь сыграл свою роль не только гений мастера. Исследователи не раз обращали внимание на общие – византийские – истоки итальянского и древнерусского искусства[55]. Более того, итальянская и русская духовность эпохи Средневековья при всех канонических и региональных отличиях опиралась на единые, общехристианские ориентиры. Отшельничество основателя ордена бенедиктинцев святого Бенедикта Нурсийского (VI век), бессребреничество святого Франциска Ассизского (XIII век) напоминают о тех же добродетелях и идеалах, что и подвиги «игумена

земли Русской» Сергия Радонежского и его многочисленных учеников. Общее чувство прекрасного, несомненно, было и у русских людей, и у жителей Апеннинского полуострова. Восхищение миром Божиим, охватывавшее святого Франциска при взгляде на цветущие поля Умбрии, сходно по духу с благостным созерцанием русского разнотравья православными святыми. Думается, именно эти культурные заряды, во многом не осознанные самим Фиораванти, но действующие в нем, в определенной мере способствовали тому, что он прекрасно понял своего заказчика и смог воплотить его идеи.

* * *

Освящению собора предшествовали два события. Во-первых, Аристотель Фиораванти «в олтаре же над митрополичимъ местом крыж лятскии истеса на камени за престолом»[56]. Почему мастер сделал именно «латинский» крест, неясно. Вероятно, это говорит о причастности архитектора к «латинскому» миру, от которого он не отрекался. А может быть, он просто не чувствовал большой разницы между формами креста и изобразил тот, к какому больше привык. В этом, по сути, Фиораванти был прав: в православии каноническим считается не только привычный русским людям XV века осьмиконечный крест, но также и ряд других форм креста[57]. Четырехконечный крест сегодня венчает, например, православный храм Великомученицы Татианы при Московском университете.

Злые языки могли винить «римлянку» Софью в том, что это она уговорила архитектора изобразить именно латинский крест. Но едва ли молодую мать, вымолившую у Господа сына на седьмом году супружества (старший сын Ивана и Софьи, Василий – будущий Василий III – родился в ночь с 25 на 26 марта 1479 года), сильно занимали богословские вопросы. Вытесанный в алтаре крест, конечно, не сохранился: по велению митрополита Геронтия, пришедшего на смену Филиппу, «крыж» приказано было «стесати».

Второе событие было связано с чином освящения нового собора. В среде духовенства возник спор о том, в каком направлении должен идти крестный ход во время чина освящения: с востока на запад, по солнцу – «посолонь», – или против солнца[58]. Великий князь был не доволен тем, что процессия во главе с митрополитом Геронтием шла «против солнца». Оба эти эпизода омрачали торжество.

Но Фиораванти в день освящения собора чувствовал себя победителем. «Мастер от града Бонония» выполнил работу, о которой мечтал и которая понравилась заказчику. Он с чистым сердцем полагал, что его жизнь в России принадлежит отныне только ему и что он теперь свободен от каких бы то ни было обязательств перед великим князем. Власти Болоньи тоже мечтали, что их городской инженер вернется на родину и начнет реставрацию палаццо дель Подеста, проект которой он разработал еще до отъезда в Москву[59]. Болонцы прислали Ивану III грамоту, в которой они печалились, что Фиораванти, «архитектор, наш лучший гражданин, продолжает находиться у Вашей светлости с немалым числом своих людей. И мы испытываем большую нужду в них всех...»[60]. Впрочем, власти Болоньи тут же заверяли великого князя, что они «переносят это спокойно и охотно, чтобы только угодить Вашей светлости», которой они «стремятся быть полезными». В Италии и по сей день в официальных документах в ходу подобные витиеватые обороты, которые ничего не значат. Ничего не значили они и тогда. Просто болонцы просили великого князя разрешить Фиораванти уехать домой.

Но Иван III не спешил отпускать мастера и насильно удерживал его в Москве. Больше того – когда в 1483 году Фиораванти сам попросил отпустить его, наложил на него опалу.

Причины этой опалы до конца неясны. Летописное известие о ней отличается сбивчивостью: в 1483 году «врач некии немчинъ Онтон приеха к великому князю, его же в велицеи чести держа князь велики его. Врачева же князя Каракучю царевичева Даньярова да умори его смертным зелием за посмех. Князь же великы выда его сыну Каракучеву. Он же мучивъ его, хоте дати на окупъ. Князь же велики не повеле, но веле его убити. Они же сведше его на реку на Москву под мостъ зиме да зарезаша его ножем, как овцу. Тогда же Аристотель, бояся того же, почал проситися у великого князя въ свою землю, князь же велики поима его и ограбивъ посади на Онтонове дворе за Лазорем Святым»[61].

Можно думать, что опала эта была связана с началом работы Фиораванти на главного политического конкурента Ивана III – одного из его младших братьев, удельного князя Андрея Большого, прозванного за вспыльчивость Горяем.

По наблюдениям знатока русской средневековой архитектуры В. П. Выголова, с 1479 до 1482 год в источниках нет ни одного известия о какой-либо деятельности Фиора-

ванти в России. «А ведь он должен был что-то строить!»[62] – восклицал искусствовед. И выдвинул гипотезу о том, что в начале 1480-х годов зодчий мог работать над возведением Никольского собора в Антониевом Краснохолмском монастыре (на востоке современной Тверской области). Такой вывод был сделан на основании того, что в конструкции собора много «итальянизмов».

Свято-Николаевский Антониев монастырь, основанный преподобным Антонием Краснохолмским в 1461 году, находился в уделе угличского князя Андрея Большого. Этот правитель развернул на подвластных ему территориях масштабное каменное строительство. Его желание отстроить свою резиденцию в Угличе и возвести несколько каменных храмов в окрестных монастырях во многом опередило сходные намерения Ивана III[63]. По заказу Андрея Большого в Угличе был создан дворцовый комплекс, от которого до нашего времени сохранилась лишь Тронная палата, более известная как «дворец царевича Димитрия». Дворец Андрея Большого «был одним из наиболее пышных, богатых и интересных сооружений своего времени»[64]. По всей видимости, среди мастеров, выполнявших заказы Андрея Большого, был «живописец пресловущий» Дионисий[65], артель которого позже расписывала Успенский собор Московского кремля.

В начале 1480-х годов Андрей Угличский находился на вершине своего могущества и вполне мог пригласить Аристотеля Фиораванти, в тот момент, казалось, свободного от каких бы то ни было обязательств перед Иваном III. Фиораванти, имевший довольно четкие представления о своих обязанностях, рассматривал факт заключения с ним подрядного договора как залог нерушимости своих прав в России, как это всегда было с ним при дворах правителей Европы.

Но именно «самостоятельность» зодчего и могла возмутить «государя всея Руси». Иван III, плативший мастеру, в отличие от большинства итальянских суверенов, огромные деньги, «выписал» Фиораванти из-за границы для решения важных государственных задач. Великий князь вовсе не желал, чтобы архитектор работал на кого-то другого. То, что латинский «муроль» трудится на его потенциального врага, задело и оскорбило Ивана III. Последней каплей, переполнившей чашу терпения великого князя, могла стать как раз история 1483 года с лекарем Антоном Немчином, за которого Фиораванти решил заступиться.

Сведения о Фиораванти обрываются в середине 1480-х годов (последнее известие датировано 1485 годом). Где и как этот выдающийся новатор закончил свои дни, остается неясным. Тем более неизвестно место его погребения. Но на родину, надо думать, он так и не вернулся. Как жаль, что мы даже приблизительно не знаем, где искать его могилу! В Италии любой уважающий себя турист при случае зайдет в римский Пантеон, чтобы подойти к могиле Рафаэля, а просвещенный путник, желая почтить память Микеланджело, заглянет и в клуатр церкви Двенадцати апостолов. Памятником болонскому зодчему служит его главное творение – Успенский собор.

Судьба Аристотеля Фиораванти печалила Софью. Но никакие уговоры и мольбы «царевны» не могли тронуть великого князя. Он воспринимал мастера не как творческую личность, а как «иноземного холопа». Безусловно, он питал к зодчему теплые чувства. Но законы власти были сильнее самого государя. Проявив милость к Фиораванти, согласившись с его ходатайством за лекаря Антона или просто отпустив архитектора домой, великий князь создал бы прецедент, ссылаясь на который стали бы просить своего и остальные иностранцы, а потом и русские подданные. В истории с болонским архитектором проявились черты формирующегося деспотизма московских правителей. Несколькими десятилетиями позже Иван Грозный, внук Ивана и Софьи, в одном из посланий беглому князю Андрею Курбскому произнесет знаменитую фразу: «А жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны же есми были»[66]. Эта формула со временем станет клеймом Московского государства. Однако не будем забывать, что подобные настроения процветали тогда не в одной только России.

В отношении к мастерам Иван III не многим отличался от ренессансных государей Италии, которые также далеко не всегда видели в своих мастерах творцов, воспринимая их как ремесленников, обязанных во всем им повиноваться. Например, герцог Галеаццо-Мария Сфорца приказал художникам, расписывавшим его дворец, работать в буквальном смысле днем и ночью[67]. Показательна и история с музыкантом Юскино Деспрэ, служившим в 1473 году при дворе того же герцога. Галеаццо-Мария был недоволен тем, что музыкант тратит не все свое время на музыку, тогда как ему платят именно за это. Герцог бросил Юскино в тюрьму (!), чтобы тот «был в другой раз умнее»[68].

История с опалой Фиораванти свидетельствует о том, что Софья не могла в реальности «заступиться» за членов

своего окружения, когда над ними собиралась гроза державного гнева. Великая княгиня действительно была «знаковой фигурой» в определенных актах политической игры, но ее – по крайней мере до конца 1490-х годов – едва ли можно считать действующим лицом «большой политики». Она не только не оказывала на Ивана III большого влияния, но и сама порой становилась жертвой его интересов.

* * *

В том же 1483 году случился первый серьезный разлад между великой княгиней и ее супругом. Выше мы уже говорили об этом. Иван III был разгневан, узнав, что драгоценности, составлявшие приданое его первой жены Марии Борисовны Тверской, София Палеолог подарила своей племяннице Марии, дочери Андрея Палеолога, по случаю ее свадьбы с Василием Михайловичем Верейским в 1483 году. Иван III хотел подарить драгоценности Елене – супруге своего сына от брака с Марией Тверской Ивана («Ивана Молодого») по случаю рождения ею сына Дмитрия («Дмитрия-внука»). Некоторые московские итальянцы («фрязы»), а также «мастера серебряные» – выходцы из Италии и Хорватии, очевидно, замешанные в истории с драгоценностями, были схвачены по приказу великого князя. Молодоженам же от гнева великого князя пришлось бежать в Литву. «Князь же великии посла за нимъ (князем Василием Верейским. – *Т. М.*) в погоню князя Бориса Михаиловича Турену Оболенского, и мало не яша его (едва не поймал его. – *Т. М.*)»[69].

Великий князь Литовский принял опального удельного князя с почетом. Василий Верейский был пожалован титулом князя Любечского[70]. Через несколько лет, в августе 1495 года, Иван III «простил» Василия и даже посылал Петра Грека в Литву[71], чтобы сообщить ему, что великий князь готов его «пожаловать». Условием «прощения» был возврат всё тех же драгоценностей[72]. Василий Верейский, поразмыслив, на Русь не вернулся.

Купола и ласточки

Возведение Успенского собора стало началом масштабной перестройки всего ансамбля Боровицкого холма. На фоне скромных деревянных строений и ветхой белокаменной крепости новый собор выглядел почти космическим

кораблем. Этот контраст подтолкнул великого князя к мысли о необходимости скорейшей перестройки основных кремлевских зданий. В первую очередь стоило подумать о крепости, на оборонительные возможности которой московские князья обращали особое внимание. Эпоха Ивана III была временем бесконечных войн на всех направлениях, и московскому войску требовался крепкий тыл. Великий князь столкнулся с непростой задачей. «Сложность перестройки Кремля заключалась в том, что замену белокаменных стен и башен на новые, кирпичные, следовало производить так, чтобы при этом ни на день не ослабить оборонительного потенциала крепости»[73].

В ту пору Кремль постоянно опустошали сильные пожары. Софье не раз приходилось спасаться от огня, пробираясь через полыхающие строения. Ей доводилось с трепетом наблюдать, как ее супруг сам принимал участие в борьбе с огнем, порой рискуя жизнью и здоровьем. Пожар 4 апреля 1473 года, начавшийся «у церкви Рождества Богородицы, на сенях у великой княгини», уничтожил в Кремле митрополичий двор, двор князя Бориса – брата Ивана III, Житный двор великого князя, кровли на стенах Кремля и множество изб. Жилой двор самого Ивана III едва удалось спасти[74]. Софья, прибывшая в Москву менее полугода назад, наверное, ужаснулась, осознав, что в России ее жизнь может оборваться самым нелепым образом. Великая княгиня была свидетельницей и других пожаров: 13 апреля 1485 года, 13 августа 1488 года, 28 июля 1493 года... В последний пожар выгорел не только весь Кремль, но и посад[75]. Софье наверняка приходилось слышать разговоры о том, что частые пожары – Божья кара ее супругу за то, что он в ходе реконструкции крепости сносит старинные храмы и переносит монастыри за кремлевскую ограду[76].

Постоянная опасность «красного петуха», как называли на Руси пожары, стала для москвичей почти повседневностью. Она была одной из причин, по которой было решено возводить и храмы, и новый великокняжеский дворец из камня и кирпича. К тому же каменные здания были куда более величественны, что внушало народу большее почтение к их хозяину. Иван III таким отношением подданных очень дорожил.

Кто являлся автором проекта перестройки кремлевской крепости? И существовал ли такой проект, или строительство шло стихийно, по мере появления средств? По этим вопросам нет единого мнения. Иные полагают, что к ра-

боте был причастен Аристотель Фиораванти – большой знаток искусства фортификации[77]. Но реально руководить этой работой довелось не ему.

Перестройка крепости началась в 1485 году и была связана с именами Марко Фрязина (его иногда ошибочно именуют Марко Руффо[78]) и Антона Фрязина. Можно думать, что приезда Антона Фрязина из Италии Иван III ждал с большим нетерпением. «Каменщик» Антон, а также некий «пушечник» ехали на Русь с посольством из Италии в 1484 году, которое возглавлял грек Мануил Ралев[79]. Это посольство было задержано в Крыму, и великий князь выслал мастерам, чтобы они не уехали обратно, по «московскому золотому»[80]. В то время русские золотые были редкостью и использовались не столько как деньги, сколько как награды и для выражения особого расположения[81].

19 июня 1485 года Антон Фрязин заложил «у Шешковых ворот» Тайницкую башню – ту самую, что и ныне стоит посередине той части стены, что тянется вдоль Москвы-реки. Эта башня получила свое название от тайного хода к реке («тайника»), который был сделан, чтобы в случае осады жители имели доступ к воде. Такие «тайники» были устроены и в некоторых других кремлевских башнях. В 1487 году Марко и Антон возвели справа от Тайницкой (если стоять спиной к реке) Беклемишевскую (Москворецкую) башню, а в следующем году – Свиблову (Водовзводную), что находилась с другой стороны от Тайницкой.

В 1490 году с посольством из Рима, Милана и Венеции прибыло много мастеров, в числе которых был Пьетро Антонио Солари. С этого времени именно он стал руководить возведением стен. В 1490 году Солари построил Предтеченскую (Боровицкую), а в 1491-м – Фроловскую (Спасскую) и Никольскую башни. Каждая из кремлевских башен строилась по индивидуальному проекту. На Фроловской башне была установлена белокаменная плита, латинский и русский текст которой сообщал о времени постройки, авторе сооружения, а главное – о заказчике Иване III, который был назван полным владетельным титулом. Эта плита – первый памятник русской монументальной эпиграфики[82]. Ныне она помещена в музейной экспозиции на одном из ярусов внутри колокольни Ивана Великого, откуда открывается потрясающая панорама на город.

После того как были построены две стены, в реконструкции крепости наступил перерыв. Это было связано и с кончиной Солари в 1493 году, и с тем, что третья крем-

левская стена, выходившая к Неглинке, требовала особого внимания. Для того чтобы строить стену с этой стороны, необходимо было укрепить грунт: он должен был выдерживать давление новой, гораздо более тяжелой стены и не давать оползней.

После смерти Солари в Милан было отправлено посольство во главе с греком Мануилом Ангеловым и Данилой Мамыревым, имевшее целью найти нового руководителя работ. Посланники привезли «мастера стенного и полатного» Алевиза – Алоизо да Каркано итальянских источников[83]. В России этого мастера иногда называют Алевизом Старым, чтобы не путать с Алевизом Новым – Альвизе Ламберти да Монтаньяна, который в первой трети XVI века возвел Архангельский собор Кремля и еще одиннадцать церквей за пределами крепости. Алевиз Старый стал достойным преемником Солари. Он руководил возведением стены, вдоль которой сегодня тянется Александровский сад.

Несмотря на передовые навыки, которыми обладали итальянские архитекторы, возведение московской крепости стало для них сложным делом. «Привыкшим к строительству регулярных геометрического плана крепостей, им пришлось считаться с асимметричной планировкой Кремля и решать сложные задачи, учитывая непростое гидрогеологическое состояние Боровицкого холма»[84].

И великий князь, и мастера прежде всего заботились об обороноспособности крепости. По велению Ивана III дворы и церкви, вплотную примыкавшие к старым стенам со стороны Неглинки и Москва-реки, были разрушены или перенесены от Кремля на расстояние 109 саженей (около 233 метров). «Таким образом, жилье, где мог бы укрыться неприятель и мешавшее свободе действия крепостного огня, было отнесено от стен на выстрел»[85]. Выстрелы из новых бойниц в ту пору производили из разнокалиберных чугунных, железных и медных орудий – пушек и пищалей.

Во времена Ивана III и Василия III Кремль имел гораздо более суровый вид, чем сегодня. Главным отличием было отсутствие острых наверший башен, которые появились только в XVII столетии. Соответственно, не было и двуглавых орлов и тем более красных звезд на шпилях. Важнейшая в военном отношении отводная стрельница – Кутафья башня – была украшена сверху ажурным декором только в конце XVII века. Совсем иначе выглядела Никольская башня: после того как французы в 1812 году взорвали ее, она была сильно изуродована. Реставрация 1816–1819 годов суще-

ственно изменила ее первоначальный облик, придав ей неоготические черты.

Кремль рубежа XV–XVI веков больше всего напоминал суровые крепости и гражданские здания Северной Италии, построенные в XIII–XIV веках. Эти крепости отличали мерлоны (зубцы) в форме ласточкиного хвоста. Такие архитектурные элементы и сегодня можно увидеть в Милане, Павии, Болонье, Сиене, Вероне, Портогруаро и других городах. Но среди итальянских городов есть и такие, где «ласточкиных хвостов» не встретишь. Их нет в Риме, Флоренции, Орвието... Это объясняется не эстетическими пристрастиями владельцев крепостей и замков, а причинами гораздо более серьезными. Дело в том, что «ласточкин хвост» издавна считался знаком так называемой «партии» гибеллинов, тогда как обыкновенный четырехугольный мерлон был символом «партии» гвельфов. Для того чтобы объяснить эти понятия, необходим небольшой экскурс в историю Апеннинского полуострова.

* * *

В средневековой Италии шла непримиримая борьба за влияние в регионе между двумя мощными политическими силами: папой римским и императором Священной Римской империи. Сторонников императора называли гибеллинами, а тех, кто видел в папе силу, способную ему противостоять, – гвельфами. Германские императоры претендовали на господство во всей Европе, тогда как папы жаждали утвердить свое верховенство над всеми христианскими государями.

«Битва титанов» оказывала влияние на жизнь свободных городов, герцогств и республик. Многие из них вступали под знамена той ли иной силы, надеясь на помощь с ее стороны в борьбе с соседями. Так, Сиена – один из богатейших и наиболее развитых городов Италии в XIII–XIV веках – в своем извечном противостоянии с Флоренцией считала своим долгом засвидетельствовать почтение перед императорами. Флоренция, напротив, рассчитывала на силы папства. Подобные «споры с соседями» осложнялись ожесточенной борьбой за власть внутри городских коммун. Враждующие аристократические семейства прибегали к помощи разных политических групп в достижении своих политических целей. Бывало, что сторонников побежденных «партий» даже изгоняли из города.

Случалось, что город в силу конъюнктуры момента менял свою политическую ориентацию. Замечено также, что нередко гвельфские убеждения были близки государствам с республиканской формой правления, тогда как гибеллинские воззрения поощрялись в государствах монархического типа. Например, республиканский Милан долгое время противостоял императору, войдя в состав так называемой Веронской и позже Ломбардской лиги. Когда же власть захватил Джан-Галеаццо Висконти, сделавшийся герцогом, он провозгласил поворот в отношении империи, украсив свой замок «ласточкиными хвостами».

Борьба между гвельфами и гибеллинами затрагивала не только аристократию, но и простое население, весьма страдавшее от постоянных военных действий. В Северной и Центральной Италии, кажется, любой крестьянин знал, *что* означает «ласточкин хвост» или его отсутствие.

Сегодня, при взгляде на панораму Кремля, открывающуюся с Москворецкого или Большого Каменного моста, с трудом верится, что отголоски каких-то давних итальянских усобиц были не только слышны в сердце России, но и получили свое выражение в архитектуре. Иван III наверняка знал о символике кремлевских зубцов. Что он мог вкладывать в нее?

Мы уже говорили о том, какую большую роль в истории Русского государства сыграли связи с Миланом. Миланская знать порой была для русских бояр примером для подражания. В своем рассказе о России «боярин великой княгини» Юрий Траханиот в 1486 году сообщал герцогу, что в Московии «деревень и сел количество бесконечное, но все дома в этих краях сделаны из дерева, за исключением немногих, построенных для архиепископа, других епископов и прелатов и для государей и некоторых других более мелких господ, которые начали строить из камня и кирпича на итальянский манер... Они переняли эту манеру от итальянских мастеров и инженеров». Имелись в виду высшие государственные сановники: в 1485 году кирпичные палаты начали строить сыновья государева казначея Владимира Ховрина – Дмитрий и Иван Голова, а также боярин Василий Федорович Образец[86].

Сам миланский герцог воспринимался в Москве «братом» великого князя. Природа власти герцога не отличалась, по мнению «московитов», от той, что была характерна для большинства русских земель. (С природой и пределами власти, скажем, венецианского дожа дело обстояло слож-

нее: русские никак не могли взять в толк суть выборного характера его власти, называя его «князем» и одновременно указывая, что он «ни княжа роду, ни царска».) «Князь Меделянский» был единоличным правителем, и власть его была наследственной. Иван III чувствовал сходство своих интересов с интересами миланских суверенов не только в сфере управления подданными, но и по части досуга: в Москве любили соколиную охоту не меньше, а то и больше, чем в Милане.

И в ситуации с «копированием» «ласточкиных хвостов» стоит видеть не стремление к сближению со Священной Римской империей (хотя попытки заключить с ней союз пришлись на период активного строительства стен), а ориентацию на Милан и его правителей, точнее, на миланскую архитектурную моду, тон в которой, разумеется, задавали Сфорца. Вероятно также, что «гибеллинский» характер Московского кремля стоит понимать как проявление презрительного отношения к папству и вообще к «латинянам». Но миланское влияние в любом случае несомненно.

Примечательно, что один из главных руководителей строительства крепости на Боровицком холме – Пьетро Антонио Солари – был уроженцем Милана. Он происходил из старинного рода местных зодчих. Его отец, дядя и братья возвели в городе немало зданий, которые сохранились до сего дня. Многие из них были созданы по заказу герцогов и членов их семей. Самый известный представитель клана Солари – Гвинифорте – работал над проектом фасада знаменитой церкви Санта-Мария делле Грацие (той самой, в трапезной которой Леонардо да Винчи изобразил «Тайную вечерю»), а также над миланскими храмами Сан-Пьетро из Джессате, Санта-Мария Бьянка делла Мизерикордиа и некоторыми другими. Он руководил работами и за пределами Милана, оформляя один из двориков *Certosa di Pavia* – одного из старейших картезианских монастырей Италии. При участии самого Пьетро Антонио в Милане были возведены церкви Санта-Мария делла Паче, Санта-Мария дель Кармине, Сан-Бернардино алле Монаке и еще несколько других сооружений. Отличительной чертой архитектурной манеры семьи Солари было следование эстетическим традициям готики: они широко использовали стрельчатые арки, «розы» в центре фасадов и характерные «готические» порталы. По наблюдениям итальянских искусствоведов, работам Солари присуще «несомненное очарование ностальгии»[87]. И правда, при взгляде на эти церк-

ви не сразу верится, что они возведены в 1460–1480-е годы: кажется, что они намного старше...

Мысль о том, что Кремль был построен по образцу Миланского замка, стала общим местом в научной и научно-популярной литературе. Но так ли это на самом деле?

Действительно, обе крепости построены сходным способом из красного кирпича, стены венчают «ласточкины хвосты», а многие башни изначально имели похожую форму и конструкцию. Но Кремль все-таки был *подобием*, а не копией или репликой Миланского замка.

Сегодня замок Сфорца имеет форму правильного четырехугольника, но изначально его форма напоминала шестиконечную звезду. Московский кремль же имел и имеет форму треугольника со срезанным углом. Эту форму определяет его местоположение: он стоит при слиянии Москвы-реки с Неглинкой. В Милане же вообще нет реки (только канал), и крепость со всех сторон окружают рвы. (Позже, в 1508 году – в правление Василия III – с той стороны кремлевской стены, где находится Красная площадь, архитектор и инженер Алевиз Новый выроет глубокий ров, засыпанный в 1814 году.)

В стенах замка Сфорца довольно низко прорублены зарешеченные окна, тогда как кремлевская стена фактически глухая. Лишь на некоторых из башен были двойные готические окна, да и то на достаточно высоком уровне. Например, на Боровицкой башне очертания такого окна, расположенного на уровне пятого этажа с северной стороны, заметны до сих пор. Любители готических мотивов в русском зодчестве могут его хорошо разглядеть, скажем, из окон буфета дома Пашкова, где расположен Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

В замке Сфорца башни использовали не только как оборонительные сооружения. Мы уже упоминали Сокольничью башню, где герцоги держали своих ловчих птиц. Ивану III подобное использование башен, наверное, не могло прийти в голову! Ему была важна мощь крепости, и источники сохранили известия о том, что он стремился как можно скорее начать возведение цитадели[88]. Для соколов же у великого князя имелись иные помещения.

Будучи первоклассной крепостью, замок Сфорца производил впечатление скорее светского дворца, где герцоги и их двор предавались разнообразным удовольствиям. Военные представления в замке Сфорца отличались блеском и разнообразием, но, надо думать, были сколь грозными,

столь и комичными. В крепости Ивана III царила совершенно иная атмосфера. В ней гораздо сильнее чувствовался суровый военный дух. К тому же на Боровицком холме долгое время жили не только аристократы, но и простые люди, хотя на рубеже XV–XVI веков Кремль становится все более «элитным» районом города.

Главным же отличием цитадели великого князя в сравнении с замком Сфорца и вообще с европейскими крепостями было то, что в ней «не было отдельного неприступного убежища для правителя (какое есть в Миланском замке. – *Т. М.*). Дворец великого князя был встроен в плотную застройку Кремля... В отличие от западных правителей, Иван III не боялся восстания собственных подданных и не отгораживался от них многометровыми стенами и рвами. Напротив, он объединялся с ними в общей беде – нападении внешнего врага»[89].

* * *

Во времена Софьи Палеолог Московский кремль был не единственной цитаделью, которую украшали «ласточкины хвосты». В 1478–1490 годы тщанием Ивана III и архиепископа Геннадия в «итальянском стиле» был существенно перестроен Детинец Новгорода Великого. В первой трети XVI века многие русские крепости – Нижний Новгород, Смоленск, Тула, Коломна, Пронск, Себеж – будут выстроены в этой манере. «Ласточкин хвост» станет одним из самых популярных мотивов в русской архитектуре XVI–XVII веков.

В 1492 году под свинцовым небом Русского Севера был заложен и Ивангород – крепость, которая должна была стать плацдармом в борьбе за выход России к Балтийскому морю. Великий князь возлагал на эту цитадель, обрамленную «ласточкиными хвостами», большие надежды. В гаванях Ивангорода он мечтал видеть мощные военные суда, которые принесли бы России победу.

Интересные подробности об этом содержат ливонские документы. В них имеются сведения о русском посольстве 1493 года в Милан и Венецию. Как видно из письма магистрату Ревеля Иоганна фон Ункеля, ливонского агента в Новгороде, одной из целей посольства был наем в Венеции корабельщиков, которые умеют делать галеры – лучшие военные корабли того времени, а также управлять ими. Фон Ункель сообщал о них: «...эти же итальянцы суть из Венеции, как и один человек, который может днем и ночью

проходить по морю 6 или 8 миль пути и сжигать корабли в воде ночью... Великий князь хочет тайно во всей Ливонии сжечь деревни и вывести бедный народ, и после этого он хочет идти от одного города к другому. Также он хочет построить галеры для того, чтобы он мог плавать по ветру и против ветра, а это он вполне может делать на галерах; и хочет отнять море, так что вы не сможете получить никакой помощи...»[90] Русское государство только начинало борьбу за Балтику, а также активную колонизацию побережья Белого моря, и своих специалистов по военно-морскому судостроению и мореходству еще не было.

Примечательно, что попытки перенять опыт мореходства в Венеции русские предпринимали и накануне петровских преобразований. Так, П. А. Толстой, автор знаменитых путевых заметок о путешествии в Италию, был отправлен в те края в конце XVII века для изучения морского дела[91].

«Балтийский вопрос» в русской истории был поднят задолго до Петра I. Супруг Софьи Палеолог вообще был на него похож: он привлекал западных мастеров, был прямолинеен и тверд в достижении своих целей, его личное благочестие сомнительно, однако главной его заботой было возвышение России.

Без дворца

Внутри московской крепости с 1480-х годов также закипела работа. Дворцовый комплекс, состоявший из множества деревянных и нескольких каменных зданий, давно требовал обновления. Начали дело в 1484 году с перестройки Благовещенской придворной церкви. Ее возвели псковские зодчие. В 1484–1485 годах между Благовещенским и Архангельским соборами были построены палаты для казны великого князя. Подвалы этих палат вскоре приобрели печальную славу тюрьмы для знатных узников. Но там, где умирали от голода во мраке подземелья одни, другие пировали и веселились. Для этих последних в 1487–1491 годах Марко Фрязин и Пьетро Антонио Солари построили на месте деревянной гридни с теремом (парадной дворцовой хоромины, где проходили особо торжественные собрания) Грановитую палату. На сегодняшний день это единственная полностью сохранившаяся часть «каменного» дворца Ивана III. Подобно своей предшественнице, она предназначалась для парадных приемов. Название пала-

ты восходит к особенностям декора ее стен: белый камень «огранили» по итальянской моде того времени. Искусствоведы называют камни, которыми украшен фасад, «бриллиантовым рустом». Очень похожие фасады светских зданий можно видеть, скажем, в Ферраре, где находится палаццо деи Диаманти («Алмазный дворец»), который в 1493–1503 годах возвел Бьяджо Россетти для маркизов Гонзага.

Сегодня Грановитая палата выглядит не совсем так, как во времена Софьи. В древности у нее была высокая кровля. В 1684 году после очередного пожара артель под руководством Осипа Страцева изменила форму окон здания, придав им современный облик. Изначально же они были «двойными», подобными тем, какие отличают многие итальянские палаццо эпохи Возрождения. Одно из таких ренессансных окон сохранилось на южной стене палаты. По итальянской моде тех лет фасад палаты украшали различные бюсты. В коллекции Музеев Московского Кремля есть копия одного такого бюста, выполненная в 1994 году. Оригинал же был встроен (видимо, при реставрации конца XVII столетия) прямо в стену здания. Это был «оплечный мужской бюст, одежда европейского типа, волосы прямые»[92]. Чья это фигура, понять невозможно. Впрочем, в ренессансной традиции нередко для художественных целей использовались бюсты абстрактного характера.

Парадная палата дворца Ивана III – Набережная горница – была возведена на том месте, где сейчас стоит Большой Кремлевский дворец, построенный К. А. Тоном в 1838–1849 годах. Жилые покои великой княгини располагались за церковью Ризоположения Богородицы, там, где с XVII века находится Теремной дворец. Наугольная палата княгининых покоев сохранилась до наших дней.

Весной 1492 года на время постройки жилых покоев нового дворцового комплекса великий князь с семьей перебрался на двор одного из самых влиятельных московских аристократов – боярина Ивана Юрьевича Патрикеева, «стоявший против церкви Иоанна Предтечи у Боровицких ворот»[93]. Иван III не хотел надолго оставаться у Патрикеева, чтобы не оказаться даже в самой малой степени зависимым от него. Впрочем, гостить долго и не получилось бы: двор Патрикеева выгорел в страшный пожар 28 июля 1493 года. Тогда около полудня от удара молнии («от небесного огня») загорелась церковь Святого Николая на Песках. Пожар стремительно распространился по всему кремлю. Огонь не пощадил и «казну великой княгини»[94], находившуюся в под-

валах церкви Святого Иоанна Предтечи. Предполагают, что этот храм был избран Софьей для хранения казны из-за того, что Иоанн Предтеча издревле считался покровителем рода Палеологов[95].

Казна Софьи состояла из драгоценных одежд, тканей, украшений и разнообразных диковин, которые привозили ей посланники Ивана III. Могли входить в нее и некоторые реликвии, которые Софья привезла из Рима. Софьина казна была не просто собранием драгоценностей. Можно думать, что она – так же как и казна Ивана III – выполняла широкий круг репрезентативных функций. Богатый наряд «деспины» свидетельствовал о ее значимости для русского мира. Не это ли показное богатство породило среди русских аристократов мысль о каком-то особом влиянии великой княгини на своего супруга?

После пожара 28 июля 1493 года Иван III и вся его семья остались буквально без крова. Надо думать, горю Софьи, всего три года назад родившей очередного, двенадцатого сына Андрея, не было предела. Великокняжеской семье пришлось временно поселиться за Яузой в простых крестьянских избах: «Тогда же стоял князь великии у Николы у Подкопаева у Яузы въ христианских (в данном случае – крестьянских. – *Т. М.*) дворех»[96]. Иван III с Софьей и детьми смогли вернуться в Кремль только к ноябрю, когда был готов наскоро выстроенный временный деревянный двор, располагавшийся за восточной стеной старого Архангельского собора[97]. Строительство «каменного» дворца из-за пожара было на несколько лет фактически приостановлено. Оно возобновилось лишь в 1499 году и длилось еще девять лет.

Иван III так и не увидел свой новый каменный дворец, поскольку умер в 1505 году. Дворец же этот был необычайно красив. Во многом он напоминал итальянские палаццо эпохи Возрождения. Михалон Литвин отмечал в XVI веке, что здание было украшено «каменными фигурами по образцу Фидия»[98]. Сохранившиеся отдельные элементы декора дворца, выполненные из белого камня, обнаруживают, что фасад и порталы были украшены растительным орнаментом тонкой работы. Мотивы, встречающиеся на этих обломках, очень близки итальянскому искусству Возрождения.

Как воспринимала все это строительство Софья? Неизвестно, радовалась ли она ему. С одной стороны, любая женщина с увлечением относится к преображению своего жилья. С другой – Софье нужно было воспитывать детей и

руководить домашним хозяйством, что в условиях стройки, переездов и частых пожаров было непростым делом. Можно сказать, что Софья бóльшую часть своей московской жизни провела рядом со строительной площадкой. И хуже всего то, что она так и не смогла насладиться уютом нового дворца своего супруга и даже его «женской» части – Наугольной (с середины XVI века – «Царицыной») палаты. Софья умерла в апреле 1503 года, тогда как хоромы великого князя были закончены лишь к 1508 году, а Наугольная палата впервые упоминается только в 1526 году. Софье не суждено было в полной мере ощутить и мощь новых стен, строительство которых было завершено в 1516 году.

«Римлянка» и Рим

Работа итальянских мастеров в Москве произвела впечатление на русских людей. Как и участившиеся международные контакты, она дала книжникам импульс для глубокой духовной работы по осмыслению места нашей страны в мире. Русские начали задумываться и о том, каковы пределы возможных заимствований с Запада. Превосходство западных технологий и польза отдельных внешних элементов «латинской» культуры для многих становились очевидными. Постепенно изменялась картина мира. Был сделан большой шаг в развитии представлений о географии в сравнении с предшествующей эпохой. Замечено, что для мировоззрения русских людей XIII – первой половины XV века была характерна дуалистическая картина мира, подразумевавшая довольно однозначное его деление на «праведные» и «грешные» земли – в соответствии с тем, какую религию исповедовали жители[99]. К концу XV века настроения изоляционизма и нетерпимости стали ослабевать, точнее, стали сосуществовать с другими. Итальянские земли в России времени Софьи уже не воспринимались только как католические, а оттого «грешные». Постепенно возникала мысль о том, что у «латинского» Запада можно многому научиться.

Начало этого процесса относится – как это ни парадоксально на первый взгляд – ко времени поездки на Ферраро-Флорентийский собор, когда русские впервые увидели достижения западного мира. В описаниях «латинских» стран в светских сочинениях «Флорентийского цикла» нет негативных характеристик. Путешествия русских послан-

ников в «Итальские страны» в 1470–1490-е годы способствовали складыванию представления об Италии как о средоточии общехристианских святынь. В Венеции покоятся мощи апостола Марка, в Падуе – апостола Луки, в Милане – святого Амвросия... Постепенное формирование христианских образов этих городов существенно обогащало представления о географии, искусстве и вере русских людей.

Одним из самых значимых городов Италии для России XV века был Рим. Софью называли «римлянкой», подчеркивая этим ее связь с латинским Западом.

Долгое время слово «Рим» было на Руси синонимом «богомерзкого» католицизма. «Римская вера» всячески очернялась в многочисленных трактатах, бытовавших в русских землях как до, так и после заключения Флорентийской унии. В 1476 году Амброджо Контарини заметил о русских: «Нашего же (папу. – *Т. М.*) они не признают и считают, что мы все погибшие люди»[100]. И все же образ Рима для русской культуры XV века много шире представления о нем как о гнезде неправедной веры. Показательно, что сборники антилатинских сочинений XV века нередко писались на бумаге, имевшей «агрессивно-римскую» символику.

Этот парадокс заслуживает особого внимания. Бумага в то время была сравнительно новым писчим материалом в русских землях (до того писали на пергамене). Своего производства бумаги в России до последних десятилетий XVI века не существовало, и ее приходилось привозить из Европы. Каждая «бумажная мельница» изготавливала бумагу со своими водяными знаками (филигранями), которые довольно часто менялись. Среди распространенных типов филиграней в ту пору были изображения, представлявшие собой папу римского на троне, папу с ключом от рая, папу в тиаре и т. д., причем бумага с подобными филигранями не обязательно производилась именно в Риме. Такая бумага завозилась в Россию. Вероятно, ее потребители – княжеские и монастырские писцы – из любопытства могли смотреть ее «на просвет». Но они – подобно современным археографам – не делали из своих наблюдений далеко идущих выводов. Им было достаточно того, что бумага хорошего качества. Антилатинские тексты времен Софьи, написанные на бумаге с изображениями римского понтифика, можно считать символом многогранного и противоречивого восприятия итальянского мира на Руси в то время.

Вероятно, Софья порой вспоминала своих римских знакомых. Что до русских, то они от римских пап не ждали ни-

чего хорошего, хотя и ссориться с ними не хотели. После 1472 года посланники Ивана III время от времени ездили в «Великий Рим» (как порой именовался этот город в летописях[101]). Его посетили Дмитрий и Мануил Ралевы в 1490 году и Мануил Ралев и Митрофан Карачаров в 1500 году. Посол Василия III Дмитрий Герасимов был в Риме в 1525 году. Зимой 1527/28 года русские посланники Еремей Трусов и Шарап Лодыгин до Рима не добрались: они были в папской резиденции в Орвието, где Климент VII спасался от войск Карла V, разграбивших Вечный город. Известно, однако, что Дмитрий Ралев, еще служа Андрею Палеологу, приезжал в Москву в 1474-м и позже в 1485 году (когда переехал на Русь окончательно). Вероятно, он сопровождал «деспота» Андрея, когда тот приезжал в Москву в 1480 году. Так или иначе Рим «напоминал о себе» в Москве каждые несколько лет.

Рим как город – в отличие от Венеции и Милана – не был чем-то принципиально новым для русских современников Софьи. Слова о том, что «хвалит Римьская земля Петра и Павла», традиционны для русской письменности: они присутствуют даже в «Похвале Ивану Калите» из Сийского Евангелия 1340 года[102]. После поездки в Рим в 1439 году русские участники Ферраро-Флорентийского собора рассказывали о святынях Рима.

С течением времени представление об изначальной святости «Римской страны» развивалось. В конце XV века в России распространилось так называемое «Сказание о Богоматери Римской». Оно появилось в русских землях на рубеже XIV–XV веков[103], однако большинство его сохранившихся списков восходит ко времени Софьи Палеолог.

В «Сказании...» Вечный город представлен благословенной землей, куда чудесным образом во времена иконоборчества переместилась и где сохранялась до конца гонений византийская святыня – копия иконы Богородицы из Лидды. Патриарх Герман с молитвой опустил образ в пучину морскую, чтобы волны сокрыли лик от поругания. И тогда икона поплыла по морю, «носима благотишными волнами неизреченною скоростию»[104], пока не достигла Рима, где ее встретил папа Григорий. Когда же эпоха иконоборчества завершилась, икона сама сошла с места в соборе Святого Петра и вернулась в Константинополь[105]. По логике повествования Рим сохранял в то время чистоту веры и потому был избран Богом для спасения святыни.

Для русской церковной традиции XV века «Сказание...» было исключительно важно[106]. Сохранившиеся от XV–XVI веков девять списков[107] текста свидетельствуют об актуальности идей, содержащихся в «Сказании...», в эпоху, когда «латинское» влияние на русскую культуру ощущалось особенно сильно. В это время необходимо было четко определить отношение православной Руси к католическому Риму и объяснить, почему, несмотря на отказ от унии с Римом, контакты с Италией интенсивно развивались. Память о Риме как об историческом общехристианском центре отвечала этой задаче.

Образ Рима стал отправной точкой для построения московских церковно-политических концепций рубежа XV–XVI веков. Русскими людьми начала XVI века использовался, однако, не вечно осуждаемый образ «латинского» Рима, а образ Рима древнего, всемирного. «Рим – весь мир»[108], – приведет слова апостола Павла старец Филофей в знаменитом послании Мисюрю Мунехину. Вершиной римского могущества было время императора Октавиана Августа. Этому периоду всемирной истории на Руси издревле придавали особое значение, ибо на него пришлось Рождество Христово – событие, определившее судьбу всего человечества[109]. Важнейший для формирующегося российского самодержавия текст так и назывался – «Сказание об Августе-кесаре», или «Сказание о князьях Владимирских».

Это повествование включает рассказ о двух сюжетах. Один из них – легенда о «шапке Мономаха», которую якобы получил в дар Владимир Мономах от византийского императора Константина Мономаха. Для идеологов единодержавия XVI века связь с империей была исключительно важна. Через эту регалию мощь Византийской империи символически переносилась в Москву. В рамках этой установки можно было бы ожидать всяческого превознесения факта женитьбы Ивана III на Софье – племяннице последнего византийского императора. Однако русские книжники начала XVI века не связывали с Софьей перенос византийских державных традиций. Она вообще не упомянута в этом тексте.

Второй сюжет «Сказания об Августе-кесаре» – возведение династии Рюриковичей непосредственно к римским «царям» (императорам). В «Сказании...» рассказывалось о некоем Прусе, который одновременно находился в родстве и с Августом, и с Рюриком. Так русская династия Рюриковичей, подобно византийским василевсам, оказывалась

неразрывно связана с величием Римской империи. Как видно, связь с Византией снова шла «в обход» образа Софьи.

Большую роль в разработке «римской» легенды сыграли эсхатологические размышления русских книжников. Библейская идея о последовательно сменяющих друг друга четырех мировых царствах восходит к Книге пророка Даниила. Ее толкование подразумевало Вавилонское, Персидское, Греческое и Римское царства. Именно они в образах зверей изображены на одной из фресок Андрея Рублева во владимирском Успенском соборе. Софья могла видеть подобные фрески в московских храмах. Христианские богословы полагали, что после падения последнего – Римского – царства должен наступить конец света. Однако этого не произошло. Тогда и начала складываться идея *translatio imperii* – перемещения духовного наследия Римской империи в другие государства. Большую роль в этой концепции играл религиозный мотив: Римская империя со времен императора Константина была христианской. В рамках концепции *translatio imperii* постепенно складывался образ «второго Рима» – Константинополя, столицы Византийской, или Ромейской (то есть Римской), державы, с XI века хранившего истину православной веры.

Вариантом русского восприятия идеи *translatio imperii* стала концепция «третьего Рима», воплотившегося в Москве. Согласно этим построениям, благодать Божия покинула первый Рим после 1054 года, когда римские первосвященники отпали от истинной веры. Взятие Константинополя турками в 1453 году рассматривалось как кара за «осквернение» веры греками, правители которых приняли унию 1439 года. Чистота апостольской веры и «римская идея» нашли пристанище в России: великая империя переместилась на Святую Русь.

Подробный рассказ о происхождении и развитии в России первой трети XVI века концепции «третьего Рима», изложенной монахом псковского Елеазарова монастыря Филофеем в 1520-е годы, – отдельная и очень сложная тема, и в книге о Софье, умершей в 1503 году, нет смысла в нее углубляться. Заметим только, что «римлянка» уже одним фактом своего существования дала мощный толчок русским интеллектуалам поближе присмотреться к бесчисленным культурным и символическим пластам, связанным с Вечным городом. И не случайно царя Ивана Грозного, внука Софьи, будет отличать блестящее знание истории античного Рима.

* * *

Время Софьи Палеолог было временем итальянского влияния на русскую культуру. Однако едва ли о Софье можно сказать, что ее личными стараниями культура Возрождения переместилась в Москву, подобно тому, как говорили о ее наставнике Виссарионе, трудами которого «Греция переселилась в Рим»[110]. Вместе с тем перестройка кремлевского ансамбля была значимой составляющей той атмосферы, в которой Софье довелось жить в Москве. Размышления же книжников о Риме были не только свидетельством гибкости и глубины их суждений об истории, но и – до определенной степени – результатом пересудов о великой княгине, что время от времени слышались на Боровицком холме.

Глава 7

ИНТРИГИ И ОБМАНЫ

И врази человеку домашнии его.
Мф. 10:35

У читателя могло сложиться впечатление, будто автор книги только и думает, как бы получше показать незначительность роли Софьи Палеолог в жизни Москвы конца XV века. Это не совсем так. Речь шла о том, что стоит различать круг личных забот и чаяний супруги Ивана III, вполне достаточных для матери большого семейства, и круг глобальных задач, стоявших перед страной. В решении некоторых из них современники и потомки видели роль самой великой княгини, тогда как в реальности эту роль играли наиболее талантливые греки из ее окружения. Не особенно чуткие к стилю журналисты первой половины 1990-х годов могли бы назвать эту группу «коллективной Софьей». Но значит ли это, что сама великая княгиня, погрузившись в воспитание двенадцати детей, была почти полностью исключена из «большого мира» и «большой политики»?

Если речь идет о времени до середины 1490-х годов, то ответ на этот вопрос будет скорее положительный. Софья Палеолог в течение первых двадцати лет замужества почти все время была беременна. «Подобный ритм семейной жизни серьезно ограничивал возможности активного участия Софьи в политической или даже в придворной жизни», – справедливо отмечает современный историк[1]. Конечно, Софья общалась с иноземными послами, от ее имени посылались «поминки» (подарки) государям Европы, она слышала важные политические беседы, и даже сам Иван III мог с ней делиться какими-то сомнениями при решении важных государственных вопросов. Но все это не сильно приближало ее к реальной политической игре, в которой задавал тон ее

державный супруг. Что же до разговоров и советов, то можно думать, что в них преобладала известная схема: «муж говорит, жена слушает». Доброжелательно выслушать порой важнее, чем дать совет. Вероятно, Иван III «проговаривал» перед женой свои заботы, замыслы и тревоги. И всё же долгие годы уделом Софьи были ласковое общение с мужем, дети, контроль за своей казной, домашним имуществом и столом, а также золотошвейная мастерская.

Семейные заботы

Традиционное для женщин занятие рукоделием в княжеских семьях издревле приобретало черты хорошо налаженного производства уникальных изделий – пелен, воздухов, платов, покровов, сударей и плащаниц. В светлицах княгинь работали самые искусные мастерицы. Высокий социальный статус покровительниц позволял им работать с изысканными материалами. Из светлицы Софьи вышли редкие по красоте произведения лицевого шитья, которые легко узнать по нарядным цветным крапинкам, рассыпанным по всему шелковому полю. Этот прием характерен для византийского и итальянского ренессансного шитья[2]. В числе первых произведений, созданных в золотошвейной мастерской Софьи, были два покровца с изображениями Распятия и Младенца в Чаше, а также поручи с вышитой сценой Благовещения и образами святых Флора и Лавра. Они могли быть вложены великой княгиней в Троицкий монастырь в 1478–1479 годах, во время ее паломничества к мощам преподобного Сергия и после рождения долгожданного сына[3].

Московская жизнь Софьи не была идиллией, но ее уклад вполне вписывался в традиционные представления об обязанностях супругов в семье. Для этих представлений характерно, что мужчина ответствен за связи семьи с внешним миром, оберегая ее и принося извне все необходимое, а женщина – за мир внутри семьи. «Мужчина – владыка для женщины, то правда; без руководительства, осуществляемого мужчинами, начинания наши редко приходят к достохвальному концу»[4], – со всей искренностью утверждала одна из героинь Джованни Боккаччо. Издревле женщине ближе домашняя – интимная и уютная – сторона жизни. Софья отвечала за «крепкий тыл» Ивана III.

Заметим, что даже в Европе – несмотря на последовательные «заявления о своих правах» женщин XVI века в

общественной жизни – преобладало довольно однозначное мнение о их социальной роли[5]. Его емко выразил Жан Боден, который в одной из своих «Шести книг о государстве» заметил: «Что же касается сословия или категории женщин, я не буду на них останавливаться; я лишь полагаю, что сим подобает держаться в стороне от любых магистратур, руководящих постов, судов, народных собраний и советов и уделять все свое внимание единственно женским и домашним делам»[6]. В России рубежа XV–XVI веков представления о роли женщины были еще более патриархальными. Домашняя власть и богатство в большинстве случаев не означали возможности широкого социального и политического влияния.

Софье как «хранительнице домашнего очага» была отведена судьбой исключительно сложная роль. Она должна была отвечать за благополучие сыновей и дочерей, а также радовать грозного мужа теплом и заботой. Ситуация осложнялась тем, что у Ивана III от первого брака с тверской княжной Марией Борисовной был сын Иван, которого источники именуют Иваном Молодым. Софье пришлось налаживать отношения с пасынком, а это оказалось делом весьма непростым. Амброджо Контарини сообщал, что у юного Ивана Молодого отношения с Софьей не сложились: княжич «был в немилости у отца, так как нехорошо ведет себя с деспиной»[7].

Иван Молодой не всегда соглашался с отцом и теми, под чьим влиянием он находился, подчас обнаруживая собственное видение политической ситуации. Так, осенью 1480 года он бесстрашно остался с воеводой Даниилом Холмским на берегу Угры, тогда как Иван III, поддавшись малодушию, поначалу склонялся к примирению с Ордой или бегству. Великий князь покинул лагерь на Угре и приехал в Москву, где его встретили митрополит Геронтий и архиепископ Ростовский Вассиан. Последний обратился к нему с грозной обличительной речью, в которой назвал его «бегуном» и предостерег: «Вся кровь на тебе падет христианскаа, что ты, выдав их, бежишь прочь...» Некоторые летописи свидетельствуют о том, что «гражане роптаху на великого князя»[8]. Сын же его Иван Молодой относился к патриотически настроенной части русской аристократии[9], во многом противопоставляя себя Софье, «бежавшей» на Белоозеро с детьми.

Можно думать, что особую неприязнь Иван Молодой стал питать к Софье после того, как в 1479 году у нее родился сын Василий. Первенец Ивана III понимал, что Василий

может по смерти отца претендовать на московский престол. Иван Молодой наверняка знал о надеждах московских греков, которые они возлагали на наследника Палеологов, а потому чувствовал, что ему предстоит нелегкая борьба за престол.

Но Ивану Молодому не пришлось в ней участвовать. 7 марта 1490 года в возрасте тридцати двух лет он умер от болезни ног – вероятнее всего, от подагры («болел камчюгом в ногах», – сообщил летописец[10]). Этой смерти предшествовало лечение, которое осуществлялось под руководством некоего «мистро Леона жидовина из Венеции». Леон прибыл в Москву в 1490 году с русским посольством, возвращавшимся из Рима. Посольство возглавляли греки Дмитрий и Мануил Ралевы[11]. «Мистро Леон» обещал вылечить Ивана Молодого. Можно думать, что он лечил князя по последнему слову тогдашней медицины, но методы врачей тех лет подчас отличались настоящим изуверством и не всегда приводили к желаемым результатам.

В те времена медицина основывалась не только на известных свойствах целебных растений или манипуляций, но и на разнообразных «теоретических» выкладках, опирающихся на астрологию, магию и прочие сомнительные дисциплины. Настои из неведомых заморских трав, которыми лекарь поил больного, а также необычные процедуры, которым он подвергал князя, вызывали подозрение у москвичей. Когда же после этого лечения Иван Молодой умер, вину за его смерть возложили на врача: «Лекарь же даст ему зелие пити и жещи начасть кляницами по телу, въливая горячую воду (то есть лечил стеклянными сосудами, видимо, чем-то наподобие современных банок. – *Т. М.*), и от того ему бысть тяжчае, и умре...»[12] «Мистро Леон» дорого поплатился за смерть своего пациента: он был казнен.

По Москве поползли слухи о том, что за смертью наследника престола стоит Софья. Верить, что лечение просто не помогло, никто не хотел. Тем более что у Софьи и ее греков был мотив для убийства. Примечательно, что среди иноземцев, приехавших на Русь с посольством братьев Ралевых, был и Андрей Палеолог – человек более чем сомнительной репутации. Подозрения в причастности великой княгини к смерти пасынка возросли после 1498 года, когда стало известно, что к ней ходили «бабы с зелием», которые хотели отравить сына Ивана Молодого Дмитрия (известного в источниках как «Дмитрий-внук»). Но это отдельная история...

Вдова Ивана Молодого Елена родом была из Молдавии, почему и именовалась на Руси Волошанкой (русские источники именуют жителей и Молдавии, и Валахии *волохами*). После смерти мужа в ее светлице была изготовлена пелена «Усекновение главы Иоанна Предтечи»[13]. Избранный сюжет символизировал смерть праведника от рук нечестивцев и отражал восприятие случившегося теми, кто обвинял в гибели первенца Ивана III Софью и ее приближенных.

Со смертью Ивана Молодого вопрос о престолонаследии не был решен. Елена хорошо понимала неприязнь к Софье своего погибшего супруга. Второй женой ее отца – молдавского господаря Стефана Великого – была гречанка Мария, дочь князя Феодоро (Мангупа) Исаака[14]. Отношения между мачехой и падчерицей складывались непросто. Переживания юности могли сформировать у Елены настороженное отношение к грекам.

Елена мечтала видеть великим князем после смерти Ивана III своего сына Дмитрия. Той же судьбы Софья хотела для своего старшего сына Василия. За годы жизни в Москве она убедилась, что судьба младших сыновей в великокняжеской семье обыкновенно была плачевна. Ее супруг унижал братьев, ущемлял их свободы, а порой и расправлялся с ними. Софью поддерживали греки: с благополучием Василия были связаны их надежды на возрождение Византии. Но преимущества были и у Елены: она была дочерью могущественного правителя, и за ней, так же как и за Софьей, стояла большая группа единомышленников. Примечательно, что Елена Волошанка воспринималась в ту пору прямой наследницей древних римлян: в Молдавии была составлена хроника, возводившая родословную Стефана Великого к римским императорам[15]. Во времена, когда в России была актуальна «римская образность», прямые потомки римских императоров, не «изрушивших» – в отличие от греков – православную веру, могли рассчитывать на широкую поддержку русской аристократии. Сам Иван III до конца 1490-х годов официально не назначал себе преемника. Скрытый конфликт долго не проявлялся.

Пока обе женщины мечтали о счастливом будущем для своих сыновей, пришла пора выдавать замуж Елену («Олену») – первую дочь Ивана III и Софьи. Эти хлопоты на время отвлекли великую княгиню от тяжелых дум о судьбе Василия.

Литовское сватовство

Найти достойного супруга любимой дочери – задача не из простых. Решая подобные вопросы, средневековые правители ориентировались не на личные качества жениха и даже не на его богатство. Главным критерием была государственная необходимость. Какой брачный союз был полезен Москве в середине 1490-х годов?

Период с 1487 до 1494 года был ознаменован чередой пограничных конфликтов между Русским государством и Великим княжеством Литовским, хотя официально противоборствующие стороны не объявляли друг другу войны. Эта «странная война», как ее называют исследователи, была обусловлена территориальными притязаниями московского князя к Литве, восточные области которой были населены в основном православными. Эти земли прежде входили в состав Древнерусского государства и воспринимались на Руси как исконно русские. Нередки были случаи перехода на московскую службу местных православных князей, что означало присоединение их земель к России. С последним в Литве мириться не хотели.

Великий князь Литовский Александр Ягеллончик (сын польского короля и великого князя Литовского Казимира IV) еще в 1492 году решил жениться на дочери Ивана III и погасить этим давнюю распрю. Не стоит видеть в этом жесте «добродушие» западного соседа: он хотел, чтобы постоянное присутствие дочери Ивана III в Вильно гарантировало нейтралитет Москвы в отношении литовских земель. Княжна должна была стать своего рода почетной политической заложницей. Ивана III заинтересовало предложение Александра, поскольку великий князь Московский также рассчитывал, что этот брак может заставить западного соседа более лояльно отнестись к «праву отъезда» православных землевладельцев Литвы.

Смотрины невесты и обручение состоялись в Москве 6 февраля 1494 года. Жених в Москву не приехал, его представлял жмудский староста Станислав Янович, возглавлявший большое и пышное посольство[16]. В ходе обручения княжна-невеста обменялась с паном Станиславом перстнями (о которых, в отличие от ситуации 1472 года, позаботились заранее) и крестами на золотых цепях. Оставалось ждать специального посольства из Литвы, которое должно было забрать невесту на венчание в Вильно.

Предсвадебные хлопоты не могли не напомнить Софье о ее собственном замужестве, о ее страхах и переживаниях. Ее любимая первенца тоже должна была навсегда оставить всё, к чему привыкла с детства. У Софьи болело сердце за будущее Елены. Как никто другой, она понимала, сколь непросто будет ее дочери войти в семью жениха, наладить отношения с его окружением, а главное – преодолеть трудности, которые неизбежно возникнут в связи с различием вероисповеданий жениха и невесты. Софья не понаслышке знала о непримиримой позиции католиков в отношении православных. Но великая княгиня, как и прежде, не принимала решений[17] и не имела возможности уберечь Елену от грядущих печалей. Матери оставалось лишь горячо молиться о дочери у святых образов.

Дело с заключением брачного союза, однако, застопорилось. В ходе дальнейшего обмена посольствами выяснилось, что получить гарантии сохранения за Еленой православной веры после брака – на чем настаивал Иван III – не так-то просто. Первый вариант грамоты, которую хотел отправить Александр Казимирович Ивану III для ратификации, содержал фразу о том, что «коли похочет (Елена. – *Т. М.*) своею волею приступити к римскому закону, то ей воля»[18]. Подобный документ Иван III принять не мог, поскольку именно «защиты православия» (то есть своих интересов) он желал, отправляя дочь к «латинянам». Как это обыкновенно бывало в Средневековье, политические претензии нередко облекались в религиозные одежды. Более того, религиозные чувства были подчас неотделимы от политических предпочтений.

Позже московские дипломаты С. И. Ряполовский, В. И. Патрикеев и Ф. В. Курицын добились исключения из грамоты фразы о «воле» Елены. Удалось также получить обещание, что венчание пройдет с участием православного духовенства и, более того, молитвы над невестой будет читать не «латинский», а «греческий» (в данном случае православный) священник. Подготовка к свадьбе продолжилась.

Почти через год после обручения, в начале января 1495 года, за Еленой прибыло большое литовское посольство. 13 января в Благовещенском соборе была отслужена торжественная литургия, после которой Иван III и Софья при большом стечении народа посадили Елену в богато украшенную «тапкану» (возок). Сохранилось описание «тапканы». Она была «поволочена сукном ипским (из города Ипр во

Фландрии. – *Т. М.*) черленым (темно-красным, малиновым. – *Т. М.*), а под сукном подложена соболми... А в тапкану два зголовья: одно – камка венедицкая на зелене жолтъ, а другое – камка червчята венедицкая, да три ковры, да постелка хвосты собольи да бархат червчят гладкои бурскои (из города Бруссы в Малой Азии. – *Т. М.*), по чему княжне великои выити ис тапканы против великого князя (Александра. – *Т. М.*)»[19].

Невеста отправилась в дальний путь в сопровождении не только литовских представителей, но и нескольких десятков русских аристократов и их семей (всего около восьмидесяти человек). В Литву Елена везла богатое приданое, состоявшее из мехов («20 сороков соболеи да 20 000 белки, да 2000 горностаев...»), а также из множества драгоценных тканей разного цвета и фактуры: шелка, атла́сы (шелковая гладкая блестящая ткань), разные виды тафты (гладкая шелковая ткань полотняного плетения), бархата и камки (шелковая ткань с выработанным узором, обыкновенно однотонная)[20]. Наверняка главную роль в собирании этого приданого играла Софья. В приданое также входили драгоценная посуда и иконы. Среди последних – те, которыми благословляли жениха и невесту Иван и Софья. Великий князь благословлял Елену богато украшенным образом Богородицы с Младенцем, Софья же благословила дочь «образом Спасовым на лале (рубине. – *Т. М.*), а в неи 4 лалы да 2 яхонта да 8 зерен гурмызских (крупных жемчужин из иранского Ормуза. – *Т. М.*)». Родители проводили дочь до села Дорогомилова, где Иван III вручил ей «рог из новых рогов, окован серебром, позолочен, да горшок серебрен, венец у него писан и золочен». Мать надела на палец Елене «жиковину (перстень с печатью. – *Т. М.*) золоту, а в неи яхонт да сем зерен жемчугу гурмызского»[21].

Перед отъездом отец дал Елене наставление, подчеркнув, что она должна непременно хранить православие. Сохранилась «память великой княжне Елене», где говорилось, как именно можно это исполнить. Ей предписывалось «къ латынскои божнице не ходити, а ходити к своеи церкви. А похочет посмотрити латынские божницы, или манастыря латынского, ино ей посмотрити одинова, или двожды, а боле того ей къ латынскои божнице не ходити. А будет королева в Вилне, мати великого князя Александра, свекры ее, и коли поидет къ своеи божнице, а еи велит с собою ити, и великои княгине Олене ее провожати до

божницы, да отпрашиватися еи у неи вежливо къ петью въ своеи церкви, а в божницу еи не ходити»[22].

За наставлениями Ивана III в реальности стоял не столько страх за то, чтобы Елена «душою не погибла», сколько стремление к утверждению влияния православного правителя в землях, подчиненных католикам. Присущая тексту источника логика подсказывает, что Софья должна была присоединиться к этим наставлениям, но ее собственные слова, обращенные к дочери, неизвестны. Надо думать, на душе у Софьи было тяжело.

Жизнь Елены в Литве сложилась не слишком удачно. Литовцы сразу же нарушили обещания, данные Ивану III. Венчание прошло в католическом соборе Святого Станислава в Вильно, таинство совершил виленский епископ Войцех Табор, хотя на церемонии присутствовал и православный священник Фома. Позже Александр не согласился ни на то, чтобы православное окружение Елены осталось в Литве, ни на строительство в Вильно православного храма для супруги.

С последним предложением, больше похожим на требование, Иван III (от своего лица и от лица супруги) обращался в Литву не раз. В 1497 году для очередной беседы об этом в Вильно был отправлен грек Николай («Микула») Ангелов с помощником Ивашкой Оксеновым «на своих конех». (Последняя подробность свидетельствует о немногочисленности посольства и его «частном» характере.) Николай Ангелов передавал Елене слова отца: «Приказывал есми к тебе и неодинова (не единожды. – *Т. М.*), чтобы еси била челом своему великому князю (Александру. – *Т. М.*) о церкви, да и о панех и паниях греческаго закона, чтобы тебе велен поставити церковь греческаго закона, да и панов и паней дал (вернул бы Елене право иметь православное окружение. – *Т. М.*)...»[23] Кроме подарков от каждого из членов великокняжеской семьи посланники привезли Елене тринадцать книг[24]. По всей видимости, это были книги, необходимые для совершения православной литургии.

Отказ Александра строить церковь и притеснение «панов и паней греческого закона» стали предлогом для начала в 1500 году новой войны с Литвой. Московский князь старался воздействовать на Александра и через дочь, регулярно посылал ей подарки и письма. В своих посланиях Иван III предупреждал Елену, что она лишится родительского благословения, если отринет православие. Впрочем, в грамо-

тах Иван III не раз интересовался и ее здоровьем: «...и ты бы нам отказала... в чем твоя немочь, чем неможешь и как тебя нынечя Бог жалует»[25].

Елена хорошо чувствовала грань между сохранением православия ею самой (в этом смысле она полностью выполнила заветы отца) и борьбой за права православных аристократов Литвы, чем она, конечно, не занималась. В 1501 году Александр был коронован польской короной. Елена же отказалась от коронации (хотя и именовала себя «королевой польской» в письмах на родину[26]), ибо это подразумевало признание главенства папы римского над ее верой. И хотя с именем Елены связывают основание нескольких храмов и монастырей Вильнюса, о ее религиозно-политической деятельности фактически ничего неизвестно.

Многочисленные послы в Литву привозили ей по нескольку раз в год «поминки» (подарки) и грамоты и от матери. И то и другое носило чаще всего явно протокольный, а не личный характер. Почти все «письма» Софьи к дочери ни по структуре, ни по идеям не сильно отличались от писем Ивана III. В них великая княгиня Московская, вторя своему мужу, умоляла дочь, чтобы та хранила православие и была готова «до крови или до смерти о том пострадати»[27].

Эти строки едва ли принадлежали самой Софье. Вероятно, ее личные, не зафиксированные источниками советы были иными. Несмотря на нелюбовь, которую испытывала к Софье значительная часть русской аристократии, ей удалось создать и на долгое время сохранить хорошие отношения с мужем. Она понимала, что значит повести себя *тонко*, не предав собственных убеждений и в то же время не всегда вызывая гнев инородного окружения. К тому же стремилась и Елена. Впрочем, литовские верхи всё равно возложили вину за военные действия на границе с Россией именно на нее. «Какъ деи она в Литву пришла, такъ все лихо деется, коли бы деи она того не хотела, николи бы деи того не было...»[28]

Сколь созвучны эти слова тому, что писал о Софье в Москве Берсень Беклемишев! И всё же специалисты отмечают, что – несмотря на межгосударственные противоречия – личные отношения Елены с Александром оставались хорошими. Великая княгиня Литовская «овладела польским языком, поддерживала отношения с гуманистами... и (в целом. – *Т. М.*) была принята польско-литовским обществом»[29]. По всей видимости, в этом ей помогли наставления матери.

О том, что сохранившиеся памятники дипломатических связей с Литвой отразили преимущественно формальную сторону отношений Софьи с Еленой, говорит и то, какие именно подарки от матери в них упомянуты. Почти с каждым посольством Софья (как и Иван III) отправляла Елене по «корабельнику»[30] – золотой монете-медали весом около 7 граммов. Иногда она передавала и соболей. Несмотря на особое отношение к золотым монетам в России той поры, сложно себе представить более «холодный» подарок. Конечно, особенности внутрисемейного быта конца XV века почти не отражены в источниках, но, надо полагать, Софья передавала дочери и более личные подарки. Среди них могли быть, например, предметы декоративно-прикладного искусства из ее золотошвейной мастерской, символически отсылающие к тем или иным событиям в жизни Елены или связанные с ее небесной покровительницей.

Известно, что Софья присылала с гонцом золотые монеты и знаменитому боровскому старцу Пафнутию († 1477) незадолго до его преставления. Примечательно, что праведник не принял дар и велел отослать его назад. Готовясь к встрече с Господом, он стремился отречься от всего мирского: «Старец же никако от принесеных взяти повеле, паче же оскорбися многаго ради стужения (огорчения. – *Т. М.*)»[31]. Когда же Софья вновь отправила к Пафнутию посланника – Юрия Траханиота[32], келейник побоялся даже сообщить о его приходе, ибо знал, что Пафнутий не примет его.

Возвращаясь к отношениям Софьи с дочерью Еленой, можно добавить следующее. Думается, что сама великая княгиня была инициатором посылки Елене лишь нескольких из сохранившихся писем. Одно из них – от 15 октября 1497 года – особенно теплое, оно переносит историка в мир обыкновенных женских разговоров. Их главные темы не сильно изменились за несколько веков. Софья спрашивала у Елены о том, не беременна ли она и если да, то как она себя чувствует и на каком сроке: «Да сказывали твои робята Семичовы (по-видимому, приближенный литовской великокняжеской семьи Алексей Якут Семичев и кто-то из его людей. – *Т. М.*), что, дал Бог, ты беремянна; и аз к тебе приказывала с теми же с твоими робяты, чтобы ты еси ко мне о том отписала... и ты бы нынеча ко мне о том отписала: беремянна ли еси, и какъ свое время чаешь, о которых днех?»[33] Можно думать, что упомянутые в письме «робята Семичовы» (а также другие посланники) передавали Софье, помимо официальных грамот, и другие сведения о Елене.

«Человеческие» контакты матери и дочери, несомненно, имели место. К сожалению, свидетельств об этом очень мало. Но совершенно очевидно, что объемный корпус сохранившихся источников по русско-литовским отношениям рубежа XV–XVI веков представляет собой именно материалы официального происхождения и потому почти никогда не отражает истинных воззрений Софьи.

Ответные письма Елены отцу и особенно матери носят глубоко личный характер. Ее послания отличают высокий уровень литературного мастерства и необычайный лиризм. Эти особенности – свидетельство того, что Елена, по-видимому, получила какое-то домашнее образование в Москве (возможно, по инициативе матери), ибо за несколько лет брака научиться *так* писать невозможно.

Елена тяжело переживала «нажим» со стороны отца и его окружения. Ей не всегда было просто разделить «протокольные» и «личные» интенции каждого из родителей. Под впечатлением от обещаний Ивана III (и формально Софьи) лишить ее благословения в случае потери чистоты веры Елена в смятении чувств писала матери в начале января 1503 года: «И сама разумею, что ж отци и матери детей милуют и печалуются всим добрым их, толко, по моим грехом, на мене одну Бог розгневался, родителем моим не положил по сердцу мене жаловати. А сама не ведаю, в чем бы перед вами выступила, или в котором деле сгрубила, все есми приказание государя отца моего и... государыни матери моей и до сих мест полнила»[34]. Елена с сокрушенным сердцем умоляла Софью: «Змилуйси обо мне убогой служебнице и девце своей, и не дайте радоватись недругом моим о беде моей и веселитись о плаче моем... змилуйтеся, челобитья и плачю моего не оставите...»[35] Елена, в прямом смысле слова обливаясь слезами, просила как можно скорее закончить войну, начавшуюся в 1500 году.

Получить от дочери такое письмо было для Софьи очень тяжело. Но и до этих откровений она, вероятно, подумывала о том, что заключение «литовского» брака было ошибкой: он не оправдал надежд Ивана III, а главное – принес несчастье Елене. Быть может, глубокие переживания, вызванные этими думами, сыграли свою роль в смерти Софьи 17 апреля 1503 года.

Иван III, и сам к 1503 году уже чувствовавший тяжкое бремя лет, продолжал передавать дочери строгие предупреждения о том, что между ним и Александром «будет беспрестанная рать», если Елена «приступит к римскому зако-

ну, своею ли волею, неволею ли», чем погубит свою душу и лишится отцовского благословения[36].

После кончины матери Елене стало на чужбине особенно одиноко, хотя постоянные посольства из Москвы – от отца, а потом и от брата – продолжались. В мае 1503 года Иван III передал в Литву с послом Петром Плещеевым «крест золот с животворящим древом и с мощьми»[37], которым хотела благословить Елену Софья перед смертью.

«Чародеица греческая»

Проклят человек, иже надеется на человека и утвердит плоть мышцы своея на нем, и от Господа отступит сердце его.

Иер. 17: 5

Несчастливый брак дочери Елены был для Софьи причиной вечной грусти. Но еще больше печали ей доставляла борьба за права на московский престол ее старшего сына Василия, в которой ей пришлось принять деятельное участие. Пожалуй, этот эпизод из ее долгой и наполненной событиями жизни *единственный*, в котором Софья отважилась на решительные шаги.

В истории династического кризиса конца XV века много неясного. Мнения исследователей о причинах череды дворцовых конфликтов тех лет сильно разнятся. Отсутствие новых источников не позволяет полностью разобраться в противоречиях политической борьбы этой эпохи и мотивах поступков действующих лиц. Но главные этапы этого кризиса известны.

Всё началось в декабре 1497 года, когда великий князь узнал о готовящемся заговоре против сына Ивана Молодого и Елены Волошанки Дмитрия. Софья, Василий и их окружение знали о заговоре, а может быть, и участвовали в нем. Ответом Ивана III была опала на великую княгиню и ее старшего сына. Причастные к заговору люди были казнены.

«В лето 7006 (1497/98) по дьяволю действу восполеся князь велики Иван на сына своего князя Василья да и на жену на свою на великую княгиню Софью, да в тои опале повелел казнити детеи боярскых Володимера Елизарова сына Гусева, да князя Ивана Палецкого Хруля, да Поярка

Рунова брата, да Сщавья Скрябина сына Травина, да Федота Стромилова сына, диака введеного, да Офонасья Яропкина. Казнища их на леду, головы им секоша декабря 27»[38]. По той причине, что в списке казненных Владимир Гусев стоит на первом месте, описанные события иногда называют «заговором дьяка Владимира Гусева». Приведенная цитата – фрагмент Свода 1518 года, составленного в правление Василия III, и потому эта опала представлена в источнике в самом негативном свете.

Сведения из новгородской Уваровской летописи говорят о причастности Василия к заговору. Федор Стромилов сообщил Василию, что Иван III хотел «пожаловать» Дмитрия-внука. «Василий составил заговор, к которому привлек группу своих сторонников. По данным летописца, заговорщики хотели бежать в Вологду и на Белоозеро, захватить там казну, а с князем Дмитрием расправиться»[39]. В последние годы «руководящая роль» Василия в этом заговоре справедливо ставится под сомнение[40], но «греческий след» во всей этой истории более чем вероятен. Мы уже упоминали о связях греков в белозерских землях, по-видимому, сложившихся в начале 1480-х годов.

Некоторые летописные своды содержат интересные детали, касающиеся участия в заговоре Софьи: «И в то время опалу положил князь на жену свою, на великую княгиню Софию, о том, что к ней приходиша бабы с зелием; обыскав тех баб лихих князь великии велел их казнити, потопити в Москве-реке нощию, а с нею с тех мест нача жити в брежении»[41].

Это известие объясняет причину случившегося с Софьей и ее любимым сыном. Сама ли или под влиянием своего греческого окружения, советовавшего ей расправиться с Дмитрием, чтобы открыть путь к трону Василию, Софья – скорее всего, не без внутреннего трепета – попыталась отравить внука великого князя. Простить супруге такое злодейство Иван III не мог. Разгневанному государю могли вспомниться строки из распространенного на Руси «Слова о злых женах»: «Что есть жена зла? Кладязь (колодец. – *Т. М.*) смраден, стрела с чемером (с отравой. – *Т. М.*), ветр север, день неведрен (непогожий. – *Т. М.*), пустота дому, бешеная сука, неистова коза...»[42]

Что могла чувствовать Софья, когда ее замысел не удался? Разве что убедиться в справедливости новозаветных слов: «Что бо пользы имать человек, приобретет мир весь, себе же погубив» (Лк. 9: 25). «Немил свет, когда друга нет», –

вторит Евангелию пословица. Опальная супруга наверняка глубоко отчаялась, ведь она шла на грех не ради себя и своего личного благополучия, а ради сына. Казалось, она проиграла, и после раскрывшегося вероломства Василию никогда не стать великим князем.

Как могла Софья решиться на такое? По-видимому, ее религиозное чувство не было глубоким, а страх Божий не был силен. В глубине души она считала возможным устранить политического конкурента таким способом. Свою роль могли сыграть и уговоры со стороны близких к власти греков, ибо именно им присуще было желание поставить на московский престол Василия «Палеолога».

Оправданий для Софьи нет. Но как и любая грешница, она заслуживает не только осуждения, но и сострадания. Она невольно стала символом надежды для одних и символом циничной политической игры для других. Не слишком ли большую ответственность взвалили на ее женские плечи?

Впрочем, отсутствие оправдания не означает отсутствия объяснения выбранного ею метода действий. Софья считала возможным использовать любые средства для решения своих житейских задач. Она действовала по ложному принципу: если не помогают молитвы и свечки в храме, помогут заговор и зелье. Князь-перебежчик Андрей Курбский, находясь в Литве, называл Софью в своей «Истории о великом князе Московском» «чародеицей»[43], намекая на ее связи со знахарями, колдунами и астрологами. В надежде на помощь темных сил Софья была не одинока. На Руси всегда было немало адептов различных оккультных течений – «волхвов», и конец XV столетия не был исключением. Скорее напротив: на рубеже XV–XVI веков знахари и астрологи буквально наводнили Москву. Они приезжали из Европы, преимущественно с посольствами из Италии и немецких земель, где – несмотря на осуждение подобных практик католической церковью – они были в большом почете. В Москве у них объявлялись поклонники и ученики. Эти люди забыли библейские слова, предостерегающие против прорицателей, гадателей, ворожей, обаятелей, вызывающих духов и вопрошающих мертвых: «мерзок пред Господом всякий, делающий это» (Втор. 18: 12).

Увлечение аристократии и гуманистов магией, алхимией, каббалой и астрологией – смердящая изнанка Ренессанса, эпохи, превозносившей гармонию, радость и красоту. Многие итальянские суверены держали при своих дворах

астрологов, к советам которых относились с большим вниманием. Например, в главной зале палаццо Скифанойя в Ферраре – в той, где принимали послов и организовывали празднества, – в 1467–1470 годах Франческо дель Косса создал цикл фресок «Месяцы». Это, по сути, астрологические изображения, содержащие предсказания членам семьи герцогов Гонзага. Стены залы разделены на двенадцать секторов. Каждый сектор разделен на три части снизу вверх. В верхнем секторе было помещено изображение античного бога – покровителя месяца, в центре – положение зодиака, снизу – влияние зодиака на членов семьи Гонзага[44].

Миланские герцоги не отставали от правителей Феррары. Колдуны и каббалисты составляли трактаты для Франческо Сфорца и его наследников. При дворе Лодовико Моро огромным почтением пользовался астролог Амброджо да Розате, без совета с которым не принималось ни одного решения. В одной из своих речей герцог признался в полном доверии к астрологии, заявив, что «прежде он молился Богу, а затем обратился к звездам за руководством»[45].

В Венеции и других итальянских городах гуманисты издавали астрологические трактаты. Среди выдающихся умов эпохи увлечение астрологией «возникает на почве веры во всеобщую подчиненность законам природы и связь всего со всем»[46], что было осознано и остро прочувствовано гуманистами. Несмотря на то что некоторые видные гуманисты относились к астрологии с подозрением, замечая, что она «лишает людей спокойствия и наполняет душу устрашающими фантазиями»[47], увлечение ею с каждым годом набирало обороты.

Мода на магию и астрологию стала одним из следствий западного влияния на русскую культуру конца XV–XVI века. Уже после династического кризиса конца XV века, когда Василий III давно укрепился на престоле, Максим Грек во многих своих произведениях обличал «поклонение звездам», распространенное среди русской аристократии. В своем послании Федору Карпову он, разоблачая астрологию, предостерегал об опасностях, которые могли по Божьему попущению произойти с человеком, особенно увлекшимся ею. Ученый грек привел ряд примеров, в том числе печальную судьбу Лодовико Моро, содержавшего чуть ли не самый пышный двор во всей Европе и знаменитого многими победами, но кончившего жизнь в плену у французского короля Людовика XII. Для последнего «пленение Моро... было событием более важным, чем выигран-

ное сражение», повлекшее сдачу Милана[48]. Максим Грек убежден, что такая судьба – расплата за приверженность оккультным течениям.

Думается, что образ Лодовико Моро был выбран Максимом Греком не случайно. Будучи хорошо знаком с итальянской действительностью, он, несомненно, знал, что многим успехам герцог обязан вовсе не «душевною доблестию» или другим добродетелям, которыми были отмечены достойнейшие люди прошлого (в числе приведенных Максимом Греком героев Юлий Цезарь и Дмитрий Донской), а беспринципностью и пренебрежением моральными нормами. Выдающийся специалист по эпохе Возрождения Якоб Буркхардт писал о Лодовико: «При всей безнравственности своих средств он оставался абсолютно наивен в их применении; он, конечно, был бы весьма удивлен, если б кто-нибудь объяснил ему, что нравственная ответственность существует не только за цели, но и за выбор средств»[49].

Сходные слова можно сказать о многих других деятелях той поры. В эпоху Ренессанса в Европе создавался образ человека-героя, «авантюриста, искателя, пытливого во всех областях, кроме моральной»[50]. Итальянцы и греки из свиты Софьи, испытавшие влияние культуры Возрождения, по-видимому, усвоили эти представления. Коллективное сознание их «партии» отличала противоречивость. Они готовы были ревностно служить своему покровителю, защищать православие и одновременно использовать излюбленные итальянские и византийские методы борьбы с политическими врагами. Впрочем, отравление как способ борьбы с политическими противниками использовали на Руси задолго до греков. Отравления были в ходу и в Орде.

* * *

Пока Софья и Василий находились в опале, сторонники Дмитрия-внука и его матери Елены Волошанки праздновали победу. Вскоре после казней состоялось важное событие. В воскресенье, 4 февраля 1498 года, Дмитрий был не только официально объявлен наследником Ивана III, но и «венчан на великое княжение». В Москве это было первое действо такого рода. Сама церемония обнаруживает близость к византийской традиции «венчания на царство» императоров. В Успенском соборе Иван III и митрополит Симон в присутствии главных иерархов Русской церкви «посадили на великое княжение Владимирское и Москов-

ское» пятнадцатилетнего княжича Дмитрия. Кульминацией торжества стало возложение на голову Дмитрия «шапки Мономаха», а на его плечи – барм – знака царского достоинства.

Елена Волошанка искренне радовалась опале на Софью: «чародеица» и ее греки, казалось, навсегда изгнаны из великокняжеского дворца, и их «византийские» мечтания никогда не станут причиной нарушения порядка наследования престола. Чувства княжны-молдаванки нашли отражение в одном из самых известных произведений декоративно-прикладного искусства, созданного в ее золотошвейной мастерской. Речь идет о знаменитой подвесной пелене 1498 года.

Исследователи не раз вглядывались в красочную пелену тонкой работы, отмечая ее необычность в сравнении с аналогичными произведениями, происходившими из русских мастерских. На кайме пелены – в отличие от памятников русского шитья – нет изображений или текстов, а только замысловатый орнамент, характерный для искусства молдавских земель той поры. На самой пелене изображены две многолюдные процессии, взирающие на икону Богородицы, поддерживаемую человеком в странной, будто «кружащейся» позе.

Что именно изображено на пелене? Одни видят крестный ход на Вербное воскресенье 1498 года, в котором приняли участие члены великокняжеской семьи и духовенство[51]. Другим представляется, что на пелене запечатлено само «венчание на царство» Дмитрия-внука[52]. Третьи полагают, что представленная сцена носит не конкретно-исторический, а абстрактный характер[53].

Об искусстве судить сложно, о древнем искусстве – особенно. Но кажется, что отрицать исторический характер изображенной на пелене сцены оснований недостаточно, и попытки отождествить главных персонажей с конкретными историческими лицами оправданны.

Наиболее чуткие искусствоведы пришли к выводу, что на пелене запечатлена не просто процессия с выносом иконы (будь то один из моментов «венчания на царство» или крестный ход), а явление совершенно другого рода. Речь идет о повторении в Москве так называемого *Вторничного действа* с константинопольской иконой Богоматери Одигитрии[54]. В Москве чтилась реплика Константинопольской Одигитрии, хранившаяся в Вознесенском монастыре[55]. В столице Ромейской державы Вторничное действо было чуть ли не главным еженедельным духовным событием в жизни горо-

да, собиравшим едва ли не все его население и многочисленных паломников. Во время Вторничного действа великая святыня Константинополя – образ Богородицы Одигитрии, написанный святым евангелистом Лукой, – чудесным образом становилась невесомой, бесплотной, тогда как в другое время ее сложно было сдвинуть с места. Тот, кто придерживал образ во время чуда, будто кружился с ним по городской площади, освящая таким образом столицу.

Учитывая то, что пелена была создана в годы ожесточенной борьбы за власть, можно связать воспроизведение чудесного действа с Одигитрией с «венчанием на великое княжение». Каким образом были соединены эти два события и в какой последовательности они шли, предмет для будущих исследований. Но известно, что на русских иконах того времени в одном изображении соединялось подчас несколько событий, произошедших в разное время, но связанных между собой. Не исключено, что таковым было и изображение с пелены 1498 года: в нем соединились «венчание на великое княжение» Дмитрия-внука (случившееся, согласно летописным данным, в воскресенье) и действо с иконой Богородицы (не исключено, что оно произошло во вторник).

Далеко не все персонажи, изображенные на пелене, могут быть отождествлены с реальными людьми. Но вероятнее всего, что с левой стороны во втором сверху ряду старец с седой бородой – это Иван III, следом – с черной бородой – Василий, а за Василием – Дмитрий-внук, представленный безбородым юношей в позе причастника. Над головами Ивана III и Дмитрия – нимбы. Именно дед и внук – главные герои этой пелены, именно их выделяет и превозносит Елена Волошанка – автор идеи композиции.

А где же Софья? Скорее всего, она изображена в желтом одеянии в левом нижнем углу. Ее легко узнать по «таблиону», нашитому на ее плече. Подобные «таблионы» с изображением двуглавого орла нашивались в Византии на одежды тех младших представителей императорской семьи, которых *не рассматривали* как возможных наследников престола[56]. Более «невыигрышного» места на пелене сложно представить! Поместив Софью в угол композиции и сопроводив ее образ нашивкой-«клеймом», Елена Волошанка постаралась передать вполне определенную мысль: роль Софьи при дворе ничтожна, и ее сын *никогда* не унаследует власть. Софья с пелены Елены Волошанки напоминает «бедную родственницу», «скитающуюся, аки стран-

ница», – как бы выразился летописец, автор рассказа о поведении Софьи накануне «стояния на Угре».

В литературе встречается мнение, будто Софья специально нашивала на одежду «таблион», подчеркивая тем самым свою причастность к роду византийских императоров и права на наследование константинопольского престола[57]. Но Софья не могла нашивать такие «таблионы»: это бы означало, что она признает себя второстепенной фигурой в семье Палеологов и не связывает с собой и своими детьми продолжение династии.

Согласно другому мнению, Софья изображена на пелене 1498 года в нижнем ряду, четвертой слева, в высокой шапке с меховой оторочкой, в торжественном платье с золотыми застежками. Софья здесь будто предводительствует женской частью великокняжеской семьи[58]. Однако эта гипотеза не представляется убедительной: едва ли Елена Волошанка интерпретировала образ Софьи таким образом. Не исключено, что статная особа в нарочито парадном одеянии – сама Елена.

Как уже было сказано, загадочная сцена с пелены не является перенесением на ткань точной последовательности событий декабря 1498 года. Более того, известно, что Софья и Василий и вовсе не присутствовали на «венчании на великое княжение», ибо были удалены с великокняжеского двора. Но пелена отражает именно идеи, а не физическую реальность.

В ходе исследований пелены 1498 года последних лет удалось выявить две ее важные особенности. Во-первых, несмотря на то что восприятие Вторничного чуда с иконой Одигитрии на Руси восходит к домонгольским временам[59], именно в конце XV века оно приобретает исключительную актуальность. В московском действе с репликой константинопольской Одигитрии «сакральное пространство Москвы отождествляется с Константинополем – священной столицей великой империи, Новым Иерусалимом и Вторым Римом»[60]. Во-вторых, на пелене легко заметить изображения двух зонтиков-«солнечников»: один – над великокняжеской процессией, другой – над митрополичьей. Подобные «солнечники» в Европе представляли собой символы высшей власти римского папы и императора. Так, в римской церкви Четырех мучеников, при которой одно время жил отец Софьи Фома, сохранился цикл фресок середины XIII века, изображающих историю «Константинова дара». (Это рассказ о крещении императора Константина папой Силь-

вестром и легенда о том, что за крещением последовала передача папе светской власти над Западной Римской империей.) Чтобы подчеркнуть «первенство» папы как светского государя, автор фресок изобразил императора Константина держащим над понтификом зонтик-«солнечник». Но эти же «солнечники» символизировали власть и светских правителей – например венецианских дожей[61]. Известны также средневековые миниатюры с изображениями «солнечников» над ветхозаветными царями (замечено, что художники придавали им черты императоров).

Примечательно, что на русской пелене изображены *два* зонтика, что всего ближе не римской, а венецианской идее равенства символов власти папы и императора и может быть связано с оживлением контактов с Венецией. По всей видимости, появление в Москве «зонтика в качестве атрибута правителя можно рассматривать как иконографическую параллель к попыткам московских государей "примерить" царский титул»[62]. Присутствие же на пелене зонтика и над митрополитом говорит о влиянии на Руси идей, связанных с идеологией «Константинова дара». В Новгороде в это время была создана «Повесть о белом клобуке», превозносящая духовную власть и фактически основанная на этих идеях. Сюжет о зонтиках с пелены Елены Волошанки исследован далеко не полностью, но «фряжский след» в появлении в Москве этих символов власти не вызывает сомнений.

Обе отмеченные особенности имеют византийско-итальянский подтекст, что, казалось бы, противоречит конкретно-политическим идеям, нашедшим свое отражение в пелене Елены Волошанки. Но это противоречие объяснимо: влияние итало-греческого мира на русскую культуру имело место задолго до Софьи. Оказавшись в Москве, Елена Волошанка и сочувствующие ей русские – ничуть не в меньшей степени, чем их политические противники, – оказались под воздействием греко-итальянской культуры.

Звездный час «царевны царьгородцкой»

В 1498 году казалось, что звезда Софьи Палеолог погасла, что отныне ее удел – вечное покаяние. Но случилось иначе.

К 1499 году расстановка политических сил сильно изменилась. 7 января великий князь подверг опале своих

давних доверенных лиц – С. И. Ряполовского, И. Ю. и В. И. Патрикеевых. В то же время Иван III снял опалу с Софьи и – по-видимому, немного позже – с Василия. Более того, 21 марта он «пожаловал» Василия, назвав его «великим князем и государем Новгорода и Пскова». Внук же Ивана III Дмитрий перестал считаться наследником московского престола, хотя формально никто не лишал его титулов и благодати, полученной им в ходе венчания на великое княжение. Номинально к марту 1499 года в Москве было три (!) великих князя[63].

Известия источников об этих важных событиях до обидного скупы, что дает почву для различных и порой противоречащих друг другу гипотез. Среди историков нет единого мнения даже по вопросу о том, связана ли опала на Ряполовского и Патрикеевых с возвышением Василия. Воистину, «сердце царя в руке Господа, как потоки вод: куда захочет, Он направляет его» (Притч. 21: 1).

По всей видимости, свою роль в изменении династической ситуации сыграло несколько обстоятельств.

Во-первых, круг просвещенных греков Софьи не оставлял надежд на вокняжение Василия. Они вели какую-то скрытую работу по его «продвижению». Окружение Софьи ученые называют не только «партией», но и «думой»[64]. Последнее определение звучит претенциозно, но оно отражает деятельное участие некоторых греков в политической борьбе. Это была реальная политическая сила, не «альтернативная» великому князю, а самостоятельная, способная в некоторых случаях ему противостоять и бороться за свои интересы.

Говоря о борьбе с новгородско-московской ересью, мы уже упоминали, что греки сыграли в ней свою роль. Эта роль была обусловлена не только и не столько преданностью православию греков, долгое время симпатизировавших унии с Римом. Дело в том, что Елена Волошанка поддерживала еретиков и борьба с «жидовствующими» превращалась для греков в борьбу за права наследника византийского императорского дома.

Во-вторых, некоторые историки полагают, что опала на Ряполовского и Патрикеевых не была прямо связана с династической ситуацией, а являлась следствием изменения внешнеполитического курса Русского государства. Опальные бояре были сторонниками сближения с Литвой (они имели прямое отношение к заключению брака между Александром и Еленой), тогда как великий князь к 1499 году ре-

шил продолжить военное наступление на Запад[65]. Но почему Софья и ее греки должны были непременно хотеть войны с Литвой, в любом случае остается неясно.

Династическая борьба всегда сопровождается жестокими расправами. 11 апреля 1502 года Елена Волошанка и Дмитрий-внук были брошены в темницу за некое «прегрешение»[66] перед государем. О них было запрещено молиться «на литиях и ектеньях» во время литургии[67]. Через три дня после этой расправы Василий был объявлен соправителем Ивана III.

* * *

Сделав выбор в пользу второй семьи, Иван III захотел легитимизировать права Василия как своего наследника. Учитывая то, что Дмитрий-внук был «венчан на царство», можно думать, что предполагалось и «венчание» Василия. По крайней мере именно так можно объяснить невероятные на первый взгляд сведения, содержащиеся в «Дневниках» венецианского сенатора Марино Санудо. Он сообщал, что в декабре 1499 года в Венецию прибыли посланники «русского короля» Дмитрий Ралев и Митрофан Карачаров. Одной из целей их миссии была покупка драгоценного шейного украшения (*collare*) на астрономическую сумму – 36 тысяч (!) дукатов. Нельзя исключать того, что это *collare* представляло собой драгоценные бармы, необходимые для церемонии «венчания на великое княжение». Присмотримся к этой истории более внимательно.

Известно, что *collare* было отдано в залог «римским королем» Максимилианом представителям одного из знатнейших венецианских родов – Капелло[68]. Из этого рода происходили выдающиеся военные, дипломаты, чиновники и деятели искусства. В данном случае наиболее интересны Ветор Капелло и «братья Капелло», старшим из которых был Андреа. Ветор Капелло был коллегой Марино Санудо в сенате[69]. Он занимал должность *savio ai ordeni* – был одним из так называемых «мудрецов порядка». Это была одна из самых почетных в Республике должностей.

Незадолго до приезда русских посланников Ветор предпринял попытку продать ожерелье французскому королю Людовику XII, когда тот со своими войсками в ходе так называемых «итальянских войн» занял в 1499 году Милан[70]. Инициатива по продаже дорогого *collare* тогда не увенчалась успехом. Между тем семье Капелло были крайне необ-

ходимы деньги. Требовалось как-то компенсировать убытки от разорения знаменитого банка Томмазо Липпомано, где «Андреа Капелло с братьями» был одним из главных кредиторов[71]. Вероятно, представители рода Капелло решились предложить столь дорогую покупку русским, поскольку были удивлены их богатством. Ралев и Карачаров привезли с собой драгоценные меха: многие тысячи шкурок пушного зверя и прочие северные диковины. Всё это они собирались продать[72].

Санудо отмечает некоторые особенности сделки по покупке *collare*. Она «была заключена следующим образом: 12 тысяч дукатов наличными, а не достающая до 36 тысяч дукатов сумма – многими шкурками пушного зверя, то есть 16 частей шкурками белки и других зверей, по 36 дукатов за тысячу, 6 частей соболями, каждый из которых стоил 2,5 дуката, и 2 части горностаями, по 10 дукатов за связку в сто штук. И там же был отдан задаток в 1000 дукатов наличными, с условием, что в течение пяти месяцев они получат деньги, а в течение года – выделанные шкурки, привезенные в Портогруаро. В случае нарушения данного договора они (русские. – *Т. М.*) теряли здесь указанные 1000 дукатов наряду с другими условиями, которые были заключены между ними»[73].

Как видим, бóльшую часть суммы русские должны были отдать пушниной, причем не привезенной с собой, а скорее всего той, которую предполагалось специально отловить или выменять у северных народов для этой цели: на доставку меха отведен целый год. Значительную часть наличных денег (11 тысяч дукатов) русские должны были привезти через пять месяцев. По тогдашним меркам – очень быстро: Санудо указывает, что до «русского короля и московского князя» три месяца пути[74]. Это значит, что гонец отправился из Венеции в Москву сразу же по заключении сделки (в декабре 1499 года), то есть гораздо раньше, чем уехали Ралев и Карачаров (не ранее марта 1500 года). Кроме того, из текста неясно, кто именно должен был прибыть с мехами в Портогруаро: лично Ралев и Карачаров или же их доверенные лица. Как видим, торговые связи Москвы и Венеции были гораздо интенсивнее, чем можно предположить, опираясь лишь на данные русских источников.

Сумма в 11 тысяч дукатов наличными представляется в руках гонцов Ивана III поистине фантастической: если верить источнику, речь шла более чем о 38 килограммах золота![75] Впрочем, подобные суммы как раз и были нужны пред-

ставителям рода Капелло в тот момент. Более того, северные диковины и меха, привезенные посланниками в Венецию, вполне могли быть проданы за эти огромные деньги.

Кто знает, купили ли Ралев и Карачаров бармы для «венчания на царство» Василия, и если да, довезли ли они их до Москвы в целости и сохранности?.. Возможно, венецианские архивы еще скрывают документы, которые могут пролить свет на эти вопросы. Но известно, что «венчание на великое княжение» Василия так и не состоялось ни до, ни после смерти Ивана III.

* * *

В чем бы ни были истинные причины «политического переворота», произошедшего в январе – апреле 1499 года, завершился он победой Софьи Палеолог и ее окружения. Василий получил гарантии власти над Русью. Теперь уже Софья запечатлела свою радость на пелене, которую она в 1499 году (видимо, после 21 марта) передала как вклад в Троицкий монастырь в знак почтения к преподобному Сергию. Этому святому Софья молилась и перед рождением Василия, и, по-видимому, в трудный для сына 1498 год. Память об этих молитвах могла сыграть свою роль в особом отношении к Троицкой обители ее внука – Ивана Грозного. Первый русский царь чтил память отца и положил начало обычаю многодневного царского паломничества в обитель преподобного Сергия.

Но вернемся к пелене Софьи. Это интереснейший памятник лицевого шитья. Ее цветовая гамма «сочетает пышную нарядность с утонченным художественным решением», в ней «живо ощущается живописная гармония»[76]. В отличие от пелены Елены Волошанки пелена Софьи более традиционна для древнерусского прикладного искусства. В центре композиции – большой крест и литеры – IC XC («Иисус Христос») и НИКА (переданное славянскими буквами греческое слово νίκη – «победа»). В христианской традиции эти литеры означали победу Спасителя над смертью, которую Он показал чудом Своего Воскресения. В данном случае они приобретают и новый, земной смысл, означая победу Василия, его матери и их сторонников.

Кайма пелены представляет собой серию из четырнадцати клейм, изображающих избранных святых и православные праздники. Внизу вышита надпись: «Лета 7007 (1499) создана сия пелена при благоверном великом князе Иване

Васильевиче всея Руси и при в Россие великом князе Василе Ивановиче и при архиепископе Симане митрополите замышлением и повелением царевны царьгородцкою великою княгинею Московскою Софьею велико князе Московъском молилася Троице Живоначальныя и Сергею чюдотворцу, приложила сии пелену»[77].

Выбор праздников и святых не случаен. В верхнем ряду особенно выделяется икона Боголюбской Божьей Матери. Этот образ – символ покровительства Богородицы великокняжеской семье. Святой Иоанн Предтеча, изображенный справа от центрального клейма верхнего ряда (Ветхозаветная Троица), являлся покровителем императорского дома Палеологов.

Рядом с этими образами легко узнать святого Иоанна Златоуста и святого апостола Тимофея – святых, в честь которых был наречен Иван III (у него, как и у его сына Василия-Гавриила, было два имени). В нижней части пелены – изображения митрополитов Петра и Алексия, покровителей московского княжеского дома, а также святые защитники Василия – архангел Гавриил и святой Василий, епископ Парийский[78].

«Троицкая пелена 1499 года дает нам жизнь своего времени, но иносказательно, в символах. Вкладчица пелены вполне осознает свое значение и именует себя "царевной царьгородцкою"; но самые изображения говорят только об Иване III и сыне его Василии; Софья Палеолог не помещает даже изображение своей святой... Этот вклад говорит о ее сыне Василии и сделан по определенному случаю. Закулисная роль Софьи в событиях 1498–1499 годов «проводится в тех формах, которые допускала русская жизнь того времени»[79].

Эти наблюдения, сделанные более шестидесяти лет назад, удивительно точны. Они проливают свет на важную грань личности уже пожилой Софьи. Она – как и любая мать – старалась не для себя. Вся ее жизнь имела целью благополучие ее детей и ее рода – не только Палеологов, но и Рюриковичей. (Особенно остро проявилось это во время событий династического кризиса конца XV века.) Сама великая княгиня остается в тени своих заслуг, отразившихся в победе старшего сына.

Изображение самой Софьи, по-видимому, можно видеть на другом памятнике материальной культуры – московской иконе Боголюбской Божьей Матери начала XVI века. Среди тех, кто предстоит перед Владычицей Небесной, искус-

ствоведы выделяют несколько фигур. Это главные герои 1499 года – Василий, Иван III и Софья. Великую княгиню отождествляют с дамой, изображенной в высокой светлой шапке, стоящей третьей справа по отношению к Богоматери. Согласно этой трактовке, перед Софьей находятся Иван III (в короне, с длинной бородой), а непосредственно перед Богородицей – Василий (в короне, с короткой бородой). Вероятнее всего, икона была вложена в одну из кремлевских церквей великим князем Василием в знак благодарности Богородице, в помощи Которой он не сомневался[80].

* * *

Из всех детей Софьи Василию была предначертана самая счастливая судьба. Его семейная жизнь и степень религиозности были далеки от идеала, но он стал достойным продолжателем дела «собирания земель», начатого в далеком XIV веке Иваном Калитой и продолженного пятью поколениями его суровых предков. По отношению к своим братьям, оставшимся в живых к 1505 году, – Юрию (1480–1536), Дмитрию (1481–1521), Симеону (1487–1518) и Андрею (1490–1536) – Василий проявил редкое для средневекового монарха милосердие. В отличие от Ивана III он не преследовал братьев, а те не пытались поднять мятеж против его власти. Вероятно, такие отношения между братьями сложились благодаря определенному воспитанию, гармоничной обстановке в детской, какую удалось создать Софье.

Тяжела была лишь участь Елены Волошанки, умершей в тюрьме в 1505 году, и Дмитрия-внука. До своей смерти Дмитрий сидел в оковах в темнице, где скончался 14 февраля 1509 года в возрасте двадцати пяти лет.

Судьбы дочерей Софьи оказались менее счастливыми. В Литве старшая дочь Елена (1474–1513) не смогла родить наследника польскому королю. Она на семь лет пережила своего супруга и нашла вечный приют в католическом храме Святого Станислава в Вильно. Другая дочь, Феодосия (1475–1501), была отдана замуж за князя Василия Дмитриевича Холмского – сына героя Шелонской битвы, но через год с небольшим умерла. Евдокия (1492–1513) была выдана за татарского царевича Кудайкула (в крещении Петра Ибрагимовича). Этим браком Иван III надеялся укрепить русско-казанские отношения. У Евдокии родились дети, и

этот брак – несмотря на разные культуры, к которым принадлежали муж и жена, – как кажется, был наиболее удачным. Две другие дочери Ивана III и Софьи – Елена (род. 1476)[81] и другая Елена (род. 1484), по-видимому, умерли во младенчестве. Сын Борис, рожденный в конце 1480-х годов, умер юношей в 1503 году.

На пороге Вечности

Человек яко трава дни его, яко цвет сельный, тако отцветет...

Пс. 102: 15

К концу своего земного пути Софья Палеолог, наверное, испытывала сложные чувства: она печалилась о дочерях и беспокоилась о судьбе младших сыновей. Но главное дело последних лет ее жизни было завершено успешно. Полагают, что удовлетворение последним обстоятельством нашло отражение в знаменитом скульптурном портрете Софьи Палеолог, осуществленном в 1994 году антропологом С. А. Никитиным на основании ее останков. Этот портрет «говорит об уме, решительном и сильном характере великой княгини Софьи»[82], проявившемся в последние годы ее жизни.

Окружавшие ее греки также праздновали победу. Сын Дмитрия Траханиота Юрий («Юшка Малой») не раз беседовал с приехавшим в Россию послом империи Габсбургов Сигизмундом Герберштейном. Грек рассказывал австрийцу о Софье – женщине, волею обстоятельств ставшей надеждой греческого мира. Герберштейн записал: «Говорят, Софья была очень хитра, и по ее наущению князь делал многое»[83].

Но Юшка Малой был не единственным информатором Герберштейна. Австриец не обошел вниманием и мрачные подробности, связанные с историей Дмитрия-внука: «Рассказывают, что она убедила мужа лишить монархии внука Димитрия и поставить на его место Гавриила (то есть Василия. – *Т. М.*). По настоянию жены князь заключил Димитрия в тюрьму и держал его там. Только перед смертью он призвал к себе Димитрия и сказал ему: "Дорогой внук, я согрешил перед Богом и тобою, заключив тебя в темницу и лишив земного наследства. Поэтому молю тебя, отпусти мне обиду, причиненную тебе, будь свободен и пользуй-

ся своими правами. Растроганный этой речью, Димитрий охотно простил деду его вину. Но когда он вышел от него, то был схвачен по приказу Гавриила и брошен в темницу"»[84].

Подобная характеристика Софьи – коварной советчицы и «злой жены» – вошла в научную традицию. Выдающемуся византинисту начала XX века Ф. И. Успенскому принадлежат слова о том, что «бояре и слуги царя (имеется в виду великий князь Иван III, который в некоторых документах начал именовать себя царем. – *Т. М.*) не любили гречанку за то, что она завела новые обычаи при дворе, ослабила их влияние на царя, и никак не могли ей простить, что с тех пор важные дела стали обсуждаться не в думе, а в царской спальне, что в Москве появилось много иностранцев, что стали... вносить новшества, к которым москвичи относились с подозрением»[85].

Но подобные взгляды – плод позднейшего осмысления образа супруги Ивана III. Мы уже говорили о том, что в реальности она, по-видимому, не оказывала на мужа столь значительного влияния. На решения великого князя гораздо больше влияли приехавшие с ней греки и «фрязы». В основе политики Ивана III лежал солидный корпус представлений о Западе и Востоке, складывавшийся в русской культуре на протяжении нескольких столетий.

* * *

Софья отошла в мир иной 17 апреля 1503 года. «Тоя же весны апреля 17, в пятницу, на 9 часу дни преставися благоверная и великая княини Софья великого князя Ивана Васильевича, и положиша ея в церкви Вознесениа во граде на Москве»[86].

«Царьгородскую царевну» похоронили в главном храме женского Вознесенского монастыря, основанного вдовой Дмитрия Донского Евдокией. С момента своего основания и до 1731 года эта церковь выполняла функцию усыпальницы московских великих и удельных княгинь и цариц. Белокаменный саркофаг с телом Софьи погребли рядом с могилой первой жены Ивана III Марией Тверской. В подобных массивных саркофагах антропоморфной формы, изготовленных из монолита известняка, долгое время погребали представительниц великокняжеской семьи. Захоронения обеих жен Ивана III можно было найти у западной стены, справа от входа в собор. Исследователи отмечают светский характер погребения обеих княгинь[87].

Кремлевский храм в честь Вознесения Господня имел долгую архитектурную историю. Каменное здание было заложено почти одновременно с основанием обители, но долгое время он стоял незавершенным: безденежье, феодальная война второй четверти XV века и ее последствия не давали возможности закончить строительство. Здание было достроено в 1467 году под началом В. Д. Ермолина «повелением великой княгини Марьи» – первой жены Ивана III. Однако уже в 1519–1521 годах храм был полностью перестроен. Надо думать, именно тогда на саркофаге второй жены Ивана III было процарапано имя «Софья»[88]. Первоначально же саркофаг никакой эпитафии не имел. В 1598 году на месте старого храма был возведен большой пятиглавый собор, простоявший до рубежа 1920–1930-х годов, когда началось разрушение храма, а захоронения были перенесены в подвальную палату Архангельского собора.

При перенесении гробниц было произведено вскрытие саркофага Софьи. Тогда был обнаружен костяк, обернутый саваном из итальянской камки. В 1994 году было проведено повторное и более глубокое исследование останков Софьи. От погребальных одежд к концу XX века почти ничего не осталось. Но удалось выяснить рост великой княгини – он составлял около 160 сантиметров, а также то, что она к концу жизни страдала гормональными нарушениями: была очень полной и над верхней губой у нее росли усики. Хочется надеяться, что они не очень портили ее...[89]

Интересные результаты дало сопоставление останков Софьи с останками некоторых других членов великокняжеской семьи. Удалось выяснить, что «черты средиземноморского типа», присущие Софье, проявились и у ее внука – Ивана Грозного. Обоих отличал «крючковатый» нос с характерной горбинкой[90]. Этот факт стал важным аргументом в давнем споре о том, являлся ли Василий III отцом Ивана Грозного. (Высказывалось мнение, что вторая супруга Василия – Елена Глинская – прижила сына от одного из придворных.) Сравнение останков Софьи с останками ее умершей в детстве праправнучки – Марии Старицкой (внучки сына Софьи Андрея, родившегося в 1490 году) – обнаружило черты сильного сходства.

Имя великой княгини Софьи было занесено в синодики (списки с перечислением имен усопших для церковного поминовения) храмов и монастырей Москвы. В 1506 году Василий III сделал щедрое пожертвование в афонский

Пантелеймонов монастырь, чтобы святогорские отцы молились об упокоении душ его родителей. В 1509 году в Москву пришло известие о том, что его просьба исполнена[91].

* * *

Софья Палеолог прожила долгую и трудную жизнь, в которой были слезы и надежды, радости и скорби, грехи и покаяние. Но думается, что добра и света в ее жизни все-таки было больше. Хочется верить, что она искренне любила своего мужа. Ее предсмертные мысли могли быть созвучны стихам Марины Цветаевой:

Благодарю, о Господь,
За Океан и за Сушу,
И за прелестную плоть,
И за бессмертную душу,

И за горячую кровь,
И за холодную воду.
Благодарю за любовь.
Благодарю за погоду[92].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Не поминай лихом, а добром — как хочешь.

Русская поговорка

Собрав воедино и попытавшись осмыслить давно известные и недавно открытые факты о Софье Палеолог, автор вынужден подвести читателя к малоутешительному выводу. Мы знаем о Софье куда меньше, чем хотелось бы. Но даже то, что удалось реконструировать, дает богатый материал для размышлений.

Жизнь Софьи была во многом уникальной. Во-первых, сведений о ней гораздо больше, чем о других великих княгинях. Ее образ как магнит притягивал современников и ближайших потомков. Кроме того, Софья посетила гораздо больше стран, чем ее русские современницы. Даже покинувшие родину и долгие годы скитавшиеся по Европе греки и их жены не могли бы похвастаться перемещением между тремя разными мирами — византийским, европейским и русским. Почти все европейские и русские женщины того времени и вовсе никогда не выезжали за пределы своих городов и деревень. Однако путешественницей Софью не назовешь. Каждый раз она отправлялась в дорогу вынужденно. Не исключено, что она бы предпочла провести свою жизнь на Пелопоннесе или в Италии, став супругой какого-нибудь аристократа. Но Софья почти никогда ничего не выбирала.

Судьба Софьи — пример того, как стечение обстоятельств может необычайно возвысить в общем обычного человека. Ее жизнь — ответ на вопрос о том, что может стать с девушкой, если она рождена в семье, хоть как-то связанной с императорским домом. Цепочка событий — как давно ожидаемых, так и малопредсказуемых — привела вторую

дочь провинциального правителя, не имевшую поначалу никаких шансов на «хорошую карьеру», на вершину социальной пирамиды.

«Феномен Софьи Палеолог» имеет свое объяснение. Софья стала символом надежды для тех греков, которые усвоили идеи кардинала Виссариона. Несмотря на свое личное неучастие до конца 1490-х годов в «большой политике», она невольно влияла на ход событий уже одним фактом своего существования. Люди XV–XVI веков – и русские, и греки, и жители итальянских государств – воспринимали мир не в абстрактных категориях, а через конкретные образы и символы. И грекам, потерявшим родину, и русским – довольным или недовольным изменениями в Москве и в России в целом – нужен был образ, знак, олицетворение этих перемен. Они нашли его в Софье. Как и всякой «знаковой фигуре», ей приписывали многое, к чему она не имела никакого отношения. Не она определяла векторы внешней политики Русского государства, не ее советы сыграли решающую роль в перестройке Кремля, и не она первая в череде тех, кто стоял у истоков постепенного превращения Руси в наследницу Византии... И в то же время сам брак Ивана III с Софьей стал важной вехой в развитии сношений России с Западом. Наиболее харизматичные греки из окружения Софьи имели отношение к значимым явлениям в жизни России того периода.

Думается, и сама Софья не чувствовала себя в полной мере действующей личностью, *героиней*. Она едва отделяла себя от греческой группы при дворе Ивана III. Но великая княгиня, в целом счастливо прожив со своим супругом более тридцати лет, чувствовала свою неразрывную связь и с домом Рюриковичей. Софья осознавала свою причастность к этим двум столь разным мирам, которые ее окружали и влияли на ее поведение. Таким образом, она не была яркой индивидуальностью не столько в силу своей «серости» (хотя о степени ее образованности не стоит судить ни слишком низко, ни слишком высоко), сколько в силу неразвитости в целом индивидуалистического самосознания в то время, особенно в мире женщин.

Итальянские и греческие источники свидетельствуют о том, что на Западе Софья воспринималась не как самостоятельная фигура, а исключительно как дочь Фомы Палеолога, на семью которого кардинал Виссарион возлагал большие надежды. В России же образ морейского деспота и связанные с ним идеи были практически неизвестны.

Именно поэтому Софья предстает на страницах русских источников *одна*, как нечто уникальное и оттого непонятное. В Москве она воспринималась главным образом как странная и подозрительная представительница «другого», «чужого» мира.

И еще одно обстоятельство. Русские современники и ближайшие потомки не полюбили Софью в силу того общего ощущения, с которым ассоциировалась ее жизнь. Софья жила *в миру*, мирскими задачами и мирскими интересами. Тяжелое детство и тревожная юность вынудили ее искать путей любым способом «встроиться» в не слишком приветливый и постоянно меняющийся мир.

Никто не узнает, о чем молилась Софья у древних образов. Но известные факты дают основания думать, что она в глубине души жаждала лишь решения насущных житейских дел. Ее пылкое религиозное чувство было обусловлено скорее общими для людей той поры представлениями о мироздании, а не постоянным ощущением Божьего присутствия в своей жизни. Примечательно, что Софья не основала ни одного монастыря, а перед смертью не приняла монашеского пострига, хотя именно такой выбор делали на склоне лет наиболее благочестивые русские княгини. Неизвестны и какие-либо щедрые пожертвования Софьи в церкви и обители (за исключением шитых пелен), тогда как русским людям издавна была близка мысль о том, что «милостынею купится Царствие Божие»[1]. Жизнь заботами мира не могла не подвергнуться осуждению со стороны русских книжников, для которых главным ориентиром всегда были не преходящие земные блага, а спасение души и жизнь вечная.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

[1] *Пушкарева Н. Л.* Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии: Невеста, жена, любовница. М., 2011. С. 10.

[2] *Забелин И. Е.* Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. Т. 2. М., 2001. С. 4.

[3] История женщин на Западе / Под ред. Ж. Дюби и М. Перро. Т. 2: Молчание средних веков. СПб., 2009. С. 7.

[4] Там же.

[5] *Савва В.* Московские цари и византийские василевсы: к вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков, 1901. С. 57.

[6] *Ronchey S.* L'enigma di Piero. Milano, 2010. P. 379.

[7] Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 6. Вып. 2. М., 2001. С. 213.

[8] *Лосев А. Ф.* Философия имени // *Лосев А. Ф.* Самое само: Сочинения. М., 1999. С. 32–33.

[9] *Флоренский П.* Имена. СПб., 2011. С. 24.

[10] Там же. С. 144–150.

[11] Там же. С. 112.

[12] *Пирлинг П.* Россия и Восток: Царское бракосочетание, Иван III и Софья Палеолог. СПб., 1892.

[13] *Панова Т. Д.* Великая княгиня Софья Палеолог. М., 2005.

Глава 1
ГИБЕЛЬ ИМПЕРИИ

[1] ПСРЛ. Т. 22. М., 2005. С. 437.

[2] *Панова Т. Д.* Кремлевские усыпальницы: История, судьба, тайна. М., 2003. С. 122.

[3] См., напр.: *Schuhmann G.* Die «Kaiserin von Konstantinopel» in Nürnberg // Archive und Geschichtsforschung: Studien zur Frankischen und Bayerischen Geschichte. Fridolin Solleder zum 80. Geburtstag dargebracht. Neustadt, 1966. P. 152; *Панова Т. Д.* Русско-западные связи второй половины XV в. и Зоя Палеолог // Культура славян и Русь: Сборник к 90-летию со дня рождения академика Б. А. Рыбакова. М., 1998. С. 362; *Назаров В. Д.* Палеолог Софья // Большая Российская энциклопедия. М., 2014. Т. 25. С. 126–127.

[4] См., напр.: *Papadopulos A.* Versuch einer Genealogie der Palaiologen: 1259–1453. Speyer, 1938. P. 68; *Рансимен С.* Падение Константинополя в 1453 г. М., 1983. С. 161.

[5] *Сфрандзи Г.* Хроника // Кавказ и Византия. Вып. 5. 1987. С. 222.

[6] Там же. С. 226.

[7] Там же. С. 234.

[8] *Stamatopoulos N.* Old Corfu: History and Culture. Corfu, 1993. P. 144.

[9] См. очень подробно: *Ronchey S.* Malatesta / Paleologhi: un'alleanza dinastica per rifondare Bisanzio nel Quindicesimo secolo // Byzantinische Zeitschrift. B. 93. Leipzig, 2000. P. 558–560.

[10] *Карпов С. П.* Латинская Романия. СПб., 2000. С. 9–11.

[11] *Рансимен С.* Указ. соч. С. 21.

[12] *Острогорский Г.* История Византийского государства. М., 2011. С. 658.

[13] *Рансимен С.* Указ. соч. С. 21.

[14] См.: *Карпов С. П.* Латинская Романия. С. 40.

[15] *Millet G.* Monuments byzantins de Mistra: Album de 152 planches. Paris, 1910.

[16] *Медведев И. П.* Мистра. Л., 1973. С. 26.

[17] Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедициею Императорской Академии наук (далее – ААЭ). СПб., 1836. Т. 1. № 172. С. 142.

[18] *Ronchey S.* L'enigma... P. 36–38.

[19] *Медведев И. П.* Мистра. С. 35.

[20] *Острогорский Г.* Указ. соч. С. 671.

[21] *Скржинская Е. Ч.* Русь, Италия и Византия в средневековье. СПб., 2000. С. 163.

[22] *Карпов С. П.* Латинская Романия. С. 110–111.

[23] Там же. С. 120.

[24] *Ronchey S.* Malatesta / Paleologhi... P. 521–524.

[25] *Острогорский Г.* Указ. соч. С. 645.

[26] *Рансимен С.* Указ. соч. С. 12.

[27] ПСРЛ. Т. 11. М., 2000. С. 168.

[28] Там же.

[29] Там же. С. 217–218.

[30] *Диль Ш.* Византийские портреты. М., 1994. С. 395.

[31] См. подробно: *Дворкин А.* Очерки по истории Вселенской Православной Церкви. М.; Н. Новгород, 2008. С. 612–613.

[32] Там же. С. 614–619.

[33] *Ronchey S.* Tommaso Paleologo al concilio di Firenze // La stella e la porpora: Il corteo di Bennozzo e l'enigma del Virgilio Riccardiano. Firenze, 2009. P. 145.

[34] *Абеленцева О. А.* Охранная грамота папы Евгения IV послу русскому Фоме (о тверском посольстве на Ферраро-Флорентийский собор) // Российское государство в XIV–XVII вв. СПб., 2002. С. 40–47.

[35] *Флоря Б. Н.* Исследования по истории Церкви. М., 2007. С. 369–371.

[36] *Занемонец А. В.* Иоанн Евгеник и православное сопротивление унии. СПб., 2008. С. 19.

[37] *Рансимен С.* Указ. соч. С. 55.

[38] Цит. по: *Данилова И.Е.* Итальянский город XV века: Реальность, миф, образ. М., 2000. С. 119.

[39] См. об этом: *Ronchey S.* Tommaso Paleologo... P. 140–144.

[40] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. М., 2001. Стб. 80.

[41] *Соловьев С. В.* Три града Исидора Киевского: византийский гуманист между Москвой и Римом // Европейское Возрождение и русская культура XV – середины XVII в.: Контакты и взаимное восприятие / Отв. ред. О. Ф. Кудрявцев. М., 2013. С. 23.

[42] Там же. С. 23–24.

[43] Речь идет о Григории Иверском и Исайе Ставропольском. См.: *Флоря Б.Н.* Исследования... С. 379.

[44] *Данилова И. Е.* Флоренция времени Брунеллески // *Данилова И. Е.* Искусство Средних веков и Возрождения. Работы разных лет. М., 1984. С. 118–119.

[45] *Острогорский Г.* Указ. соч. С. 673.

[46] *Флоря Б. Н.* Исследования... С. 392.

[47] Там же. С. 380.

[48] *Гийу А.* Византийская цивилизация. Екатеринбург, 2004. С. 393.

[49] *Сиропул С.* Воспоминания о Ферраро-Флорентийском соборе (1438–1439). В 12 ч. СПб., 2010. С. 298.

[50] Там же. С. 312.

[51] Там же. С. 323.

[52] *Ломизе Е. М.* Морейский деспотат и Флорентийская уния // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. М., 1991. С. 111.

[53] *Занемонец А. В.* Указ. соч. С. 5.

[54] Там же. С. 112.

[55] *Сиропул С.* Указ. соч. С. 333.

[56] *Ломизе Е. М.* Указ. соч.

[57] *Сфрандзи Г.* Указ. соч. С. 213, 225.

[58] *Ronchey S.* Tommaso Paleologo... P. 146.

[59] Цит. по: *Острогорский Г.* Указ. соч. С. 679.

[60] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 187. О том, что Исидору не чинили препятствий в бегстве из Москвы, см.: *Флоря Б. Н.* Исследования... С. 396.

[61] См., напр.: *Pertusi A.* La caduta di Costantinopoli. Milano, 1976. Vol. 1. Le testimonianze dei contemporanei. P. 81.

[62] *Соловьев С. В.* Указ. соч. С. 28–29.

[63] См., напр.: *Борисов Н. С.* Русские полководцы XIII–XV вв. М., 1993. С. 44–45; *Кудрявцев О. Ф.* Александр Невский и папство // Александр Невский: Государь, дипломат, воин. М., 2010. С. 171.

[64] *Острогорский Г.* Указ. соч. С. 674.

[65] См.: *Концевич И. М.* Стяжание Духа Святаго в путях Древней Руси. М., 2009. С. 78.

[66] *Медведев И. П.* Византийский гуманизм XIV–XV вв. СПб., 1997.

[67] Там же. С. 11.

[68] *Медведев И. П.* Мистра. С. 39.

[69] *Острогорский Г.* Указ. соч. С. 669.

[70] *Гийу А.* Указ. соч. С. 391.

[71] Библиотека литературы Древней Руси (далее – БЛДР). Т. 7. СПб., 1999. С. 36.

[72] *Рансимен С.* Указ. соч. С. 135.

[73] *Pertusi A.* Op. cit. Vol. 1. P. 83.

[74] См., напр.: *Carretto G. E.* Bessarione e il Turco // Bessarione e l'Umanesimo / A cura di G. Fiaccadori. Napoli, 1994. P. 274; и мн. др.

[75] *Соловьев С. В.* Указ. соч. С. 28.

[76] *Pertusi A.* Op. cit. Vol. 1. P. 85.

[77] См.: *Мещерский Н. А.* «Рыдание» Иоанна Евгеника // Византийский временник. М., 1953. Т. 7. С. 79–87. См. также: *Фонкич Б. Л.* Иоанн Евгеник и его «Монодия на падение Константинополя» // Византия между Западом и Востоком: Опыт исторической характеристики. СПб., 1999. С. 270–292.

[78] Отдел рукописей Государственного исторического музея (далее – ОР ГИМ). Увар. № 3 (18). Л. 552 об. – 553.

[79] Там же. Л. 553 об.

[80] Там же. Л. 556 об.

[81] Там же. Л. 554.

[82] *Лаушкин А. В.* Нестор-Искандер и русская «Повесть» о взятии Константинополя турками // Труды научного семинара «Традиции русской исторической мысли». М., 1995. Вып. 1. С. 13–22.

[83] БЛДР. Т. 7. С. 40.

[84] Там же. С. 65.

[85] *Pertusi A.* Op. cit. Vol. 2. L'eco nel mondo. P. 399.

[86] Античная лирика. М., 1968. С. 461.

[87] *Медведев И. П.* Мистра. С. 39.

[88] Там же. С. 41.

[89] См.: *Ломизе Е. М.* Указ. соч. С. 111.

[90] *Медведев И. П., Гаврилов А. К.* Речь Виссариона Никейского на Мантуанском соборе о падении Константинополя // Византийский временник. М., 2004. Т. 63 (88). С. 307–308.

[91] Там же. С. 314, 316.

[92] *Лобовикова К. И.* Письмо Римского папы Пия II Мехмеду II Завоевателю и его прототип // Море и берега: К 60-летию С. П. Карпова / Отв. ред. Р. М. Шукуров. М., 2009. С. 157.

[93] Византийские источники о падении Константинополя в 1453 г. СПб., 2006. С. 109.

[94] Там же. С. 81, 85 и др.

[95] *Лобовикова К. И.* Письмо... С. 157.

[96] *Ronchey S.* Tommaso Paleologo... P. 144, 147–149.

[97] *Ronchey S.* L'enigma... P. 389, 391–392.

[98] Ibid. P. 353–355, 359–361 и др.

[99] Kämmerei-Register der Stadt Riga 1348–1361 und 1405–1474 / Bearb. von A. von Bulmerincq. Bd. 1: Die Kämmerei-Register. Leipzig, 1909. Там же. С. 268.

[100] Там же. С. 293, 306, 320.

[101] *Сфрандзи Г.* Указ. соч. С. 227.

[102] *Ломизе Е. М.* Указ. соч. С. 115.
[103] *Скржинская Е. Ч.* Указ. соч. С. 166.
[104] *Сфрандзи Г.* Указ. соч. С. 232.
[105] Античная лирика... С. 57.
[106] *Водолазкин Е. Г.* Дом и остров, или Инструмент языка. М., 2014. С. 100.
[107] *Острогорский Г.* Указ. соч. С. 683–684.

Глава 2
ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ В РИМ

[1] *Гоголь Н. В.* Сочинения и письма. СПб., 1857. Т. 5. С. 324.
[2] *Сфрандзи Г.* Указ. соч. С. 238.
[3] Там же. С. 232.
[4] *Ronchey S.* Tommaso Paleologo... P. 149.
[5] См. подробно: *Stamatopoulos N.* Op. cit. P. 181.
[6] Сердечно благодарю за предоставление этой информации госпожу Софию-Екатерину Пантази, помощника директора Государственного архива Корфу.
[7] *Сфрандзи Г.* Указ. соч. С. 232–233.
[8] У С. Ронки допущена ошибка: она пишет, что монастырь Пантократор находится в селении Хломос. См.: *Ronchey S.* L'enigma... P. 9. Это неверно: монастырь Пантократор расположен на вершине одноименной горы (самой высокой на острове) на севере острова, тогда как Хломос расположен на гораздо более низком холме и значительно южнее.
[9] *Maestro Gioia R.* Magic corner of Corfu, Chlomos. Pisa, 2011. P. 37.
[10] *Сфрандзи Г.* Указ. соч. С. 233.
[11] *Ronchey S.* L'enigma... P. 269.
[12] Ibid. P. 253.
[13] См.: *Savettieri C.* Lo spettacolo del potere // Roma del Rinascimento / A cura di A. Pinelli. Roma–Bari, 2007. P. 189–190.
[14] *Плюханова М. Б.* Роль греко-итальянских униатов в становлении религиозных и политических идей на Руси конца XV – начала XVI в. // «Друг – зеркало для друга...»: Российско-итальянские общественные и культурные связи, X–XX вв. М., 2013. С. 22.
[15] Там же. С. 22–24.
[16] *Хейзинга Й.* Осень средневековья. М., 2004. С. 19, 26.
[17] *Хрептович-Бутенев К. А.* Флоренция и Рим в связи с двумя событиями русской истории. М., 1909. С. 26.
[18] *Плюханова М. Б.* Роль... С. 24.
[19] Повесть временных лет. М; Л., 1950. Ч. 1: Текст и перевод. С. 12.
[20] *Водолазкин Е. Г.* Всемирная история в литературе Древней Руси. СПб., 2008. С. 15.
[21] *Ronchey S.* L'enigma... P. 253.

[22] Ibid. P. 263.
[23] Ibid. P. 334–336.
[24] *Лосев А. Ф.* Эстетика Возрождения. М., 1998. С. 133.
[25] См.: Там же. С. 132.
[26] *Ronchey S.* L'enigma... P. 321.
[27] *Сфрандзи Г.* Указ. соч. С. 233.
[28] *Stamatopoulos N.* Op. cit. P. 143.
[29] *Кущ Т. В.* Латиняне в восприятии латинофилов // Античная древность и Средние века. Екатеринбург, 2006. С. 327.
[30] *Сфрандзи Г.* Указ. соч. С. 234.
[31] *Хрептович-Бутенев К. А.* Флоренция и Рим... С. 29–30.
[32] *Mohler L.* Kardinal Bessarion als Theologe, Humanist und Staatsmann. Bd. 1. Paderborn, 1923. S. 309.
[33] *Панова Т. Д.* Кремлевские усыпальницы... С. 123.
[34] «Рим совпал с представленьем о Риме...»: Италия в зеркале стипендиатов Фонда памяти Иосифа Бродского / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. К. Скандура. М., 2010. С. 163.
[35] *Гоголь Н. В.* Сочинения и письма. Т. 5. С. 309.
[36] *Муратов П. П.* Образы Италии. М., 1994. С. 212.
[37] *Зайцев Б. К.* Рим // *Зайцев Б. К.* Звезда над Булонью: Романы. Повести. Рассказы. Книга странствий. М., 1999. С. 512.
[38] См., напр.: Русские письма о Риме / Сост. Л. И. Иогансон. М., 2007; «Рим совпал с представленьем о Риме...»; *Кара-Мурза А.* Знаменитые русские о Риме. М., 2014; и др.
[39] Цит. по: *Данилова И. Е.* Брунеллески в Риме // *Данилова И. Е.* Искусство Средних веков и Возрождения. С. 170.
[40] Цит. по: *Кара-Мурза А. А.* Указ. соч. С. 6.
[41] *Земцов С. М., Глазычев В. Л.* Аристотель Фьораванти. М., 1985. С. 37.
[42] См. подробно: *Сонькин В.* Здесь был Рим: современные прогулки по древнему городу. М., 2012. С. 322.
[43] *Муратов П. П.* Указ. соч. С. 211.
[44] См. подробно: *Сонькин В.* Указ. соч. С. 256–257.
[45] Цит. по: *Данилова И. Е.* Брунеллески... С. 170.
[46] *Каппати А., Монтанари М.* Итальянская кухня: История одной культуры. М., 2006. С. 70, 72–73, 91; *Костюкович Е.* Еда – итальянское счастье. М., 2006. С. 385–387.
[47] *Каппати А., Монтанари М.* Указ. соч. С. 76.
[48] Там же. С. 30.
[49] *Забугин В.* Юлий Помпоний Лэт. Критическое исследование. СПб., 1914. С. 5.
[50] Там же. С. 84.
[51] *Gualandi M. L.* «Roma resurgens» // Roma del Rinascimento... P. 125.
[52] *Хьюз Р.* Рим: История города: его культура, облик, люди. М., 2014. С. 223.
[53] Памятники литературы Древней Руси (далее – ПЛДР). XIV – первая половина XV в. М., 1981. С. 494.

[54] *Хьюз Р.* Указ. соч. С. 231.

[55] *Gualandi M. L.* Op. cit. P. 125–126.

[56] *Альберти Л.-Б.* Описание города Рима // *Альберти Л.-Б.* Десять книг о зодчестве. М., 1937. Т. 2: Материалы и комментарии. С. 101.

[57] *Манетти Дж.* Отрывок из жизнеописания Николая V [Проект перестройки Рима] // *Альберти Л.-Б.* Десять книг о зодчестве. Т. 2. Приложения. С. 730–731.

[58] *Земцов С. М., Глазычев В. Л.* Указ. соч. С. 43.

[59] *Хрептович-Бутенев К. А.* Флоренция и Рим... С. 34.

[60] *Ronchey S.* L'enigma... P. 360.

[61] *Мельничук Я. В.* Происхождение Марсова поля: земельно-правовой и политический аспекты // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2012. № 3. С. 3, 8, 21.

[62] *Gualandi M. L.* Op. cit. P. 124–125.

[63] ПЛДР. XIV– первая половина XV в. С. 494.

[64] Там же. С. 590.

[65] См.: *Durant W.* The Renaissance: A History of Civilization in Italy from 1304 to 1576 A.D. NY, 1953. P. 64.

[66] *Хейзинга Й.* Указ. соч. С. 63.

[67] *Медведев И. П.* Уникальный архивный документ за подписью Виссариона Никейского // Византийский временник. М.; Л., 1986. Т. 46. С. 157–158.

[68] См. очень подробно: *Ronchey S.* Volti di Bessarione // Vie per Bisanzio / A cura di A. Rigo, A, Babuin, M. Trizio. Bari, 2013. T. 2. P. 537–548. См. также: *Lollini F.* L'iconografia di Bessarione: Bessarion pictus // Bessarione e l'Umanesimo... P. 275–283.

[69] *Хрептович-Бутенев К. А.* Флоренция и Рим... С. 38.

[70] Там же. С. 28.

[71] *Le Galle J.-M.* Un ideal masculin? Barbes et moustaches en XV–XVIII siècles. Paris, 2011. P. 98.

[72] Ibid. P. 127–132.

[73] Ibid. P. 116.

[74] *Хрептович-Бутенев К. А.* Флоренция и Рим... С. 28.

[75] См.: *Медведев И. П.* Болонская грамота Виссариона Никейского в архиве ЛОИИ АН СССР // Византийский временник. М.; Л., 1986. Т. 47. С. 134.

[76] Там же. С. 135.

[77] *Земцов С. М., Глазычев В. Л.* Указ. соч. С. 41.

[78] Там же. С. 56.

[79] См. подробно: *Медведев И. П.* Уникальный... С. 159–160; текст грамоты на латинском языке: Там же. С. 162–163.

[80] *Рансимен С.* Указ. соч. С. 148.

[81] *Шичалин Ю. А.* Виссарион. Письма VI–VIII (PG CLXI Migne) // Ренессанс: Образ и место Возрождения в истории культуры. М., 1987. С. 75.

[82] *Лобовикова К. И.* Ермитиан // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. 18. С. 632–633.

[83] *Шичалин Ю. А.* Указ. соч. С. 73, 75.
[84] Там же. С. 75.
[85] *Ronchey S.* L'enigma... P. 358.
[86] *Шичалин Ю. А.* Указ. соч. С. 74.
[87] *Ronchey S.* L'enigma... P. 360.
[88] *Шичалин Ю. А.* Указ. соч. С. 69–70.
[89] Там же. С. 73.
[90] *Карпов С. П.* История Трапезундской империи. СПб., 2007. С. 416.
[91] *Harris J.* A worthless prince? Andreas Palaeologus in Rome 1464–1502 // Orientalia Christiana Periodica. 1995. № 61. P. 537–554.
[92] *Хрептович-Бутенев К. А.* Флоренция и Рим...
[93] *Ronchey S.* L'enigma... P. 360.
[94] См., напр.: *Пирлинг П.* Россия и Восток... С. 17–18.
[95] См. об этом подробно: *Ronchey S.* Malatesta/Paleologhi... P. 562.

Глава 3
ЗАМУЖ ЗА СХИЗМАТИКА

[1] *Боккаччо Дж.* Фиамметта. СПб., 1913. С. 161.
[2] *Пирлинг П.* Россия и Восток... С. 30.
[3] *Скржинская Е. Ч.* Указ. соч. С. 215.
[4] *Спасский И. Г.* Монетное и монетовидное золото в Московском государстве и первые золотые Ивана III // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. VII. Л., 1976. С. 130.
[5] *Мельникова А. С.* Московия и Италия (Русско-итальянские связи в эпоху Средневековья по нумизматическим данным) // Средневековая нумизматика Восточной Европы. М., 2006. Вып. 1. С. 119.
[6] *Зимин А. А.* Витязь на распутье: Феодальная война в России в XV в. М., 1991. С.113.
[7] *Мец Н. Д.* Монеты великого княжества Московского (1425–1462 гг.) // Нумизматический сборник РИМ. 1974. №3. С. 60–61.
[8] *Barbieri G.* Milano e Mosca nella politica di Rinascimento. Bari, 1957. P. 82.
[9] *Скржинская Е. Ч.* Указ. соч. С. 197.
[10] *Кудрявцев О Ф.* Западные известия первой половины XV в. о Руси // Европейское Возрождение и русская культура XV – середины XVII в. С. 31.
[11] *De Anna L.* Conoscenza e immagine della Finlandia e del Settentrione nella cultura italiana classico-medievale. Turku, 1988. P. 293–295.
[12] Фацио пишет «об отдаленном ледяном океане», «о страшном месте – пустынном и темном». См.: Ibid. P. 302.
[13] *Кудрявцев О. Ф.* «Другой мир»: Характерные черты восприятия Руси и русских средневековым Западом // Многоликость це-

лого: Из истории цивилизаций Старого и Нового Света: Сборник статей в честь В. Л. Малькова. М., 2011. С. 534.

[14] Там же. С. 535.

[15] *Гоголь Н. В.* Рим // *Гоголь Н.В.* Собрание художественных произведений. В 5 т. М., 1952. Т. 3. С. 269.

[16] См.: *Lopez R. S.* Nelle terre dell'Orda d'Oro: tre documenti genovesi inediti // Studia Slavica Medievalia et Humanistica Riccardo Picchio dicata. Vol. 2. Roma, 1986. P. 467.

[17] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М., 1949. № 87. С. 143.

[18] *Забелин И. Е.* История города Москвы. М., 1902. С. 86–87. *Тихомиров М. Н.* Древняя Москва XII–XV вв. Средневековая Россия на международных путях XIV–XV вв. М., 1992. С. 80, 116.

[19] *Сыроечковский В. Е.* Гости-сурожане. М., 1935. С. 24.

[20] *Piccolomini E. S.* Commentarii rerum memorabilium que temporibus suis contigerunt / Ad codicum fidem nunc primum editi ab Adriano van Heck. Vol. 2. (Studi e testi. Vol. 313) Citta' di Vaticano, 1984. P. 690.

[21] *Piccolomini E. S.* De Europa / Ed. Adrianus van Heck. Citta' di Vaticano, 2001. Ch.

[22] См.: *Кудрявцев О. Ф.* Отвержение древних: Полемика по поводу физической географии Восточной Европы в конце XV – начале XVI в. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2015. № 3. С. 66; *он же.* Калиф на час: Политический быт Новгорода в изображении Пия II (Энея Сильвия Пикколомини) // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2015. № 4 (в печати).

[23] *Кудрявцев О. Ф.* Западные известия... С. 32–33.

[24] Цит. по: Там же. С. 49.

[25] Там же. С. 55.

[26] *Эзерин А.* «Здесь ловят белых соколов...» // Родина. 2014. № 10. С. 107.

[27] См. подробно: *Еманов А. Г.* Упоминание о Московской Руси XV в. в документе флорентийского архива // Советские архивы. 1989. № 3. С. 91.

[28] *Barbieri G.* Op. cit. P. 12.

[29] О том, что идея войны за византийское наследство итальянского, вернее, венецианского происхождения, см.: *Синицына Н. В.* Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции. М., 1997. С. 116.

[30] ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 281.

[31] Там же.

[32] Там же.

[33] Там же.

[34] См.: *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 2001. С. 67–81.

[35] *Казакова Н. А.* Первоначальная редакция «Хождения на Флорентийский собор» // Труды Отдела древнерусской литерату-

ры Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР (далее – ТОДРЛ). Т. 25. Л., 1970. С. 67.

[36] Там же. С. 68.

[37] *Ранчин А. М.* Описания западных земель в «Хожениях» на Ферраро-Флорентийский собор // Древняя Русь и Запад: Книга резюме / Отв. ред. В. М. Кириллин. М., 1996. С. 112–116.

[38] *Кириллин В. М.* «Чужое» в древнерусских сказаниях о Ферраро-Флорентийском соборе // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2000. № 1. С. 93.

[39] Исхождение Авраамия Суждальскаго на осьмыи собор с митрополитом Исидором в лето 6945 // *Прокофьев Н. И.* Русские хождения XII–XV вв. // Литература Древней Руси и XVIII век. М., 1970. С. 254–264.

[40] ПСРЛ. Т. 25. С. 281.

[41] См., напр.: *Ronchey S.* Malatesta/Paleologhi... P. 563.

[42] ПСРЛ. Т. 25. С. 281.

[43] Там же. С. 299.

[44] Россия в первой половине XVI века: Взгляд из Европы / Отв. ред. О.Ф. Кудрявцев. М., 1997. С. 294. Прим. 29.

[45] ПСРЛ. Т. 25. С. 281.

[46] Там же.

[47] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. М., 2001. Стб. 214.

[48] ПСРЛ. Т. 25. С. 292.

[49] Там же. С. 293.

[50] *Барабанов О.* От второго к третьему Риму: путь на Русь Софьи Палеолог // Русское средневековье: Общество и церковь. М., 1997. С. 48.

[51] *Муратов П. П.* Указ. соч. С. 217.

[52] Цит. по: *Кара-Мурза А.* Указ. соч. С. 226.

[53] *Ronchey S.* Malatesta/Paleologhi... P. 563.

[54] *Пирлинг П.* Россия и Восток... С. 50.

[55] Там же. С. 51. См. также: *Ronchey S.* Malatesta/Paleologhi... P. 563.

[56] См.: *Барабанов О.* Указ. соч. С. 43.

[57] *Ronchey S.* Malatesta / Paleologhi... P. 563.

[58] Там же. С. 522–524 и др.

[59] *Пирлинг П.* Россия и Восток... С. 58–59.

[60] Цит. по: *Мортон Г.* От Милана до Рима: Прогулки по Северной Италии. М., 2008. С. 85.

[61] *Пирлинг П.* Россия и Восток... С. 60.

[62] См.: *Ronchey S.* Bisanzio continuata: presupposti ideologici dell'attualizzazione di Bisanzio nell'eta' moderna // Lo spazio letterario del Medioevo. Vol. 1. La cultura bisantina / A cura di G. Cavallo. P. 699–700; *Illud.* L'enigma... P. 374–375.

[63] Цит. по: *Ronchey S.* Malatesta / Paleologhi... P. 560.

[64] Ibid.

[65] *Достоевский Ф. М.* Идиот. М., 1975. С. 73.

[66] *Пирлинг П.* Россия и Восток... С. 61.

[67] Там же. С. 63.

[68] Там же. С. 50–51.

[69] *Михайлова И.* Давай сварим кашу... // Родина. 2004. № 7. С. 95.

[70] *Дмитриевский А. А.* Богослужение в русской церкви XVI в. Казань, 1884. Ч. 1. С. 385–386.

[71] *Диль Ш.* Указ. соч. С. 25.

[72] *Мортон Г.* Указ. соч. С. 85.

[73] См.: *Пирлинг П.* Россия и Восток... С. 71–72; *Schuhmann G.* Op. cit. P. 168.

[74] ПСРЛ. Т. 25. Л. 296.

[75] Theodori Gazae epistolae / Ed. P. L. M. Leone. Napoli, 1990. P. 74. Сердечно благодарю Н. А. Зяблицыну, которая по моей просьбе осуществила перевод этого письма.

[76] Ibid. P. 75.

[77] Ibid.

[78] *Барабанов О.* Указ. соч. С. 44.

[79] *Хрептович-Бутенев К.А.* Флоренция и Рим... С. 49.

[80] *Ronchey S.* Malatesta / Paleologhi... P. 565.

[81] *Чарыков Н. В.* Об итальянской фреске, изображающей Иоанна III и Софию Палеолог. СПб., 1909.

[82] Там же. С. 4–5.

[83] См., напр.: *Barbieri G.* Op. cit. P. 20; *Ronchey S.* Bisanzio continuato... P. 702–705; и мн. др.

[84] Преподобный Максим Грек. Сочинения. М., 2008. Т. 1. С. 119.

[85] *Панова Т. Д.* Кремлевские усыпальницы... С. 126.

[86] *Пирлинг П.* Россия и Восток... С. 214–215.

[87] Там же. С. 76.

[88] *Ronchey S.* L'enigma... P. 374.

[89] Bologna: Portici, torri e palazzi illustri, osterie, botteghe e mercati, i colli e il Santuario di San Luca. Milano, 2014. P. 119–121.

[90] *Хейзинга Й.* Указ. соч. С. 15.

[91] *Пирлинг П.* Россия и Восток... С. 222.

[92] Bologna... P. 58.

[93] *Пирлинг П.* Россия и Восток... С. 79.

[94] Там же. С. 80–81.

[95] *Агоштон М.* Великокняжеская печать 1497 г.: К истории формирования русской государственной символики. М., 2005. С. 457.

[96] *Croskey R.* Muscovite Diplomatic Practice in the Reign of Ivan III. NY; L., 1987. P. 244.

[97] *Sanuto M.* I Diarii. Venezia, 1880. T. 3. Col. 61.

[98] *Гоголь Н. В.* Сочинения и письма. Т. 5. С. 294–295.

[99] *Пирлинг П.* Россия и Восток... С. 82.

[100] *Shuhmann G.* Op. cit. P. 170.

[101] Ibid. P. 169.

[102] *Пирлинг П.* Россия и Восток... С. 83.

[103] *Shuhmann G.* Op. cit. P. 169. Перевод фрагмента осуществил Р. Д. Ковальчук, за что автор выражает ему сердечную благодарность. См. также другой перевод этого письма: *Панова Т. Д.* Кремлевские усыпальницы... С. 127–128.

[104] *Shuhmann G.* Op. cit. P. 171–173.

[105] Ibid. P. 162, 170–171.

[106] *Панова Т. Д.* Кремлевские усыпальницы... С. 129.

[107] Там же.

[108] *Shuhmann G.* Op. cit. P. 163.

[109] *Пирлинг П.* Россия и Восток... С. 83.

[110] ПСРЛ. Т. 25. С. 298.

Глава 4
ОБЪЯТИЯ МОСКВЫ

[1] *Bakhmatova Caprara M.* Amore in forse. Verona, 2011. P. 14.

[2] Цит. по: *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 205.

[3] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. М., 2000. С. 189.

[4] Там же.

[5] Цит. по: Словарь русского языка IX–XVII вв. М., 1982. Вып. 9. С. 54.

[6] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 189.

[7] Там же. С. 190.

[8] ПСРЛ. Т. 25. С. 298. См. также: ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 74; Т. 5. Вып. 2. С. 190.

[9] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 74. Псковские летописи содержат загадочные известия о «черных» и «синих» людях из свиты «царевны». См.: ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 189.

[10] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 191.

[11] Там же; ПСРЛ. Т. 25. С. 298.

[12] См., напр.: *Фоменко И. К.* Итоговая карта Московии XVI века из собрания ГИМ. М., 2010. С. 5.

[13] ПСРЛ. Т. 25. С. 296.

[14] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 190.

[15] Великий князь и государь всея Руси Иван III / Сост. Т. Е. Самойлова. М., 2013. С. 52–54.

[16] ПСРЛ. Т. 25. С. 299.

[17] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 214.

[18] *Лихачев Н. П.* Прозвища великого князя Ивана III. СПб., 1897. С. 3.

[19] *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 2008. Т. 1. С. 77.

[20] *Федотов Г. П.* Святые Древней Руси. СПб., 2004. С. 296.

[21] Итальянская новелла Возрождения. М., 1984. С. 55.

[22] *Самойлов Д.* Шумит, не умолкая, память-дождь... М., 2012. С. 11.

[23] *Назаров В. Д.* Софья Палеолог, князь Василий и князья Патрикеевы // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2013. Вып. 10: Исторический источник и исторический контекст. С. 74.

[24] *Борисов Н. С.* Иван III. М., 2003 (серия «ЖЗЛ»). С. 317.

[25] ПСРЛ. Т. 25. С. 299.

[26] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 214.

[27] *Борисов Н. С.* Иван III. С. 317.

[28] *Назаров В. Д.* Палеолог Софья... С. 126.

[29] См.: *Белякова Е. В., Мошкова Л. В., Опарина Т. А.* Кормчая книга: от рукописной традиции к первому печатному изданию (в печати). Благодарю Т. А. Опарину за возможность ознакомиться с фрагментом книги до ее публикации.

[30] ПСРЛ. Т. 25. С. 299.

[31] *Дмитриевский А. А.* Указ. соч. С. 389.

[32] Там же. С. 398.

[33] Там же. С. 402–403.

[34] Там же. С. 405.

[35] *Дмитриевский А. А.* Указ. соч. С. 396–397; *Козаченко А. И.* К истории великорусского свадебного обряда // Советская этнография. 1957. № 1. С. 65, 67.

[36] *Колызин А. М.* Торговля Древней Москвы (XII – середина XV в.) М., 2001. С. 84.

[37] *Михайлова И.* Указ. соч. С. 94.

[38] Там же. С. 95.

[39] *Сумцов Н. Ф.* О свадебных обрядах, преимущественно русских. Харьков, 1881. С. 171.

[40] Там же. С. 170–171.

[41] ПСРЛ. Т. 25. С. 299.

[42] Там же. С. 90.

[43] *Ronchey S.* Malatesta/Paleologhi... P. 561.

[44] *Лосев А. Ф.* Эстетика... С. 129.

[45] См., напр.: Разрядная книга 1475–1598 гг. / Подг. текста, вступ. ст. и ред. В. И. Буганова. М., 1966. С. 16.

[46] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 74.

[47] Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – НИОР РГБ). Ф. 299 (Тихонр.). № 234. Л. 111 об.

[48] См., напр.: Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. М., б/г. Т. 48. С. 644; Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона. СПб., 1903. Т. 76. С. 901–902.

[49] См., напр.: ПСРЛ. Т. 24. М., 2000. С. 241 и др.

[50] ОР ГИМ. Увар. № 570. Лл. 163 об. – 164; № 157. Лл. 126–129; № 280. Лл. 164–167.

[51] *Флоря Б. Н.* Греки-эмигранты в русском государстве второй половины XV – начала XVI в.: Политическая и культурная дея-

тельность // Руско-балкански културни връзки пред Средновековието. София, 1982. С. 127.

[52] См., напр.: ОР ГИМ. Увар. № 206. Лл. 196 об. – 197 об.; № 209. Лл. 88–88 об.; № 228. Лл. 85–85 об.

[53] См.: *Веселовский С. Б.* О происхождении названий некоторых древнейших селений Подмосковья // *Веселовский С. Б.* Московское государство XV–XVII вв.: Из научного наследия. М., 2008. С. 66–67.

[54] *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 275.

[55] Выражаю признательность Л. В. Мошковой, обратившей мое внимание на эти подробности.

[56] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 214.

[57] ПСРЛ. Т. 25. С. 299.

[58] См.: *Шмурло Е. Ф.* К истории сношений московских государей с римскими папами: Целование папской туфли // Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909. С. 58.

[59] Цит. по: *Юзефович Л.* Путь посла. М., 2007. С. 50.

[60] См. подробно: *Скржинская Е. Ч.* Указ. соч. С. 210.

[61] Там же. С. 299.

[62] Там же. С. 272.

[63] Там же. С. 273.

[64] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 218.

[65] ПСРЛ. Т. 25. С. 292, 299.

[66] *Макиавелли Н.* Государь. М., 2000. С. 103.

[67] *Дмитриевский А. А.* Указ. соч. С. 403.

[68] *Бартенев С. П.* Московский кремль в старину и теперь. М., 2011 (репринт). Кн. 2. С. 69–70.

[69] Барбаро и Контарини о России. Л., 1971. С. 228.

[70] *Павловская А. В.* Указ. соч. С. 280.

[71] Барбаро и Контарини о России... С. 228.

[72] *Павловская А. В.* Указ. соч. С. 276.

[73] *Гоголь Н. В.* Сочинения и письма. Т. 5. С. 319.

[74] *Макиавелли Н.* Указ. соч. С. 87.

[75] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 190.

[76] *Вернадский Г. В.* Россия в средние века. М., 2001. С. 35.

[77] Великий князь и государь... С. 64–66.

[78] Там же. С. 14.

[79] *Успенский Б. А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982. С. 49–52.

[80] Великий князь и государь... С. 82.

[81] Там же. С. 14.

[82] Византийские древности. Произведения искусства IV–XV веков в собрании Музеев Московского Кремля: Каталог / Сост. И. А. Стерлигова. М., 2013. С. 28–29.

[83] Там же. С. 186.

[84] Там же. С. 185.

[85] Там же. С. 346.

[86] *Евсеева Л. М.* Икона Спаса Нерукотворного из молельни Софьи Палеолог // Православные святыни Московского Кремля в истории и культуре России. М., 2006.

[87] *Дмитриевский А. А.* Указ. соч. С. 383.

[88] Великий князь и государь... С. 74–75.

[89] Византийские древности... С. 209.

[90] *Брэдбери Р.* О скитаньях вечных и о Земле. М., 1987. С. 375.

[91] *Белокуров С. А.* О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898. С. XXXI.

[92] Там же. С. XXXIX.

[93] См. очень подробно: *Зарубин Н. Н.* Библиотека Ивана Грозного: Реконструкция и библиографическое описание / Подг. к печати, прим. и доп. А. А. Амосова, под ред. С. О. Шмидта. Л., 1982. С. 15–23, 59–61; *Амосов А. А.* «Античная» библиотека Ивана Грозного: К вопросу о достоверности сохранившихся известий об иноязычном фонде библиотеки московских государей // Книжное дело в России в XVI–XIX вв. Л., 1980. С. 7–8.

[94] См.: *Белокуров С. А.* Указ. соч. С. 336.

[95] *Соболевский А. И.* Рец. на: *Белокуров С. А.* О библиотеке московских государей в XVI столетии. СПб., 1900. С. 8–9.

[96] Цит. по: *Фонкич Б. Л.* Греческо-русские культурные связи в XV–XVII вв.: Греческие рукописи в России. М., 1977. С. 222.

[97] См. подробно: *Буланин Д. М.* Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. Мюнхен, 1991.

[98] ПЛДР. Конец XV – первая половина XVI в. М., 1984. С. 506.

[99] Там же. С. 516.

[100] Там же. С. 503.

[101] Там же. С. 518.

[102] Там же. С. 510–512.

[103] Там же. С. 518.

[104] Там же. С. 515.

[105] *Матасова Т. А.* Первая книга «Географии» Помпония Мелы в древнерусском переводе: о рецепции античного наследия в русской культуре XV–XVI вв. // Аристей: Вестник классической филологии и античной истории. М., 2014. Т. 9. С. 327–328.

[106] Например, город *Sida* передан как «Сикла», то есть в латинской рукописи *d* напоминала *cl*. Это одна из самых частых ошибок переписчиков с латинских рукописей. В инкунабулах же все буквы очень четкие и ошибиться невозможно. Сходная ситуация с названием города *Ocstros*, переданного как «Дестрос» (в другом случае – «Дествос»). Здесь *oc* было прочитано как *de*, а во втором варианте – еще и *r* как *v*. Это также характерная ошибка. Название народа *gamphasantes* передано как «ганифасаде» (*m* трансформировалось в *ni*), а народ *antibarani* книжник передал как «антибазани» (*r* напоминает *z*, что также встречается довольно часто).

[107] См., напр.: *Памук О.* Стамбул: Город воспоминаний. М., 2006. С. 22–23.

[108] ПСРЛ. Т. 25. С. 301.

[109] *Назаров В. Д.* Палеолог Софья... С. 127.

[110] Там же. С. 303, 308.

[111] ПСРЛ. Т. 12. С. 190–191.

[112] ПСРЛ. Т. 25. С. 323.

[113] *Филюшкин А. И.* Василий III. М., 2010 (серия «ЖЗЛ»). С. 5–7.

[114] БЛДР. Т. 12. СПб., 2003. С. 504.

[115] *Филюшкин А. И.* Василий III. С. 11.

[116] *Хейзинга Й.* Указ. соч. С. 227.

[117] ПСРЛ. Т. 25. С. 327.

[118] ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. СПб., 1910. С. 339. См. об этом: *Морозова Л. Е.* Знаменитые женщины Московской Руси XV–XVI вв. М., 2014. С. 107.

[119] История женщин на Западе. Т. 2. С. 279.

[120] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 310; Т. 23. С. 182–183; Т. 27. С. 356–357; Т. 28. С. 315–316; Т. 25. С. 328.

[121] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 311.

[122] ПСРЛ. Т. 25. С. 303.

[123] Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz (далее – GStAPK), XX. Hauptabteilung, Ordensbriefarchiv. 16579. Сердечно благодарю за помощь своих коллег – С. В. Полехова, который сообщил мне о существовании этой грамоты и любезно передал мне ее копию, а также Г. М. Воробьева, который перевел ее. В ближайшем будущем предполагается издание этого источника.

[124] *Синицына Н. В.* Максим Грек. М., 2008 (серия «ЖЗЛ»). С. 32.

[125] *Harris J.* A worthless prince... P. 546.

[126] Там же. P. 541.

[127] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 311.

[128] См.: Россия и греческий мир в XVI в. М., 2004. Т. 1. С. 134–138; 143–157; 162.

[129] *Казакова Н. А.* Новый памятник турецкой темы в русской литературе XVI в. // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник. 1974. М., 1975. С. 62–70; *Клосс Б. М.* Максим Грек – переводчик повести Энея Сильвия «Взятие Константинополя турками» // Там же. С. 55–61.

[130] ПСРЛ. Т. 26. С. 264.

[131] *Лихачева Л. Д.* Произведения шитья Софьи Палеолог из Кирилло-Белозерского монастыря // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 50. С.723–729.

[132] *Маясова Н. А.* Древнерусское лицевое шитье. Каталог. М., 2004. С. 25.

[133] См., напр.: *Черникова Т. В.* Начало европеизации России во времена Ивана III // Вестник МГИМО(У). 2011. № 5. С. 110.

[134] *Гальперин Ч.* Татарское иго: Образ монголов в средневековой России. Воронеж, 2012. С. 183.

[135] *Назаров В. Д.* Палеолог Софья... С. 126.

[136] См. очень подробно: *Горский А. А.* Москва и Орда. М., 2003. С. 153–186.

[137] См.: *Борисов Н. С.* Воздействие Куликовской битвы на русскую культуру конца XIV–XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 123–139.

[138] *Горский А. А.* Москва... С. 150.

[139] *Герберштейн С.* Указ. соч. Т. 1. С. 77.

[140] Московия Джона Мильтона / Вступ. ст. и прим. Ю. В. Толстого. М., 1875. С. 20.

[141] *Плюханова М. Б.* «Послание на Угру» и вопрос о происхождении московской имперской идеологии // ТОДРЛ. СПб., 2010. Т. 61. С. 464–465.

[142] Там же. С. 468 и др.

[143] *Горский А. А.* Москва... С. 170.

[144] Барбаро и Контарини о России. С. 230.

[145] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными (далее – ПДС). СПб., 1851. Т. 1. Стб. 30.

[146] Итальянская новелла Возрождения... С. 98–99.

[147] ПДС. Т. 1. Стб. 35.

[148] Там же. Стб. 82.

[149] Там же. Стб. 28–34.

[150] *Бартенев С. П.* Московский кремль в старину и теперь. Т. 2. М., 2012 (репринт: М., 1914). С. 70.

[151] *Диль Ш.* Указ. соч. С. 25, 20.

[152] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 318.

[153] История женщин на Западе. Т. 2. С. 277.

[154] БЛДР. Т. 4. С. 280.

[155] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 318.

[156] *Диль Ш.* Указ. соч. С. 328.

[157] ААЭ. Т. 1. С. 142.

[158] *Бахтин М. М.* Автор и герой в эстетической деятельности // *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 163.

[159] ПЛДР. Конец XV – первая половина XVI в. С. 442.

Глава 5
ВИЗАНТИЙЦЫ В РОССИИ

[1] Изборник 1076 г. М., 2009. Т. 1. С. 160.

[2] Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Т. 1. С. 50.

[3] *Lopez S. R.* Op. cit. P. 473.

[4] *Кудрявцев О. Ф.* Западные известия... С. 42–50.

[5] См., напр.: ПДС. Т. 1. Стб. 16, 35 и мн. др.

[6] *Harris J.* A worthless prince... P. 539–542.

[7] Барбаро и Контарини о России... С. 219.

[8] История женщин на Западе. Т. 2. С. 259.

[9] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1819. С. 71.

[10] *Рогожин Н. М.* Посольские книги России конца XV–XVIII в. М., 1994. С. 14.

[11] *Ключевский В. О.* Лекции по истории Западной Европы в связи с историей России. М., 2012. С. 438.

[12] См.: *Горский А. А.* Приглашение Рюрика на княжение // Исторический вестник. 2012. № 1. С. 7; *Клосс Б. М.* О происхождении названия «Россия». М., 2012. С. 16, 25.

[13] *Соловьев А. В.* Византийское имя России // Византийский временник. 1957. Т. 12. С. 145, 155.

[14] *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980. С. 83.

[15] См.: *Матасова Т. А.* Известия о России Марино Санудо: новые наблюдения над текстом старого источника // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2015. № 3. С. 84.

[16] *Рескин Дж.* Камни Венеции. СПб., 2009. С. 48.

[17] *Муратов П. П.* Указ. соч. С. 11.

[18] *Згарби В.* Италия – страна чудес. М., 2011. С. 296.

[19] См.: *Harris J.* La communità greca e i suoi avamposti nell'Europa settentrionale // I Greci a Venezia: Atti del Convegno internazionale di Studio. Venezia, 5–7 novembre 1998. Estratto. Venezia, 1999. P. 185–195.

[20] *Скржинская Е. Ч.* Указ. соч. С. 155.

[21] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 219.

[22] Там же. Стб. 220.

[23] *Бродский И.* Набережная неисцелимых. М., 2008. С. 106.

[24] *Скарпа Т.* Венеция – это рыба. М., 2011. С. 234.

[25] Цит. по: *Рескин Дж.* Указ. соч. С. 23–24.

[26] *Акройд П.* Венеция: Прекрасный город. М., 2012. С. 113.

[27] *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург, 2005. С. 407.

[28] См. очень подробно: *Матасова Т. А.* Русские посланники в Венеции на рубеже XV–XVI столетий // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2013. № 2 (52). С. 64–74.

[29] *Бродский И.* Указ. соч. С. 164.

[30] *Barbieri C.* Direzione pe'viaggiatori in Italia colla notizia di tutte le poste e loro prezzi. Bologna, 1775.

[31] *Сфрандзи Г.* Указ. соч. С. 234.

[32] Барбаро и Контарини о России... С. 219.

[33] Там же. С. 230.

[34] Annali Veneti dall'anno 1457 al 1500 del senatore Domenico Malipiero, ordinate ed abbreviate dal senatore Francesco Longo // Archivio storico italiano. Vol. VII. Parte 1. Firenze, 1843. P. 106. Русский перевод отрывка см.: *Скржинская Е. Ч.* Указ. соч. С. 281.

[35] См. в первую очередь: *Barbieri G.* Op. cit.; *Ronchey S.* L'enigma... P. 368–387; и др.

[36] *Успенский Ф. И.* Брак царя Ивана Васильевича с Софьей Палеолог // Исторический вестник. 1887. № 12. С. 685.

[37] *Ключевский В. О.* Курс русской истории. М., 2002. Т. 1. С. 474.

[38] ПДС. Т. 1. Стб. 16 и др.
[39] Там же. Стб. 14 и др.
[40] Там же. Стб. 12.
[41] Там же. Стб. 18.
[42] Там же. Стб. 69–71.
[43] Там же. Стб. 71.
[44] Там же. Стб. 19.
[45] Там же. Стб. 21.
[46] ПСРЛ. Т. 26. М.; Л., 1959. С. 287.
[47] *Кучкин В. А.* Происхождение русского двуглавого орла. М., 1999. С. 21.
[48] ПДС. Т. 1. Стб. 79.
[49] Там же. Стб. 90–91.
[50] Там же. Стб. 110–114.
[51] См., напр.: *Филюшкин А. И.* Василий III. С. 222–230.
[52] *Gukowsky M.* Rinascimento italiano e la Russia // Rinascimento europeo e Rinascimento veneziano. Firenze, 1967. P. 135; *Коллинсон-Морлей Л.* История династии Сфорца. СПб., 2005. С. 205.
[53] *Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. 2. С. 462, коммент. 878 (А. Л. Хорошкевич).
[54] ПДС. Т. 1. Стб. 35, 82.
[55] *Malipiero D.* Op. cit. P. 310.
[56] *Sanuto M.* Op. cit. T. 3. Col. 61.
[57] Ibid.
[58] *Barbieri G.* Op. cit. P. 90; *Гуковский М. А.* Сообщение о России московского посла в Милан (1486 г.) // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.; Л., 1963. С. 652.
[59] Цит. по: *Коллинсон-Морлей Л.* Указ. соч. СПб., 2005. С. 160.
[60] *Макушев В.* Флорентийский государственный архив и хранящиеся в нем материалы для славянской истории. СПб., 1870. С. 5.
[61] *Barbieri G.* Op. cit. P. 52.
[62] *Земцов С. М., Глазычев В. Л.* Указ. соч. М., 1985. С. 96.
[63] *Хрептович-Бутенев К. А.* Аристотель Фиораванти, строитель Успенского собора // Старая Москва. Вып. 1–2. 1912–1914. М., 1993. С. 47.
[64] *Malaguzzi-Valeri F.* La corte di Lodovico il Moro. La vita privata e l'arte a Milano nella seconda metà del Quattrocento. Milano, 1913. P. 716 (ill.)
[65] Ibid. P. 709–749.
[66] Античная лирика... С. 498.
[67] См.: *Веселовский Н. И.* Татарское влияние на русский посольский церемониал в московский период русской истории. СПб., 1911. С. 7.
[68] *Sanuto M.* Op. cit. T. 3. Col. 89.
[69] См., напр.: Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. СПб., 1841. С. 284.
[70] *Sanuto M.* Op. cit. T. 3. Col. 89.

[71] *Ангенендт А.* Теология дара // На языке даров: Правила символической коммуникации в Европе в 1000–1700 гг.: Тезисы докладов международной научной конференции. М., 2011. С. 9.

[72] *Гуковский М. А.* Сообщение о России... С. 653.

[73] Там же. С. 654.

[74] Там же. С. 653–654.

[75] Там же. С. 653–655.

[76] *Лотман Ю. М.* Непредсказуемые механизмы культуры. Таллин, 2010. С. 41.

[77] ПДС. Т. 1. Стб. 54–55.

[78] *Огородников В.* Донесение о Московии второй половины XVI века // Чтения Общества истории древностей российских при Московском университете (далее – ЧОИДР). 1913. Кн. 2. Отд. 3. С. 19–20.

[79] *Данилова И. Е.* Россия – Италия. Сквозь века взаимного изумления // Россия – Италия. Russia – Italia. Сквозь века: от Джотто до Малевича. М., 2005. С. 16–25.

[80] *Бойцов М. А.* Каким московские послы увидели двор Максимилиана I в 1517 г., да и увидели ли они его? // От текста к реальности: (Не)возможности исторических реконструкций. М., 2012. С. 191–192.

[81] См.: *Кудрявцев О. Ф.* Двоякий образ России: Сигизмунд Герберштейн и его предшественники // От средних веков к Возрождению. Сборник в честь проф. Л. М. Брагиной. СПб., 2003. С. 186–215; *Филюшкин А. И.* Как Россия стала для Европы Азией? // Ab Imperio: Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве. 2004. № 1. С. 191–228.

[82] *Филюшкин А.И.* Титулы русских государей. М.; СПб., 2006. С. 205, 209–210.

[83] *Лаушкин А. В.* К вопросу о формировании великокняжеского титула во второй половине XV в. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1995. № 6. С. 31.

[84] *Агоштон М.* Указ. соч. С. 239.

[85] См.: *Лаушкин А. В.* К вопросу о формировании... С. 31.

[86] Там же. С. 31, 33–34.

[87] *Авдеев А. Г.* Титулатура Ивана III в латинской и русской надписях на Спасской башне Московского Кремля // Вопросы эпиграфики. М., 2006. Вып. 1. С. 35.

[88] *Борисов Н. С.* Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света. М., 2004. С. 328.

[89] *Макушев В.* Указ. соч. С. 5.

[90] *Бутурлин М. Д.* Бумаги Флорентийского Центрального архива, касающиеся до России. М., 1871. Ч. 2. С. 277, 279.

[91] Там же. С. 278.

[92] *Sanuto M.* Op. cit. T. 3. Col. 277–278.

[93] *Юрганов А. Л.* Символ Русского государства и средневековое сознание // Вопросы истории. 1997. № 8. С. 129.

[94] Там же. С. 129; *Кучкин В. А.* Указ. соч. С. 18; *Агоштон М.* Указ. соч. С. 370–375; 454–455.

[95] *Агоштон М.* Указ. соч. С. 71.

[96] *Макиавелли Н.* Указ. соч. С. 119.

[97] *Хорошкевич А. Л.* Итальянская хроника XV в. о Казани // Из истории Татарии. Сб. 5. (Ученые записки Казанского государственного педагогического института. Вып. 116.) Казань, 1973. С. 114.

[98] Там же.

[99] Там же. С. 116.

[100] Там же.

[101] *Агоштон М.* Указ. соч. С. 376.

[102] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 72.

[103] *Лихачев Н. П.* История образования российской государственной печати // Биржевые ведомости. 1915. 15 мая. № 14843. С. 5.

[104] См. в первую очередь: *Alef G.* The adoption of the Muscovite two-headed eagle: a discordant view // Speculum. 1966. Vol. 41. P. 12–13.

[105] *Кучкин В. А.* Указ. соч. С. 16.

[106] *Соболева Н. А.* Драконоборец из Ломбардии: Итальянский вклад в русскую символику // Родина. 2003. № 4. С. 42–46.

[107] *Агоштон М.* Указ. соч. С. 400, 404–405, 433.

[108] *Соловьев А. В.* Геральдические эмблемы Византии и славяне // Signum. 2009. № 4. С. 181–182.

[109] *Агоштон М.* Указ. соч. С. 412.

[110] Там же. С. 410.

[111] Там же. С. 426, 457.

[112] Там же. С. 386–387. См. также: *Millet G.* Op. cit. Pl. 47. № 6; *Малицкий Н. В.* Заметки по эпиграфике Мангупа // Известия Государственной академии истории материальной культуры. 1933. Вып. 71. Рис. 8–10. С. 26–35.

[113] *Агоштон М.* Указ. соч. С. 419–420.

[114] Там же. С. 421–422.

[115] См.: *Матасова Т. А.* Русские посланники в Венеции... С. 69.

[116] Барбаро и Контарини о России... С. 228.

[117] *Эзерин А. А.* Ювелир и зодчий // Московский журнал. 2011. № 10. С. 24–34.

[118] См.: *Ковијанић Р.* Трифун Которанин, московски златар // Гласник етнографског музеја на Цетињу. № 4. Цетиње,1964. С. 291–304.

[119] *Эзерин А. А.* Ювелир... С. 30–34.

[120] *Агоштон М.* Указ. соч. С. 423, 458.

[121] Там же. С. 457–458.

[122] См.: *Петров Д.* Об итальянских гербовых щитах на Боровицкой башне // Russica Romana. Anno XIX. 2012. P. 9–32; *Петров Д., Яковлев Д.* Белокаменные гербы на Боровицкой башне

Московского Кремля: Результаты предварительного осмотра // Российская археология. 2014. № 3. С. 153, рис. 4 д, е и 5 в.

[123] См. подробно: *Матасова Т. А.* Первая книга... С. 319.

[124] Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 181. Оп. 1. Ч. 6. № 514. Л. 25.

[125] *Матасова Т. А.* Первая книга... С. 315.

[126] *Lilla S.* Gli Excepta di Strabone fatti da Demetrio Raoul Cabakes nel codice Vat. Gr. 2238 // Scriptorium. 1979. № 33. P. 68–75.

[127] О переводчиках см. подробно: *Матасова Т. А.* Первая книга... С. 320–324.

[128] GStAPK. XX. Hauptabteilung, OBA. № 16579.

[129] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Ч. 6. № 514. Лл. 10 об. – 40 об.; ОР ГИМ. Чуд., № 347. Лл. 1 об. – 16; НИОР РГБ. Ф. 98. № 843. Лл. 265–282 об.; Ф. 37. № 16. Лл. 371–379 об.; Российская Национальная библиотека (далее – РНБ). Сол. № 922/1032. Лл. 1–12.

[130] НИОР РГБ. Ф. 98. № 843. Л. 82 об.

[131] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Ч. 6. № 514. Л. 26 об.

[132] Там же. Лл. 33, 34, 34 об.

[133] См. подробно: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 16. М., 1990. С. 124; Вып. 6. М., 1979. С. 62 (статья «Зрак»).

[134] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Ч. 6. № 514. Л. 22 об.; ОР ГИМ. Чуд., № 347. Л. 7; НИОР РГБ. Ф. 98. № 843. Л. 272 об.; Ф. 37. № 16. Л. 374 об.

[135] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Ч. 6. № 514. Там же. Л. 34 об.

[136] Там же. Л. 37 об.

[137] Там же. Л. 27.

[138] Там же. Л. 27 об.

[139] Там же. Лл. 24 об. – 25 об.

[140] Послание Максиму Греку... С. 504.

[141] РГАДА. Ф. 181. Оп.1. Ч. 6. № 514. Л. 17 об.

[142] *Матасова Т. А.* Первая книга... С. 336–337.

[143] ПСРЛ. Т. 22. М., 2005. С. 203.

[144] *Боднарчук Е. В.* Новгородский книжник Дмитрий Герасимов и культурные связи Московской Руси с Западной Европой последней четверти XV – первой трети XVI в. Дисс. ... канд. наук. СПб., 2014. С. 58 и др.

[145] *Зяблицына Н. А.* Языковые особенности церковнославянского перевода трактата «Учителя Самуила обличение» (1504). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2013.

[146] *Ромодановская В.А.* Сочинения Лактанция в переводе русских книжников рубежа XV–XVI вв. // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 54. С. 407–433; см. также не учтенные публикатором списки: НИОР РГБ. Егор. № 843. Лл. 226 об. – 238; Больш. № 16. Лл. 382–387.

[147] «Rationale Divinorum officiorum» Wilgelmi Durandi в русском переводе конца XV в. / Изд. подг. А. А. Романовой, В. А. Ромодановской; отв. ред. И. П. Медведев. М.; СПб., 2012.

[148] *Фонкич Б. Л.* Греческие рукописи и документы в России. М., 2003. С. 44.

[149] *Флоря Б. Н.* Греки-эмигранты... С. 135.

[150] *Лурье Я. С.* Русские современники Возрождения. Л., 1988. С. 42–43, 47, 68, 76 и др.

[151] *Плигузов А. И., Тихонюк И. А.* Послание Дмитрия Траханиота Новгородскому архиепископу Геннадию Гонзову о седмеричности счисления лет // Естественнонаучные представления Древней Руси. М., 1988. С. 51–75.

[152] Русская историческая библиотека. СПб., 1880. Т. 6. Стб. 779.

[153] *Мещерский Н. А.* К изучению ранней московской письменности // Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969. С. 95.

[154] ЧОИДР. 1902. Кн. 3. Отд. 2. С. 123.

[155] *Седельников А. Д.* Рассказ 1490 г. об инквизиции // Труды комиссии по древнерусской литературе АН СССР. Л., 1932. Т. 1. С. 49–50.

[156] *Фонкич Б. Л.* Греческие рукописи... С. 38.

[157] Цит. по: НИОР РГБ. Ф. 178 (Муз.). № 8188. Л. 848 об.

[158] См., напр.: *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв.: Библиографические материалы. СПб., 1903. С. 199–200; *Флоря Б. Н.* Греки-эмигранты... С. 135–136; *Плюханова М. Б.* «Послание на Угру»... С. 470, прим. 64.

[159] ЧОИДР. 1902. Кн. 3. Отд. 2. С. 2.

[160] Сердечно благодарю за любезные консультации сооснователя «Учемского музея истории Кассиановой пустыни и судьбы русской деревни» Елену Наумову.

[161] *Карпов С. П.* История Трапезундской империи... С. 416.

[162] *Фадеева Т. М., Шапошников А. К.* Княжество Феодоро и его князья. Симферополь, 2005. С. 37.

[163] *Каган М. Д.* Житие Кассиана Угличского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3. XVII век. Ч. 1. А–З. С. 361–366.

[164] См.: *Голейзовский Н. К.* Начало деятельности Кассиана Учемского по письменным источникам // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2002. 34 (10). С. 26.

[165] Жития Игнатия Вологодского, Игнатия Ломского, Герасима Вологодского и Кассиана Учемского. СПб., 2008. С. 123.

[166] *Руди Т.Р.* Пустынножители Древней Руси (из истории агиографической топики) // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. Вып. 2 / Под ред. Т. Р. Руди и С. А. Семячко. СПб., 2011. С. 530.

[167] БЛДР. Т. 7. С. 150; Жития Павла Обнорского и Сергия Нуромского / Ред. С. А. Гердта. СПб., 2005. С. 81; *Минеева С.В.* Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких (XVI–XVIII вв.) М., 2001. Т. 2. Тексты. С. 10.

[168] *Концевич И.М.* Указ. соч. С. 167.

[169] См.: *Струков Д.* Благоверный Кассиан Угличский, князь Мангупский, в иночестве Кассиан. СПб., 1874; *Каган М. Д.* Указ. соч. С. 363.

[170] НИОР РГБ. Ф. 299. № 234. Л. 117.

[171] Там же. Лл. 114 об., 115, 147 об. и др.

[172] *Абрамсон Л.* Алессандра Строцци и ее семья (Флоренция, XV век) // Человек в мире чувств / Ред. Ю. Л. Бессмертный. М., 2000. С. 66.

[173] *Маясова Н. А.* Древнерусское лицевое шитье. С. 28.

Глава 6
ВРЕМЯ СОБОРОВ

[1] *Дюби Ж.* Время соборов. М., 2002. С. 120.

[2] *Хейзинга Й.* Указ. соч. С. 23.

[3] Жития Игнатия Вологодского, Игнатия Ломского, Герасима Вологодского и Кассиана Учемского. С. 119.

[4] См., напр.: *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. 3. М., 1989. С. 173.

[5] См., напр.: *Тихомиров Н. Я., Иванов В. Н.* Московский Кремль. История архитектуры. М., 1967. С. 34.

[6] См.: *Матасова Т. А.* Складывание итальянского направления политики московских князей в XV в. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2010. № 1. С. 42–50.

[7] *Ключевский В. О.* Курс русской истории... С. 473.

[8] *Флоровский Г. В.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 58.

[9] *Sanuto M.* Vol. 3. Col. 822.

[10] ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 273.

[11] Сборник Императорского Русского исторического общества (далее – СИРИО). Т. 35. № 7. С. 31.

[12] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 341.

[13] ПСРЛ. Т. 26. С. 279.

[14] *Подъяпольский С. С.* Итальянские строительные мастера в России в конце XV – начале XVI в. // *Подъяпольский С. С.* Историко-архитектурные исследования. Статьи и материалы. М., 2006. С. 310.

[15] ПСРЛ. Т. 18. С. 273.

[16] Там же. С. 276.

[17] ПСРЛ. Т. 23. СПб., 1910. С. 177.

[18] СИРИО. Т. 41. № 97. С. 515.

[19] *Микеланджело Буонарроти.* Стихотворения. Письма. СПб., 1999. С. 122.

[20] *Подъяпольский С. С.* К вопросу о своеобразии архитектуры московского Успенского собора // Успенский собор Московского кремля: Материалы и исследования. М., 1985. С. 46.

[21] *Malaguzzi-Valeri F.* L'Architettura a Bologna nel Rinascimento. Rocca S. Casciano, 1899. P. 37–38.

[22] Ibid. P. 29.
[23] *Земцов С. М., Глазычев В. Л.* Указ. соч. С. 41–42.
[24] *Подъяпольский С. С.* К вопросу о своеобразии... С. 45.
[25] *Beltrami L.* Aristotele da Bologna al servizio del duca di Milano, 1458–1464. Milano, 1888. P. 27.
[26] См.: *Malaguzzi-Valeri F.* L'Architettura... P. 41–42.
[27] *Борисов Н. С.* Иван III. С. 318.
[28] ПСРЛ. Т. 20. СПб., 1914. С. 301.
[29] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 220.
[30] *Забелин И. Е.* История города Москвы. М., 1995. С. 121.
[31] *Sanuto M.* Op. cit. Vol. 3. Col. 89.
[32] *Земцов С. М., Глазычев В. Л.* Указ. соч. С. 80.
[33] *Хрептович-Бутенев К. А.* Аристотель Фиораванти... С. 45.
[34] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 219.
[35] *Хорошкевич А. Л.* Данные русских летописей об Аристотеле Фиорванти // Вопросы истории. 1979. № 2. С. 202.
[36] *Головин В. П.* Мир художника раннего итальянского Возрождения. М., 2003. С. 116–117.
[37] ПСРЛ. Т. 25. С. 303.
[38] Там же. С. 323–324.
[39] *Подъяпольский С. С.* Итальянские строительные мастера... С. 310.
[40] Там же. С. 310.
[41] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 218.
[42] *Подъяпольский С. С.* К вопросу о своеобразии... С. 46.
[43] Барбаро и Контарини о России... С. 227.
[44] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 221.
[45] Там же. Стб. 220–221.
[46] Летописец Еллинский и Римский. Т. 1: Текст. СПб., 1999. С. 224–248.
[47] Там же. С. 245.
[48] Там же. С. 234.
[49] *Бицилли М. П.* Место Ренессанса в истории культуры. СПб., 1996. С. 39.
[50] *Толстая Т. В.* Успенский собор. М., 2009. С. 20.
[51] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 221.
[52] Там же.
[53] ПСРЛ. Т. 25. С. 323.
[54] См.: *Подъяпольский С. С.* К вопросу о своеобразии... С. 40–44, 51.
[55] См., напр.: *Данилова И.* Россия – Италия... С. 16–25.
[56] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 286.
[57] См. подробно: *Святославский А. В.* «Кресту Твоему поклоняемся...»: История, символика и формы православного креста. М., 2007.
[58] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 286.
[59] См., напр.: Bologna... P. 53.
[60] *Земцов С. М., Глазычев В. Л.* Указ. соч. С. 136.

[61] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 316.

[62] *Выголов В. П.* Никольский собор Антониева Краснохолмского монастыря (последняя четверть XV века) // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М., 1991. С. 24.

[63] Там же. С. 21.

[64] *Ковалев И. А., Пуришев И. Б.* Углич. Ярославль, 1965. С. 78.

[65] *Голейзовский Н. К.* Дионисий и князь Андрей Угличский // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2005. № 4 (22). С. 109, 114 и др.

[66] Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Подг. текста Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыков. М., 1993. С. 26.

[67] *Burke P.* Culture and society in Renaissance Italy. 1420–1540. London, 1972. P. 79–80.

[68] Цит. по: The Renaissance in Europe: Courts, patrons and poets / Ed. D. Mateer. New-Haven, 2000. P. 125.

[69] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 318.

[70] *Пчелов Е. В.* Рюриковичи: История династии. М., 2001. С. 397.

[71] СИРИО. СПб., 1882. Т. 35. С. 211.

[72] Там же. С. 212.

[73] *Борисов Н. С.* Иван III. С. 560.

[74] *Забелин И. Е.* История... С. 119.

[75] *Бартенев С. П.* Московский кремль в старину и теперь. Т. 1. М., 2011 (репринт: М., 1912). С. 32.

[76] Там же. С. 32.

[77] См., напр.: *Ульянов О. Г.* Кто автор программы реконструкции резиденции Московского государя в конце века: русский правитель или итальянский зодчий? // www.historia.ru/2005/02/ulyanov.html

[78] См. подробно: *Лазарев В. Н.* Византийское и древнерусское искусство. М., 1978. С. 284, прим. 188.

[79] СИРИО. Т. 41. СПб., 1884. № 11. С. 42.

[80] Там же. С. 43.

[81] *Спасский И. Г.* Указ. соч. С. 124.

[82] *Авдеев А. Г.* Указ. соч. С. 26.

[83] *Лазарев В. Н.* Указ. соч. С. 286–287.

[84] *Панова Т. Д.* Кремлевские усыпальницы... С. 137.

[85] *Бартенев С. П.* Московский кремль в старину и теперь. Т. 1. С. 31.

[86] *Забелин И. Е.* Указ. соч. С. 148.

[87] Storia di Milano. Vol. 7. L'età Sforcesca: Dal 1450 al 1500. Milano, 1956. P. 618.

[88] *Флоря Б. Н.* Русские посольства в Италию и начало строительства Московского Кремля // Государственные музеи Московского Кремля: Материалы и исследования. М., 1980. Вып. 3. С. 13.

[89] *Борисов Н. С.* Иван III. С. 559.

[90] Liv-, est-, und kurländisches Urkundenbuch. Abt. 2. Bd.1. № 2. P. 2. Сердечно благодарю С. В. Полехова за перевод этой грамоты, который он осуществил для меня.

[91] См., напр.: *Головин В. П.* Италия в восприятии русских путешественников второй половины XVII в. // Итальянский сборник: Quaderni italiani / Ред. В. Д. Дажиной. М., 1999. Вып. 1. С. 105.

[92] *Гращенков А. В.* Архитектурные детали и фрагменты сооружений XIV – начала XX в. Каталог собрания Музеев Московского Кремля. М., 2010. С. 124.

[93] *Забелин И. Е.* Указ. соч. С. 150.

[94] ПСРЛ. Т. 12. СПб., 1901. С. 236.

[95] *Ульянов О.* Кто автор программы реконструкции резиденции Московского государя...

[96] ПСРЛ. Т. 12. С. 237.

[97] *Бартенев С. П.* Московский кремль в старину и теперь. Т. 2. С. 79.

[98] *Михалон Литвин.* О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994. С. 79.

[99] *Лотман Ю. М.* О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Ученые записки Тартуского университета. Вып. 181. Труды по знаковым системам. Тарту, 1965. С. 210–216.

[100] Барбаро и Контарини о России... С. 228.

[101] См., напр.: ПСРЛ. Т. 25. С. 300.

[102] *Мещерский Н.* А. Указ. соч. С. 94.

[103] *Kulakowski S.* Legenda o obrazie Matki Boskiej Rzimskiej w literaturze staroruskiej // Prace Towarzystwa Naukowego Warszawskiego. Wydzial 1. Warzawa, 1926. P. 13.

[104] Ibid. P. 61.

[105] Ibid. P. 64.

[106] *Плюханова М. Б.* Новый Иерусалим в «Италийской пустыни»: Сказания о перенесении дома Богородицы в Лорето // Новые Иерусалимы: Иеротопия и иконография. М., 2009. С. 438.

[107] *Матасова Т. А.* Об образе Рима в Московской Руси: «Сказание о Богоматери Римской» в контексте итало-русских связей середины XV – первой трети XVI столетия // Современные проблемы изучения истории Церкви. М., 2011. С.147.

[108] ПЛДР. Конец XV – первая половина XVI в. С. 452.

[109] *Синицына Н. В.* Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции. М., 1998. С. 13.

[110] *Жаворонков П. И., Кущ Т. В., Крысов А. Г.* Виссарион // Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 8. С. 544.

Глава 7
ИНТРИГИ И ОБМАНЫ

[1] *Назаров В. Д.* Палеолог Софья... С. 126.

[2] *Хлебникова Н. А.* Малоизвестные произведения мастерской Софьи Палеолог // Памятники культуры. Новые открытия: 1976 г. М., 1977. С. 200.

[3] *Круглова А.* Золотошвейное рукоделие великокняжеских и царских мастерских XV–XVI вв. СПб., 2011. С. 124–125.

[4] *Боккаччо Дж.* Декамерон. М., 1970. С. 45.

[5] История женщин на Западе / Ред. Ж. Дюби и М. Перро. СПб., 2008. Т. 3. Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения. С. 10–15.

[6] Цит. по: История женщин на Западе. Т. 3. С. 183.

[7] Барбаро и Контарини... С. 229.

[8] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 307.

[9] *Горский А. А.* Москва... С. 174–175.

[10] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 327.

[11] Там же.

[12] Там же.

[13] *Маясова Н. А.* К вопросу о южнославянских связях в русском лицевом шитье XV–XVI вв. // Проблемы русской средневековой художественной культуры. М., 1990. С. 87.

[14] *Фадеева Т. М., Шапошников А. К.* Указ. соч. С. 49–50.

[15] *Хорошкевич А. Л.* Русское государство... С. 90–91.

[16] СИРИО. СПб., 1882. Т. 35. С. 161.

[17] Встречающиеся в научной литературе утверждения о том, что Софья была одним из инициаторов брака Елены и Александра, не находят подтверждения в источниках. См. ниже.

[18] СИРИО. Т. 35. С. 143.

[19] *Хорошкевич А. Л.* Из истории дворцового делопроизводства конца XV в.: Опись приданого великой княжны Елены Ивановны 1495 г. (Публикация источника) // Советские архивы. 1984. № 5. С. 33.

[20] Там же.

[21] Там же.

[22] СИРИО. Т. 35. С. 163.

[23] Там же. С. 240.

[24] Там же. С. 239.

[25] Там же. С. 279.

[26] Там же. С. 372, 374 и др.

[27] Там же. С. 275, 276.

[28] Там же. С. 375.

[29] *Хорошкевич А. Л.* Елена Ивановна // Большая Российская энциклопедия. М., 2007. Т. 9. С. 646.

[30] СИРИО. Т. 35. С. 236, 239, 244, 245, 292 и мн. др.

[31] БЛДР. Т. 7. С. 268.

[32] Там же. С. 276.

[33] СИРИО. Т. 35. С. 241.

[34] Там же. С. 375.

[35] Там же. С. 375–376.

[36] Там же. С. 411–412.

[37] Там же. С. 415.

[38] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 352.

[39] *Алексеев Ю. Г.* Государь всея Руси. Новосибирск, 1991. С. 199.

[40] См.: *Филюшкин А. И.* Василий III. С. 31.

[41] ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853. Приложение. С. 279.

[42] БЛДР. Т. 12. С. 484.

[43] БЛДР. Т. 11. С. 456.

[44] La Storia dell'Arte. Milano, 2006. Vol. 6. Il Quattrocento. P. 694.

[45] *Коллинсон-Морлей Л.* Указ. соч. С. 209.

[46] *Бицилли П. М.* Там же. С. 45.

[47] Цит. по: Там же.

[48] *Коллинсон-Морлей Л.* Указ. соч. С. 293.

[49] *Буркхардт Я.* Культура Италии в эпоху Возрождения. М., 1996. С. 47.

[50] *Лотман Ю. М.* Непредсказуемые механизмы культуры. Таллин, 2010. С. 123.

[51] *Щепкина М. В.* Изображение русских исторических лиц в шитье XV в. М., 1954. С. 18; *Маясова Н. А.* Древнерусское лицевое шитье. С. 28.

[52] *Евсеева Л. М.* Шитая пелена 1498 г. и Чин венчания на царство // Древнерусское искусство: Византия и Древняя Русь: К 100-летию А. Н. Грабара. СПб., 1999. С. 433–436.

[53] *Преображенский А. С.* Иконография «пелены Елены Волошанки» и проблема портретной традиции в московском искусстве рубежа XV–XVI вв. // Искусствознание. 2003. Вып. 2. С. 201–228.

[54] *Грабар А. Н.* Заметка о методе оживления традиций иконописи в русской живописи XV–XVI вв. // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 289–294; *Лидов А. М.* Пространственные иконы: Чудотворное действо с Одигитрией Константинопольской // Иеротопия: Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. М., 2006. С. 325–348.

[55] *Щенникова Л. А.* Царьградская святыня «Богоматерь Одигитрия» и ее почитание в Московской Руси // Древнерусское искусство: Византия и Древняя Русь... С. 330.

[56] *Агоштон М.* Указ. соч. С. 410.

[57] См., напр.: *Морозова Л. Е.* Знаменитые женщины... С. 93.

[58] *Евсеева Л. М.* Указ. соч. С. 432.

[59] *Лидов А. М.* Указ. соч. С. 342.

[60] Там же. С. 346.

[61] *Бойцов М. А.* Величие и смирение: Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009. С. 190–192.

[62] Там же. С. 197.

[63] *Хорошкевич А. Л.* Россия... С. 108.

[64] *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии... С. 292.

[65] См.: *Зимин А. А.* События 1499 г. и борьба политических группировок при дворе Ивана III // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 103.

[66] ПСРЛ. Т. 26. С. 295.

[67] ПСРЛ. М., 1994. Т. 39. С. 175.

[68] *Sanuto M.* Op. cit. Venezia, 1879. T.2. Col. 731.

[69] Ibid. Col. 1110.

[70] *Sanuto M.* Op. cit. T. 3. Col. 18.

[71] *Malipiero D.* Op cit. P. 717. *Sanuto M.* Op. cit. T. 2. Col. 723, 731 и др.

[72] См.: *Матасова Т. А.* Русские посланники в Венеции... С. 65–67. Высказанная мной в этой статье гипотеза о том, для чего Ивану III потребовалось «collare», сегодня не представляется мне убедительной.

[73] *Sanuto M.* Op. cit. T. 3. Col. 89.

[74] Ibid.

[75] *Ле Гофф Ж.* Средневековье и деньги. СПб., 2010. С. 161, 164.

[76] *Хлебникова Н. А.* Указ. соч. С. 202.

[77] Цит. по: *Щепкина М. В.* Указ. соч. С. 9.

[78] Там же. С. 10–11.

[79] Там же. С. 11–12.

[80] *Овчинникова Е. С.* Московский вариант Богоматери Боголюбской // Древнерусское искусство: Зарубежные связи. М., 1975. С. 349–352.

[81] *Назаров В. Д.* Палеолог Софья... С. 127.

[82] *Панова Т. Д.* Кремлевские усыпальницы... С. 141.

[83] *Герберштейн С.* Указ. соч. Т. 1. С. 71.

[84] Там же.

[85] *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. Восточный вопрос. М., 1997. С. 658.

[86] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 369; Т. 26. С. 296; Т. 28. С. 336. Некоторые сравнительно поздние летописные своды называют 7 апреля (ПСРЛ. Т. 12. С. 257; Т. 8. С. 243), но первая дата вызывает больше доверия.

[87] См. об этом подробно: *Панова Т. Д.* Кремлевские усыпальницы... С. 118, 140.

[88] Там же. С. 118.

[89] Там же. С. 141; 209–211.

[90] См.: *Зимин А. А., Хорошкевич А. Л.* Россия времен Ивана Грозного. М., 1982. С. 149–150.

[91] *Флоря Б. Н.* Греки-эмигранты... С. 131.

[92] «Научи меня, Боже, любить...»: Антология русской молитвенной поэзии. СПб., 2009. С. 258.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

[1] Изборник 1076 г. С. 192.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ СОФЬИ ПАЛЕОЛОГ

Рубеж 1440–1450-х годов – рождение в семье Фомы Палеолога и его жены Екатерины дочери Софьи (Зои).

1453, 17 января – рождение Андрея, брата Софьи.

29 мая – захват Константинополя турками.

1455, 2 января – рождение Мануила, брата Софьи.

1459, июнь – 1460, январь – церковный собор в Мантуе, на котором были высказаны призывы организовать масштабный крестовый поход против турок.

1460 – захват турками Пелопоннеса (Мореи), бегство Фомы Палеолога с семьей на остров Корфу (Керкиру).

Ноябрь – отъезд Фомы Палеолога в Рим.

1462, 26 августа – смерть матери Софьи, Екатерины, на Корфу.

Прибытие Фомы Палеолога в Рим.

1465, 12 мая – смерть Фомы Палеолога в Риме.

Май – прибытие Софьи и ее братьев Андрея и Мануила в Анкону.

Лето – пребывание Софьи и ее братьев в Чиньоли.

Осень – прибытие Софьи и ее братьев в Рим.

1466, май – обручение (венчание?) Софьи со знатным человеком из рода Караччоло, который вскоре умер.

1469, 11 февраля – прибытие в Москву посольства от папы Павла II и кардинала Виссариона с целью склонить Ивана III к женитьбе на Софье.

20 марта – отправка в Рим московского посольства во главе с Иваном Фрязиным от Ивана III. Цель посольства – посмотреть на невесту и разузнать детали, связанные с браком.

1470, осень – возвращение посольства Ивана Фрязина в Москву. Из Рима он привез «икону», то есть картину, на которой была изображена Софья.

1471, лето – отправка из Рима второго посольства в Москву с целью склонить Ивана III к женитьбе на Софье.

10 сентября – прибытие посольства в Москву.

1472, 16 января – отправка из Москвы посольства в Рим за Софьей.

25 мая – аудиенция у папы Сикста IV прибывшего в Рим ответного московского посольства во главе с Иваном Фрязиным.

1 июня – заочное обручение Софьи с Иваном III в Ватикане, в старой базилике Святого Петра.

24 июня – отъезд Софьи с большой свитой из Рима на Русь.

11 октября – прибытие Софьи со свитой во Псков.

Начало ноября – торжественная встреча Софьи и ее спутников в Москве.

12 ноября – венчание Софьи с Иваном III в Кремле, во временной церкви на месте Успенского собора.

18 ноября – смерть в Равенне кардинала Виссариона – главного покровителя Софьи и ее братьев.

1474, 18 апреля – рождение дочери Елены.
1475, 28 мая – рождение дочери Феодосии.
1476, 19 апреля – рождение дочери Елены.
1479, 25 марта – рождение сына Василия, будущего Василия III.
1480, 23 марта – рождение сына Юрия.
Осень – бегство Софьи с детьми от ордынской рати на Белоозеро.
1481, зима – возвращение Софьи «из бегов» в Москву.
6 октября – рождение сына Дмитрия.
1483, февраль – рождение дочери Евдокии.
Около 1483 – бракосочетание племянницы Софьи, Марии Андреевны, с князем Василием Верейским.
1484, 8 апреля – рождение дочери Елены.
1485, 13 февраля – рождение сына Ивана.
1487, 21 марта – рождение сына Семиона.
1488 или 1489 – рождение сына Бориса.
1490, зима – приезд в Москву Андрея Палеолога.
5 августа – рождение сына Андрея.
1494, 6 февраля – заочное обручение в Москве дочери Софьи и Ивана III, княжны Елены, с великим князем Литовским Александром.
1495, 13 января – проводы княжны Елены Ивановны в Литву.
1497, декабрь – опала на Софью и Василия.
1498, 4 февраля – венчание на царство Дмитрия-внука.
1499, январь – прекращение опалы на Софью, возвращение ее ко двору.
21 марта – провозглашение Василия III великим князем Новгорода и Пскова.
1502, 11 апреля – опала на Елену Волошанку и Дмитрия-внука.
1503, 17 апреля – смерть Софьи Палеолог.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

Глава 1. Гибель Империи 11
Глава 2. Все дороги ведут в Рим 44
Глава 3. Замуж за схизматика 76
Глава 4. Объятия Москвы 107
Глава 5. Византийцы в России 153
Глава 6. Время соборов 199
Глава 7. Интриги и обманы 235

Заключение 266
Примечания 269
Основные даты жизни Софьи Палеолог 299

Матасова Т. А.

М 33 Софья Палеолог / Татьяна Матасова. — М.: Молодая гвардия, 2016. — 301[3] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1591).

ISBN 978-5-235-03892-9

Вторая жена великого князя Московского Ивана III Васильевича гречанка Софья Палеолог (ум. 1503) принадлежит к числу наиболее ярких женщин в истории средневековой Руси. Ее образ окутан легендами и домыслами. Чего только не приписывали ее влиянию при московском дворе! Это будто бы она заставила своего супруга покончить с унизительной зависимостью от Орды, ввести утонченные греческие и европейские обычаи, пригласить в Москву лучших европейских мастеров для перестройки Кремля! И это будто бы она отравила наследника престола – князя Ивана Молодого, сына Ивана III от первого брака! Но действительность, как это всегда бывает, сильно отличается от легенд. Скорее, следует обратить внимание на другое. Биография Софьи принадлежит истории сразу трех разных миров – русского, греческого и итальянского (ибо именно в Риме нашла прибежище семья морейского деспота Фомы Палеолога и именно в Риме родился проект брачного союза «деспины» с московским великим князем). И ее брак с Иваном III важен прежде всего тем, что он способствовал упрочению связей Русского государства с Европой.

О причудливых поворотах в биографии Софьи Палеолог, об окружении «деспины» и роли прибывших с ней греков в истории Московского государства второй половины XV века и рассказывается в этой книге. Автор опирается на широкий круг источников, в том числе ранее не известных.

УДК 94(47)(092)"14"
ББК 63.3(2)43

знак информационной продукции **16+**

Матасова Татьяна Александровна
СОФЬЯ ПАЛЕОЛОГ

Редактор **А. Ю. Карпов**
Художественный редактор **А. В. Наумов**
Технический редактор **М. П. Качурина**
Корректор **Т. И. Маляренко**

Сдано в набор 18.01.2016. Подписано в печать 11.03.2016. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 15,96+1,68 вкл. Тираж 3000 экз. Заказ № 1604990.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва, Сущевская ул., 21. Internet: http://gvardiya.ru. E-mail: dsel@gvardiya.ru

arvato BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ООО «Ярославский полиграфический комбинат» 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-235-03892-9

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН

издательства

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Заказанные книги

можно получить по адресу:

г. Москва, ул. Сущевская, д.21, подъезд 1

или воспользоваться курьерской

и почтовой службой доставки

Наши книги
доступны всем регионам России!

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ

Склад
издательства «Молодая гвардия»
находится в центре Москвы
по адресу:
Сущевская ул., д. 21
ст. м. «Новослободская», «Менделеевская»

В отделе реализации действует гибкая система скидок

Доставка книг по территории Москвы и Московской области БЕСПЛАТНО

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛА РЕАЛИЗАЦИИ
8(495) 787-64-20
8(495) 787-62-92
ТЕЛЕФОНЫ СКЛАДА
8(495) 787-65-39 8(495) 787-63-64